

Курт Ф.Флекснер

*Просвещенное
общество*

ЭКОНОМИКА

С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

ЛИЦОМ

МОСКВА
"МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"
1994

The Enlightened Society

*The Economy with a
Human Face*

by
Kurt F. Flexner
Memphis State University

Lexington Books

D.C. Heath and Company/Lexington, Massachusetts/Toronto

ББК 65.5

Ф71

Перевод с английского языка и редактирование осуществили научные сотрудники Института США и Канады Российской академии наук: И. Л. Абалкина, канд. экон. наук; Л. Б. Берзин, канд. ист. наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации; Т. В. Дедова; Т. Д. Жданова, канд. ист. наук; В. И. Зволинский; А. Б. Парканский, д-р экон. наук; М. А. Портной, д-р экон. наук; С. Е. Пузанов, канд. ист. наук; В. Б. Супян, д-р экон. наук; О. В. Теремов, канд. ист. наук; А. В. Туткевич, канд. техн. наук; Н. А. Хоменко, канд. ист. наук; Т. А. Шаклеина, канд. ист. наук.

Ответственный за подготовку к русскому изданию — Л. Б. Берзин.

0604000000-001

Ф **КБ-3-1994**

003(01)-94

ББК 65.5

**ISBN 5-7133-0717-4 (Российская
Федерация)**

ISBN 0-669-19930-3 (США)

© 1989 by Lexington Books
© Перевод на русский язык, 1994
© Подготовка к изданию и оформление
изд-ва «Международные отношения»,
1994

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию (Г. А. Арбатов)	9
Предисловие к американскому изданию (Л. Р. Клайн)	16
Введение	19

Часть I

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

1. В поисках мирного сосуществования	21
На перекрестке	21
Критические проблемы	24
Экономическая основа более просвещенного и гуманистического общества	28
2. Капитализм — идеал и реальность	31
Экономисты-классики — создатели идеала	31
Борьба за свободу рынка	42
Монополисты — творцы действительности	46
3. Упадок и крушение капитализма свободной конкуренции	52
Капитализм свободной конкуренции порождает проблемы и вызывает критику	52
Конец золотого стандарта	56
Великая депрессия 1930-х годов и подъем экономического национализма	60
Кейнсианская революция — конец свободной конкуренции	65
4. Царство корпоративного капитализма	71
Промышленная революция не уместилась в здании, которое построил Адам Смит	71
Становление глобальной корпорации — фирма выходит за рамки страны	77
Уходит со сцены героическая эпоха капитализма. Входит — эпоха корпораций	80
Меняющийся характер классовой борьбы	84
5. Бедность — результат разбазаривания общественного богатства	87
Инфляция — триумф безрассудства и конфликта	87
Безработица — отношение к людям как к обезличенным ресурсам	92

Неполная занятость: бедность как следствие неэффективного производства	97
Экономика предложения — еще одно чудодейственное лекарство?	100

Часть II.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЯДЕРНО-КОСМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ 103

6. Производство и производительность труда в восприятии человека	103
Анатомия конфликта. Игнорируемый фактор в анализе производства и производительности труда	103
Политическая власть корпорации	106
Теория производства, основанная на экономических, политических и социальных целях	109
Роль компромисса в процессе производства и его влияние на производительность труда	117
7. Распределение богатства и доходов	120
Источники и распределение богатства	120
Источники и распределение доходов	125
Заработная плата на регулируемых и нерегулируемых рынках	128
Роль прибыли и ссудного процента	133
8. Роль потребления в удовлетворении потребностей человека и в решении экологических проблем	138
Потребление — путь к реализации внутренних возможностей человека	138
Миф о превосходстве потребления	142
Основные потребности и социальная ответственность	145
Выживание и качество жизни как основа потребления	149

Часть III.

ПЕРЕХОД К БОЛЕЕ ГУМАННОЙ ЭКОНОМИКЕ 153

9. Непрерывный процесс эволюции как цепь возникающих проблем и действий по их разрешению	153
Естественный баланс между личностью и обществом	153
Анатомия возникновения проблемы и ее разрешения	157
Природа и разум — два источника прогресса человечества	161
Способность к приспособлению — важнейший вопрос для человечества и окружающей среды	165
10. Свобода, власть и мотивация	167
Роль и границы свободы	167
Роль и границы власти	173
Анатомия отчуждения и его влияние на мотивацию	178
Участие как источник мотивации в гуманном обществе	182
11. Проблемы адаптации в более гуманном обществе	187
Человеческие ценности и социальные ориентиры	187
Роль рынка	191
Роль предвидения и планирования	196
Рынок и планирование в посттехнократическом обществе	200
12. Динамичная экономика	202
Время и относительность в динамичной экономике	202
Время и структурные изменения как часть экономической теории	205
Значение баланса в экономическом мире времени и структурных перемен	208
Баланс как реалистичная альтернатива равновесию	211

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В БОЛЕЕ РАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	219
13. Человечество как главный объект экономических целей и политики	219
Убеждения и ценностные суждения	219
Реалистическое использование индивидуальных и общественных прав .	225
Три уровня участия в экономике	230
Рациональное участие как необходимое условие более гуманного общества	236
14. Социальные цели и рыночная экономика в просвещенном обществе	240
Пересмотр экономической теории в контексте целей и потребностей человека	240
Социальные цели и жизненная необходимость разработки комплексных планов и программ	243
Преимущество предвидения проблем и планирование мер по их предотвращению в рыночной экономике	248
Роль информации в демократическом обществе	253
15. Прагматичный подход к более гуманной экономике	257
Рациональный подход к целям и средствам их достижения	257
Рациональный подход к рыночной экономике	261
Рациональный подход к свободе, силе и власти	267
Человечность как основа деятельности общества, по улучшению условий жизни людей	271
Вышедший Советский Союз в поисках эффективной гуманной экономики (вместо заключения)	279
Вступительные замечания	279
Переход от централизованной планируемой экономики к рыночной экономике	281
Уроки, которые необходимо извлечь из эволюции капитализма	284
Исходные условия для эффективной рыночной экономики	287
Необходимость нового периода реформ в России	288
Какую экономическую модель должна выбрать Россия?	291
Подводя итоги	297
Примечания	298

В ПОИСКАХ ГУМАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Книга Курта Флекснера не предназначалась читателям какой-то определенной страны. Но мне кажется, дело сложилось так, что сейчас она очень актуальна именно для нас. Выход в свет ее русского перевода — это, несомненно, событие в нашей сегодняшней экономической (и шире — общественно-политической) литературе. На фоне и под воздействием многочисленных конфликтов и трудностей нынешней нашей жизни ожесточаются люди, ужесточается их мышление. Радикальными (будь то правыми, будь то левыми) становятся как предлагаемые, так подчас, к сожалению, и реализуемые экономические концепции. Образовалась и увеличивается брешь, на месте которой должны — обязательно должны — быть сбалансированные хозяйственные и политические решения, учитывающие всю многосложность экономической и социально-политической ситуации, в которой оказалась страна.

В этом плане книга Флекснера представляет несомненный интерес. В ней вдумчивый читатель найдет убедительный призыв повернуться лицом к глобальной, общечеловеческой задаче построения воистину гуманной экономики, где критерием выработки хозяйственной политики служит соответствие ее не каким-то догмам, жестким теоретическим схемам, а интересам обеспечения, если можно так сказать, «безопасности прогресса» человечества, то есть защите от радикально-односторонних, а значит тупиковых, попользований, от кого бы они ни исходили.

К превеликому сожалению, в восприятии очень многих гуманист — человек хотя, в общем-то, и неплохой, но наивный, оторванный от жизни с ее суровой действительностью (не хочу даже упоминать о тех, для кого гуманист — слово вообще ругательное). В мировосприятии Курта Флекснера гуманизм — это безусловная доми-

нанта, это призма, сквозь которую он рассматривает все экономические и общественно-политические реалии, все тенденции современного этапа в развитии человечества. При этом гуманизм Флекснера не абстрактен, не схематичен и не слащав кабинетно-благодетельными пожеланиями. Его гуманизм сугубо реалистичен, ибо порожден осмыслением давней и недавней истории, собственного многостороннего опыта, в котором переплелись Европа, Азия и Америка, Запад и Восток, экономика и политика, торжественная тишина библиотек и напряженное биение пульса крупного бизнеса.

Жизнь автора этой книги пришлось на трудное время, на долгим своему веку он повидал многое и через многое прошел. Иммигрант, приехавший из Австрии в Америку накануне Великой депрессии 1929—1933 годов и впервые вышедший в поисках работы на рынок труда в момент, когда достигла апогея массовая безработица, Флекснер сумел получить техническое образование, которое прокормило его в те годы. Но призванием его была экономика. Ей он и посвятил себя, как только это стало возможным. Классическую карьеру, ведущую к лаврам профессора престижных университетов, он проделал без труда. Помимо этого он добился признания на практическом поприще, проработав много лет на втором по значению посту в Ассоциации американских банкиров, а затем в качестве консультанта в Южной Корее, где помогал реформированию банковской системы этой страны.

На страницах книги Флекснер неоднократно говорит о прагматизме и реализме, призывая руководствоваться ими и быть менее эмоциональным. Что может быть естественнее для человека, которому сопутствовал успех в деловом мире? И какое отношение это имеет к гуманизму? Как выясняется, самое прямое.

...Яростна бывает ошибка идей. Безжалостными становятся их носители. И совсем уж скверно, когда идеи на поверку оказываются иллюзиями. Замечено: чем утопичнее «великая идея», тем она разрушительнее, в том числе когда речь идет об экономических моделях построения «светлого будущего». Это мы познали на своем опыте.

Флекснеру он знаком, как знакомы и теории, несчастным порождением которых этот опыт стал. Тем более ему известны противостоящие марксизму теории «вольного рынка», составляющие сердцевину классического капитализма. Ни те, ни другие не стали, однако, его кредо. Знакомство с книгой покажет читателю, что Флекснер подходит к противоборствующим идеям со своими мерками.

Об экономических теориях классического капитализма и коммунизма автор пишет как бы с позиции равной удаленности. Как авторский прием такой подход не так уж редок. Чаще всего этим он прикрывает попытки банального мессианства, когда весь эмоциональный запал припасен для превознесения собственных откровений, вот уж действительно призванных осчастливить человечество. Но

бывает и иначе, когда бесстрастная рассудительность продиктована мудростью опыта, перебрасывающего мост через противоречия развития самой жизни. Именно это стоит за «равноудаленностью» позиции Флекснера.

Перед нами книга, призывающая отказаться от крайностей. К ним, как справедливо отмечает Флекснер, приводит именно излишняя мессианская эмоциональность в теории, подчиняющая рационализм абстрактным схемам, ведущим прямо к фанатизму и сектантству. Обе крайности (и «чистый капитализм», и «утопический коммунизм»), считает он, в конечном счете забывают о человеке и человечестве. Ни на одной из них подлинно гуманной экономики построить нельзя.

Итак, в одном фокусе совместились гуманизм Флекснера и его призыв к более прагматичному, менее эмоциональному и сектантскому, то есть преодолевающему крайности, подходу как к экономическим теориям, так и к хозяйственной практике. Работы такой направленности нам сейчас очень нужны. Многие в нашей повседневности показывают, что маятник не просто качнулся от былой коммунистической крайности в противоположном направлении, а несет нас, вопреки законам физики и здравому смыслу, с нарастающей скоростью к другой крайности и мы можем врезаться в нее с такой силой, что добьем экономику и потом очень долго будем вынуждены собирать ее обломки.

Разочарованные планом и очарованные рынком, мы вдруг вознамерились создать такой «чистый рынок» (классический, скроенный по меркам прошлого века, капитализм), от которого на Западе давно уже отказались. И если раньше в нашей экономической науке безраздельно царил К. Маркс, притом в весьма упрощенном толковании, то ныне почти столь же безраздельно (и, пожалуй, с таким же, если даже не с большим энтузиазмом) делается выбор в пользу «крайних» экономических теорий монетаризма, неоконсерватизма и др., кстати в чистом виде не осуществляемых на практике ни в одной стране. Предпочтение отдается, по сути, только одному из направлений западной экономической мысли, к которому, однако, она далеко не сводится! Книга Флекснера, кстати сказать, еще одно тому свидетельство.

Она представляется чрезвычайно своевременной ввиду предпринимаемых ныне усилий ввести рыночную экономику в бывшем Советском Союзе. В книге объясняется, почему этот переход не может основываться на какой-нибудь схеме, а также почему перемены и экономический прогресс не могут быть импортированы, подобно потребительским товарам, из других стран. Автор убедительно растолковывает, почему планы широкомасштабных реформ должны разрабатываться с учетом исторических, культурных, социальных и повседневных особенностей страны, чтобы не привести к хаосу и нищете.

Флекснер находит веские аргументы в доказательство того, что

демократия должна функционировать не только в политической сфере, но также и в области экономики. Он приводит примеры того, как решения, принятые много лет назад руководством частных корпораций, заставляли ту или иную страну проводить политику, которая впоследствии часто вела к войне.

Пожалуй, он идет несколько дальше, чем многие его либерально настроенные американские коллеги. На Флекснера, как явствует из книги, довольно сильное влияние оказала западноевропейская социал-демократия. Но это нюансы, которые представляют интерес скорее для политологов, занимающихся сравнительным анализом политической жизни и политической мысли в США и Европе.

Квинтэссенция книги в другом — в поиске таких принципов и механизмов экономического развития, которые, обеспечивая прогресс, служили бы благо не только абстрактного человечества, но и конкретного человека. Очень показательно, что при этом Флекснер воздаст должное и рынку, и плану. Еще показательнее то, что он спокойно и твердо отвергает «самодостаточность» как плана, так и рынка в качестве единственной основы здорового экономического развития.

Насчет слабостей и ограниченности плановой системы хозяйства он нам, конечно, ничего нового не сказал, мы в ней убедились сами. Что же касается рынка, то насчет него сейчас возобладали — или грозят возобладать — мифы. Он начинает восприниматься как панацея, которая вылечит нас от всех экономических недугов. Заинтересованный читатель найдет у Флекснера четкое, доказательное объяснение сильных и слабых сторон «чисто рыночного» хозяйства. Автор делит проблемы, возникающие перед обществом, на две группы: на те, которые рынок успешно решает, и те, которые он решить не может. Причем второй список, как увидит читатель, тоже оказывается весьма внушительным.

Согласно Флекснеру, переход некоторых из социалистических экономик в рыночные не должен рассматриваться как конец социальных усилий, направленных на улучшение условий жизни людей. Скорее этот переход следует рассматривать как попытку более эффективно обеспечить улучшение качества жизни через адаптацию рынка к социальной политике.

Собственно, Флекснер здесь не первооткрыватель и на роль такового не претендует. Запад давно — еще со времен Великой депрессии — признал недостатки рыночного хозяйства. Признал вынужденно, под давлением обстоятельств, с неохотой, но по-деловому. И с присущей ему практической хваткой обратился к поиску средств, которые подправили бы и дополнили действие рыночных механизмов.

Сверхусилий этот поиск, в общем-то, не требовал. Мы редко и мало задумываемся над тем, что своим социальным опытом, накопленным после 1917 года и оплаченным огромной ценой,

больше помогли Западу, чем себе. И не только потому, что показали, как не надо делать. Для Запада куда важнее оказалось другое. Во-первых, «угроза большевизма» сделала твердолобых и догматиков от классического капитализма более податливыми, готовыми к уступкам. А во-вторых, в поисках выхода из кризиса наиболее дальновидные западные политики обратили внимание на позитивную часть нашего социального, а кое в чем и экономического опыта. Неудачи, а потом и распад Советского Союза, а вместе с ним и других стран «реального социализма» этому не помешали. Какие-то стороны их опыта, так же как марксизм в качестве одной из влиятельных школ экономической мысли*, были восприняты и освоены — конечно, не догматически, а критически на Западе.

Мы так мыслить и действовать пока не научились. Для нас существует либо белое, либо черное и никаких оттенков или полутонов. Вот нам и придется теперь, по иронии истории и иронии политики, о достоинствах плана и разумной социальной политики узнавать из трудов западного ученого.

Разумеется, говоря о плане, Флекснер далек от того бездумно (и бездушно) механического планирования, в которое выродилась у нас здравая идея. Нет смысла пересказывать соответствующие главы книги — читатель познакомится с ними сам. Но они представляются очень интересными и, может быть, особенно важными для нас в этой интересной книге.

Далек Флекснер и от стремления примирить всех и вся — план с рынком, марксизм с неоконсерватизмом, кейнсианство с монетаризмом. Трогательного братания все равно ведь не получится. Не случайно Флекснер энергично возражает тем, кто делает ставку на известный в экономической науке постулат о равновесии как идеале, к которому необходимо стремиться как на микро-, так и на макроуровне.

Концепции равновесия, которой на Западе так привыкли поклоняться ярые рыночники (а у нас фактически поклонялись ортодоксы «социалистического планирования»), Флекснер противопоставляет свою идею баланса, и, думаю, читатель оценит достоинства того понимания баланса, которое дает Флекснер, — как стержня экономического развития и хозяйственной политики.

Так, Флекснер подчеркивает, что мотивация является главным фактором высокой производительности, необходимым для улучшения качества жизни. Отчуждение же, указывает он, имеет обратный

* Примечательно: поздней осенью 1991 года, когда СССР доживал последние дни, в «главной газете» американского капитала «Уолл-стрит джорнэл» почти целая полоса была посвящена Марксу, марксизму, «Капиталу». Начиналась она со следующего красноречивого заявления: «Коммунистические правительства опрокидываются, и вчерашние сторонники социализма бросаются в объятия свободного рынка. Даже советские организаторы путча старались избежать риска получить клеймо марксистов. И тем не менее Карл Маркс оказывает влияние на современные взгляды на историю и экономику». («Wall Street Journal».— 1991.— Nov. 11).

эффект и в большой степени может быть объяснено конфликтом между разными уровнями управления, труда и правительства. Он объясняет в этой связи, каким образом можно достичь баланса, или урегулирования конфликтов в производстве и распределении, и как этот баланс становится главным фактором в улучшении условий человеческого существования.

Автор вырабатывает новые критерии экономической эффективности. Он отвергает традиционный подход, согласно которому экономический прогресс определяется исключительно через изменение объема валового национального продукта, уровней инфляции и безработицы, и высказывает предположение, что эти критерии результатов экономической деятельности основаны на вере в достаточность рыночной эффективности для улучшения условий жизни. Его показатели экономической эффективности состоят из примерно тридцати переменных, которые измеряют степень удовлетворения важнейших потребностей людей, включая потребность в здоровой окружающей среде. Программа ООН по развитию опубликовала свой первый доклад по человеческому развитию, в основу которого был положен этот показатель, в 1990 году — через год после выхода в свет книги Флекснера.

Во всяком случае, именно достижение *динамической сбалансированности*, способной оперативно и адекватно адаптироваться к происходящим изменениям, Флекснер считает залогом построения гуманной экономики. Экономики, достойной человека и служащей ему.

Многое в рассуждениях Флекснера может напоминать российскому читателю хорошо знакомую по нашему прошлому риторику, призывы типа «Все для блага человека!». Но будет несправедливо, если соответствующие главы книги вызовут автоматическую реакцию отторжения, продиктованную благоприобретенной идиосинক্রазией к такого рода призывам, на практике оказывавшимся благими пожеланиями или фальшью.

Флекснера больше всего беспокоит именно то, что человек фактически оказывается в современном мире средством, а не целью, в частности в хозяйственной сфере. Естественно, автор книги считает, что эффективная экономика необходима, и необходима в первую очередь для общественного блага. Но он называет трагедией положение, при котором потребление человека низведено до средства формирования эффективной экономики. Флекснер видит большую опасность в попытках манипулировать человеческими ценностями для обеспечения прибыльности и устойчивости хозяйственных структур. Подобное манипулирование он не без основания усматривает в появлении целой системы новых средств воздействия на человека, с тем чтобы побудить его потреблять то, что ему предлагают, а фактически навязывают производители.

В потреблении, подчеркивает Флекснер, материализм рынка должен быть соединен с потребностями развития личности человека,

включая моральные ценности. Чтобы жизнь не сводилась к удовлетворению элементарных, а тем более навязанных человеку искусственных потребностей, говорится в книге, важно выйти за рамки технократического подхода, определить установки и ценности, соответствующие подлинно гуманному обществу. Это — залог выживания человечества.

Мне кажется, что конкретизация этих положений в соответствующем разделе книги — одна из ее наиболее оригинальных сторон. Флекснер делает в этой связи акцент на необходимость активной социальной политики как основы «гуманной экономики», действенных мер борьбы с бедностью, на обеспечение равных стартовых возможностей всем через более совершенную и современную систему образования и профессиональной подготовки. Одним из важнейших приоритетов в контексте гуманной экономики является защита окружающей среды.

Суммируя, можно сказать, что Курт Флекснер показал в своей книге, что к экономике (а значит, и к экономической реформе) возможен не сектантский подход, отвергающий крайности — будь то «социалистическое» планирование или «классический» (для XVIII—XIX вв.) капиталистический рынок, куда нас пытаются затянуть некоторые недалёковидные реформаторы. Масштабность возникающих в этой связи задач сопоставима лишь с масштабностью цели. Многого нуждается в переосмыслении, и Флекснер предлагает соответствующие условиям ядерно-космического века трактовки свободы, демократии, власти, силы, конкуренции и т. д. Они не бесспорны, но интересны и весьма плодотворны для той критической работы мысли, которая, как можно надеяться, развивается в нашей стране.

Книга тем самым выходит за рамки узко экономического исследования. Но если экономисты не расширяют угол зрения, то их теории оказываются шаткими (как и экономика, пренебрегающая социальными и политическими реальностями). И за рамками их концепций остаются, как показывает исторический опыт, и человек, и человечество. Для Флекснера — ученого, гуманиста, общественного деятеля — такой подход неприемлем. И в этом особая ценность его труда.

Автор книги, в сущности, оптимист. Он рассматривает эволюцию как в целом поступательное движение с периодами регресса. Что касается России, то она находится в нижней части циклического движения, но в конечном итоге она будет двигаться вперед, по мере того как знание, информация и лучшее понимание заменят невежество, предрассудки и интеллектуальную изоляцию.

Академик Г. А. Арбатов

Книга по экономике может быть сухой и скучной. Сложные и запутанные вопросы требуют напряжения мысли и внимания, но бесстрастные страницы аналитических выкладок по экономике должны быть наполнены немалым зарядом гуманизма. Предлагаемая читателю книга Курта Флекснера по экономике действительно имеет и душу и сердце. В то же время она позволяет читателю глубоко понять современную мировую экономику и тенденции ее развития, получить представление о подходах к решению экономических проблем различных групп населения в нашем обществе. Особая привлекательность авторской методологии анализа заключается в том, что она находится на стыке между экономической наукой как таковой и историей, социальной психологией, социологией и политологией. С исторической точки зрения анализ, представленный профессором К. Флекснером, свидетельствует о том, что автор превосходно владеет как экономической историей, так и историей экономической мысли.

Стиль книги — легко читаемая и доступная проза. Автор выбирает надежный политический курс между крайне правым и крайне левым направлениями в политике. Но самое главное — книга глубоко реалистична. Курт Флекснер вовсе не раб формализованной эстетики сухой науки, и он не преклоняется перед напыщенно звучащими формулировками экономических утверждений; обосновывая свои экономические выводы, он никогда не исходит из нереалистических допущений. Более того, он отмечает все ограничительные допущения. В конце книги читателю дается живая интерпретация современной экономической науки, построенной на прочном историческом фундаменте. Эта книга — что угодно, только не вариации в духе «унылой науки».

Я бы отнес эту книгу к разряду исследований по *политической* экономике, основанной на системе позитивных ценностей, которые автор умело отстаивает. Излагаемый автором материал охватывает огромный исторический период: совершив экскурс в эпоху средневековья, автор представляет читателю ученых и философов эпохи промышленной революции XIX века; свой исторический анализ он заканчивает современностью, проводя параллели между прошлым и настоящим.

Интересной особенностью этой книги является то, что Курт Флекснер строит свое повествование, причем строит весьма экономично, на основе всего лишь трех «великих книг»: «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Капитал» Карла Маркса и «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мэйнарда Кейнса. Автор без труда мог бы сделать свою книгу громоздкой, вдаваясь в излишние детали или приводя пространные цитаты; вместо этого К. Флекснер сосредоточивает внимание читателя на трех поистине выдающихся трудах по экономике, которые он выбирает с тонким чутьем. В результате этого ему, превосходно владеющему общественными науками, удастся представить читателю более концентрированную аргументацию.

Поскольку профессору К. Флекснеру совершенно не свойственна робость в высказывании собственных оценочных суждений (что, кстати, делает его книгу более живой), он берется за решение фундаментальных вопросов, связанных с распределением богатства и доходов. При этом он показывает ограниченность чисто теоретических моделей экономической науки. Он убедительно доказывает, что рынок далеко не идеален; что потребители, находясь под сильным влиянием корпоративного сектора, не обладают полной самостоятельностью; наконец, что динамичное развитие рынка не всегда полезно обществу.

Меня охватывает ощущение свежести и новизны от того, что на фоне сухих и скучных книг по экономике появилась книга, автору которой далеко не безразлично качество жизни людей и, анализируя сложные социально-экономические проблемы современности, он занимает твердые морально-этические позиции.

Лоуренс Р. Клайн,
профессор экономики и финансов
Пенсильванский университет

ВВЕДЕНИЕ

После того как английский историк Эдвард Гиббон (1737—1794 гг.) опубликовал свой труд «Упадок и крушение Римской империи», современные историки, как зачарованные, изучают процесс, который они называют расцветом и падением империй, утверждая, что процесс этот является неизбежным. Арнольд Тойнби в своей 12-томной «Истории мира» прослеживает расцвет и падение двадцати шести цивилизаций. А совсем недавно книга профессора Пола Кеннеди «Расцвет и падение великих держав» попала в список бестселлеров.

Цель данной книги — поставить эту концепцию под сомнение. Ученые и исследователи слишком часто и неумеренно ссылаются на прошлое, предрекая мрачное будущее. Основывая свои предсказания на статической модели эволюции общества и всего человечества, они ставят западню самим себе.

Центральная тема данной книги основана на двух идеях. Первая — мы сможем предотвратить неизбежный упадок и распад великих государств и цивилизаций лишь тогда, когда человечество признает важность *своевременной* и *рациональной* адаптации к новым условиям, возникающим в результате расширения границ наших знаний. Вторая — мы превратим главную цель поистине великих экономистов прошлого (улучшить жизнь людей) в действительно реальную альтернативу нынешним бесплодным попыткам судить об экономическом прогрессе исключительно по арифметическому приросту валового национального продукта и его составных элементов лишь тогда, когда сделаем человечество *ядром* общественных наук, включая экономическую науку.

Сейчас, когда человечество вступает на порог XXI века, традиционные условности и сентенции таких теорий XIX века, как «капи-

тализм свободной конкуренции» и «марксистский коммунизм», уже устарели. Экономика США и экономика бывшего СССР находятся в таком плачевном состоянии, что теперь уже вовсе не считается ересью критика некогда святых идеологий.

Человечество уже ощущает родовые схватки грядущей новой эры. Будет ли она более просвещенной эрой?

От эры индустрии мы сейчас переходим к новой эпохе — эпохе высокой технологии, к эпохе, социально ориентированной на потребителя. Результатом этого являются глубокие изменения, которые уже сейчас затронули нашу культуру и всю систему человеческих и общественных отношений. Традиционная экономическая политика оказывается нереалистичной при решении сложных проблем, вызванных этими изменениями. Соединенные Штаты Америки, игнорируя движущие силы истории, обрекают себя на повторение ошибок прошлого, способствуя тем самым снижению своей собственной роли как великой державы. Сейчас еще не поздно обратить вспять эту тенденцию. Необходимо расцелить пуповину, соединяющую нас с изжившими себя утопическими идеями XIX века.

В книге поставлен под сомнение целый ряд священных, но устаревших классических теорий. В ней излагаются новые идеи, которые, я надеюсь, вызовут у читателей чувство любопытства и помогут им понять, в чем состоит сущность более реалистического подхода к сегодняшним проблемам.

Никто не должен опасаться, что экономика — скучная наука, находящаяся за пределами понимания неспециалистов.

Автор сделал все возможное, чтобы книга была понятной и интересной. Она предназначена и студентам, изучающим экономику, и экономистам-профессионалам. Ответ на многие вопросы найдут также и те, кто ошеломлен или сбит с толку происшедшими глубокими изменениями, которые разъединили многих людей или даже заставили их отвернуться друг от друга, отобрали у них то, во что они свято верили, и, может быть, почти лишили их надежды.

Наконец, эта книга, несомненно, вселит в читателя оптимизм и благотворное чувство уверенности в будущем, которое придет от осознания того, что мрачные предсказания историков несовместимы с *позитивным подходом* ко всему, что таит в себе будущее.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

1. В ПОИСКАХ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

На перекрестке

Благодаря научно-техническому прогрессу человечество получило возможность успешно бороться с голодом и болезнями, увеличив продолжительность жизни с 30 лет, как было 500 лет тому назад, до почти 80-ти в развитых странах в современную нам эпоху. Однако научно-технический прогресс дал нам также возможность вести все более разрушительные войны. Наши успехи в приобретении знаний не сочетались с соответствующими усилиями стать более цивилизованными. Человечеству еще не удалось построить такие политические отношения между государствами и регионами мира, которые обеспечили бы ему мирное сосуществование. История, таким образом, превратилась в арену состязания: с одной стороны, научно-технический прогресс, дающий человечеству возможность производить материальные богатства и вести все более разрушительные войны, и с другой — его стремление к миру и к лучшей жизни для людей.

Если усилия, основанные на этом стремлении и направленные на создание успешно действующей системы политических отношений будут по-прежнему отставать от научно-технического прогресса, то будущее человеческой цивилизации безрадостно. До тех пор пока не будут разработаны новые методы сотрудничества между государствами, развитие их способностей к взаимному уничтожению следует всячески *сдерживать*. Если нам это удастся, то человечество будет жить в гораздо более цивилизованном и гуманном мире по сравнению с теперешним.

Если бы мы захотели красками на полотне изобразить основные веи в истории человечества, то большую часть заняли бы войны и другие формы насилия. Значительное место на этой картине заняли бы образы, связанные с открытиями и достижениями науки

и техники. Гораздо меньше потребовалось бы для изображения успешных попыток человечества жить в мире и гармонии. Образы, отвечающие таким попыткам, в основном пришлось бы втискивать в узкие пространства между войнами и революциями. Какой же области касаются эти политические отношения, от которых столь многое зависит? Они касаются главным образом распределения мировых ресурсов и контроля над ними. Они касаются тех ресурсов, не обладая которыми невозможно удовлетворить любые из наиболее важных человеческих потребностей, желаний и устремлений. Большинство изменений социальной структуры не были результатом добровольных уступок в обществе. Напротив, они происходили в результате применения силы и путем насилия. Не осознав этого, нельзя понять смысл войн и революций.

Важную роль в усилиях, направленных на достижение мирного сосуществования и улучшение условий жизни людей, играет правильное понимание терминов «индивидуальные права» и «общественные права». Любая наша материальная потребность связана с каким-нибудь индивидуальным либо общественным правом. Примером первого является право владеть собственным домом, примером второго — право получать удовольствие, отдыхая в общественном парке. В международном масштабе суверенитет страны в использовании природных ресурсов и рынков, расположенных внутри границ определенной географической территории, может рассматриваться как «индивидуальное право» данной страны. С другой стороны, применительно к государствам использование какой-либо страной ресурсов океана за пределами национальной юрисдикции является примером «общественного права» этой страны как члена мирового сообщества.

Основная часть мировых ресурсов принадлежит отдельным странам или отдельным лицам в соответствии с их индивидуальными правами. Распределение мировых ресурсов далеко не равномерно или пропорционально между государствами. Поэтому политические отношения между государствами, касающиеся распределения и контроля над мировыми ресурсами, имеют самое непосредственное отношение к проблемам войны и мира.

Представление об индивидуальных и общественных правах легли в основу принятых в любом обществе законов и обычаев, которые оказывают сильное влияние на поведение как отдельных людей, так и целых государств. Каждый человек, хотя и является частью окружающего его общества и всего народа той страны, в которой он живет, тем не менее вынужден полагаться на самого себя, в том что касается приобретения той доли мировых ресурсов, которые ему необходимы, чтобы прокормить себя и свою семью. Стремление непременно добиться успеха в этом деле порождает у людей мотивацию к накоплению средств и обладанию собственностью. У большинства людей чувство личного и семейного благополучия является важнейшим побуждающим стимулом. Чем сильнее ощущение

неблагополучия, тем сильнее будет и стремление к накоплению средств. Неблагополучие, ощущаемое одним человеком, а также коллективное неблагополучие нации — это то, чем питаются алчность и войны.

Для отдельного человека источником средств, необходимых ему для удовлетворения своих потребностей и желаний, являются его зарплата или накопления. Стране для удовлетворения коллективных потребностей всех ее граждан необходимы ресурсы и рынки. Большинство стран необходимые им ресурсы покупают у других стран. Зачастую такая торговля сопряжена с большой неопределенностью, поскольку отношения стран друг с другом (в отличие от внутреннего положения в стране, управляемой законами) основываются на силе, а не на установившейся правовой структуре. Вследствие этого страны испытывают соблазн установить контроль над ресурсами и рынками, используя для этого военную силу, оказывая политическое давление или прибегая к интригам. В этом заключается сущность империализма, колониализма и неоколониализма. На нынешней стадии развития человечества наше благополучие определяется главным образом силой, а не сотрудничеством государств.

Человечество способно построить более гуманный мир, но мы неопровержимо доказали, что не остановимся перед уничтожением того, что нам не принадлежит, если ощущение нашего неблагополучия будет достаточно сильным. Это нетрудно понять. Мы сознательно культивируем возникающее у нас чувство любви к тем вещам, которые нам нужны, и страх утратить ощущение благополучия заставляет нас стремиться *завладеть* всем тем, что нам нравится. Мы готовы уничтожить тех, кто угрожает нашей собственности. В этом заключается психологическая основа войн и конфликтов.

Сейчас, на протяжении последних нескольких десятилетий, впервые в своей истории человечество достигло такой точки в своем развитии, когда оно способно полностью уничтожить себя и всю человеческую цивилизацию. В то же время мы приближаемся к такому состоянию политической зрелости, когда сможем построить политические отношения, способствующие мирному сосуществованию.

Мы обязаны в полной мере осознать тот факт, что никогда прежде война не могла полностью уничтожить все человечество. Внезапно эта опасность стала сейчас реальной. Мы проиграем в состязании между войной и миром, между уничтожением и выживанием, если нам не удастся сдержать наступление беды до того момента, когда мы, наши дети или наши внуки не разработаем такие принципы устройства мира, которые сделали бы мирное сосуществование реальной альтернативой войне.

Раздвигая границы наших знаний в ходе научно-технического прогресса, мы продолжаем преобразовывать мир. Часто даже не понимая должным образом последствий своих действий, мы вывели природу, и уже необратимо, за рамки ее естественного состояния. Все то, что создаем, весь новый материальный мир,— все это угрожает взять под контроль нашу культуру, наши ценности и — если это позволим — наше будущее.

Прогресс знаний не сделал нас хозяевами нашей собственной судьбы. На нынешней стадии эволюции мы заменили ограничения, данные нам природой, новыми ограничениями, налагаемыми на нас всем тем, что сами создаем. Результатом научно-технического прогресса являются такие изменения, к которым мы должны приспособливаться. Промышленная революция, например, сделала производственную специализацию и торговлю неизбежными. Люди также не могли остаться не затронутыми теми изменениями, которые произошли в связи с этим: для того чтобы выжить, им пришлось адаптироваться. На смену ремесленникам и мелким землевладельцам пришла большая масса рабочих, в которых нуждалось постоянно растущее промышленное производство.

Будем ли мы в результате прогресса наших знаний приговорены к тому, чтобы в будущем стать простыми пешками в руках нами же созданных игроков? Если бы наша рассудительность не уступала нашим научным способностям, то мы были бы более эффективными хозяевами своей судьбы и смогли бы вообще не допустить возникновения некоторых проблем, научились бы решать другие проблемы без трений и конфронтации, а также быть терпимыми к проблемам, не поддающимся нашему контролю. Иными словами, знания не ведут автоматически к пониманию, а знания без понимания представляют потенциальную опасность.

Одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед нынешним поколением, является разработка такой теории и такого политического курса, которые находились бы в соответствии с динамикой современного мира. Возможно и даже вполне вероятно, что когда мы поймем реальную сущность окружающего нас мира, то достигнем той степени понимания, которая необходима, чтобы держать под контролем все, что мы создаем. Однако для достижения такой степени понимания необходимо глубокое осмысление истории.

По мере накопления знаний о реальном мире мы вынуждены пересматривать такие понятия, как демократия, свобода, равенство и благосостояние. Используя в прошлом определения этих концепций были утопическими, и это сделало нас не защищенными от опасности самообмана и помешало нам реалистически и взвешенно оценить последствия своих действий.

Классическая экономическая теория — это наука о процессах создания материальных ценностей на основе сложной системы

ценовых взаимоотношений. Поэтому она оказалась почти полностью оторванной от изучения человеческих отношений, фактически неотделимых как от процесса производства материальных благ, так и от людей, для которых эти материальные блага создаются. В результате классическая экономическая теория превратилась в весьма абстрактную науку и, что еще хуже, в науку нейтральную в отношении того экстремального материализма, который характеризует современные нам технократические общества.

По мере научно-технического прогресса наши знания могут превратиться в инструмент самоуничтожения, если мы окажемся не в состоянии в полной мере постигнуть смысл сложившегося неустойчивого равновесия между материальной и духовной сторонами окружающего мира. Наука и техника нейтральны; однако мы не можем позволить себе такую роскошь, как нейтралитет в производстве, распределении и потреблении материальных благ. Сама концепция материальных благ, материального богатства общества должна строиться на фундаменте моральных ценностей и оценочных суждений — если, конечно, целью производства материальных благ является искоренение бедности и улучшение качества жизни, а именно в этом и заключается содержание понятия «богатство», которое вкладывал в него экономист-классик Адам Смит, чей труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) революционизировал экономическое мышление. Более 100 лет спустя эту же мысль выразили в своих работах Альфред Маршалл, известный экономист-неоклассик, а также Карл Маркс, критик капитализма.

Одна из серьезнейших проблем современной экономической теории заключается в абсурдном допущении, что в ней нет места ценностным критериям. Это допущение почти вывело экономику из разряда общественных наук, сделало ее крайне абстрактной и зачастую совершенно не относящейся к делу, когда речь шла о категориях морали. Но реальный мир не стоял на месте, когда экономисты укрывались от сложностей современной жизни в башне из слоеной кости, прикрываясь абстрактными математическими формулами. В действительности случилось так, что ценностные критерии проложили себе путь и проявились в экономической деятельности.

Большинство великих экономистов прошлого считали очевидным, что потребление — это конечная цель производства продукта, что производство — это всего лишь *средство* к достижению цели. Они понимали, что если материалистические аспекты потребления объединить с идеалистическими целями, то потребление укажет путь к выживанию, а затем к процветанию человечества и станет двигателем прогресса на этом пути. Низведенное к сугубо материальному и оторванное от аспектов идеального, потребление становится бесцельной, импульсивной, а часто и неудачно спланированной попыткой удовлетворить потребности людей.

Одним из наиболее опасных явлений в экономике США является использование утонченных психологических методов, применяемых средствами массовой информации для рекламы, с целью создания спроса на те или иные товары и услуги, предлагаемые нашей корпоративной экономикой. Опасность заключается в манипулировании человеческими ценностями с целью создания надежного и прибыльного рынка.

Успешно функционирующая и прибыльная экономика не только желательна, но и прямо отвечает интересам общества. Было бы трагедией, если бы создание такой экономики было возможно только путем превращения потребления в средство достижения этой цели. Великие экономисты хорошо понимали, что в здоровой экономике дело должно обстоять как раз наоборот. Причина этого очевидна. Человек — неотъемлемая часть природы, и его потребности имеют глубокие корни, сформировавшиеся в ходе эволюции. Для морального и физического здоровья человека необходимо, чтобы были удовлетворены его материальные, психологические и социальные потребности. Это же утверждение справедливо и применительно к обществу в целом.

Вышесказанное не означает, что объем производства должен увеличиваться беспредельно. Но это означает, что мы должны заботиться о том, чтобы то, что мы потребляем, полностью соответствовало нашим потребностям. Производство должно быть подчинено потреблению, а потребление должно быть построено на двойном фундаменте — материализме и идеализме. Сегодняшнее глубоко материалистическое технократическое общество препятствует достижению этой цели.

Что же представляет из себя технократическое общество? Технократическое общество управляется главным образом техническими экспертами, и две его цели доминируют над всеми остальными: экономический рост и военное могущество для облегчения экономического роста. И хотя в этом обществе часто произносят панегирики в адрес демократии и личности, тем не менее и демократия, и личность являются в технократическом обществе вторичными — на первое место ставятся потребности развития экономики и безопасности нации.

В более гуманном обществе материальные и духовные потребности личности, а также качество окружающей среды становятся важными социальными целями. Это не означает, что развитие экономики и укрепление национальной безопасности противоречат целям такого общества. Это означает, что должны быть приняты новые подходы к решению проблем развития экономики и укрепления национальной безопасности, подходы, основанные на таких ценностях и задачах, которые помогают удовлетворять реальные потребности людей.

Когда-то в прошлом ценности и задачи определялись религиозными учениями. Некоторые религии по-прежнему играют важную

роль в нашей культуре. Сегодня, однако, ценности и задачи определяются в основном рекламной и издательской политикой средств массовой информации, которые в значительной степени отражают потребности развития нашей корпоративной экономики.

Промышленная революция отодвинула в сторону как устаревшие те ценности и задачи, которые стояли перед феодальным аграрным обществом. Она породила новые ценности и задачи, которые получили отражение в учениях периода протестантской Реформации. В свою очередь, эти ценности и задачи снова изменились под влиянием требований управленческой революции, преобразовавшей капитализм предпринимательства в технократическое общество.

Сейчас, когда мы ищем пути преодоления оков технократического общества, мы должны определить новые ценности и цели, которые соответствовали бы гуманному обществу. В западном мире источниками ценностей и идеалов были римско-католическая церковь, Реформация и средства массовой информации. Каким образом будут определяться приоритеты на следующей стадии эволюции? В этом заключается один из коренных вопросов современности.

Прежде чем заняться рассмотрением проблем, связанных с выходом за рамки технократического общества, укажем на те мировые противоречия и крупные проблемы современности, которые должны быть разрешены. К ним относятся:

— Двусмысленное поведение правительств, которые, провозглашая принципы свободной торговли, международного сотрудничества и другие, на практике являются проводниками крайних форм политического и экономического национализма.

— Иллюзия, распространенная в капиталистических странах и заключающаяся в том, что власть следует ограничивать не в частном, а в государственном секторе; иллюзия, распространенная в социалистических странах и заключающаяся в том, что власть следует ограничивать не в государственном, а в частном секторе. (И то и другое было ошибкой: в результате первой Адольф Гитлер пришел к власти в Германии, после чего частные карты получили право беспрепятственного развития; в результате последней в Советском Союзе возник сталинизм, при котором власть государства была неоспоримой.)

— Смешение рационального и иррационального элементов поведения в системах общественных отношений, воплощающих такие идеи, как конкуренция, независимость, свобода и демократия. В результате такого смешения претворение в жизнь высоких идеалов сопровождается опасными антиобщественными явлениями.

— Гонка вооружений между двумя сверхдержавами, которая, как можно предположить, была задумана как орудие взаимной дестабилизации, но вероятным исходом которой будет развал экономики обеих стран.

— Демографический взрыв в странах «третьего мира», ставший главной преградой на пути их экономического развития и препятствующий искоренению бедности в этих странах.

Для того чтобы общественные науки были сколько-нибудь полезны для эффективного решения этих проблем, должны быть разработаны рациональные научные подходы, соответствующие динамике мира, в котором мы живем. Чтобы увидеть мир таким, каков он есть в действительности, мы должны заменить существующую ныне произвольную сегментацию отраслей знаний новым подходом. Нам следует также больше полагаться на данные, полученные при реальном наблюдении мира, и меньше — на утопии, обещающие автоматическое решение всех проблем.

Экономическая основа более просвещенного и гуманного общества

Промышленная революция создала условия, породившие технократическое общество. В то же время в XVIII веке, в эпоху Просвещения, давшую человечеству таких гигантов, как Руссо, Вольтер и Юм, зародился философский идеализм, на основе которого возникли утопические представления о независимости, свободе и демократии. Это стало главным содержанием либерализма XIX века. В результате несовместимости идейных основ технократического общества, с одной стороны, и либерализма XIX века — с другой, большая часть современного нам мира лишилась существенного связующего звена между материализмом и идеализмом.

К сожалению, приходится констатировать, что общественные науки, включая классическую экономическую науку, реально этой проблемой не занимались. В результате мы живем в мире, разрываемом на части между идеалистической философией и крайне материалистическим образом жизни.

Мы превозносим достоинства свободы, равенства и демократии, не учитывая должным образом реально существующих в мире условий и ограничений, в результате чего власть предрержащие злоупотребляют и манипулируют этими высокими идеями. Лишь на словах они отдают дань должного этим высоким идеям, а на деле, для того чтобы решить проблемы реального мира — мира научно-технической революции, — они применяют совершенно иные, часто противоречащие друг другу методы. Они поют дифирамбы и воздают всяческие почести экономистам-традиционалистам, в основе теорий которых лежит либерализм XIX века, и фактически игнорируют их рекомендации.

Классическая экономическая система, господствовавшая в XIX веке (предпринимательский капитализм), основана на концепциях свободы и равенства. Экономисты-классики исходили из предположения, что в экономике, функционирующей на основе

частного сектора, даже не являющегося подотчетным правительству, все люди будут пользоваться плодами свободы. Экономисты-классики также полагали, что естественный закон спроса и предложения в свободнорыночной капиталистической системе сделает покупателей и продавцов равными.

Они сделали еще одно предположение, завершившее философскую триаду классического капитализма: в условиях свободного рынка ресурсы и доходы будут распределяться таким образом, что в результате будет создано «наибольшее благо для наибольшего числа» граждан. Если сформулировать кратко, то классический капитализм был основан на идеях независимости, равенства и свободы — независимости от власти государства, равенства для всех покупателей и продавцов, а также свободы каждого члена общества действовать в соответствии с собственными интересами.

К сожалению, эта идеалистическая концепция не смогла выдержать натиск материализма XIX века. Однако мы не должны в этом винить идеализм, заложенный в фундамент системы. Точно так же не должны винить материализм, встроенный в ту систему, которая в то время развивалась. Дело заключается в том, что идеализм XIX века, давший новое определение таким концепциям, как демократия, свобода, равенство и независимость, не смог предсказать, каким путем пойдет развитие нашего мира в XX веке! Произошло неизбежное: здание материализма оказалось невозможно построить на несовместимом с ним фундаменте идеализма.

Идеи, способные влиять на поведение людей, нужно тщательно прорабатывать, поскольку эти идеи должны правильно отражать условия, существующие в реальном мире, в котором они служат основой человеческой деятельности. Это означает, что такой идеализм должен основываться на реалиях существующего мира, а также на реалиях возможного. Такой идеализм не должен основываться на утопических иллюзиях — а именно таким был идеализм последних трех веков.

Беда классической экономической науки заключается вовсе не в том, что ее цель — достижение наибольшего блага для наибольшего числа граждан. Скорее всего, проблема в методе, применяемом для достижения этой цели. Для того чтобы построить более гуманное общество, нужно научиться ставить перед собой реалистические цели, объединяя их с практическими и эффективными средствами их достижения. Задача, стоящая перед нами, является сложной, но не невозможной.

Сначала мы должны прийти к общему мнению относительно целей и ценностей. Затем нам следует заложить новый фундамент, на котором будут основываться наши теории и политика. Следует предоставить каждому человеку и каждой организации возможность более полно участвовать в принятии решений, определяющих их судьбу и качество жизни. Ограничено ли наше определение демокра-

тии правом голоса и свободой слова? Имеет также значение определенная форма участия каждого человека в реальном процессе принятия решений, чтобы не допустить отчуждения личности и создать условия для мотивации каждого человека к труду на своем рабочем месте и в обществе.

Построение экономических теорий в условиях современного мира требует, чтобы мы перестали полагаться на утопические гипотезы. Механизм рыночных цен — даже в его чистой и идеальной форме, в которой, разумеется, он не может действовать в современной экономике, — является всего лишь одним из элементов, которые связаны с распределением ресурсов и процессом решения экономических проблем. Некоторые экономисты признали это, однако им не удалось включить в основу своих теорий другие соответствующие элементы. Экономисты не смогут реально взяться за решение большинства имеющихся проблем, если эти другие элементы не будут конкретно выявлены и не станут неотъемлемой частью экономической теории и экономической политики. Хотя свободный рынок и является существенной частью демократического общества, стремление полагаться *исключительно* на рыночный механизм для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей представляет собой анахронизм в современном, чрезвычайно сложном обществе. Точно так же нельзя считать, что в результате действия рыночного механизма осуществляются все корректировки, необходимые для адаптации людей в условиях тех радикальных и непрерывных изменений в обществе, которые постоянно несет с собой научно-технический прогресс. Рынок, например, не может своевременно осуществить те корректировки, которые необходимы, чтобы подготовить людей к изменениям в спросе на рабочую силу, вызываемым радикальными переменами в технологии производства.

Лишь когда экономические теории будут отражать реально существующие условия в современном мире и учитывать значительные различия, возникающие в разное время в различных географических регионах в ходе развития экономики, такие идеи, как независимость, свобода и демократия, превратятся в динамически развивающиеся социальные цели, достижение которых совершенно необходимо, чтобы проложить путь к выживанию и к более гуманной экономике. В современном значении эти понятия часто превращаются в простые лозунги и не только не отражают содержания этих высоких идей, а демонстрируют лицемерие тех, кто эти понятия использует.

Человечеству брошен вызов. Мы теряем контроль над тем миром, который сами создали. Из-за нашей слепой приверженности утопическим теориям, возникшим два или три столетия тому назад, наш рассудок оказался неспособным объективно анализировать реально существующий мир.

Нас охватило чувство разочарования и безысходности, когда

мы оказались не в состоянии реалистически решать стоящие перед нами задачи. В результате между людьми и государствами сложились отношения соперничества. Отношения соперничества ведут к конфронтации и катастрофе. Как в прошлом, так и сейчас мы стремимся снизить растущую нестабильность с помощью силы и давления на других. Однако это всегда приводит к противоположным результатам, поскольку когда одна сторона оказывается сильнее другой, то при наличии отношений соперничества другая сторона оказывается в менее безопасном положении. Стремление не отстать заставляет ее, полагаясь на свою силу и наращивая ее, оказывать давление, что приводит к еще большей нестабильности, к еще меньшей безопасности обеих сторон. Именно по этой причине такое развитие событий приводит к результатам, противоположным ожидаемым.

Итак, построение более гуманного общества требует, чтобы мы научились решать наши проблемы исходя из точной оценки реально существующих условий. Если сможем это сделать, то нам действительно удастся снизить уровень нестабильности. Это первый шаг, необходимый как для создания условий для выживания человечества, так и для построения просвещенного общества и более гуманной экономики.

2. КАПИТАЛИЗМ — ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Экономисты-классики — создатели идеала

«Часто случается так, что всеобщее кредо одной эпохи в истории человечества становится в последующую эпоху таким абсурдом, что единственная возникающая при этом трудность — это представить себе, как вообще в это можно было когда-то поверить».

Джон Стюарт Милль

Джон Стюарт Милль, один из основоположников теории классического капитализма, сейчас, возможно, перефразировал бы свое мудрое пророчество, признав, что оно может и не быть справедливым по отношению к самым фанатичным приверженцам теорий. Он мог бы добавить также, что многие универсальные истины не являются абсурдом в момент своего зарождения. Всеобщее кредо превращается в абсурд тогда, когда оно находит себе сторонников уже после изменения породивших его внешних условий, причем изменений, достаточных для того, чтобы сделать это всеобщее кредо устаревшим.

Слова Милля применимы к тем теориям, которые экономистам-классикам необходимо было опровергнуть, чтобы их место заняли их собственные теории. Эти слова как нельзя лучше соответствова-

ли вводным разделам данной книги, написанной в надежде на то, что автору удастся показать, насколько абсурдными являются некоторые устаревшие теории, и открыть дорогу новым теориям, в большей степени отвечающим потребностям нашей ядерно-космической эпохи, которые затем могут занять их место.

«Младенец — отец Человека». Эти слова принадлежат Уильяму Уордсворду, известному английскому поэту-лауреату, жившему в XIX веке, для многочисленных произведений которого характерно богатство поэтических образов. Точно так же Прошлое — отец Настоящего, а Настоящее, в свою очередь, — отец Будущего. Игнорировать историю — это значит непрерывно оценивать настоящее и совершать расчет в отношении будущего. Для того чтобы понять проблемы сегодняшнего дня и задачи на будущее, необходимо знакомство с исходными посылками экономистов-классиков, а также с условиями, в которых возник капитализм.

В процессе развития капитализма возникло много новых идей и исходных посылок, высказанных такими философами-социологами и экономистами, как Адам Смит, Томас Мальтус, Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль. Их работы, начиная с труда Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», вышедшего в 1776 году, стали интеллектуальной основой классического капитализма.

Джон Мэйнард Кейнс, самый влиятельный экономист нашего века, в своей широко известной книге заметил, что, не говоря о современных настроениях, «идеи экономистов и философов-политологов, как верные, так и ошибочные, в действительности обладают гораздо большей силой, чем это представляется многим... Практики, в отличие от теоретиков считающие себя абсолютно свободными от любого интеллектуального влияния, как правило, являются рабами какого-нибудь давцо ушедшего в мир иной экономиста»¹.

Мысль Кейнса поясняет Джон Кеннет Гэлбрейт, вероятно самый известный широкой общественности экономист Северной Америки: «Дело в том, что на решения, принимаемые в сфере экономики, влияют не только идеи, но и экономические интересы заинтересованных группировок. Помимо этого, они находятся под гнетом тирании обстоятельств»². Ниже, однако, Гэлбрейт поясняет, каким образом расовые теории Гитлера и его сподвижников по нацистской партии распространились и получили поддержку в Германии: «Влияние соображений экономической выгоды сильно преувеличено по сравнению с постепенным ростом влияния идей»³.

Изучение экономической истории показывает, что наибольшее влияние на мысли и поступки людей оказывают все три силы — идеи, экономические интересы и тирания обстоятельств.

Возникновение классического капитализма связано с идеями Адама Смита. Адам Смит, сын таможенного чиновника, родился в 1723 году. Он окончил среднюю школу в своей родной Шотландии,

затем получил образование в Оксфордском университете. Большое влияние на Адама Смита оказали идеи Давида Юма и других философов эпохи Просвещения. Его соотечественник Давид Юм, который был старше Адама Смита на двенадцать лет, страстно писал о свободе как средстве улучшения жизни людей.

В возрасте 35 лет Адам Смит стал профессором кафедры логики в университете города Глазго. Через несколько лет он стал профессором кафедры философии этики. Как философ, Адам Смит был «человеком рассудка». Он был знаком с трудами Вольтера, которого в то время все считали «человеком рассудка». Адам Смит приезжал к Вольтеру в его замок, расположенный около Женевы, недалеко от границы между Францией и Швейцарией.

Как для Смита, так и для Вольтера человеческий разум, рассудок играет верховенствующую роль. Согласно им обоим, доктрина рационализма выше любой религиозной или светской доктрины авторитаризма. «Экономический человек» в представлении Смита — это тот, кто принимает рациональные решения, в результате которых становится богаче он сам и увеличивается богатство наций. Эта мысль дает начало центральной теме классической экономики — наибольшее благо для наибольшего числа граждан является результатом реализации своекорыстных устремлений людей.

Бедственное положение большого числа людей в мире беспокоит Смита; чтение его главного труда не оставляет никаких сомнений в этом. Смит уверен, что единственный способ улучшить это бедственное положение в любом государстве — это рациональное использование ресурсов государства, а не их бессмысленное растрачивание в войнах. Он отмечает, что специализация и торговля на свободном рынке могут значительно увеличить богатство любого государства.

Сразу же после выхода в свет работа Адама Смита стала очень популярной среди торговцев и коммерсантов, потому что в ней сутью зарождающейся новой системы провозглашалась реализация своекорыстных устремлений людей, а также специализация в условиях свободного рынка. Провозгласив естественные законы свободного рынка основой новой экономической науки, Адам Смит окружил классический капитализм ореолом достоинства и «светской» религии.

Воплощением того кредо, которое Адам Смит хотел заменить новыми идеями, была доктрина меркантилизма. Он понял, что эта доктрина была основана на идее прославления государства. Но это шло явно вразрез с его представлениями о свободе как основе для увеличения *реального* богатства нации, для искоренения бедности и улучшения жизни людей.

Для понимания эволюции меркантилизма, начиная со времени его возникновения в конце эпохи Реформации, важно осознать, что важнейшую роль в его зарождении и развитии сыграл нацио-

нализм, самоутверждающееся чувство национального самосознания. Меркантилизм — это экономика национализма. Его цель — дать нации возможность побеждать в войнах и господствовать на мировом рынке. Многие критики меркантилизма высмеивают и всячески принижают его значение. Оценивают его они, однако, по меркам классического рынка, который сформировался позднее, а не по канонам нового национализма, который способствовал его возникновению. То, что дает меркантилизм, не идет ни в какое сравнение с благами, которые несут с собой специализация и торговля на свободном рынке. Однако за теоретическими моделями последних зачастую скрывается больше, чем открывается на первый взгляд. Англия и Франция, например, участвовали в длительных колониальных войнах, корни которых были в новом национализме, а последний распространялся на почве меркантилизма, обеспечившего доступ к ресурсам и рынку. Ни одна из этих двух стран не обладала всеми ресурсами, необходимыми для того, чтобы вести свои колониальные войны, не говоря уже о том, чтобы в них победить. Обе страны даже использовали солдат-наемников, набираемых за границей. За импорт и за солдат-наемников надо было платить не в собственной валюте, а золотом и серебром. Поэтому, чтобы обеспечить пополнение запасов золота и серебра, необходимых правительствам этих стран для удовлетворения национальных амбиций, они были вынуждены регулировать экономику. Потребности народных масс были отодвинуты на второй план. Национальная экспансия и меркантилизм, отвечающий ее целям, стали главной заботой правительств стран, выдвинувшихся на международной арене после распада Священной Римской империи. Своей доктриной капитализма Адам Смит и захотел заменить доктрину национальной экспансии, осуществляемой с помощью военной силы, а доктрину меркантилизма — экономической теорией, делавшей это возможным.

Для того чтобы добраться до сути классической экономической теории, следует поставить вопрос, имеющий фундаментальное значение для всех направлений политической экономии, а кто именно принимает решения относительно того: 1) что должно производиться, 2) каким образом произведенный продукт распределяется и 3) при каких условиях осуществляются производство и потребление?

До того, как начали развиваться торговля и промышленность, европейские страны были в основном аграрными, и господствующей в Европе политической системой был феодализм. При феодализме на все три вопроса ответ давался богом; его слова передавала церковь. После распада феодализма эти решения стало принимать государство (в тех странах, в которых национализм, чувство национального самосознания достигли зрелости). Адам Смит и другие экономисты-классики считали неуместным ни для церкви, ни для государства принимать эти решения.

Согласно положениям классической экономической науки, раз-

вивавшейся в XIX столетии, субъектом экономики является каждый, кто может найти себе работу и имеет доход. При этом делается допущение, что если каждый человек является участником рынка, выступая в роли производителя или в роли потребителя, и не имеет каких-либо прав, совершая те или иные действия на рынке, то естественные законы рынка выявятся и сработают как статистическая сумма действий всех его участников — покупателей и продавцов. (При этом полагается, что продавцы и покупатели, вместе взятые, представляют собой очень малую часть рынка). Спрос на рынке является, таким образом, суммарным и определяется как сумма решений, свободно принимаемых всеми покупателями, а предложение — как сумма решений, свободно принимаемых всеми продавцами. Взаимовлияние спроса и предложения и дает ответ на такие вопросы чисто экономической природы, как цены, заработная плата и объем производства. Свободный выбор, осуществляемый каждым продавцом и покупателем, плюс естественные законы рынка играют определяющую роль в распределении ресурсов страны, делая его эффективным и тем самым создавая богатство, необходимое для искоренения бедности.

Такие теологи, как Фома Аквинский, обращаясь к богу, искали путь к жизни, свободной от бедности. В отличие от них, экономисты-классики искали ответы на поставленные ими экономические вопросы не в слове божьем, а в законах природы, веря в рациональное начало в людях. То, что экономисты-классики законы природы ставили выше законов церкви и государства, в большой степени объясняется их возмущением бедственным положением людей при феодализме в условиях господствовавшего тогда меркантилизма. Частично это также объясняется и тем, что они не верили в правильность решений по экономическим вопросам, принимаемых людьми. Они предпочитали видеть «невидимую руку» свободного рынка, движимую естественными экономическими законами.

По мнению экономистов-классиков, свободный рынок в состоянии решить все экономические проблемы без вмешательства государства. Для этого рынок имеет свою «волшебную палочку» — механизм ценообразования, который, согласно сделанному в их модели экономики допущению, представляет собой наиболее эффективный рычаг распределения ресурсов. Если возникает любой дисбаланс, — например происходит слишком быстрый рост одного экономического показателя или слишком большое падение другого, скажем занятости или объема производства, — то механизм ценообразования, по их представлениям, автоматически исправит положение.

Самой привлекательной стороной теории Адама Смита является, пожалуй, то, что в нее заложена идея справедливости. Он поставил акцент на создании богатства, но не богатства ради богатства, а богатства ради повышения уровня жизни потребителей, ради искоренения бедности и нищеты, порождаемых богатством. «Потребле-

ние — это единственное назначение и цель всего производства; за интересами производителя нужно следить ровно настолько, насколько это может быть необходимо для удовлетворения нужд потребителя. Этот принцип нам представляется самоочевидным в такой степени, что даже попытка его доказать выглядела бы абсурдной»¹.

Вера экономистов-классиков в эффективность действия естественных экономических законов была так велика, что они считали необходимым не допускать вмешательства в экономику со стороны правительства. Следует, однако, отметить, что приоритет по сравнению с государственным сектором экономисты-классики отдавали такому частному сектору, в котором частные предприниматели не имели бы права злоупотреблять своей властью. Экономисты-классики полагали, что частный сектор подчиняется законам чистого рынка.

В результате борьбы за рынок, в которой наконец в начале XIX века победу одержали английские торговцы и коммерсанты, был заложен фундамент для невиданного до тех пор подъема экономики страны, выразившегося в изобилии поступающих на рынок товаров и услуг. Необходимой предпосылкой того, чтобы такая специализация дала положительные результаты, была свободная торговля. Классическая система основывалась на допущении, что поток рабочей силы, капиталов, товаров и услуг является свободным и беспрепятственным. Успех этой системы прямо зависел от справедливости этого допущения.

Основная часть теории Адама Смита и других экономистов-классиков посвящена описанию мира, в котором полностью отсутствует произвол власти. Это допущение придавало их системе необходимую гибкость и было вполне логичным, так как соответствовало их представлениям об упорядоченном мире, который развивался по естественным законам. По своему содержанию такой подход был утопическим; по мнению его сторонников, он мог быть реализован с помощью свободной торговли между всеми государствами мира, и все они получили бы блага от его реализации.

Адам Смит считает, что естественные законы экономики действуют в сфере экономических отношений между государствами точно так же, как они действуют в пределах одного государства. Он полагал, что все государства выиграют, если они поставят выше своих узких национальных интересов те огромные блага, которые дает система, обеспечивающая всем им свободный обмен товарами и ресурсами. Свободная торговля для Адама Смита была альтернативой по отношению к меркантилизму и войнам между государствами.

Неудивительно, что данная классическая модель оказалась чрезвычайно привлекательной. Она провозгласила свободу, эффективность бизнеса и производства, экономический рост рычагами для искоренения бедности, а свободную торговлю — инструментом для укрепления мира. Большинство заложенных в этой модели концеп-

ций были новыми, радикальными и утопическими для того времени, но они оказались привлекательными для буржуазии, так как буржуазия выступала против любых форм правительственного контроля.

Популярность Смита была вызвана тем, что согласно его теории работодателей не следует ограничивать или каким-либо образом контролировать при решении ими вопросов, связанных с использованием рабочей силы. Предпринимателям-промышленникам и торговцам это очень понравилось. Обязательные постановления, регулирующие производственную сферу и решение вопросов занятости, были признаны вредными в части, касающейся экономической деятельности, независимо от всего того положительного, что могло быть в этих постановлениях применительно к другим сферам и видам деятельности. На его взгляд, результатом функционирования эффективной экономики являются увеличение национального богатства и устранение бедности.

Пацифист по натуре, Адам Смит глубоко понимал причины возникновения войн между государствами и цели, которые те стремились достигнуть. Он был убежден, что этих же целей государства могут достигнуть более цивилизованным способом — путем свободной торговли. Он осуждал практику создания государствами искусственных препятствий на пути развития свободной торговли, когда правительства шли навстречу требованиям промышленников, стремящихся стать монополистами на внутренних рынках в своих странах. Осуждая эту практику, Смит полностью отдавал себе отчет в том, что ограничительная политика правительств была отражением давления со стороны частного сектора.

То, что характер торговли между государствами когда-либо вообще соответствовал классической модели, сомнительно. Скорее всего, реальность международных экономических отношений больше отвечала описанию, данному древнегреческим историком Фукидидом, по мнению которого единственное, что можно с уверенностью утверждать применительно к сфере международных отношений, — это что сильные отбирают у слабых все, что они могут у них отобрать, а слабые отдают сильным все, что они вынуждены отдать.

Перед экономистами-классиками встала трудноразрешимая проблема. Они создали экономическую теорию, основанную на утопической концепции свободного рынка; однако, хотя, согласно классической экономической науке, основой эффективности и роста экономики считаются разделение труда и свободная торговля, тем не менее в действительности рост экономики, ее развитие не происходят самопроизвольно — им следует оказывать поддержку. И все же открыто использовать государство для оказания такой поддержки нельзя, так как это противоречило бы классической экономической теории чистого рынка.

Реальной проблемой экономического развития является обеспе-

чение капитала, необходимого для роста. Давид Рикардо, которого, как и Адама Смита, также вполне уместно называть основоположником теории классического капитализма, ответил на этот вопрос, предложив свой знаменитый «железный закон заработной платы». В отличие от Адама Смита, он не был ученым-теоретиком. Давид Рикардо был зажиточным биржевым маклером, членом парламента. Он родился в 1772 году, то есть за четыре года до выхода в свет труда Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Давид Рикардо родился в еврейской семье, переехавшей в Англию из Голландии за несколько лет до его рождения. Будучи правоверными евреями, родители не разрешили ему жениться на не еврейке. Поэтому он был вынужден выбирать между девушкой, которую он любил, — дочерью английского врача-квакера, — и своей семьей, синагогой и положением родителей в сфере бизнеса. Он выбрал свою возлюбленную и, имея весьма маленький капитал, начал новую жизнь. Давид Рикардо стал зажиточным биржевым маклером.

Его «железный закон заработной платы» основан на двух простых идеях, автором одной из которых является он сам, а другой — его друг Томас Мальтус, английский священник, который поменял профессию и стал одним из ведущих экономистов Англии. По мнению Рикардо, при изготовлении любого изделия издержки производства приблизительно равны трудозатратам. По мнению Мальтуса, численность населения Земли растет в геометрической прогрессии (2, 4, 8, 16 и т. д.), тогда как объем продовольственных товаров, предлагаемых на рынке, увеличивается медленнее — всего лишь в арифметической прогрессии (2, 3, 4, 5 и т. д.). Отсюда Мальтус сделал вывод, что если не регулировать рождаемость, то государства обречены на периодические вспышки голода, войн и иные катастрофы, сдерживающие рост народонаселения.

Рикардо сделал вывод из теории Мальтуса, который заключается в том, что заработная плата не может подняться выше прожиточного минимума, то есть уровня, едва достаточного для удовлетворения минимальных жизненных потребностей. Если заработная плата поднимается выше этого уровня, то происходит общественный взрыв, и она снова падает. Это и есть «железный закон заработной платы».

Согласно теории Рикардо, работник, производя любой продукт, создает и его полную стоимость (теория стоимости Д. Рикардо). Но выплачивать работнику полную стоимость произведенного им продукта в качестве заработной платы нельзя, иначе не останется средств ни на накопление капитала, ни на реинвестиции для расширения производства. Однако на ранних стадиях экономического развития зарплата работников была очень низкой даже тогда, когда им выплачивалась полная стоимость производимого ими продукта. Никким образом, разумеется, нельзя было ожидать участия работников в накоплении капитала предприятия. И все-таки

определенную часть произведенного продукта *необходимо* было временно не направлять в сферу потребления.

Поскольку Рикардо был убежден в том, что труд является источником стоимости, ему необходимо было найти объяснение того факта, что зарплата, выплачиваемая работникам, на самом деле меньше, чем стоимость производимого ими продукта. Рикардо определил капитал как ту часть стоимости производимого продукта, которая удерживается из зарплаты работников. Соответственно предприниматель и удерживает «прибыль», выплачивая работникам сумму, меньшую той, которая им причитается полностью, пользуясь своим положением предпринимателя и считая себя вправе так поступать. Предприниматель реинвестирует эту прибыль в производство с целью его расширения и извлечения большой прибыли. Для Рикардо проблема накопления капитала, реинвестиций и экономического роста была, таким образом, решена⁵.

Томас Мальтус, англиканский священник, предпочитавший богословским проповедям споры с Давидом Рикардо по политической экономии, был реалистом (эмпириком). Как и Адам Смит, Рикардо был рационалистом, или человеком рассудка. Факты для Смита и Рикардо — это принципы. Факты для Мальтуса — это наблюдения, сделанные человеком в реальном мире. Мальтус полагал, что принципы, которые Смит и Рикардо положили в основу классической экономической науки, лучше подошли бы в качестве основы для теологии.

По мнению Давида Рикардо, рационалиста, эффективное функционирование экономики обеспечивается «железным законом заработной платы» и регулируется спросом и предложением, которые подчиняются естественным законам рынка. Согласно Мальтусу, реалисту и эмпирику, результатом низкой заработной платы будет низкий уровень потребления, сопровождаемый избытком товаров на рынке, то есть спадом экономики, по выражению современных экономистов. Отметим одно интересное обстоятельство: рационалист и эмпирик анализируют один и тот же вид человеческой деятельности и в конечном итоге их мнения оказываются противоречивыми. Еще Аристотель пришел к выводу, что метод, используемый для анализа восприятий, определяет то, что мы воспринимаем.

Жан Батист Сей, французский экономист начала XIX века, определил классическую экономическую науку как науку о капитализме свободной конкуренции. Главная причина, объясняющая растущую в то время популярность этой науки, заключается в том, что в ней особенно подчеркивалась индивидуальная свобода. Для британского производителя эта свобода означала, что государство не должно вмешиваться в отношения между предпринимателями и работниками, за исключением тех случаев, когда оно запрещает работникам образовывать профсоюзы. Юридическую базу для такого вмешательства давало законодательство о запрете ассоциаций работников, моральная основа которого была заложена трудами

утилитаристов. Утилитаристы считали, что наибольшее благо для наибольшего числа граждан достигается тогда, когда все решения, касающиеся экономики, принимаются на основе следующего принципа: свободный рынок дает возможность каждому заботиться о собственной выгоде, стараясь при этом получить максимум удовольствий и испытать минимум огорчений.

Представление утилитаристов об обществе и людях в целом было крайне упрощенным. Их вовсе не интересовала социальная динамика (т. е. взгляд на общество как на социальный организм, который изменяется и эволюционирует во времени). Точно так же не заметно, чтобы они понимали всю сложность психологии человека, мотивируемого сложными и противоречивыми стимулами, как считают сейчас и считали ранее все психологи, начиная с Зигмунда Фрейда.

Джон Стюарт Милль — представитель более сложного направления философии утилитаризма. Он родился в Лондоне в 1806 году, то есть за 11 лет до выхода в свет работы Д. Рикардо «Принципы экономики». Его отец, Джеймс Милль, был самым способным учеником Джереми Бентама, главы школы философов-радикалов XVIII века. Последователями этого философского направления стала целая группа выдающихся мыслителей, посвятивших свои работы изучению серьезных и актуальных социальных проблем, а также разработке практических реформ с целью решения этих проблем. Большое влияние на их работы оказали Джон Локк, английский либеральный философ XVII века, политический идеолог вигов, а также Руссо и Вольтер, духовные лидеры эпохи французского Просвещения, которые оказали влияние и на таких выдающихся деятелей периода американской революции, как Джефферсон и Пэйн (а еще позднее — на Торо)⁶. Джон Стюарт Милль считал, что каждый человек имеет право стремиться к тому, чтобы удовлетворить свои личные интересы, которые должны быть совместимы с идеалами, преобладающими в обществе. Но для того чтобы все это можно было реализовать на практике, государству необходимо твердо стоять на страже интересов общества. Однако это противоречило утилитаристской доктрине Милля.

Неудивительно, что те данные, которые философы-утилитаристы и экономисты-классики приводили, обосновывая свои допущения, были явно недостаточными; а общественные и психологические науки в то время находились в зачаточном состоянии и сами основывались на произвольных догматах. Экономисты-классики не имели возможности использовать данные или факты из области различных общественных и психологических наук в нашем современном понимании.

Не все английские философы этого периода были утилитаристами. Томас Маколей (1800—1859 гг.), государственный деятель, историк и эссеист, убежденно доказывал, что утилитаристская доктрина Милля является ошибочной: «Наша критика «Очерка»

г-на Милля принципиальна. Мы убеждены в том, что человеческая природа никоим образом не может быть взята за исходный элемент при построении науки об управлении государством методом дедукции. Каким же методом нам следует тогда воспользоваться, чтобы прийти к правильным выводам, когда речь идет о таком важнейшем вопросе, как счастье человечества? Конечно, нам следует выбрать тот метод, использование которого во всех экспериментальных науках, в которых он применялся, привело к значительному увеличению силы и интеллектуального богатства рода человеческого. Мы отвечаем: нам следует применить метод индукции, следует наблюдать за состоянием современного нам мира, внимательно изучать историю прошлых эпох, тщательно отбирать лишь достоверные факты... постоянно проверять правильность построенной нами теории, привлекая новые факты»⁷.

Итак, философия утилитаризма стала инструментом, применявшимся в начальный период промышленной революции для объяснения того, почему государству не следует вмешиваться в экономику. Это невмешательство со стороны правительства в отношения между предпринимателями и работниками критики общественной системы, существовавшей в то время, интерпретировали как зеленый свет для эксплуататоров наемного труда. Нет сомнения в том, что правительства во имя свободы умышленно не замечали эксплуатации рабочих, которая зачастую была невыносимой и жестокой. В итоге получилось так, что философия утилитаризма не привела человечество в XIX веке к состоянию «наибольшего блага для наибольшего числа» граждан. Напротив, в результате сдвигов, происшедших в экономике, капиталисты-промышленники стали богатыми и могущественными, а огромное большинство трудящихся достигли черты бедности или даже перешли ее и почти не имели голоса в решении вопросов, от которых прямо зависела их судьба. Принцип философии утилитаризма, утверждающий, что свободный рынок дает возможность каждому получать максимум удовольствий и испытывать минимум огорчений, оказался неуместным применительно к широким народным массам, поскольку условия жизни, возникшие в результате промышленной революции, оказались крайне трудными для большинства рабочих, которых, как считалось, можно было легко уволить. И даже если их не увольняли с работы, то зарплаты им едва хватало на то, чтобы влачить жалкое существование.

Однако классическую экономическую теорию, несмотря на отсутствие в ней реализма и утопическое украшательство, не следует недооценивать. Она породила идеи, вдохновившие практических и обладающих особым деловым чутьем бизнесменов на то, чтобы создавать богатство (хотя и ради собственных интересов) и чтобы с помощью последнего в конечном итоге была устранена бедность большинства населения в странах, где основой экономического развития стал капитализм.

Борьба за свободу рынка

В истории человечества предыдущих ста лет идеи радикальных социальных реформ встречались крайне редко. Отто фон Бисмарк, известный консервативный германский «железный канцлер», в 1871 году, после победы над Францией во франко-прусской войне, объединил обособленные германские государства в Германскую империю. До своей отставки в 1881 году он провел такие крупнейшие социальные реформы, как социальное обеспечение и бесплатное государственное образование для народа. «Новый курс» Рузвельта — это еще один пример радикальной реформы, или адаптации к социальному кризису без насильственной революции. Радикальные реформы, начатые в Англии после второй мировой войны, также являются примером перемен без насилия.

Борьба за свободу рынка, переместившая экономическую власть от церкви и монарха к торговцам и промышленным капиталистам, не отвечала критериям ненасильственной революции путем адаптации. Эта борьба не могла закончиться радикальными реформами, так как подрывала сами основы римско-католической церкви, Священной Римской империи и — уже позднее — власти монархов, правящих «по божественному праву». Революционерами насильственного плана, а не реформаторами, идущими путем адаптации, были Оливер Кромвель и Джордж Вашингтон.

Глубокое недовольство, рождавшее насильственные революции, вселяло страсть к свободе и справедливости у философов и поэтов. Поэтому вполне закономерно, что великая борьба за свободу дала таких крупных и ярких певцов свободы, как Локк, Русео, Вольтер, Бентам и Милль — радикальных философов и философов эпохи Просвещения.

Поскольку деспотичная власть церкви и монарха была препятствием на пути к справедливости, справедливость родилась как детище свободы. Тирания самодержцев властвует «по божественному праву» (а до них, в средневековье, тирания римско-католической церкви), породила стойкое неприятие государственной или церковной власти в любом ее проявлении, а потому лучшей гарантией индивидуальной свободы новая буржуазия считала слабое государство.

С конца эпохи феодализма (XVI в. в Англии) основные усилия в борьбе за свободу в западной цивилизации были направлены на создание рынка, свободного от контроля со стороны церкви и государства. Та свобода, в борьбе за которую пуританский парламент и Оливер Кромвель казнили Карла I и отстранили от власти правящую династию Стюартов, а Джордж Вашингтон нанес поражение британской армии, была в значительной степени свободой покупать и продавать. Под этим подразумевалось, что все желаемое можно было приобрести за деньги и правила устанавливали не церковь и монарх, а предприниматель и торговец.

Борьба за рынок, правила которого должна была определять новая предпринимательская буржуазия, явилась бунтом против феодализма и монархии, властвующей «по божественному праву». В начале IX столетия Священная Римская империя и ее духовный союзник римско-католическая церковь создали могущественную форму социальной организации, сохранявшую их всеобъемлющий контроль на протяжении семи веков вплоть до Реформации. Феодализм представлял отлаженную систему, естественным образом эволюционировавшую из среды, в которой она зародилась и которая питала ее рост и развитие. Характер экономических возможностей определялся неразвитостью технологии, специализации и торговли. Транспортное сообщение было крайне примитивно, что делало торговлю почти невозможной. Без торговли не могла развиваться специализация, и деньги в нынешнем понимании почти не играли роли в феодальной экономике. Подавляющее большинство людей были крепостными, которые обладали и довольствовались скудными земными благами, за что им были обещаны спасение и вечное блаженство в предполагаемой загробной жизни.

Политическая система была проста по своей сути. Феодальным доменом правил феодал, чье слово было законом, пока он оставался верен римско-католической церкви. Церковь с ее монополией на спасение обладала огромной властью и получала лучшие земли за счет продажи индульгенций. Если феодал показывал себя недостаточно верным, он мог быть предан анафеме, что означало лишение вечного блаженства не только его самого, но и всех вельмож, рыцарей и крепостных в его владениях. До Реформации последнее обычно заставляло феодала оставаться верным церкви.

Производство постепенно совершенствовалось. Возросло значение транспорта, была подготовлена почва для специализации и торговли. Промышленность и торговля, хотя и оставались сравнительно неразвитыми на протяжении нескольких столетий до промышленной революции, привели к образованию маленьких и больших городов. Экономический базис феодализма рождал новую экономику, основанную на специализации и торговле.

Как и следовало ожидать, на пути развития рынка перед буржуазией все еще оставалось главное препятствие. Порядки, согласно которым людям следовало жить и трудиться, по-прежнему диктовались церковью. В этот период борьба за свободу развернулась вокруг стремления заставить церковь изменить те из своих правил, которые противоречили интересам быстро растущего торгового класса. Назревал, казалось бы, безнадежный конфликт между обещанным церковью спасением и свободой купли-продажи. Реформация дала оригинальное решение. Торговый класс мог одновременно обрести как спасение души, так и свободу купли-продажи. Закончилась монополия римско-католической церкви. Генрих VIII стал защитником веры в Англии, основав англикан-

скую церковь. Мартин Лютер дал немцам и другим народам возможность обрести спасение в новой церкви, носящей его имя и не зависящей от Рима. Другие, например Джон Нокс и Джон Уэсли, создавали церкви, отвечавшие особым интересам своих последователей. Власть Рима была подорвана, и создавались условия для появления национализма.

Хотя в новых протестантских государствах на смену прежней церкви пришли новые, последние не унаследовали силу римско-католической церкви. Через идею о монархии «по божественному праву» власть перешла к суверену. Согласно этой идее правитель властвует не только над государством, но также и над церковью. Торговцы, таким образом, победили в борьбе с церковью, но еще не завоевали окончательно свободу купли-продажи. Порядки теперь устанавливали монархи, правившие по «божественному праву», и это привело к новым столкновениям интересов.

Благосостояние образовавшегося торгового класса и новых ориентированных на торговлю помещиков и землевладельцев зависело от расширения рынка, но их политический вес был недостаточным. На пути стояла власть монарха, правившего по своему произволу. Королевские монополии и право облагать налогами считались препятствиями на пути развития рынка и приобретения огромных богатств, которые он сулил. Теперь, когда торговый класс еще не мог контролировать корону, борьба за свободу купли-продажи и связанные с ней прибыли должны были преодолеть препятствие, которое представлял монарх. Эту борьбу иллюстрируют события, происходившие в Англии с 1649 по 1688 год. Абсолютистское правление Стюартов было заменено конституционной монархией, давшей торговым капиталистам и мелким помещикам контроль над королевской властью.

В борьбе за рынок торговый класс добился поддержки со стороны народных масс (т. е. людей, не имевших собственности). Народ верил, что борьба за свободу должна быть основана на принципах свободы и справедливости для всех. К этому итогу, однако, революции XVII—XVIII веков не привели нигде.

Французская революция стала решающим актом борьбы французской буржуазии, или торгового класса («третьего сословия»), за контроль над рынком. Народные массы, штурмовавшие Бастилию, были полностью уверены в том, что борьба за освобождение от власти Бурбонов даст им свободу и справедливость. Дантон, буржуазный революционер, глубоко понимая происходящее, заявил, что «вся собственность, будь она индивидуальная, промышленная или территориальная, сохранится навеки». День свободы для всех явно еще не настал. О революциях не следует судить по мечтам вдохновляющих их философов, вымыслам прославляющих их поэтов или голосам народных масс, надеющихся на лучшую жизнь. Вот как выразил смысл борьбы за свободу во времена Французской революции Уилл Дюран в своей блестящей десятичной

истории цивилизации: «Средние классы не хотели свержения монархии, а стремились к контролю над ней; они отнюдь не жаждали демократии, но хотели конституционного государства»⁵. Такое государство могло охранять их собственность и их право купли-продажи на рынке, где правила устанавливали *они*. Французская монархия была свергнута, и на короткий миг в истории народные массы ощутили вкус власти и славы, являющихся плодами победы.

Требования простых людей, зачастую чрезмерные, мешали интересам поборников рынка, и последние поспешили вернуться к тому, что считали исходной целью Французской революции, — освобождению рынка от власти короля и церкви. Наполеон выполнил эту задачу, поставив все на свои места, в том числе и народные массы, ошибочно принявшие революцию за свою. Он осуществил это принятием Кодекса Наполеона, объявив перед тем, что «революция вернулась к принципам, с которых начинала; она закончена».

Создавая свою империю, Наполеон сделал попытку объединить Европу под своей властью силой оружия. Он убедился, что его устремления столкнулись с честолюбивыми планами англичан. Мечта об империи быстро разожгла страсти во всех государствах, видевших в рынке источник огромного богатства, и Наполеон посягнул на их интересы. Его война с англичанами и поражение при Ватерлоо могут быть лучше поняты, если учесть, что Артур Уэлсли, человек, победивший Наполеона, играл выдающуюся роль в Ост-Индской компании, помогшей Британии заполучить богатства, которые оказались ей весьма полезными при строительстве империи. Англичане с радостью восприняли контрреволюцию, осуществленную Наполеоном и положившую конец угрозе, которую представляли народные массы. Виги и тори не желали ни республиканского строя, ни демократии, и борьба за рынок не должна была смешиваться с этими целями. Закономерно, что англичане приветствовали Наполеона, когда он привел к концу Французскую революцию, но выступили против, когда он перенес борьбу за рынок во все части Европы. Следовало ожидать, что два главных поборника рынка, боровшихся за обладание громадными выгодами, которые он сулил, должны были столкнуться. Артур Уэлсли, он же герцог Веллингтонский и глава английской Ост-Индской компании, и стал по логике развития событий победителем французского императора.

Лидеры американской революции и те, кто превратил бывшую британскую колонию в полноправное государство, находились под сильным влиянием произведений Вольтера, Руссо, Дидро и других деятелей французского Просвещения. На них так же оказали воздействие труды Джона Локка, знаменитого философа вигов. Романтические и гуманистические голоса этих философов питали их страсть к свободе. Более практические соображения о свободе купли-продажи без вмешательства британского короля (Георга III), пра-

вившего за 3 тыс. миль от их берегов, также возымели свое действие.

Король не вмешивался в вопросы личных свобод в американских колониях, такие как религия и социальное поведение. Его целью была выгода, получаемая Британией за счет того, что колонии покупали и продавали. Используя такие средства, как налоги и регулирование импорта и экспорта, британская монархия подрывала мечту колонистов о рынке, свободном от контроля правителей и священников.

То, что только в революции большинство американских колонистов видели средство борьбы за свободу рынка, вызывает сомнение. Страсти, вышедшие наружу, когда местные патриоты в бостонской гавани побросали с борта судна груз чая, были вызваны стремлением не к той свободе, о которой писали Руссо и Вольтер, а скорее желанием остановить вмешательство Британии в их свободу покупать и продавать без обложения налогами.

Борьба за рынок, которая положила конец феодализму и вызвала подъем национализма, заменила абсолютную власть церкви и монарха конституционной формой правления и значительную часть этой власти передала торговому классу.

Право покупать и продавать без вмешательства церкви или государства ни в коей мере не было единственным фактором в социальной революции, ведущей от аграрного феодализма к торговому и затем к промышленному капитализму. Свобода от произвола, творимого авторитарными церковью и государством, была важным фактором в разжигании страстей участников революции. А буржуазия связывала с ней весьма практический расчет на завоевание права покупать и продавать по устанавливаемым ею самой правилам, дававший деньги, упорство и организованность, необходимые для полной победы в такой борьбе.

Монополисты — творцы действительности

«Нередко замыслы блестящие людей,
Хитросплетенные, как норки у мышей,
Проваливаются вниз».

Роберт Бернс

В своей борьбе за свободу человечество еще не научилось сочетать интересы личности с интересами общества (общего блага).

Утилитаризм и капитализм свободной конкуренции обеспечили идеалистическую философскую основу для экономического развития в Британии и Соединенных Штатах в XIX веке. За несколько столетий маятник качнулся от одной крайности к другой. На одном полюсе личность была подчинена государству и церкви, которые осуществляли неограниченную власть ради «общего блага». На дру-

гом — государство и общество были подчинены индивидуальному интересу личности. Как оказалось, народ опять эксплуатировали — на этот раз новая властная структура, рожденная свободной конкуренцией.

Результатом борьбы за рынок явился распад большей части социальных и правовых взаимосвязей, выработанных за семь веков феодализма. Победа свободного рынка и утилитаризма в трактовке экономистов XIX века означала, что все люди свободны и равны в новопеченном рае на земле — рынке, свободном от ограничений.

Новая эпоха свободного рынка оказалась более сложной, чем ожидали философы утилитаризма и экономисты классической школы. Промышленная революция дала ряд новых открытий, коренным образом изменивших методы производства. Эти новые методы требовали более высокой степени кооперации людей в отличие от доиндустриальной эры, когда специализация была крайне ограничена и люди в экономическом плане были более обособлены друг от друга.

Капиталистическая система явилась той социальной организацией, которая способствовала успеху промышленной революции. Придя на смену феодальному строю, она создала новые взаимосвязи, построенные на кооперации гораздо более высокого уровня, чем раньше. Люди рынка успешно разрушили систему, привязывавшую крестьянина к землевладельцу, землевладельца — к феодалу, феодала — к монарху, а монарха — к императору Священной Римской империи и к папе римскому. Но необходимо было не только заменить эту систему, но и улучшить ее. Классическая рыночная и утилитарная философия оказалась не вполне пригодной для решения этой задачи, поскольку делала упор на стремление к личной выгоде, а не на кооперацию.

В теории свободного рынка общественная кооперация была замаскирована «невидимой рукой» рынка. Предполагалось, что цена труда и цена любого товара или услуги определяется на свободном рынке законом спроса и предложения. То, что в действительности было отношениями между людьми, в классической экономической теории оказывалось только отношениями между ценами. «Невидимая рука» рынка, которая, как считалось, берет начало в естественном праве, служила для сокрытия подлинных отношений между рабочим и работодателем, между конкурирующими работодателями и крупными финансистами и промышленниками. «Невидимая рука» рынка поддерживала иллюзию индивидуальной свободы в мире, который быстро становился все более зависимым от кооперации между людьми в обществе. Неудивительно, что ценовой механизм пользовался столь высоким признанием людей, процветавших в условиях свободного рынка!

Общественные взаимосвязи, по необходимости ставшие органичной частью промышленного капитализма, превратились, несмотря

на свое утилитарное происхождение, в могучую социальную силу. Промышленная революция не смогла бы протекать успешно, если бы капиталисты не имели в своем распоряжении большого количества работников. Но когда все люди свободны и равны, каким образом один человек может заставить других свободных людей работать на себя и подчинять их своим требованиям? До капитализма в неразвитых земледельческих обществах эта цель достигалась применением рабства или какой-либо другой формы принудительных отношений. Промышленная революция сделала рабство ненужным для создания рынка труда. Процесс промышленного производства требовал капитала, без которого рабочий не мог производить. Если капиталом владел капиталист-работодатель, рабочие *должны* были работать на него, если вообще хотели работать. Их труд стал теперь товаром, который покупался и продавался на рынке. Это было весьма далеко от идеи собственности у Локка, которую тот считал продуктом труда, находящимся в пользовании и владении *тех, кто ее произвел*. Это сильно отличалось от утилитаристской концепции, предполагавшей, что все люди равным образом свободны в стремлении к собственной выгоде. Решающее преимущество, как оказалось, имели собственники капитала.

Каким же образом капиталисты приобрели средства производства, позволившие им покупать не работника, как при рабстве, а его труд? Путь указала промышленная революция. На заре капитализма ремесленники владели простыми орудиями труда, с помощью которых вручную производили товары, такие как обувь, одежда, мебель. Они работали в небольших мастерских, бывших нередко частью их жилища. Торговый капиталист покупал эти изделия и продавал на рынках, часто весьма отдаленных от места их изготовления. Со временем прибыли торговцев накапливались в количестве, достаточном для создания фабрик. Постоянный приток новых изобретений обеспечивал условия для покупки ими более сложных инструментов и оборудования. Появилась возможность предложить рабочим заработную плату, превышавшую их заработка в собственных примитивных мастерских. По мере того как возрастали размеры и эффективность фабрик, они могли более успешно конкурировать с ремесленниками, которые все еще держали мастерские. В итоге система, основанная на независимых рабочих, уступила фабричной системе. Собственники фабрик владели средствами производства, а ранее независимый рабочий стал составным элементом в развивающихся системах промышленного производства.

Карл Маркс и другие социалисты XIX века видели в этой трансформации эксплуатацию рабочих, и в растущей нищете народа обвиняли частную собственность на средства производства при капитализме. Нет сомнений в том, что рабочих эксплуатировали, так же как и в том, что равенство в стремлении к личной выгоде было мифом. Тем не менее эксплуатация работника скорее присуща

экономическому развитию в целом, чем капитализму как таковому. На начальных этапах экономического развития в любой системе, прошлой или настоящей, работника эксплуатируют.

По мере того как возрастали размеры и экономическое значение фабрик, их владельцы развивали отношения с банкирами, финансистами и рантье, владевшими природными ресурсами. Устанавливались новые социальные взаимосвязи, определившие структуру капитализма времен промышленного переворота. «Невидимую руку» рынка заменили отношения между рабочим, работодателем, банкиром, рантье и государством. Это понимали такие экономисты с историческим и социологическим уклоном, как Маркс и Торстейн Веблен, однако большинство их менее именитых коллег не смогли омыслить данные взаимосвязи в теории и политике.

Промышленный капитализм существенно повысил уровень жизни примерно четверти населения земного шара. Однако он не смог дать процветание всему миру, как предсказывал Адам Смит. По существу, капитализм породил три явления, чуждых теории свободного рынка: монополию, экономический национализм и экономический кризис.

Возникновение монополии следует понимать скорее как естественный результат технического прогресса, чему способствовал промышленный переворот, нежели как следствие алчности и беззакония. Многие из тех, кто стоял у истоков зарождавшейся монополии, зачастую были людьми алчными, но развитие монополии было бы невозможно без ряда крупных технических достижений. Мелкие мастерские не смогли бы стать гигантскими фирмами без значительных изменений в науке и технике.

Свободный рынок основывался на конкуренции между всеми покупателями и продавцами на рынках, где не существовало каких-либо ограничений. Такой вид конкуренции не мог оказывать пагубное воздействие, так как предполагалось, что все действующие на рынке «единицы» малы и не способны навязывать свою волю конкурентам. По сути, считалось, что именно свободная конкурентная борьба на свободном рынке принесет всем справедливость и счастье.

Промышленная революция все это изменила. Чистая конкуренция, как ее трактовала теория свободного рынка, основывалась на свободном проникновении фирм в любую отрасль. По законам свободного рынка менее эффективные, или субмаржинальные, фирмы вынуждены были уходить из отрасли, и их замещали новые, более эффективные фирмы. То, что выглядело в теории хорошо сбалансированной и справедливой системой, держало предпринимателей в действительно конкурентных отраслях в постоянном страхе банкротства. Для опасения имелись достаточные основания, поскольку банкротства были делом обычным.

С увеличением размера фирм проблема экономической нестабильности становилась все более болезненной и создавала серьез-

ные трудности. Крупным фирмам требовались все большие инвестиционные затраты. Такие затраты оказывались неоправданными в случае, если конкуренция с другими фирмами порождала бы еще большую рыночную нестабильность, чреватую всеобщим крахом.

Тенденция к монополии не есть, по-видимому, как полагает М. Фридмэн, нечто навязываемое свободному рынку государством⁹. В природе экономического развития и при капитализме, и при социализме заложено, что нестабильность на внутренних и международных рынках является препятствием для дальнейшего роста и развития. Защита, которую государство предоставило лидерам рынка в форме тарифов, патентов и т. д., была реакцией на заявления последних о том, что без такой защиты они не смогут существовать. Первые государства эпохи свободной конкуренции могли игнорировать такие требования, но государства, переживавшие структурные изменения, вызванные промышленным переворотом, уже не могли себе этого позволить.

Та же нестабильность, которая вела к монополизации основных отраслей промышленности, вызвала и появление экономического национализма, заменившего свободную торговлю новыми, более эффективными разновидностями экономического меркантилизма. За короткий период реальное международное разделение труда создало систему действительно свободной торговли между государствами, пережившими экономический подъем. Этот период, закончившийся к началу первой мировой войны, не был результатом действия естественных законов рынка, перешагнувших национальные границы. Он был вызван коротким затишьем, во время которого британское государство искусно привело международную торговлю в соответствие с принципами свободного рынка, о чем подробно говорится в главе 3.

Экономическое развитие, подкрепленное промышленной революцией, вызвало появление нескольких могущественных государств, чья экономика зависела от ресурсов и рынков в других регионах мира. Без таких ресурсов и рынков их национальная промышленность не могла развиваться и процветать. Нестабильность, которая ранее привела к становлению монополии внутри страны, вновь обострилась за счет еще более опасной конкуренции извне. Мечта Адама Смита о свободной торговле и свободном разделении труда была разрушена в связи с подъемом национализма, для которого иностранная конкуренция была столь же нежелательной, как для монополистов — внутренняя.

Монополия и система национальных экономических барьеров становились все более значимым направлением развития государств, переживавших экономический подъем. Эта система по-прежнему носила название «капитализм», но во всех отношениях резко отличалась от утопических теорий утилитаризма и свободного рынка.

Экономисты классической школы видели в естественных зако-

нах рынка, направляемого «невидимой рукой», прекрасную систему, обеспечивающую экономическое развитие и справедливость. Но утопические мечты экономистов классической школы не стали реальностью. Напротив, образовавшаяся система направлялась не «невидимой рукой», а потребностями монополистической промышленности и государства — ее политического эквивалента.

Ценовой механизм не мог, как полагали экономисты классической школы, осуществлять регулирование автоматически, и система стала периодически подвергаться воздействию экономических кризисов. Это был иной мир и по форме, и по содержанию, а обещание стабильности могло превратиться в реальность, не более чем вера утилитаризма в свободу и равенство всех людей.

Рынки и ресурсы важны для *всех* промышленных стран, а свободная торговля требует подчинения чисто национальных интересов интересам мировой экономики. Это крайне идеалистичный взгляд на мир, и могущественные государства, вне зависимости от их идеологий, не желают поступаться собственными интересами. Но, конкурируя друг с другом из-за сырья и рынков сбыта готовой продукции, они не чувствуют себя в безопасности. И это не удивительно, если принять во внимание историю конкуренции и монополии даже в рамках одного государства.

Хотя колониальные войны играли заметную роль в истории Европы на протяжении XVIII столетия, а британский империализм достиг своего расцвета к концу XIX века, принципы свободной торговли превозносились в публичных речах большинства британских политиков. Несмотря на политику Британии в Индии, Китае, Африке и повсюду в мире, британские экономисты продолжали преподносить международную экономику в свете свободной торговли и теории чистого рынка. Действительные экономические отношения между государствами и регионами никогда не исследовались при разработке ортодоксальной теории международной торговли.

Империализм стал национальной стратегией задолго до того, как государства официально отказались от политики свободной конкуренции. Те же факторы, которые вызвали монополистическую концентрацию в пределах одной страны, привели к тому, что империализм одержал верх над свободной торговлей. Точно так же как монополия уменьшает риск банкротства на внутреннем рынке, империализм делает то же самое на международном рынке. Это породило конфликты и проблемы, решение которых будет определять нашу судьбу на долгие годы. Это также породило и изрядное лицемерие, удерживающее людей от использования на практике того, что они проповедают в теории. Обобщая сказанное, нужно отметить, что утилитарная доктрина свободного рынка не достигла своей утопической цели. Свобода, которой пользовались капиталисты, стремясь к личной выгоде, дала им возможность приобщить капитал, ставший основой экономического роста. Доктрина утилитаризма выдавала алчность или амбиции немногих за стремление

к счастью для всех. Алчность и амбиции вели к прибылям, а прибыли питали промышленную революцию. Могло ли это произойти каким-либо иным путем? В прошлом, вероятно, нет, а в будущем — кто знает.

3. УПАДОК И КРУШЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Капитализм свободной конкуренции порождает проблемы и вызывает критику

Промышленная революция породила множество проблем, две из которых — безработица и тяжелые условия труда — были наиболее видимыми. Безработица и нищета стали уделом значительной части народных масс в развивающихся странах на всем протяжении XIX века.

Механизм действия «невидимой руки» вызывал сомнения почти с самого начала. Экономическое развитие породило множество проблем, естественных для периода, когда общественные и социальные условия менялись. Сторонники принципов утилитаризма обещали наибольшее благо для наибольшего числа людей, однако народные массы жили в нищете. Представители классической политической экономии обещали оптимизацию экономических целей посредством действия механизма свободного рынка, однако безработица была всеобщей. Действительные отношения между работодателем и наемным рабочим ставили под сомнение теорию Милля, согласно которой на свободном рынке все люди преследуют свои собственные цели в интересах общего блага.

Роберт Оуэн был убежден, что условия, в которых существуют люди, определяют как их индивидуальный характер, так и их общественное бытие¹. Он не был согласен с представителями классической политической экономии в том, что естественные законы рынка, которые отражаются в механизме цен, направляемых «невидимой рукой», приведут к наибольшему благу для наибольшего числа людей.

Сторонники Оуэна, а также и другие группы оказывали значительное давление на правительство с целью осуществления последним реформ. Однако не только представители радикальных кругов яростно критиковали сторонников принципов утилитаризма, которые были ответственны за экономические и общественные кризисы в Англии в начале XIX века. Маколи в этой связи писал в «Эдинбург ревью»: «Мы не считаем, что сторонники принципов утилитаризма представляют опасность для нашего общества. Наши опасения заключаются в другом. Мы испытываем к ним отвращение и не доверяем им... В нашей стране не было и, мы твердо верим, не существует более непопулярной партии. Они способствовали тому,

что наука политической экономии, представляющая огромное значение для благосостояния народов, представляет объект ненависти для большинства членов нашего общества»².

После наполеоновских войн безработица стала важнейшей проблемой в Англии. Недовольство рабочих росло по мере того, как безработица увеличивалась без какой-либо надежды на перемены. Парламент, состоящий из работодателей и крупных землевладельцев, почувствовал опасность и в 1817 году принял достаточно репрессивное законодательство. Действие закона о неприкосновенности личности было приостановлено. Проведение любых общественных собраний без специального разрешения органов власти было запрещено. Принято несколько законодательных актов, ограничивающих свободу печати, и введены меры наказания для тех, кто был виновен в распространении «богохульных и клеветнических слухов в подрывных целях». Были приняты также и другие законодательные акты репрессивного характера. Свободная конкуренция и утилитаризм не привели к наибольшему благу для наибольшего числа людей, а свободный рынок, как это оказалось, не способствовал всеобщим политическим свободам.

В свете этого трудно понять взгляды современных последователей утилитаризма и свободной конкуренции. Профессор М. Фридмэн ошибочно полагает, что «исторические факты единодушно говорят о связи, существующей между политической свободой и свободным рынком. Я не могу привести примеры обществ, существующих в прошлом, которые обладали бы значительными политическими свободами и не использовали бы что-то сравнимое со свободным рынком для организации большей части своей экономической деятельности»³. Профессор Фридмэн, возможно, будет удивлен, узнав о том, что единственный пример из прошлого существования свободного рынка относится к тому периоду времени, когда монополиями был положен этому конец в XIX веке. Однако рынок не способствовал политической свободе для большинства населения.

Доктрины утилитаризма и свободной конкуренции серьезно критиковались и вызывали сопротивление, потому что человеческие взаимоотношения, которые они порождали, и проблемы, которые они создавали, решительно отличались от их утопической модели. Слабость доктрины свободной конкуренции, так же как и всех других подобных утопических моделей, заключается в том, что она не принимает в расчет научно-технический прогресс и не учитывает изменяющийся характер общественных и социальных отношений. Именно Маркс оставил в тени всех других критиков капитализма XIX века своим анализом, который был основан на базе диалектики исторического развития. Однако он также в конечном счете поддался соблазну создания утопии.

Маркс родился 5 мая 1818 г. в Трире, в Германии, спустя лишь год после того, как в Англии была опубликована книга Рикардо

«Принципы»*. Родители Маркса были еврейского происхождения, еще до его рождения принявшие христианство. Маркс был атеистом. Он считал религию «опиумом для народа» и полагал, что она учит народные массы долготерпению, тогда как тирании, которая держит их в бедности и нищете, следует оказывать сопротивление.

Маркс провел большую часть своей жизни в Англии. Здесь он встретил Фридриха Энгельса, наследника богатой немецкой семьи, которая занималась в Германии и Англии производством текстильных изделий. Маркс и Энгельс являлись представителями интеллигенции, чье соприкосновение с народными массами в основном осуществлялось посредством публикации их работ.

Маркс был чрезвычайно начитан в области философии и экономики и, кроме того, прекрасно знал историю. Он превосходно разбирался в классической политической экономии, считая ее теорией эксплуатации. Хотя из-за своих радикальных взглядов он не был признан ведущими представителями экономической науки того времени, тем не менее стал лондонским корреспондентом достаточно консервативной газеты «Нью-Йорк геральд». Он оставался им многие годы, являясь ее наиболее оплачиваемым журналистом. Умер Маркс в 1883 году, возможно не подозревая о том, какое влияние его труды окажут на человеческую историю.

Критика Марксом капитализма существенно отличалась от подобных работ известных коллег, которые изучали его структуру и последствия, как будто он существовал в историческом вакууме. Маркс был первым экономистом, подвергшим анализу экономическую систему как с исторической точки зрения, так и в динамике, считая капитализм необходимой ступенью в процессе экономического развития. Он также понимал его политическую и социальную структуру. В противоположность современным экономистам не концентрировал главные усилия на абстрактном анализе того, что определяет цену чашки чая, скорее изучал различные общественные отношения, возникающие при производстве чашки чая.

Маркс считал борьбу за свободный рынок лишь одной из ступеней в борьбе за всеобщую свободу. Он не был согласен с теми критиками, которые считали, что свободный рынок мог бы существовать и далее, если бы злоупотребления вовремя корректировались посредством реформ. Для Маркса социализм являлся логическим следствием капитализма. Социализм, однако, должен дожидаться своего часа в истории, после того как капитализмом будут созданы для этого необходимые «предпосылки». По мнению Маркса, ими должны быть социализация труда и массовое рабочее движение, добывающееся свободы посредством коллективных действий. Маркс

* В апреле 1817 года вышел из печати главный теоретический труд Д. Рикардо «Начала политической экономии налогового обложения». (Прим. пер.).

подчеркивал, что большинство рабочих уже «обобществлены» на более развитых стадиях капитализма.

По мнению Маркса, существовали довольно основательные причины того, почему капитализм предшествует социализму. Если необходимые предпосылки для построения социализма не созданы и при этом в области производительности труда и производства не создан достаточный прогресс, он только способствует нищете. Критика Марксом капитализма, однако, не помешала ему признать его роль в истории.

«Буржуазия впервые показала, что человечество в своей деятельности может добиваться своей цели. Она осуществила проекты более удивительные, чем строительство египетских пирамид, акведуки римлян и готические соборы; она предприняла дальние экспедиции, превосходящие переселение племен и крестовые походы»⁴.

Концепция о классах при капитализме играет важную роль в учении Маркса. В соответствии с ней два класса состоит из тех, кто владеет собственностью, и тех, кто ею не обладает. Под собственностью понимаются средства производства: фабрики, машины, орудия труда и тому подобное. Неимущие рабочие зависят в средствах к существованию от тех, кто владеет средствами производства, — капиталистов. Без них они не могли бы получить работу. Капиталисты благодаря этому обладают огромной властью над рабочими. Они устанавливают законы производства и таким образом превращают рабочих в экономический фактор производства, принося в жертву ценность человека как такового. Капиталисты, по мнению Маркса, лишают рабочих их человеческих ценностей.

Теория Маркса об экономических кризисах при капитализме, если судить о ней с точки зрения современных проблем, представляется слишком ограниченной. Важную роль в теории Маркса о кризисах играет прибыль. Он критиковал стремление капиталиста к получению все большей прибыли. Хотя внедрение новой технологии могло бы сделать жизнь рабочего более терпимой и творческой, Маркс видел противоречия в погоне за прибылью, которая заставляет промышленников производить больше, чем рабочие могли приобрести на их низкую заработную плату. Экономический кризис, таким образом, являлся вопросом низкого уровня потребления.

Теория углубления кризисов при капитализме, которые как предполагал Маркс, в конечном счете приведут к его гибели, вызвала острую полемику. Она была основана на предсказании о падении нормы прибыли. Виной этому были технологии. По мере все большего притока капитала, который требуется для повышения эффективности, норма прибыли уменьшается. Владельцы капитала пытаются компенсировать эту потерю, расширяя производство и таким образом затоваривая рынок, что и приводит к кризисам, которые продолжают углубляться. По мнению Маркса, иронией является то, что совершенствование технологии способствует упадку капитализма.

Маркс, критикуя своих коллег-экономистов за создание статических моделей, в этом случае, как я полагаю, сделал ту же ошибку. Он создал статическую модель, в которой прибыль должна была снижаться. Однако норма прибыли не снижалась, как он предсказывал. Почему? Потому что крупные технологические нововведения послужили противовесом тенденции к снижению нормы прибыли по мере увеличения притока капитала. Это может в действительности быть одной из причин того, почему капиталистическая система скорее процветала, чем загнивала, как предсказывал Маркс.

Хотя Маркс в своем анализе учитывал динамику, рассматривая экономические системы как развивающиеся общественные организмы, он был не в состоянии в достаточной мере предсказать динамический характер научно-технического прогресса, начавшегося с середины XIX века. Научно-технический прогресс разрушил как некоторые предсказания Маркса, так и статические теории традиционных экономистов.

Маркс был блестящим аналитиком капиталистической системы. Знание истории, социологии и политики сделало его выдающимся ученым в области социальных наук своего времени. В теориях эксплуатации, прибавочной стоимости, отчуждения рабочего, кризисов и империализма содержалось достаточно правды, но им были допущены и ошибки. Никто с уверенностью не может предсказать отдаленное будущее. Перемены непредсказуемы.

Если бы Маркс был жив сегодня, он, вероятно, подверг пересмотру свой экономический анализ, потому что действительность изменилась. Если бы он был менее определен относительно некоторых явлений и более прагматичен, он бы не стал основателем одной из наиболее могущественных нецерковных религий всех времен.

Конец золотого стандарта

Свободная конкуренция была поставлена под сомнение, как мы видели, промышленной революцией, которая способствовала появлению огромных компаний и расширению колоний. Свободная торговля и идущая рука об руку с ней денежная система, основанная на международном золотом стандарте, просуществовали без серьезных потрясений вплоть до первой мировой войны. После этого обе оказались в бедственном положении вплоть до начала 1930-х годов, уступив в последующем дорогу экономическому национализму.

Теория золотого стандарта — важная часть модели классической политической экономии, основанной на свободном рынке для эффективного размещения ресурсов. Многие рассматривают золотой стандарт в качестве доказательства того, что экономические законы действуют, если в них не вмешиваться. Давайте рассмотрим реальности и вымыслы, связанные с золотым стандартом.

Два фактора сыграли решающую роль в относительно свободном функционировании мировой торговли, которое отмечается в последней четверти XIX и в первые годы XX века: громадный экономический рост и сравнительно стабильное состояние Британской империи, центром которой была Англия. Эти факторы в значительной степени способствовали появлению международной денежной единицы (фунта стерлингов), а также наличию долгосрочного и краткосрочного капитала там, где он был необходим. Без этого притока капитала мировая торговля испытывала бы серьезные трудности и золотой стандарт не смог бы функционировать, что в действительности и произошло после первой мировой войны.

Для понимания того, что было названо золотым веком международных экономических отношений, необходимо взглянуть, во-первых, на действительные взаимоотношения между Англией и остальной частью мира и, во-вторых, на золотой стандарт в теории и на практике.

Великобритания — государство, в 20 раз меньшее, чем Соединенные Штаты, — господствовала в мировой торговле более чем треть века до первой мировой войны. Существует широко распространенное мнение, что успех Англии в мировой торговле и финансах базировался на строгом соблюдении международного золотого стандарта. Действительно, золотой стандарт, который служил в качестве международной валютной системы в течение всего этого периода, Англия, в принципе, соблюдала.

Однако мнение о том, что золотой стандарт обеспечивал непрерываемый поток товаров, оставляет действительную историю нерассказанной до конца.

Что отличает внешнюю торговлю от внутренней? Первая имеет дело со многими национальными валютами, которые конвертируются одна в другую, если торговля осуществляется свободно. Во внутренней торговле покупатель и продавец используют единую валюту, таким образом, ее обратимость не является важным фактором. Во внешней торговле валюта *покупателя* (импортера) должна конвертироваться в валюту *продавца* (экспортера) или в денежную единицу, приемлемую для продавца.

Для осуществления конвертации валют из одной в другую, необходимо установление обменного курса. В соответствии с золотым стандартом стоимость каждой валюты устанавливается в единице золота, которая позволяет выражать стоимость каждой из валют в форме стоимости другой валюты. Если, например, стоимость унции золота, выраженная в долларах США, в два раза больше, чем в английских фунтах, то обменный курс между долларом и фунтом составит бы соотношение 1 к 2.

Международный золотой стандарт основан на достаточно простой идее, которая совпадает с доктриной свободной торговли, как она была представлена Адамом Смитом. Сущность этой системы — подчинение национальной экономической стабильности

свободному развитию мировой торговли. Это означает, что государства должны быть согласны переносить внутреннее нарушение экономического равновесия подобно инфляции или рецессии, для того чтобы сохранить мирные международные экономические отношения.

Необходимые условия для этого следующие. Все страны в соответствии с ними соотносят денежную массу с их золотым запасом. Это означает, что денежную массу необходимо увеличить, если золотой запас возрастает, и уменьшить, если он сокращается. Соотношение между золотом и денежной единицей (например, долларом) остается постоянным, и держатели денег (бумажных денег) обладают правом конвертировать их в золото без ограничений.

Как, однако, такая система способствует ходу свободной и устоячивой торговли?

Мировая торговля может осуществляться без помех тогда, когда государства обладают способностью платить за импорт золотом или валютой, приемлемой для экспортеров других стран. Они получают такие валюты или золото за счет экспорта, иностранных инвестиций, сделанных вкладчиками капитала из других стран, и вкладов в банке, принадлежащих иностранным гражданам. Эти способы, а также добыча золота являлись тем механизмом его получения в годы, предшествовавшие периоду до первой мировой войны.

На простом примере проиллюстрируем функционирование золотого стандарта. Если Франция импортирует больше, чем экспортирует, и иностранных инвестиций недостаточно для компенсации разницы, то французский золотой запас, а также запасы других иностранных валют будут скоро истощены. В соответствии с теорией золотого стандарта этой ситуации можно избежать следующим образом. По мере того как Франция вывозит золото для ликвидации торгового дефицита, сумма денег в обращении во Франции должна сократиться, что приведет к повышению учетной ставки. В результате этого во Франции произойдет сокращение деловой активности. В свою очередь, высокие банковские ставки во Франции, которые явились причиной сокращения денежной массы, привлекут иностранные вклады. Спад деловой активности приведет к сокращению французского импорта, тогда как увеличивающиеся банковские вклады от иностранных граждан расширят запасы иностранной валюты во Франции. Такое состояние будет продолжаться вплоть до тех пор, пока во Франции экспорт не будет сбалансирован с импортом; экономика таким образом будет приведена в нормальное состояние.

Если же имело место противоположное и Франция располагала постоянным превышением экспорта над импортом, то эта проблема могла быть разрешена посредством следующего процесса. Франция получает золото из стран, имеющих дефицит в торговле, и, таким образом, сумма денег в обращении увеличивается, что

приведет к повышению цен и снижению процентных ставок. Более высокие цены сократят французский экспорт, и низкие процентные ставки приведут к тому, что французские граждане переведут часть своих вкладов в импортирующие страны; таким образом проблема будет разрешена.

В целом, однако, теория золотого стандарта страдает от той же неполноценности, что и классическая теория. Она основана на абстрактной логике, вместо того чтобы опираться на факты реального мира. Что дало золотому стандарту возможность соответствовать требованиям дня в период до первой мировой войны? Это не присущая ему логика, а условия, существовавшие в Британской империи.

Каковы же были эти условия? Англия являлась центром мировой торговли отчасти из-за успешного осуществления промышленной революции, что воздаст должное английскому капитализму, и отчасти из-за успеха в создании империи. Англия, обладающая небольшой территорией, возмещала это, приобретая (с помощью военно-морского флота Великобритании) иностранные земли, которые подвергались затем колонизации. В результате этого она превратила значительную часть мира в мировой рынок ресурсов и готовых изделий — рынок, в котором она занимала ведущее положение.

Вполне естественно поэтому, что английский фунт стал ключевой международной валютой, которую хотели получить все, кто принимал участие в мировой внешней торговле. Так как Англия играла ведущую роль в качестве мирового импортера, экспортера и банкира, то кто мог бросить вызов господству фунта стерлингов? Фунт стерлингов использовался почти повсеместно, так как не было лучшей валюты в этот период для мировой торговли. Что дало возможность этой системе успешно функционировать, так это способность Англии экспортировать огромные объемы капитала, которые она накопила, выступая в роли финансового центра господствующей мировой империи. В течение четырех десятилетий перед первой мировой войной около 40% сбережений Англии было инвестировано за рубежом; к 1914 году около 25% национального дохода поступало за счет этих инвестиций. По сравнению с этим Соединенные Штаты, которые заменили Англию в роли господствующей экономической державы, инвестировали за рубежом гораздо меньшую долю их сбережений и богатства.

Англия была в состоянии осуществлять такие большие зарубежные инвестиции потому, что была небольшой и располагала значительными избыточными капиталами. Что касается Соединенных Штатов, то они представляли противоположную картину. Мнение марксистов о том, что капиталистическая страна должна экспортировать капитал с целью окупаемости капиталовложений, было особенно верно в отношении Англии, но не столь уж определено относительно Соединенных Штатов. Огромные необработанные пространства на Западе США предоставляли выгодные инвести-

ционные возможности для более развитых восточных штатов страны.

К настоящему моменту должно быть ясно, почему опыт Англии прекрасно служил поддержанию золотого стандарта и почему после первой мировой войны, когда в Британской империи проявились тенденции к закату и Соединенные Штаты начали господствовать в мировой торговле, золотой стандарт не функционировал столь успешно.

Наличие широких возможностей использования долгосрочного и краткосрочного капитала в Англии предотвратило появление значительных отклонений как в сторону пассивного, так и активного баланса внешней торговли. Это, в свою очередь, сняло напряжение в отношении золота. Англия прекрасно снабжала мир фунтами стерлингов, и золото в этой ситуации играло относительно незначительную роль. В результате этого общее количество золота было достаточным для нормального функционирования мировой торговли. До первой мировой войны Английский банк располагал золотыми запасами на сумму от 30 до 40 млн. ф. ст. После второй мировой войны его золотые запасы в 20 и 30 раз превышали эту сумму, но были недостаточными из-за снижения роли фунта стерлингов в мировой торговле.

Действительно, объемы торговли существенно возросли, чем некоторые экономисты объясняют, почему пришел в упадок золотой стандарт. По их мнению, запасы золота стали недостаточными. Реальные факты этого не подтверждают. Непосредственно после первой мировой войны и вплоть до начала 1930-х годов внешняя торговля увеличилась несущественно относительно общих объемов золота, чтобы подвергнуть опасности золотой стандарт. Громадная стоимость ведения первой мировой войны явилась той причиной, которая едва не привела Англию к банкротству и значительно ослабила эффективность фунта стерлингов как ключевой валюты. Доллар США, который заменил фунт стерлингов с точки зрения международного спроса, тем не менее не принял на себя его роль в качестве ключевой международной валюты.

Почему политика Лондона способствовала свободному функционированию мировой торговли, в то время как политика Соединенных Штатов этому препятствовала? Мировая депрессия и подъем экономического национализма в значительной степени являются этому объяснением.

Великая депрессия 1930-х годов и подъем экономического национализма

В конце XIX века на мировом рынке появились две новые мощные промышленные державы — Соединенные Штаты и Германия, которые бросили вызов главенствующей роли Англии в мировой

торговле. Этот вызов принял форму агрессивной торговой политики и валютной конкуренции. Первая изменила структуру торговли, а вторая привела к созданию новыми мощными промышленными державами своих собственных золотых запасов в конкуренции с фунтом стерлингов. Это привело к дефициту золота, угрожавшему серьезным сокращением мировой денежной массы. Некоторые экономисты рассматривают экономические проблемы как производные от валютной политики и объясняют депрессию 1890-х годов как результат дефицита мировых запасов золота. В действительности конкурирующий национализм, а не валютная политика создала дефицит. Это — важный момент для понимания экономического развития.

Если нарождающийся национализм являлся причиной депрессии 1890-х годов, тогда что же было причиной оживления экономической конъюнктуры в течение полутора десятков лет перед первой мировой войной? Не является ли логичным предположить, что конкурентное соперничество ведущих держав привело к постоянному ухудшению экономического положения, что в конечном счете и закончилось противостоянием на полях сражений в 1914 году?

Экономисты обычно объясняют этот феномен, указывая на открытие золотых приисков в Южной Африке, которое привело к расширению мировых денежных масс. Тем не менее увеличение ресурсов золота не могло само по себе вести к оживлению экономической конъюнктуры и относительно мирным политическим отношениям, как и не было возможности для конкурирующих держав, осуществляющих колониальную экспансию, избежать столкновения друг с другом! Африка была подвергнута расчленению, Индия экстенсивно эксплуатировалась, Бирма была присоединена, а Южная Африка и Китай были открыты для торговли. Новые экономические возможности питали оживление экономической конъюнктуры в начале 1900-х годов. Увеличение резервов золота, а также низкая стоимость его добычи, которая явилась результатом недавно открытого процесса цианирования, содействовали оживлению, но не были этому причиной.

Возвышение Соединенных Штатов и Германии в роли мировых экономических держав нарушило равновесие английской сети международной торговли и финансов. Первая мировая война, возвращенная новым национализмом, была заключительным аккордом золотого века Британской империи. Эра свободной торговли, ставшая возможной благодаря господству фунта стерлингов, уступила дорогу новым формам открытого национализма и серьезным трудностям в области конвертируемости валют. Свобода рынка, которую экономисты школы классической политической экономии представляли себе как расширение за пределы национальных границ, еще раз уступила дорогу меркантилизму. Свободный рынок оказался не способным справиться со сложной реальностью промышленной революции в мире, разделенном на государства, кото-

рые жестко конкурировали друг с другом за доступ к ресурсам и рынкам.

После первой мировой войны международная торговля была значительно разбалансирована появлением конкурирующих валют, что способствовало появлению огромных активных и пассивных балансов. В довоенные годы Англия как мировой банкир, была способна предотвратить такие отклонения, и в тех условиях золотой стандарт функционировал прекрасно. После войны золотой стандарт не смог справиться с огромными взаиморасчетами, которые были навязаны ему хроническими дефицитами целого ряда стран.

Что явилось причиной образования этих огромных дефицитов и активного сальдо? Очевидным ответом, конечно, является то, что фунт стерлингов был де-факто основанием международной валютной системы, а золото — его двойником (де-юре). Золотой век Британской империи наступил тогда, когда мир приблизился к проведению международной валютной политики. Когда эта империя начала распадаться, противоречивые национальные интересы создали огромные дефициты платежного баланса и просто не нашлось достаточно золота, чтобы их сбалансировать.

Концепция золотого стандарта, как мы видели, требует, чтобы каждая страна подчиняла свою национальную экономическую политику требованиям международной экономической стабильности. Новый национализм привел к противоположному порядку и создал напряжения, которые привели к крушению золотого стандарта и ухудшению условий торговли в 1930-х годах. Понятно, что промышленно развитые страны, заинтересованные более внутренней стабильностью цен и полной занятостью, чем устойчивым валютным курсом, проводили политику, которая была несовместима с международным золотым стандартом, и эта политика требовала приведения в этих странах национальных цен и уровня производства в соответствие с целью поддержания системы свободной торговли среди государств.

В период 1920-х годов было совершено немало попыток спасти золотой стандарт, однако огромные дефициты, накопленные на счетах несколькими ведущими странами, особенно Англией, привели к беспрецедентному отливу золота. Это заставило Англию отказаться от золотого стандарта в 1931 году, показав тем самым пример, которому остальной мир последовал через несколько лет.

Крушение золотого стандарта было большим ударом по теории классической политической экономии и вере в концепцию свободного рынка. Но именно мировая депрессия 1930-х годов привела к кейнсианской революции и государственному вмешательству в осуществление экономической политики.

Великая депрессия 1930-х годов, которая распространялась на большую часть промышленного мира, не может быть объяснена теорией экономической ортодоксии. В действительности не су-

существует простого объяснения, но несколько факторов выделяются как крупнейшие причины, затмевающие все другие.

Опасения, вызванные инфляцией с ее политическими последствиями, испытанные европейскими странами после первой мировой войны, фактически парализовали экономический рассудок центральных банков в 1920-х годах. Германия, Австрия и несколько восточноевропейских стран испытывали безудержную инфляцию. Йозеф Шумпетер (известный гарвардский экономист, приехавший в Соединенные Штаты из Австрии, где был министром финансов в период послевоенной инфляции) предостерегал своих коллег-экономистов об опасности инфляции. Он доказывал, что послевоенный инфляционный бум 1920-х годов следовало «лечить» путем политики ограниченного кредита. Представляется также, что опасения, вызванные инфляцией, являлись ключевым фактором в политике Федеральной резервной системы Соединенных Штатов в конце 1920-х и начале 1930-х годов. Политика ограниченного кредита 1920-х годов, как средство борьбы с инфляционным бумом, соответствовала рецептам традиционной экономической теории. Опасения, вызванные инфляцией и выраженные представителями центральных банков, были вполне естественны, принимая во внимание безудержную инфляцию после войны, которая привела к падению нескольких правительств.

Профессор Фридман возлагает вину на антиинфляционную денежно-кредитную политику, которая привела к Великой депрессии. Президент Гувер и профессор Шумпетер были более реалистичны в своих оценках. Герберт Гувер утверждал, после того как он оставил пост президента, что главным фактором, который привел к Великой депрессии, была война 1914—1918 годов. Профессор Шумпетер соглашался с этим и указывал, что именно огромная стоимость ведения войны была причиной Великой депрессии.

Неизбежная оборотная сторона бурного роста кредитов ведет к спаду деловой активности; и в прошлом она также обычно приводила к депрессии. Войны и программы перевооружения, как правило, приводят в движение кредитные циклы, а усилия поддерживать процветание приводят к их нарушению. В последующем все это неизбежно ведет к спаду деловой активности.

По крайней мере, в общем так было в прошлом. Вторая мировая война была в этом смысле исключением потому, что Соединенные Штаты пользовались выгодами экономического превосходства и одновременно осуществлялась научно-техническая революция. В результате этого темпы роста в Соединенных Штатах были достаточно высокими, для того чтобы смягчить нарушение кредитного цикла, вместо этого произошла всего лишь серия незначительных спадов деловой активности. Бурный кредитный рост 1980-х годов содержал корни другой депрессии. Дадут ли эти корни какие-либо всходы, зависит от успеха политики по предотвращению депрессии; это на сегодняшний день труднопредсказуемо.

Другим фактором, послужившим причиной Великой депрессии 1930-х годов, было отсутствие мер приспособления, призванных ослабить структурные изменения, произошедшие после первой мировой войны, частью — в результате войны самой по себе. Европейская зависимость от сельского хозяйства США в период войны привела к значительному росту производства продовольствия в Соединенных Штатах. Быстрое восстановление европейского сельского хозяйства после войны тем не менее не сопровождалось соответствующим сокращением его производства в Соединенных Штатах. В результате этого цены на сырье для пищевой и текстильной промышленности приобрели ярко выраженную тенденцию к понижению. В добавление к этому сельскохозяйственная технология совершенствовалась такими быстрыми темпами, что значительная часть сельскохозяйственных рабочих была попросту заменена машинами. В результате этого около 25 млн. сельскохозяйственных рабочих в 1920-х годах были вынуждены оставить фермы и переселиться в города.

Прогресс в сельскохозяйственной технологии, снижение мировых потребностей в американской сельскохозяйственной продукции, падение сельскохозяйственных цен и перемещение рабочей силы с ферм в города были симптомами сельскохозяйственной революции. Свободный рынок не был в состоянии приспособиться к этим изменениям. Выявившиеся в процессе производства серьезные деформации привели к тяжелой дефляции.

Распределение доходов и крах фондовой биржи также сыграли свою роль в снижении экономической активности. Распределение доходов в существенной степени было искажено и благоприятствовало слоям населения со средними и высокими доходами. В результате процветание зависело от капиталовложений предприятий и наиболее состоятельных потребительских расходов групп, которые к тому же владели большей частью акций корпораций.

Крах фондовой биржи в октябре 1929 года явился трагическим результатом для деловых кругов и потребителей с высокими доходами. Как только курс акций приобрел тенденцию к падению, компании стали особо осторожны при вынесении решений о капиталовложениях. Одновременно потребители, чьи расходы отражали ранее существующий подъем конъюнктуры, также были вынуждены их сократить. Осторожность и пессимизм распространились на всю страну. Совокупный спрос упал, и это (вместе с опасениями относительно инфляции со стороны Федеральной резервной системы, а также деформаций, вызванных аграрной революцией) создавало условия для глубокой депрессии, которая затем и наступила.

Первая мировая война и Великая депрессия обнажили полное отсутствие действенных мер приспособления к изменениям, вызванным промышленной и аграрной революциями. Ни национальные, ни международные рыночные механизмы не могли справиться с

ними. Было ясно, что утопические мечты превратились в страшный сон.

В Англии Джон Мейнард Кейнс (который стал наиболее влиятельным экономистом нашего века) выступил с резкой критикой традиционной политической экономии. Рожденный в 1883 году, год смерти Маркса, в семье очень уважаемых родителей, он получил образование в Итоне и Кембридже. Его мать была мэром Кембриджа, а отец — ректором Кембриджского университета. В дополнение к тому, что он стал наиболее известным английским экономистом со времен Альфреда Маршалла, он был также казначеем Кембриджского университета, где он возглавлял кафедру экономики.

Великая депрессия предоставила Кейнсу, который впоследствии стал лордом Кейнсом, необходимые доказательства для того, чтобы поставить под сомнение свободную конкуренцию в качестве жизнеспособной экономической доктрины. Этот вывод вызвал противодействие со стороны многих коллег-экономистов, но он был слишком влиятелен, чтобы его мнением можно было пренебречь. Неоклассическая политическая экономия Альфреда Маршалла (которая вытеснила ранее существовавшую классическую школу Адама Смита, Давида Рикардо и Джона Стюарта Милля) была заменена экономикой Джона Мейнарда Кейнса.

Кейнсианская революция — конец свободной конкуренции

«Удивительно, каким глупым вещам можно временно поверить... в особенности в политической экономии, где часто невозможно подвергнуть идеи убедительной проверке».

Джон Мейнард Кейнс

Вся система классической политической экономии построена на логике рыночного механизма. В капитализме XIX века большая часть экономической деятельности, например войны и приготовления к войне, не подлежала рассмотрению в рамках законов рынка. Не принимались во внимание и быстрые научно-технические достижения (вызванные промышленной революцией), политические и общественные отношения. Не принимались также и нарушения, выявленные в ходе экономического процесса, которые не реагировали на изменения цен, подобно глубоким кризисам.

В 1930-х годах самый длительный, глубочайший и наиболее широко распространившийся в промышленном мире кризис убедил некоторых из наиболее выдающихся экономистов, что нельзя

полагаться на законы рынка при разрешении некоторых экономических проблем. Наиболее известным из них был Джон Мейнард Кейнс. Если бы кому-либо было поручено выбрать три книги в области политической экономии, которые оказали наиболее глубокое влияние на экономическую политику в различных регионах мира, то этот список был бы следующим: «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Капитал» Карла Маркса и «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса.

В отличие от работ Смита и Маркса, «Общая теория» Кейнса не являлась моделью для новой утопии. Фактически она ставит под сомнение только один из основных догматов доктрины классической политической экономии — равновесие в условиях полной занятости. Концепция равновесия в условиях полной занятости является важным составным элементом в свободной конкуренции. Равновесие означает, что отсутствует тенденция к его нарушению. Экономисты неоклассической школы конца XIX и начала XX века считали, что законы свободного рынка приведут к полной занятости и равновесию в одно и то же время.

Положение о равновесии в условиях полной занятости — крайне необходимая часть доктрины классической политической экономии, потому что оно делает ненужным вмешательство государства, когда экономика испытывает инфляцию или существует безработица. В модели классической политической экономии законы рынка (спрос и предложение) автоматически восстанавливают равновесие в условиях полной занятости, когда экономика отклоняется от состояния полной занятости и устойчивых цен. Если стабильность на каждом рынке и в целом в экономике автоматически достигнута, вмешательство государства в экономику, как предполагается, не является необходимым.

Модель Кейнса также построена на основе концепции равновесия. Но в его модели экономики равновесие может быть достигнуто на любом уровне безработицы. Следовательно, безработица может существовать, когда экономика находится в равновесии. Отвергнув положение классической политической экономии об автоматическом равновесии в условиях полной занятости, Кейнс открыл тем самым дверь для вмешательства государства.

«Общая теория» оставляет основные принципы классической политической экономии без изменений. Она не ставит под сомнение и не отрицает такие ее фундаментальные принципы, как частная собственность и регулирование экономики, не говоря уже о размещении ресурсов или распределении доходов посредством конкуренции на рынке. Она является революционной только в отношении открытия равновесия в условиях безработицы. Это действительно разрыв с классической политической экономией, так как она предписывает государству необходимость вмешательства с целью восстановления экономического подъема и полной занятости. В период

Великой депрессии 1930-х годов концепция свободной конкуренции как механизм, пригодный для практического использования, была дискредитирована практически повсюду, за исключением среды профессиональных экономистов. Считалось дерзким брать под сомнение доктрины, которые стали священными, а «Общая теория» рассматривалась наиболее верующими из них как радикальное отступление от таких доктрин.

Теория Кейнса о безработице была основана на его вере в то, что частные инвестиции определяют функционирование экономики. Их объем определялся на базе ожидания прибыли и стоимости заемных средств под инвестиции (ссудный процент, выплачиваемый под заем такого капитала). Кейнс называл это предельной эффективностью капитала, что означает на английском финансовом жаргоне ожидаемую чистую прибыль.

Наиболее простой способ объяснить различие между неоклассической экономической теорией, существовавшей до Кейнса, и теорией Кейнса — это сравнить их обе в период спада. В неоклассической теории ценовая система, существующая на свободном рынке, способна разрешить проблему. Если существует безработица, то понижение заработной платы способствует восстановлению полной занятости. Если нарушения кроются в товарных ценах, которые являются слишком высокими, то их падение восстанавливает равновесие в экономике. Если процентная ставка слишком высока, препятствуя, таким образом, инвестициям, понижение процентных ставок разрешает проблему. Возвращение к полной занятости осуществляется автоматически и концентрируется вокруг установления равновесия среди различных вовлеченных в этот процесс цен. На свободном рынке, как предполагается, это лишь только вопрос действия механизма спроса и предложения.

В модели экономики Кейнса причиной спада является низкий уровень инвестиций, который проистекает от низкого ожидания прибыли. Если спад достаточно глубок, то снижение процентных ставок недостаточно для компенсации низкого или негативного ожидания прибылей. В соответствии с финансовым жаргоном предельная эффективность капиталовложений была бы слишком низкой для того, чтобы привести к подъему конъюнктуры. Снижение заработной платы не могло этому помочь, потому что такая мера еще более сократила бы спрос на товары и услуги. Кейнс пришел к выводу, что предельная эффективность капиталовложений не зависит от действия рыночных сил (цен). Требуется вмешательство рычагов финансово-бюджетной политики, для того чтобы способствовать полной занятости в период, когда экономика находится в состоянии глубокого спада. (Под финансово-бюджетной политикой понимается использование в стратегических целях федерального бюджета — налогов и государственных расходов для оказания влияния на спрос в экономике.)

Использование рычагов финансово-бюджетной политики перечеркнуло доктрину свободной конкуренции, потому что сбалансированный бюджет является ее необходимым компонентом. Если бы все экономические вопросы можно было доверить частному сектору и если бы на рыночный механизм можно было положить для восстановления полной занятости, то тогда не было бы и причин, которые могли вывести государственный бюджет из равновесия. Бюджет, сводимый с дефицитом, рассматривается экономистами классической школы как нежелательный, потому что, как они считают, это может помешать «невидимой руке» выполнить свою роль. Дефицит государственного бюджета, согласно модели классической школы, препятствует правильному функционированию законов рынка.

Кейнс не пришел в уныние, сделав открытие, что модель классической школы ошибочна в отношении вопроса о полной занятости. Он верил, что использование рычагов финансово-бюджетной политики могло бы спасти капиталистическую систему. Это было равносильно заявлению о том, что бюджет, сводимый с дефицитом, иногда лучше, чем сбалансированный бюджет.

Кейнс считал, что депрессия — результат неиспользования ресурсов как человеческих, так и материальных. Он приписывал ее недостаточному спросу, который явился причиной снижения ожидания прибыли, и указывал на то, что природа этих причин лежит за пределами рыночного механизма и, следовательно, рынок беспомощен в решении этих проблем. Кейнс был тем не менее оптимистом, потому что верил, что государственные капиталовложения являются достаточной заменой частных инвестиций, когда последние неадекватны для достижения полной занятости.

Концепция о допустимости дефицита федерального бюджета не берет свое начало в «Общей теории». Гражданская и первая мировая войны частью финансировались за счет долга, и, например, в 1933 году, когда Герберт Гувер оставил президентский пост, государственный долг США составлял около 20 млрд. долл., то есть около 40% валового национального продукта.

Хотя идея о государственных займах, вероятно, так же стара, как и институт власти, концепция использования государственного долга как инструмента экономической политики популяризировалась Кейнсом. Он рекомендовал правительству использовать финансово-бюджетную политику (т. е. государственный бюджет) для того, чтобы сделать устойчивыми доходы и занятость. Если экономика страдает от безработицы, снижение налогов могло бы стимулировать экономику, побуждая ее к большим расходам. Поскольку подоходный налог был ничтожным в начале 1930-х годов, когда Кейнс писал свою «Общую теорию», он во многом полагался на государственные расходы для стимулирования экономики. Увеличение таких расходов, финансируемых за счет дефицита, приобретает эффект расширения (поскольку при расширении

государственных закупок товаров и услуг спрос увеличивается). В любом случае, чем более глубоким является спад, тем более решительными должны быть меры финансово-бюджетной политики. Увеличение государственных капиталовложений являлось, по его мнению, более мощным средством, чем сокращение налогов.

Кейнс не считал федеральный дефицит столь уж нежелательным, по меньшей мере до тех пор, пока его функцией является приведение в действие не используемых ресурсов. Он полагал, что доходы, получаемые от государственных капиталовложений, будут в несколько раз превышать первоначальный дефицит и что последний себя более чем оправдает, так как увеличение доходов, которое явится результатом этого, вызовет достаточно новых налоговых доходов, чтобы погасить задолженность.

Как оказалось, именно война и расходы на вооружение, а не финансово-бюджетная политика полной занятости Кейнса, в конечном счете явились причиной значительной части этого долга. Финансово-бюджетная политика президента Франклина Д. Рузвельта, которая осуществлялась с целью борьбы с безработицей, добавила к государственному долгу в период с 1933 по 1941 год 20 млрд. долл. В результате проведения этой политики безработица была сокращена с более чем 25% в 1933 году к несколько более 10% в 1941 году. В то же время вторая мировая война была столь дорогостоящей, что политически было невозможно финансировать ее только с помощью налоговых поступлений. В результате этого государственный долг возрос с 40 млрд. долл. в 1941 году до более чем 200 млрд. долл. к концу войны, четыре года спустя.

Подобно «невидимой руке», на бюджет, сводимый с дефицитом, можно было положиться как на удивительное экономическое лекарственное средство. Однако в отличие от «невидимой руки» несбалансированный бюджет управлялся не законами природы, а был предоставлен на усмотрение политики простых смертных. Это был важный момент с философской точки зрения: переход от священных экономических «законов» к гораздо менее священной группе мужчин и женщин, которые разрабатывают и претворяют в жизнь экономическую политику. Для верных последователей Адама Смита это было, светски выражаясь, окончательным богохульством.

Концепция Кейнса и некоторых его известных последователей о том, что дефицит, созданный финансово-бюджетной политикой в период спада, может быть возмещен дополнительными налогами, полученными от экономики полной занятости, никогда в действительности не была подвергнута практической проверке. Вторая мировая война, война в Корее и Вьетнаме, продолжительная «холодная война» сделали невозможным применение мер финансово-бюджетной политики, в которой дефициты в период спада возмещаются дополнительным объемом национального дохода в условиях полной занятости.

«Общая теория» страдает от того же излишнего упрощения,

которое сделало классическую политическую экономию едва ли не устаревшей. Структура экономики и рынка, а также все другие человеческие факторы и общественные отношения исключены из анализа, которые, как предполагают, устанавливают причины таких экономических болезней, как инфляция и безработица. В результате политика, которую традиционные и кейнсианские экономисты предлагают для борьбы с ними, страдает от серьезных дефектов.

Кейнс видел изъяны в доктрине классической политической экономии, но он свято верил в капиталистическую систему и не брал под сомнение утопическую мечту, но был убежден в том, что эта система не могла бы выжить без вмешательства государства. В какой мере утопическая мечта экономистов классической политической экономии и философов утилитарной школы пережила двухсотлетнюю годовщину «Богатства народов»* (1976 г.)? Третья часть населения мира пытается идти совершенно другим путем экономического развития.

Китай избрал дорогу коммунизма, минуя капиталистическую стадию, которая, согласно Марксу, является необходимой предпосылкой для этого перехода. (На самом деле ни в бывшем Советском Союзе, ни в Китае не было и нет коммунизма, как его определял Маркс.) Многие государства «третьего мира», на которые приходится около половины населения земного шара, внимательно приглядываются как к социалистическим, так и к капиталистическим странам. Путь, который они в конечном счете выберут, трудно предсказать.

Насколько жизнеспособной оказалась утопическая мечта в капиталистических странах, отличающихся значительным уровнем экономического развития? Выше было показано, что концентрация капитала и мощные профсоюзы коренным образом изменили политику невмешательства государства в экономику. Экономическая односторонность, империализм и война изменили природу свободной торговли, которую экономисты классической школы рассматривали как предпосылку для мира и процветания. Была ли утопическая мечта похоронена злыми и корыстолюбивыми людьми и государствами или этому существует другое объяснение? Для наиболее правозверных перемены всегда рассматриваются как признак слабости и нежелания принести необходимые жертвы за мечту, которая была жива в прошлом. Ответ на этот вопрос представляется важным, потому что без ответа на него прошлое не может бросить свет на будущее.

Корыстолюбие действительно являлось одним из факторов в переходе от капитализма эпохи свободной конкуренции к крупному корпоративному капитализму. Однако лишь наука и технология с помощью корыстолюбия сделали возможным осуществить скачок от капитализма Адама Смита к капитализму Джона Д. Рокфеллера.

* А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов». (Прим. пер.)

4. ЦАРСТВО КОРПОРАТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

Промышленная революция не уместилась в здании,
которое построил Адам Смит

Вера может иметь ужасные последствия. Те, кто на самом деле верит в классический свободный рынок, считают изменения, приведшие к его ликвидации, «отклонениями», которые не являются настолько принципиальными, чтобы сделать необходимой модификацию предпосылок и выводов. В результате экономическая политика, предназначенная для решения экономических проблем, часто имеет малый эффект или не имеет никакого, а иногда только усугубляет эти проблемы.

Классический рынок — это нечто большее, чем место, где встречаются и совершают свои сделки продавцы и покупатели или получатели кредита и заимодавцы. Его уникальное свойство — это приписываемая ему способность к автоматическому регулированию. Она опирается на две предпосылки. Во-первых, ни одна составная часть рынка, такая как покупатель или продавец или комбинация покупателей и продавцов, не может быть столь велика или могущественна, чтобы произвольно оказывать какое-либо влияние на рынок. Если такие влияния имеют место, то рынок не может осуществлять автоматическое регулирование, необходимое для того, чтобы предотвратить экономические потрясения. Вторая предпосылка состоит в том, что все факторы, которые порождают такие проблемы, как безработица, инфляция, реагируют на действие корректирующего механизма рынка. Если любое из этих условий не выполняется, рыночный механизм не может автоматически восстанавливать «нормальные» условия там, где возникают трудности.

Одно из важных достижений Кейнса, изложенное в его работе «Общая теория занятости, процента и денег», — это его открытие, что предельная эффективность капитала (ожидаемая прибыль) не реагирует на корректирующее воздействие рынка. Оно поставило под вопрос условия, необходимые для существования свободного рыночного капитализма.

В здании, которое построил Адам Смит, — в свободнорыночной экономике на цену возлагается обязанность эффективно направлять и распределять ресурсы. Все имеющее значение в экономическом смысле имеет рыночную цену. Рабочая сила рассматривается как вводимый фактор, реагирует на свою цену, которая называется заработной платой. Кредит реагирует на свою цену, которая называется процентом, а предпринимательство на свою особую цену — прибыль. Земля также имеет свою собственную цену, она называется экономической рентой. Эти цены регулируются законом спроса и предложения. Рыночная цена — это единственная цена, при которой количество товаров, предлагаемое для продажи, равно

тому количеству, которое покупатели готовы купить. При такой уравновешенной цене покупатели и продавцы удовлетворены. (Другими словами, когда предложение равно спросу и рынок является стабильным, достигнута точка равновесия.)

Если все экономические факторы являются функциями рынка, как полагал Адам Смит, тогда следует, что все отклонения могут быть урегулированы ценовым механизмом. Рынки не должны «планироваться» людьми; они должны быть вверены законам природы или «невидимой силе». Если рынки до сколько-нибудь значительной степени планируются или контролируются, тогда так называемые корректирующие воздействия рынка не могут работать. Разница между свободным рынком и планируемым рынком — это не разница в степени, это разница между двумя принципиально различными явлениями. Свободный рынок, как его представляли себе классические экономисты, обладает механизмом самокорректирования, а планируемый рынок не имеет его.

Немногие экономисты, если такие вообще есть, назвали бы рынок, существующий в Соединенных Штатах (или в любой другой из крупных промышленных стран), свободным рынком в том смысле, что он действительно осуществляет корректирующие воздействия, которые ему приписывала классическая доктрина. Основная часть современной экономики состоит из планируемых рынков. Планирование не относится только к социалистической экономике, оно также не означает просто постановку целей на будущее. Планирование, осуществляемое большими корпорациями, оказывает существенное воздействие на структуру и функции рыночной экономики.

Основной объем экономической деятельности в Соединенных Штатах контролируется так называемыми 500 корпорациями журнала «Форчун». На эти корпорации приходится более двух третей готовых товаров и услуг, продаваемых на рынках США. Очень многие основные отрасли промышленности состоят всего из нескольких фирм. Сталь контролируется шестью корпорациями; алюминий — тремя; медь — тремя; автомобили — четырьмя; никель — одной. Пять ведущих нефтяных компаний контролируют большую часть производства и распределения нефти. Такой тип концентрации существует уже в течение некоторого времени. Современная корпорация-конгломерат распространилась и на производство пищевых продуктов, она вошла в средства массовой информации и т. д.

Развитие науки и техники сделало планирование предпосылкой успеха корпорации. Планирование, осуществляемое корпорациями, в силу необходимости должно включать контроль в той или иной форме над предложением и спросом. Для того чтобы создать такое соотношение предложения и спроса, которое помогло бы проектам, задуманным корпорациями, вырасти в при-

бильные начинания, на помощь приходит современное государство, даже в странах с экономикой, состоящей из капиталистических частных предприятий.

Наука и техника радикально изменили процесс производства в крупных корпорациях. Высококвалифицированные управляющие и технически образованные эксперты заменили того предпринимателя, который раньше принимал все решения. Время, которое занимает путь от идеи до проекта и от проекта до продажи продукта, увеличилось с нескольких недель или месяцев до нескольких лет — иногда десяти лет и более. Размер капитала, который требуется для усложнившегося предприятия, вырос с нескольких тысяч до миллионов долларов. Материалы, которые требуются для создания многих современных изделий, стали более сложными и часто находятся в других странах. Рабочая сила для производства многих продуктов уже не может черпаться в основном из числа малоквалифицированных рабочих. Она должна состоять из специально подготовленных людей, чья квалификация не должна отставать от технических нововведений, которых становится все больше и больше.

Требования, касающиеся времени и капитала, которые предъявляет современное технически высокоразвитое предприятие, делают рыночный механизм ненадежным регулятором спроса и предложения. Когда имелось неограниченное предложение неквалифицированной или малоквалифицированной рабочей силы и обычного сырья, можно было рассчитывать, что ценовой механизм сможет удовлетворять потребности более ранней и более простой экономики. Тот же самый ценовой механизм не может обеспечить поступление рабочей силы, необходимой для высокотехнологичного производства, а также редких и сложных материалов и технологических процессов, когда они нужны. Их поступление должно планироваться заранее, часто за несколько лет. Иначе график высокотехнологичного производства может быть нарушен, что повышает риск неудачи.

Во многих отраслях новые продукты и новшества требуют очень больших капитальных расходов, часто миллиардов долларов в течение пяти — десяти лет. Рынок капиталов, который обеспечивал капиталами нашу промышленность, проложил дорогу росту корпораций. Это явилось необходимым приспособлением к результатам промышленной и научно-технической революции.

Другой нереалистичный аспект классического свободного рынка — это почти абсолютная надежда на естественные законы, определяющие всякое экономическое решение. Государству придается нейтральная роль всякий раз, когда речь идет об экономике. Власть не имеет значения в свободнорыночной модели, поскольку считается, что решающую роль играет «невидимая рука». Вопреки всем историческим данным, указывающим на обратное, классические экономисты полагали, что богатство может создаваться и при

этом не создавать власти. Они считали людей экономическими, а не политическими существами; отсюда их термин «экономический человек».

Классические экономисты не были наивными. Они признавали наличие таких побудительных мотивов человеческой деятельности, как жажда власти, славы, богатства и безопасности. Однако в их представлении эти мотивы подчинялись естественным законам рынка. Например, Адам Смит полагал, что, хотя каждый производитель мог бы захотеть запросить максимально высокую цену, конкуренция на открытом рынке не позволит ему запросить больше, чем рыночная цена, а забота о собственных интересах помешает ему запросить меньше. Этот подход отражает скорее попытки рационализировать идеологию, чем стремление делать выводы из наблюдений над реальностью.

В такой экономике все решения остаются делом рынка: что должно производиться, сколько должно производиться каждой фирмой и отраслью, сколько будут стоить все исходные и конечные элементы. Считается, что все решения принимаются демократически, большим числом покупателей и продавцов, потребности которых определяют спрос и предложение. Таким же путем достигается прибыль, и, таким образом, никогда, за исключением коротких промежутков времени, она не может быть чрезмерной¹.

Поскольку в соответствии с классической экономической наукой общественная справедливость достигается автоматически благодаря естественным законам рынка, правительство не играет роли в экономике. Его функции сводятся в основном к обеспечению национальной безопасности, как внутренней, так и внешней, и к защите жизни и собственности.

Свободный рынок, которому не мешают ни государственная власть, ни концентрация мощи в частных руках, рассматривается в качестве естественной среды, наиболее приспособленной для оптимального использования скудных ресурсов. Концентрация экономической мощи рассматривается как экономическое беззаконие, а не результат технологического и общественного развития. Это убеждение просматривается в антитрестовских законах, которые принимались для того, чтобы защитить свободный рынок от последствий экономической концентрации. С 1890 года, когда в Соединенных Штатах был принят первый антитрестовский закон (антитрестовский закон Шермана), экономическая концентрация значительно усилилась. В большинстве ведущих отраслей промышленности конкуренция привела к вымиранию фирм, до тех пор пока их осталось ровно столько, сколько смогло выжить. Антитрестовские законы, нацеленные на то, чтобы предотвратить беззаконие, а не на то, чтобы реагировать на технический прогресс, оказались бессильны помешать этому.

Верховный суд Соединенных Штатов до сих пор не открыл способа предотвратить развитие и рост монополий. Это показывает, например, его решение 1920 года о размерах, по делу одной из сторон в котором была «Юнайтед стейтс стил корп.». В своем решении Суд выразил мнение, что «сам по себе размер не является предосудительным». Фактически суд признал действительный факт: нельзя с помощью законов контролировать размер корпорации, он определяется технологическими и экономическими факторами. К несчастью, размер — это также один из основных факторов, составляющих экономическую мощь. Классические экономисты абстрагировались от проблемы мощи тем, что принимали малые размеры экономической единицы за данное. Когда фирмы стали большими, Суд должен был признать, что большой размер сам по себе не ведет к экономической мощи. Это — весьма смелое допущение, но Суд не видел иной альтернативы. Хотя решение по делу компании как будто противоречит этому, факты говорят, что экономическая концентрация благодаря слияниям и приобретениям достигла большей степени, чем когда-либо.

Философы свободного рынка, которые видели в своем учении колыбель свободы, усматривали в государстве угрозу своей системе. Это объяснимо, поскольку в XVIII и в начале XIX века отдельная фирма была все еще относительно мала и бессильна по сравнению с периодом промышленной революции. Государство, а до этого — церковь обладали произвольной и безжалостной властью, которая наконец была укрощена людьми, борющимися за освобождение рынка.

Промышленная революция, а сейчас и научно-техническая революция изменили положение дел. Глобальная корпорация мало напоминает мастерскую или лавку мясника, служившую моделью производственной единицы в эпоху свободного рынка. Современная корпорация по-прежнему принадлежит частным лицам, но на этом сходство кончается. Источник ее экономической мощи — это отчасти налоговые поблажки, прямые субсидии и гранты на проведение исследовательских и конструкторских работ, которые представляют собой общественный (не частный) капитал. Государство еще раз стало важной частью экономики! Оно достигло этого двумя способами: путем создания общественного капитала и с помощью кредитно-финансовой политики, нацеленной на стабилизацию спроса. Поскольку оба этих способа жизненно важны для процветания экономики США, в высшей степени маловероятно, что они будут отброшены ради перехода к свободному рынку.

Важно понять, что свободный рынок пришел к концу не в результате вмешательства государства, а скорее в результате изменений, которые в конечном итоге привели к созданию глобальных корпораций и рынков, планируемых частным образом. Даже если бы правительство отказалось от своих методов вмешательства в экономику, свободный рынок не возродился бы, а приходящаяся на

США часть всемирной экономики, основу которой составляют корпорации, была бы сильно ослаблена.

Даже самые горячие сторонники свободного рынка не могут отрицать того факта, что классическая модель имеет малое сходство с реальностью. Именно рост мощи — мощи, которую воплощают собой фирма, профсоюз и государство, — привел к появлению различия между фактом и фантазией. Проблемы, созданные экономическим развитием, содействовали росту этой мощи. Технология, ставшая причиной укрупнения фирм, привела к тому, что конкуренция стала угрозой для роста и безопасности. Фирмы, которые могли делать это, использовали свою мощь для того, чтобы обуздать конкуренцию.

Неорганизованные рабочие начинали ощущать все невыгодные стороны своего положения лицом к лицу со сравнительно могущественным работодателем. Это привело к возникновению профсоюзов, ставших, в свою очередь, могущественными. Война, бедность, безработица и необходимость защищать окружающую среду расширили сферу деятельности и увеличивали мощь государства.

Политические и экономические организации нельзя правильно понять, если при изучении социальной динамики должное место не будет занимать концепция мощи, существующей в различных формах. Мощь — это не внешний показатель, который можно при желании игнорировать; она неотъемлема от природы человека и отражается во всех социальных институтах. Ее нельзя уничтожить, ее можно только заменить или видоизменить. Она может, однако, быть организована для того, чтобы служить социально необходимой или социально опасной цели. Концепция свободного рынка, игнорируя роль мощи в социальной динамике, предоставляет все эти возможности случаю.

Неспособность признать, что развитие неконтролируемой и неподотчетной власти в процессе принятия экономических решений неизбежно, — это лишь один из основных недостатков традиционной теории капитализма. Другим является ничем не подкрепленная предпосылка, гласящая, что все экономические переменные или факторы подчиняются законам рынка.

Многие элементы того, что составляет современную экономику, не подчиняются корректирующему воздействию рыночного механизма. Например, ожидаемая прибыль не контролируется никаким рынком. Она зависит от неожиданностей того мира, в котором мы живем, а также от произвольных решений могущественных фирм. Другие примеры связаны с планированием, к которому прибегают корпорации. Корпорации с помощью государства пытаются уменьшить неопределенность спроса и предложений, что не является необходимостью для вложения гигантских сумм, требуемых для современного высокотехнологического производства. Государство пытается стабилизировать предложение с помощью

внешнеполитической и военной стратегии и спрос — с помощью кредитно-финансовой политики.

Не самый худший недостаток традиционной рыночной системы — ее неспособность интегрировать в экономическую теорию и практику человеческие потребности неэкономического характера. Такие потребности человека, как самоуважение, гарантированный доход и чувство удовлетворенности работой, не имеют места в процессе экономической оптимизации. В результате ни традиционная экономическая теория, ни практика не могут играть позитивную роль в решении болезненных экономических и социальных проблем.

Становление глобальной корпорации — фирма выходит за рамки страны

«То место, где стоят торговцы, не имеет такой сильной привлекательности, как то, в котором они получают прибыль».

Томас Джефферсон

Современная корпорация переросла не только механизм свободного рынка, она переросла и его политический аналог — национальное правительство. Невозможность создания международной организации, действующей на основании законов и могущей проводить свои законы в жизнь, сказывается на нашей неспособности отзваться на громадный прогресс в области науки и техники соответствующим прогрессом политических и социальных структур. В результате атомный и космический век стал угрозой, а не благословением.

В течение XIX века политическое развитие США было тесно связано с промышленным развитием. По мере того как рынки и сфера деятельности новых корпораций перерастали границы штатов, некоторые полномочия штатов передавались федеральному правительству. Во время Гражданской войны была создана национальная банковская система. По мере того как страну прорезали железные дороги, внутренняя торговля стала проблемой национального масштаба, в результате чего был принят Закон о междуштатной торговле. Рост корпораций также стал проблемой национального масштаба, что вызвало принятие антитрестовского закона Шермана. В 1913 году была создана Федеральная резервная система, которая заложила основы национальной кредитно-финансовой политики. Эволюция национального государства отражает политическое приспособление к экономическим изменениям.

Точно так же как вторая половина XIX века была эпохой развития корпораций национального масштаба, вторая половина XX века стала периодом стремительного развития глобальной корпорации. Корпорации этого типа распространяются по всему миру путем создания дочерних компаний; они не полностью подчиняются за-

конам той страны, где они зарегистрированы, поскольку могут избежать этого путем перенесения всех своих операций или части их в другую страну. Главные их цели — прибыль и усиление контроля за рынками. Они не считают государственные границы препятствием для своих операций и капиталовложений.

Глобальная корпорация действует там, где наиболее удобен доступ к источникам сырья и рынкам. Однако она обращает особое внимание на уровень заработной платы, трудовое законодательство, налоговое законодательство, законодательство по охране окружающей среды, законодательство по технике безопасности и т. д. В результате законы, которые принимаются в той или иной стране, могут привести к потере ею инвестиций и рабочих мест, потому что расположенные в этой стране компании могут перенести свои операции или направить свои инвестиции в другие страны. В глобальной экономике сама корпорация выбирает страну, где она предпочитает размещаться и вести производство. Это может привести к серьезным трудностям в стране, где находится ее штаб-квартира, но, как отмечает профессор Чарлз Киндлбергер (ведущий специалист в США по международной экономике), «у международной корпорации нет страны, к которой она более лояльна, чем к другим»².

Развитие олигополистического рынка³ и, в более позднее время, появление глобальных фирм привели к глубоким изменениям в анатомии капитализма. Олигополия была естественным результатом усилий предпринимателей защитить собственные предприятия от той угрозы, которую представляла для их выживания и роста рыночная конкуренция. Борцы за свободный рынок в конце концов осознали опасность, которую несет в себе «слишком» свободный рынок. Рокфеллеры, Карнеги, Вандербильты и банкиры, вкладывавшие деньги в их предприятия, быстро поняли все преимущества рынка, на котором господствуют сами. По мере того как размеры корпораций увеличивались, они обнаруживали, что могут увеличить свои прибыли, если будут игнорировать государственные границы и будут вести производство там, где оно будет наиболее дешевым. Один этот факт кардинально изменил тот фундамент, на котором был построен капитализм.

Конечно, неудивительно, что корпорация национального масштаба уступает место глобальной корпорации почти таким же образом, как частное предприятие уступило место корпорации национального масштаба, и что происходит это ради тех же целей: прибыли и завоевания рынка на фоне непрерывного технического прогресса. Для многих корпораций норма прибыли от операций за рубежом выше (в некоторых случаях в два или три раза выше), чем норма прибыли от операций на внутреннем рынке.

Как писал поэт Шелли, «неизменно только то, что меняется». Вся структура международной торговли кардинально изменилась в связи со становлением глобальной корпорации. Все большая и боль-

шая доля экспорта и импорта США приходится на зарубежные филиалы глобальных корпораций, расположенные в США. Вероятно, эти показатели еще возрастут по мере распространения технологий. Экономисты и политики лишь приступили к выяснению того воздействия, которое эта тенденция окажет на будущее состояние экономики США. Но ясно, что не ведется никакого планирования, которое помогло бы учесть эти изменения.

Почему глобальная корпорация свела на нет экономическое значение государственных границ? Она принимает во внимание весь мир, не разделенный границами, когда пытается оптимизировать ресурсы и прибыли. Будучи мобильной, корпорация не ограничена никаким национальным законодательством. Она может избежать выполнения невыгодных для нее законов путем переноса своих операций в те страны, где законы создают более благоприятные условия для достижения ею своих целей. Вследствие этого ни одна страна не может себе позволить выработать планы на будущее без учета решений глобальных корпораций, и это, вероятно, окажет глубокое воздействие на законодательство и экономическую ситуацию во всех странах.

Компаний США, переместивших значительную часть своих операций в другие районы земного шара, так много, что их нельзя даже просто перечислить. Во всех случаях это вело к уменьшению числа занятых в США в этих фирмах. «Дженерал инструментс», например, сократила свой персонал в США на многие тысячи работников и увеличила персонал на Тайване на еще большее количество. Это экономически целесообразно, но создает серьезные проблемы во внутренней жизни страны⁴.

Мир без границ, о котором мечтали утописты, не кажется некоторым общественным группам таким привлекательным, как он представляется глобальным корпорациям. Профсоюзы явно видят в глобальных корпорациях угрозу для своей способности заключать трудовые соглашения. Они считают деятельность глобального масштаба нечестной по отношению к американскому рабочему, который не выдерживает конкуренции с дешевой иностранной рабочей силой. Глобальная корпорация увеличила свою мобильность тем, что дублирует производственные процессы в разных странах, так что операции могут быть с легкостью перемещены.

Многие развивающиеся страны скептически смотрят на появление глобальных корпораций, потому что понимают, что они не могут их контролировать. Самый печально известный пример глобальной мощи — это роль, которую сыграла компания ИТТ в свержении правительства Сальвадора Альенде в Чили. Даже в самых промышленно развитых странах глобальные корпорации имеют значительное влияние в государстве, и это часто сказывается на внешней политике этих стран. Политика США в отношении Центральной Америки и Ближнего Востока отражает интересы глобальных корпораций США.

Хотя национализм может казаться иррациональным с экономической точки зрения, глобальная корпорация в том виде, как она существует сейчас, не заменяет правительство, поскольку не несет ответственности ни перед кем, кроме себя самой. Глобальная корпорация в нынешних ее формах является вызовом не столько национализму, сколько самой идее демократического государственного строя.

**Уходит со сцены героическая эпоха капитализма.
Входит — эпоха корпораций**

Те, кто боролся за освобождение рынка от влияния церкви и государства, те, кто заложил фундамент капитализма, всячески подчеркивали и прославляли экономическую свободу отдельного человека. Среди тех людей, под чьим выдающимся руководством промышленная революция сослужила службу капитализму, были такие, как Джон Д. Рокфеллер, Корнелиус Вандербильт, Эндрю Карнеги, Дж. П. Морган, Эндрю Меллон, Томас Хилл, Генри Форд и др. Они были героями промышленной революции.

Работа, долг и приобретение получили положение и авторитет религиозного культа. Макс Вебер называл эту новую «мораль» духом капитализма⁵. Она стала импульсом, который привел к тому, что изобретения эпохи промышленной революции заложили основу для могучей промышленности новейшего времени.

Капитализм, развивавшийся в течение всего XIX столетия, не соответствовал тем представлениям о свободе, которые выработали классические экономисты, поскольку большинство рабочих трудились в тяжелейших условиях и подвергались эксплуатации со стороны своих работодателей. Тем не менее та свобода, которая имела место, была существенным условием экономического роста. Те люди (как правило, их было сравнительно немного), которые обладали упорством, энергией, умственными способностями, были преисполнены веберовским духом капитализма, чаще всего могли стать предпринимателями. Самые способные и целеустремленные из них становились руководителями возникающих предприятий. Система моральных ценностей, которая зародилась благодаря стремительно расширяющемуся протестантству, была жизненно важным союзником промышленной революции. Усердный труд и бережливость стали путем к спасению, а преуспевающий предприниматель стал образцом для подражания, роль которого раньше играли святые.

Экономическая свобода, которой пользовались предприниматели, была неотъемлемым условием их успеха, была отвлеченной категорией для громадного большинства рабочих, имевших не больше шансов стать предпринимателями, чем стать пианистами. Свобода похожа на цветок. Она, как цветок, не может быть одина-

ковой в разных условиях. Экономическая свобода в представлении классических экономистов благоприятствовала тем, кто обладал особыми качествами преуспевающего предпринимателя, почти так же как честь и слава на арене древнеримского Колизея доставались тем, кто имел особые качества гладиатора.

Экономическая свобода, содействовавшая появлению могущественных предпринимателей, проявлялась и на политической арене. Британский парламент и конгресс США в XIX и в первой трети XX века в основном состояли из людей, занимавших государственные должности благодаря лидерам финансовых и деловых кругов. В этот период, когда свободный рынок господствовал в экономике США и Великобритании, исключений было мало. Женщины, рабочие и некоторые этнические меньшинства не имели ни политической, ни экономической власти и не имели прямого представительства под сводами парламента или конгресса.

В свете британского и американского опыта XIX века (в течение которого свободный рынок достиг пика своего развития) трудно объяснить некоторые выводы одного из видных исследователей экономической свободы — М. Фридмана. Он утверждает: «Тот вид экономической организации, который прямо обеспечивает экономическую свободу, а именно конкурентный капитализм, также содействует и политической свободе, поскольку он отделяет экономическую мощь от политической власти и тем самым позволяет нехватку одной из них возмещать другой»⁶. Факты свидетельствуют как раз об обратном. Голос тех, кто обладал экономической мощью, был слышен в политике громко и недвусмысленно; те, у кого не было этой мощи, оставались безмолвными.

Свобода, позволявшая предпринимателям отстаивать свои собственные интересы, действительно привела в конце концов к значительному экономическому росту. За это ей следует воздать должное, но нельзя признать, что она позволила людям извлечь максимальные блага, идя по пути удовлетворения собственных интересов. Предприниматели использовали свою политическую власть для того, чтобы рабочие не смогли отстаивать свои интересы, если последние угрожают прибыльности фирмы. Можно доказывать, что такой курс был необходим ради экономического роста, но нельзя доказать, что экономическая свобода дала всем людям в эпоху свободного рынка одинаковые основания надеяться на успех в их стремлении к счастью.

Несмотря на несправедливости и человеческие страдания, которые были порождены экономическим развитием в XIX веке, преуспевающие предприниматели остались его героями. Их часто боялись и нередко осуждали, но они стали образцами для подражания для американской молодежи и реальным воплощением американской мечты.

Точно так же как промышленная революция породила предпринимателей, научно-техническая революция породила новый

тип делового лидера — менеджера крупного предприятия. Однако многие небольшие, новые, ориентированные на передовую технологию фирмы еще продолжают выполнять жизненно важные функции предпринимательского характера в современной глобальной экономике. Они часто оказываются новаторами и авторами новых идей. Предприниматель в своем первоизданном виде по-прежнему здесь действует. Они, имея небольшой управленческий аппарат и упрощенную организацию, могут идти на риск, который грозит значительно большими накладными и иными расходами для крупной корпорации с ее громадным управленческим штатом и сложной организацией. Если небольшая фирма, ориентированная на новые технологии, преуспевает, то может иногда вырасти в большую корпорацию. Однако гораздо чаще она сливается с существующими фирмами, что породило тенденцию к слиянию и созданию конгломератов. Итак, сегодняшний предпринимательский капитализм действует на *передовом рубеже* экономической деятельности и в тех отраслях, где существование небольшой фирмы по-прежнему экономически оправданно.

Хотя глобальная корпорация не имеет никакого сходства с «булавочной фабрикой» Адама Смита или с «типичной фирмой» позднейших неоклассических экономистов, менеджеры глобальных предприятий напоминают предпринимателей XIX века своей настойчивостью, энергией, умственными способностями и решимостью; они видят спасение в духе капитализма. На этом сходство кончается.

Мировоззрение выдающихся предпринимателей в целом ограничивалось национальными рамками. Менеджеры глобальных предприятий обладают явно интернационалистским мировоззрением и считают национальный суверенитет нежелательной помехой, если он мешает их деятельности. Фактически оппозиция национальному правительству во многом порождается или поддерживается глобальной корпорацией, которая считает все формы регулирования на национальном уровне препятствием для своего развития. Как и предприниматели, менеджеры глобальных корпораций, не колеблясь, требуют привлечения военной мощи того или иного государства тогда, когда другие государства угрожают их интересам.

Если готовность пойти на финансовый риск — это абсолютно необходимое качество для предпринимателя, то от менеджера глобальной корпорации требуются доведенные до высокой степени совершенства организационные способности. Финансовый риск берет на себя корпорация, поскольку менеджеры корпораций обычно владеют ничтожной долей акционерного капитала корпорации.

Предприниматели прошлого гибли или процветали вместе со своими предприятиями. Менеджеры корпораций могут «идти ко дну», когда их предприятие вовсе не собирается гибнуть. Точно так же они могут уцелеть при гибели их предприятия, приняв

руководство новым предприятием. Каким образом менеджер может осуществлять контроль, не являясь основным собственником?

Ответ отчасти состоит в том, что собственность сильно расплывлена, а отчасти в том, что знания и информация, необходимые для того, чтобы руководить крупной, особенно глобальной, корпорацией, сосредоточены в руках незначительного числа лиц. Как говорит Джон Кеннет Гэлбрейт, «единственная вещь, которая хуже, чем утрата власти мелкими или пассивными держателями акций, — это ее безграмотное использование»⁷.

В управлении крупной корпорацией основным фактором является не собственность, а контроль. Возможно, наиболее интересный пример этого можно найти в экономике бывшего Советского Союза. Советская конституция четко указывала, что средства производства принадлежат всему народу. Очевидно, что очень мало советских граждан действительно участвовали в осуществлении контроля. Ученые, несомненно, возразят, сказав, что капиталистическое представление о собственности отличается от советского. Однако очевидно и то, что миллионы мелких держателей акций в США, хотя и выполняют роль собственников, в столь же малой мере участвуют в управлении деятельностью большой корпорации, как и в прошлом средний советский гражданин в управлении советской экономикой.

Контроль над большой корпорацией в США или крупным советским предприятием обычно находится в руках небольшой группы людей. Состав этой группы может время от времени меняться, но ни средний советский гражданин, ни средний американский держатель акций не может вызвать эти изменения. Это не значит, что между американской и советской системами не было различий. Различия есть, и важные. Мы говорим просто о том, что контроль уже неизбежно не вытекает из права собственности в Соединенных Штатах и он никогда не вытекал из права собственности в Советском Союзе.

Великого предпринимателя, который был центральной фигурой героической эпохи капитализма, можно уподобить самцу *Apis mellifera* (мифологическому быку), который «совершает свой акт зачатия ценой собственного уничтожения... Главное требование — и технология, и планирование должны оставаться сравнительно простыми или ограниченными»⁸.

Почему научно-техническая революция привела к замене великих предпринимателей менеджерами корпораций? Сложное современное предприятие зависит от высокоорганизованной кооперации. Крайний индивидуализм Генри Форда, который был вполне приемлем, пока технология и материалы были более простыми, является препятствием для глобальной корпорации.

Переход, в результате которого великие предприниматели были заменены могущественными менеджерами корпораций, — это переход от власти капитала (собственность) к власти организованного

знания и разумного решения. В современном предприятии кооперация не просто желательна, она существенна. То же самое можно сказать об обществе в целом и об управлении в частности.

Переход от классической утопии к современной глобальной экономике вызывает непонимание. По-прежнему ведутся серьезные дебаты по поводу защиты человеческой личности, которая изображается в виде жертвы коллективизации. Важно, чтобы суть этого перехода была правильно понята. Сторонники утилитарного подхода и классические экономисты считали свою утопию системой, в которой не было места власти. Все люди считались более или менее равными по отношению к власти. Эта утопическая система на деле быстро привела к героической эпохе капитализма, в которой главную роль играл крайний индивидуализм великих предпринимателей. Она, в свою очередь, уступила место глобальной экономике, в которой экономический успех во многом зависит от организованной кооперации.

Меняющийся характер классовой борьбы

В течение героической эпохи капитализма, когда собственность на капитал составляла основу экономического контроля, капиталист обладал властью над рабочим, поскольку без капитала рабочий не мог работать. Собственники капитала даже полагали, что рабочий должен был быть им предан, поскольку прежде всего именно их капитал позволял рабочему работать и зарабатывать на пропитание. Необходимость питаться и обеспечивать другие человеческие потребности стала, таким образом, основой для классовой борьбы. Владельцы капитала и рабочие по-разному представляли себе, что нужно рабочим для того, чтобы выжить. В раннекапиталистический период классовая борьба романтизировалась благодаря тому факту, что те, кто владел капиталом и контролировал его, были, как и рабочие, живыми людьми. Они могли и видеть и ненавидеть друг друга, если им этого хотелось. Кого рабочий может винить в своих бедах, когда капиталиста заменила безликая корпорация?

Стала ли классовая борьба пережитком, который относится к героической эпохе капитализма? Вероятно, поскольку тот тип эксплуатации, который, по мнению Карла Маркса, является главной причиной классовой борьбы, характерен для ранних стадий экономического развития. Он свойствен не только капитализму, хотя, без сомнения, особенности британского капитализма сильно повлияли на те формы, которые приняла такая эксплуатация в Великобритании в XIX веке. В Соединенных Штатах формы и последствия этой эксплуатации были иными. Имевшаяся в период освоения американского Запада «подвижная граница» давала рабочему альтернативу, а американское общество было не столь жестко иерархичным, как британское.

Из классовой борьбы XIX века, которая привела к ожесточенным схваткам между рабочими и капиталистами-работодателями, выросло профсоюзное движение. Его философия и организационные формы имеют свои корни в классовой борьбе. Профсоюз, по мере того как он набирал силу, давал рабочему все больше возможностей разговаривать с предпринимателем на равных. Фактически в США до 1930-х годов только цеховые профсоюзы оказывали хоть какое-то влияние на отношения работодателей и наемных рабочих⁹. И даже против такого влияния боролись предприниматели, которые в XIX веке сумели провести законы об объединениях, значительно ограничивших возможности и влияние цехового профсоюза.

Великая депрессия 1930-х вызвала большой подъем классовой борьбы в США в связи с созданием профсоюзов по производственному принципу¹⁰. Профсоюзное движение набирало силу в течение нескольких десятков лет и достигло апогея в период администраций Кеннеди и Джонсона. С тех пор как численность членов профсоюзов, так и их мощь постепенно уменьшались.

Профсоюзы должны были бороться за больший кусок пирога и за улучшение условий, в которых трудились рабочие. Чем более безжалостным был работодатель, тем более важное значение приобретал профсоюз.

За последние несколько десятков лет состав рабочей силы изменился под воздействием технического прогресса и стремления менеджеров уменьшить свою зависимость от рабочих. Процент «белых воротничков» в общем числе занятых неуклонно возрастал в течение всего послевоенного периода, тогда как доля «синих воротничков» значительно сократилась. Несколько десятилетий назад типичным представителем рабочей силы был «синий воротничок». Сейчас основную часть рынка рабочей силы составляют «белые воротнички».

Промышленное развитие и технический прогресс, вполне естественно, сопровождались развитием отдельной личности, ее социальных связей и организации. Воздействие таких изменений очень велико. Они касаются ценностей, жизненных позиций, мотивации и целей — факт, который экономисты до сих пор не смогли учесть в полной мере. В результате конвенциональная экономическая теория по-прежнему основывается на чрезмерно упрощенной модели «экономического человека», заимствованной из утопических мечтаний XVIII и XIX столетий.

Некоторые из самых важных сдвигов в экономике США радикально изменили характер так называемой классовой борьбы и заставляют профсоюзы играть новую роль. Со времен Великой депрессии государство стало важным фактором в экономике, помогая стабилизировать совокупный спрос как средство для сдерживания безработицы. По мере того как государство начинает считать себя ответственным за борьбу с безработицей, профсоюзы в значи-

тельной мере утрачивают свою роль ангелов-хранителей рабочих мест.

Одна из функций профсоюзов состоит в том, чтобы вынуждать работодателей периодически повышать заработную плату рабочих. Профсоюзы дают рабочим средство для оказания противодействия предпринимателям в борьбе за более высокую заработную плату. Рабочие, верящие в то, что они и их наниматели имеют противоположные интересы, — это составная часть идеологии классовой борьбы.

Современная корпорация стремится жить в мире с профсоюзами, и это входит в ее курс на поддержание безопасности. Она не хочет быть участником классовой борьбы, которая может подорвать ее безопасность, и старается удовлетворить разумные требования профсоюзов, даже если это может привести к некоторому снижению прибылей или повышению цен. Возможность повышать цены способами, имеющимися в распоряжении монополии, оказала деморализующее влияние на классовую борьбу, потому что рабочие обычно более чувствительны к заработной плате, которую они получают, чем к ценам, которые платят, для того чтобы поддерживать свое существование, если только инфляция не становится чрезмерной. Стремление корпораций достичь мирных отношений с профсоюзами снизило роль профсоюзов как силы-противовеса. Утрата Соединенными Штатами экономического превосходства также привела к ослаблению мощи профсоюзов.

Хотя лояльность по отношению к профсоюзу по-прежнему имеет значение для организованных рабочих, зрелая корпорация также ожидает лояльности от занятых в ней лиц и использует свою техноструктуру и систему поощрений для того, чтобы укрепить эту лояльность. Рабочий в корпорации, получившей полное развитие, является частью техноструктуры и отождествляет себя с ней. Это типично для таких стран, как Япония, но эта тенденция лишь начинает получать развитие в Соединенных Штатах.

Участие в управлении, позволяющее рабочему чувствовать себя участником процесса принятия решений, начинает рассматриваться все более серьезно и, вероятно, станет одним из главных факторов, которые приведут к ликвидации классовой борьбы. Карл Маркс правильно понял классовую борьбу в контексте своего времени. Сейчас перед рабочими стоит перспектива новой борьбы — защита своей роли и самосознания перед лицом все более и более обезличивающей их техноструктуры. Их враг в будущем (по крайней мере в ближайшее время) — это не капиталист, а такие чуждые явления, как промышленные роботы.

5. БЕДНОСТЬ — РЕЗУЛЬТАТ РАЗБАЗАРИВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА

Инфляция — триумф безрассудства и конфликта

Капитализм, как и всякое явление или институт, в течение последних 200 лет развивался и в результате напоминает свой классический прототип не больше, чем бабочка напоминает личинку. К сожалению, современные экономические теории до сих пор не отражают эти структурные изменения, так что большинство экономистов по-прежнему рекомендуют те же самые средства, что и в прошлом, разве что в увеличенных дозах или в виде нового лекарства вроде кейнсианской кредитно-финансовой политики. Инфляция, безработица, частичная занятость — это три экономических недуга в их современных формах, которые могут служить примером неразрешимости проблем, если для их разрешения применяются устаревшие средства.

М. Фридмэн, один из нынешних возможных наследников классических экономистов, полагает, что вся инфляция вызвана наличием слишком большой денежной массы одновременно с наличием слишком маленькой товарной массы¹. Он винит в инфляции дискреционную финансовую политику, которая позволяет объему свободных капиталов колебаться в зависимости от изменений спроса на кредит.

Спрос на кредит возникает в различных секторах экономики. Потребители покупают дома, автомобили, мебель и другие бесчисленные виды товаров, за которые они не могут или не хотят платить из своих текущих доходов. Бизнес, который берет кредиты на оперативные расходы или для расширения сферы деятельности, а в последнее время и для финансирования присоединений, слияний и спекулятивных капиталовложений, также использует кредит в больших размерах.

Другие основные получатели кредита — государственный сектор и иностранные клиенты. Органы власти всех уровней — местные, штатные, федеральные — получают кредиты в больших размерах. Они берут займы для финансирования школ, больниц, строительства дорог, осуществления правительственных трансфертных платежей, перевооружения, ведения войн и многочисленных других полезных или бесполезных проектов. Иностранные клиенты берут кредиты для оплаты всего или части превышения импорта над экспортом, если это имеет место. В последние годы беспрецедентные дефициты внешней торговли США оплачивались за счет иностранных займов и капиталовложений.

Спрос на кредит имеет глубокие корни в истории и культуре любой страны и в той системе ценностей, которую они порождают. Он не зависит от капризов, которые можно то исполнить, то нет.

В свете всего сказанного странно, что профессор Фридмэн и

другие современные классические экономисты видят в предложении свободного капитала главную причину инфляции. Они пытаются обосновать свою точку зрения тем, что находят высокую степень корреляции между ростом объема свободного капитала и ростом цен. Монетаристы, вероятно, не могут понять, в чем разница между высокой степенью корреляции и причинно-следственной связью. Профессор Фридман, очевидно, верит, что если бы предложение свободного капитала оставалось на постоянном уровне, то ненормальный спрос на кредит со стороны федерального правительства исчез бы.

Сомнительно, чтобы президент Р. Рейган отказался от своей непоколебимой приверженности сокращению налогов и наращиванию военной мощи, даже если бы Федеральная резервная система попыталась затормозить на постоянном уровне рост массы свободного капитала. Ее рост сократился, когда спрос на кредиты со стороны федерального правительства и соответственно бюджетный дефицит выросли до рекордных размеров в 1981 и 1982 годах. Это привело к тому, что ставка процента держалась на необычно высоком уровне и вызвала самый серьезный экономический спад со времени Великой депрессии 1930-х годов. Громадный и беспрецедентный дефицит федерального бюджета привел бы к росту инфляции после 1982 года, если бы не своевременный ряд благоприятных факторов.

То, что произошло, имело мало общего с политикой Федеральной резервной системы или Белого дома в отношении свободного капитала. Рухнула структура цен, созданная ОПЕК, сельское хозяйство испытало серьезный спад, а завышенный курс доллара привел к искусственно низким ценам на импортируемые товары. Громадный наплыв сбережений из-за рубежа наряду с вышесказанным позволил правительству финансировать дефициты, не вызывая инфляцию. Фактически антиинфляционное действие этих четырех факторов привело к сокращению инфляции, несмотря на рекордные дефициты и значительный рост массы свободного капитала после 1982 года, который достиг в 1986 году уровня 16% в год.

Некоторые из наиболее серьезных и разрушительных инфляционных процессов в истории были вызваны гонкой вооружений, войнами и другими видами силовых конфликтов между государствами или империями. Гонка вооружений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в 1980-х годах привела к увеличению национального долга на 150%; он вырос с 1 трлн. долл. в 1980 году до 2,5 трлн. в 1988 году. Международный нефтяной кризис 1970-х годов и гонка вооружений 1980-х годов привели к увеличению мировой массы свободного капитала между 1970 и 1987 годами в шесть раз. В то же самое время масса евродолларов возросла с 90 млрд. в 1970 году до более чем 2 трлн. в 1987 году. Это проявления всемирного денежного взрыва, или взрыва ликвидности, причинами которого были в основном гонка вооружений,

нефтяной кризис, а также тенденция к слиянию и поглощению фирм.

Хотя войны и международные конфликты порождали серьезную инфляцию, имеются и другие — структурные — причины инфляции. Дело вовсе не в том, что слишком большая масса свободного капитала находится в обращении наряду со слишком маленькой товарной массой. Это чаще всего симптом, а не причина инфляции.

Создатели утопической свободнорыночной системы не предвидели в конце XVIII и начале XIX века те перемены в технологии, которые вызовут в ключевых отраслях экономики замену этой свободнорыночной системы такой системой, при которой крупные фирмы берут на себя контроль за рыночным механизмом. Этот сдвиг начался в конце XIX века. С тех пор темпы концентрации и роста корпораций все более увеличивались. Разница между отраслью экономики, где фирма не имеет контроля над ценами, и отраслью, где она управляет ценами, — это один из факторов, которые могут вызвать инфляцию.

Крупные корпорации пришли к согласию с рабочими благодаря своей способности перекладывать все увеличивавшиеся издержки на рабочую силу и на потребителя посредством ценового механизма. В свободной рыночной экономике этого сделать было нельзя. Более высокие издержки на рабочую силу вели к понижению прибыли. Если темпы повышения заработной платы будут превышать темпы роста производительности труда, то некоторым фирмам придется прекратить свою деятельность.

Перекладывание этих растущих издержек на потребителя с помощью ценового механизма — это еще один фактор, который ведет к инфляции. Другой вид издержек, который фирмы-олигополии могут перекладывать на потребителя, — это более высокая стоимость кредита, которая является результатом жесткой финансовой политики, нацеленной на борьбу с инфляцией. Интересно отметить, что процесс, который, по логике неоклассических экономистов, предназначен для борьбы с инфляцией (т. е. жесткая финансовая политика и высокие ставки процента), приводит к повышению стоимости кредита, перекладываемого на потребителя с помощью ценового механизма, тем самым стимулируя инфляцию.

Финансовая политика, предназначенная для борьбы с инфляцией, ведет и к другим интересным результатам. На меньший сектор экономики, где работает механизм свободного рынка и где нет господства крупных фирм-олигополий, повышенные ставки процента влияют негативным образом, потому что принадлежащие к нему фирмы не могут перекладывать повышенную стоимость кредита на потребителя посредством ценового механизма. На этот сектор приходится основная тяжесть антиинфляционной финансовой политики, и многие фирмы меньшего размера гибнут в периоды ужесточения финансовой политики. Это ведет к росту concentra-

ции в промышленности, что, в свою очередь, ведет к снижению эффективности финансовой политики.

Другие факторы привели к тому, что экономика стала неизбежно инфляционной. Подход к расходам на охрану окружающей среды как к расходам частного, а не общественного капитала, дает новый толчок инфляции. В этом случае цены растут, но только потому, что мы добавляем новый продукт — защиту окружающей среды — к существующему продукту (например, автомобилю). Предположим, что мы добавляем к автомобилю устройство стоимостью 1000 долл., предназначенное для защиты окружающей среды от загрязнения, и цена автомобиля вырастает на 1000 долл. Фактически это устройство является товаром, в котором крайне заинтересовано общество в целом. Строго говоря, это не ведет к увеличению инфляции, хотя и увеличивает стоимость жизни. Для того чтобы такие общественные блага, как защита окружающей среды, не вели к повышению цен, необходимо рассматривать их либо как отдельный товар, который непосредственно покупает потребитель, либо как общественный товар, за который платят из налогов. В любом случае прямо или косвенно платит потребитель.

Частный сектор делает сбережения как добровольно, так и вынужденно. Около 20% таких сбережений приходится на личные сбережения, и они являются в полном смысле добровольными сбережениями. Остальное поступает от бизнеса или из-за границы. Корпорации предпочитают иметь контроль над своими инвестиционными фондами, а не зависеть от неопределенностей рынка капиталов. Достигается это посредством такой политики в области цен, которая позволяет им накапливать внутренний поток наличности. Как они получают эти средства? С помощью ценового механизма. Такие корпорации могли бы, вероятно, продавать свою продукцию по более низким ценам, если бы они финансировали все свои капитальные расходы за счет продажи акций. В этом случае их расширение коррелировалось бы в тесном контакте с фактическим спросом на их товары, который определяется положением на рынке капиталов.

Хотя денежные средства, составляющие внутренний поток наличности для капиталовложений, осуществляемых корпорациями, поступают от потребителей, они не являются для последних добровольными. Фактически потребители даже не сознают того, что принимают в этом участие. Корпорация, сама контролирующая цены на свои товары, может таким путем заставить покупателя участвовать в обеспечении ее потребностей в капитале в форме чистой прибыли, не распределенной среди акционеров.

Глобальная корпоративная экономика, которую явно не предвидели, разрабатывая свои теории, ни классические экономисты, ни Карл Маркс, привела к структурной мобильности денег, которая может быть очень инфляционной. Евродоллары и нефтедоллары принадлежат или хранятся в крупных банках глобального уровня и

корпорациях, находящихся вне Соединенных Штатов. Они также принадлежат заграничным филиалам крупных корпораций США и могут существовать в виде долларовых депозитов в заграничных отделениях американских банков, если вкладчиков привлекают относительно высокие ставки процента. Они могут существовать в виде нефтедолларовых депозитов в банках вне Соединенных Штатов. Каково бы ни было их происхождение, это громадный резерв международной ликвидности, принадлежащий глобальной корпорации или глобальному банку, который легко может быть перемещен из одной страны в другую и переведен из одной валюты в другую.

Хотя международная ликвидность является желательной и необходимой в международной торговле, она, может быть, и была инфляционной, когда частные интересы глобальных владельцев и держателей евродолларов сталкивались с государственной политикой национальных правительств. Особенно наглядно это произошло в 1968—1969 годах в Соединенных Штатах, когда приток евродолларов парализовал антиинфляционную политику Федеральной резервной системы. Это же произошло примерно в то же время в Германии, когда повышение ставки банковского процента в ходе осуществления финансовой политики, направленной на борьбу с инфляцией, вызвало приток евродолларов, что усилило инфляцию.

Другой пример контроля над рынком и еще одного фактора, ведущего к инфляции,— использование глобальной корпорацией «переноса цен» (перенос операций корпорации в различные страны мира, с тем чтобы извлечь максимальные выгоды из разницы в налогообложении). Цель «переноса цен» — добиться максимально возможных прибылей, выплачивая максимально низкие налоги. Глобальная корпорация, имеющая филиал, расположенный в стране, экспортирующей готовую продукцию, и еще один филиал, расположенный в другой стране, импортирующей эту продукцию, может сократить подлежащие выплате суммы налогов, если она завышает цену на продукцию в стране с относительно высокими ставками налогов, чтобы сократить свои облагаемые налогом прибыли, и занижает цену на продукцию в стране, где ставки налогов ниже, чтобы увеличить свои облагаемые налогом прибыли. Эта практика стимулирует инфляцию в стране, в которой цены на продукцию завышаются.

Все большее число экономистов понимает, что инфляция имеет сложный и неоднородный характер. Однако ни ученые-экономисты, ни правительство США не сумели отказаться от старых методов, даже когда инфляция носила структурный характер в гораздо меньшей степени, чем сейчас. Сегодня инфляция неизбежно вызывает структурные изменения нашей экономической системы: она уже не является просто состоянием, когда имеются слишком большая денежная масса и слишком маленькая товарная масса. Фактически

она является неотъемлемым элементом всех современных экономических систем.

Инфляция воздействует на некоторые секторы экономики значительно сильнее, чем на другие. Она делает бедных еще беднее, а также перераспределяет доходы другими способами, но также несправедливо. Это делает ее серьезной политической проблемой. Вряд ли удастся сделать многое до тех пор, пока не будет ясно понята истинная природа инфляции — серьезной слабости, свойственной экономической структуре и отношениям как внутри отдельных стран, так и между странами.

Безработица — отношение к людям как к обезличенным ресурсам

Классическая система работала не столь гладко, как это представлялось проповедниками свободного рынка. Приходилось ожидать периодических потрясений, что привело к созданию разнообразных теорий экономической цикличности. Они имели одну общую черту, а именно ту предпосылку, что потрясения вызываются неверными прогнозами и решениями или неизбежными объективными препятствиями. Считалось, что механизм свободного рынка сможет произвести необходимые корректировки. С философской точки зрения это напоминает уверенность в том, что болезни человека вызываются излишествами и что они могут излечиваться благодаря способности организма и духа человека к самоисправлению. В таком утверждении есть доля истины, но главная проблема состоит в том, что остается за пределами этого утверждения. Микроорганизмы, генетические проблемы, вирусы и т. д. являются частыми и сильнейшими причинами болезней, которые сам организм уже не может автоматически излечивать. В таких случаях, для того чтобы вылечить болезнь, необходимо не самолечение организма, а применение лекарств.

Такая логика применима и к теориям экономических циклов. Если согласиться с тем, что все причины экономических спадов и инфляции — это «экономические излишества» и объективные препятствия, которые автоматически корректируются рыночным механизмом, тогда не нужно применять никаких внешних мер. Это — позиция традиционных теоретиков экономических циклов. Кейнс подверг сомнению такой подход, когда разработал концепцию недостаточного спроса, вызванного причинами, лежащими вне саморегулирующего рынка, такими как маргинальная эффективность капитала, которая, проще говоря, означает максимальную ожидаемую чистую прибыль².

Теория Кейнса не столь революционна, как кажется, если применить ее к безработице и экономическим спадам. Он видел только одну угрозу полной занятости — уменьшение маргинальной

эффективности капитала. Но его не заботили структурные препятствия, которые лишают рынок способности самостоятельно восстанавливать равновесие. Поэтому предлагаемые им решения неприменимы ко многим ситуациям, вызывающим безработицу и экономические спады.

Каковы структурные причины безработицы, которые делают неэффективным рыночный механизм саморегулирования? Иными словами, какие факторы лежат в основе органической нестабильности рынка?

Вспомним, что классический рынок должен быть органически устойчивым. Это значит, что если сокращается совокупный спрос, то классический рынок должен отреагировать падением цен, заработной платы и ставки процента, что приведет к восстановлению нормального уровня совокупного спроса и состояния полной занятости.

Один тип безработицы порождается рынком, при котором цены и заработная плата определяются фирмами-олигополиями³ и организованными профсоюзами. Автоматической корректировки, которая управляет классической утопией, не существует в секторе экономики, «планируемом» частным образом.

Сбережения и капиталовложения, неравенство которых является одним из факторов, ведущих как к экономическому спаду, так и к инфляции, в свою очередь, определяются различными факторами в свободнорыночной экономике и в экономике, планируемой частным образом олигополиями. Классические экономисты видели простую зависимость между сбережениями и капиталовложениями, которая, как они полагали, обеспечит их равенство и экономическую стабильность. Сокращение суммарного спроса, рассуждали они, ведет к падению цен, заработной платы и ставки процента, но не вызывает безработицу в сколько-нибудь значительной степени. В результате понижения доходов личных сбережений становится меньше. Сбережения уменьшаются также благодаря уменьшению ставки процента, что стимулирует капиталовложения. В то же время снижение цен и ставки процента заставляет людей больше потреблять.

Классический рынок, как это представляли себе архитекторы-утописты и как все еще представляют их современные ученики, в результате автоматического регулирования цен, заработной платы, ставки процента, сбережений и капиталовложений без труда приспособится к такому состоянию, когда совокупный спрос либо намного больше, либо намного меньше, чем совокупное предложение. Но в современной экономике не происходит автоматического регулирования любой из этих экономических переменных (заработная плата, цены, ставка процента, сбережения и капиталовложения) из-за господства монополий в частном секторе и дискреционной политики со стороны государства. В результате не происходит и автоматического приспособления рынка к таким условиям,

когда совокупный спрос не соответствует совокупному предложению. Это является одной из причин безработицы.

Вопреки как классической теории, так и теории Кейнса сбережения (по большей части) больше не являются способом повышения дохода и ставки процента. Как отмечалось выше, основная масса сбережений поступает из сферы бизнеса, а не является личными сбережениями. Сегодня выбор между сбережением и потреблением не так важен, как было 50 или 100 лет назад. Этот выбор имеет значение только для личных сбережений, которые дают около 20% всего объема сбережений. Бизнес дает около 80% общего объема сбережений в экономике. Большая часть сбережений создается в крупных корпорациях, которые управляют ценами на свою собственную продукцию.

Теперь следует ответить на вопрос, куда будут вложены эти сбережения корпораций. Автоматического рыночного регулирования не происходит, поскольку в этом секторе нет выбора между сбережением и потреблением, и механизм свободных цен также не действует в данном случае. Взаимосвязь между сбережением и капиталовложением здесь отличается от их взаимосвязи в условиях свободного рынка. На рынке, планируемом частным образом, решения относительно капиталовложений не имеют никакого отношения к решениям относительно сбережений. Это ведет к тому, что прямая связь между сбережениями и капиталовложениями может иметь место разве что в результате случайного совпадения, а не в результате приспособления рынка. Таково объяснение причин безработицы, данное Кейнсом.

От чего зависят капиталовложения в секторе, где планирование ведется частным образом? От ожидаемой прибыли. Сокращение совокупного спроса здесь не вызывает падения цен и заработной платы, как в классической рыночной системе. Вместо этого сокращается занятость, что ведет к дальнейшему сокращению спроса и ожидаемой прибыли. Как объяснял Кейнс, последствия безработицы можно компенсировать увеличением государственных расходов, что должно привести к восстановлению нормального положения. Этот подход является значительным отступлением от классической утопии, в которой для действий правительства нет места, ибо рыночная система совершает все необходимые корректировки.

Имеется еще один фактор, вызывающий безработицу, который имеет сейчас большое значение. Глобальная корпорация может перенести свои операции и направить капиталовложения почти в любое место в мире. Как мы видели, уровень заработной платы, дополнительные льготы, выплачиваемые работникам, трудовое законодательство, налоговое законодательство, законодательство об охране окружающей среды и другие правовые нормы играют важную роль в принятии глобальной корпорацией решений, где ей действовать и куда вкладывать капиталы. В результате объем капиталовложений в пределах границ США может быть существенно мень-

ше, чем объем сбережений, что ведет к экономическим спадам и безработице.

Самая серьезная угроза полной занятости в настоящее время — это растущее структурное несоответствие между предложением рабочей силы и спросом на нее. В этой связи следует указать по крайней мере на три фактора, вызывающих безработицу: стремительный научно-технический прогресс, стремление менеджеров как можно меньше зависеть от организованных рабочих и отсталая система образования.

Люди и страны занимаются экономическим развитием потому, что от этого зависит их материальное положение. Экономическое развитие зависит от технологии. На той стадии, которой она достигла сейчас в Соединенных Штатах, именно умелое или неумелое использование технологии отделяет прибыль и рост, с одной стороны, от банкротства — с другой. Технология стала заказывать ту музыку, под которую мы теперь танцуем. Люди стали с экономической точки зрения только вводимым фактором в ходе современного экономического развития.

Для менеджеров технология — это нечто большее, чем одна из выполняемых ею функций извлечения максимальной прибыли. Она благодаря автоматизации ведет к уменьшению необходимости в труде «синих воротничков», которые в основных отраслях промышленности организованы в профсоюзы. Начиная с 1960-х годов значение «синеворотничковой» рабочей силы неуклонно сокращалось, и сейчас она составляет не более половины всей рабочей силы. Хотя мир с рабочими был (ценой инфляции) куплен, менеджеры предпочитают заменять рабочих машинами и автоматизированными системами.

Другая причина замены людей машинами — стремление фирмы сохранять секреты и тем самым обеспечить свою безопасность. Мы уже видели, что корпорации последние 100 лет занимались тем, что пытались победить своих конкурентов, увеличивая собственную безопасность.

Замена рабочих машинами и автоматизированными системами изменила всю структуру рабочей силы. «Беловоротничковые» работники, знакомые с современными технологиями, обученные программированию на ЭВМ, маркетингу, методам реализации продукции, менеджменту и организации исследований, управлению человеческими ресурсами и т. д., постепенно заменили «синеворотничковых» рабочих и сейчас стали господствующей группой имеющейся рабочей силы.

Есть еще один фактор, который привел к сокращению спроса на рабочих — «синих воротничков»: рост сферы обслуживания. В этой сфере в основном заняты «белые воротнички». Хотя рост отраслей этой сферы был нормальной составной частью экономического развития, он совпал с технологическими переменами, которые привели к вытеснению «синих воротничков». В той мере, в

какой «синие воротнички» прямо не переходят в разряд «белых воротничков», структурная безработица становится серьезной проблемой. В то же время сохраняется нехватка высокообразованной и высококвалифицированной рабочей силы, которую требуют новые рабочие места, созданные научно-технической революцией.

Классические экономисты не предвидели эту проблему, так как полагались на рыночный механизм. Создавая свою утопическую модель, они считали все человечество неким воображаемым «экономическим человеком». Промышленная революция была все еще впереди, а воздействие технологии еще не начало проявляться в ее современной форме.

Сегодня безработица стала проблемой, глубокие корни которой уходят в технологию, а также в культурные, социальные и психологические особенности рабочей силы. Как мы видели, она коренится также в олигополистической структуре рынка и глобализации экономики⁴. Теория экономических циклов, которая ведет свое происхождение от свободнорыночной модели классических экономистов иной эпохи, не может объяснить ее.

Только тогда, когда мы разберемся в том, как в действительности работает олигополистическая мировая экономика, станет возможным понять, сколь нереалистичны те явно упрощенческие решения, которые предлагаются многими современными классическими экономистами. Они безнадежно заблуждаются, полагая, что, удерживая объем свободного капитала на постоянном уровне роста и позволяя ставке процента колебаться в зависимости от колебаний совокупного спроса, можно достичь приемлемого уровня занятости в условиях олигополистической мировой экономики.

Попытки политического решения вопросов, касающихся международной конкуренции из-за ресурсов и рынков, являются одной из основных причин экономической нестабильности, так как порождают и инфляцию, и безработицу, а иногда и то и другое вместе в виде стагфляции. Геополитические амбиции и планы государств периодически вызывают перевооружение и войны. Это приводит к резким и часто неожиданным скачкам спроса на кредиты со стороны правительств. В случае отсутствия мер контроля это обычно ведет к инфляции⁵.

Когда кризис проходит, совокупный спрос уменьшается, а сокращение спроса, вызванное правительством, не компенсируется частным сектором, если только заранее не планируются соответствующие меры государственной политики и не ведется заблаговременная подготовка. Часто результатом бывает долгий период опасной экономической нестабильности, исход которой нельзя предсказать сейчас, когда весь мир охвачен непрерывным процессом технологических и общественных перемен.

Как и проблема инфляции, проблема безработицы не может быть решена или смягчена, если применяемая для этого политика не зиждется на реалистической основе и полном понимании всех

фактов. Экономическая политика должна служить цели создания более человеческого общества, где большие по числу и незащищенные группы были бы избавлены от страданий и унижения, которые влекут за собой ненужные экономические катастрофы.

Неполная занятость: бедность как следствие неэффективного производства

Свыше 90% всех работающих американцев являются лицами наемного труда (около 10% заняты на собственных предприятиях), и поддержание их существования зависит от наличия рабочих мест. Эти цифры приблизительно такие же и для многих основных промышленно развитых стран. Относительно небольшое количество людей обладают предпринимательскими способностями в такой степени, что они могут создавать экономические возможности. Остальные — значительное большинство — остаются безработными, если на тот вид рабочей силы, к которому они относятся, нет спроса.

Безработица — это только часть проблемы занятости. Не менее серьезна проблема неполной занятости. В некоторых регионах она даже более серьезна, чем проблема безработицы. В отличие от безработицы, неполная занятость еще не привлекла внимания большинства экономистов. Зарабатывает ли человек слишком мало потому, что он обладает слишком высокой квалификацией для выполнения определенной работы, или потому, что производительность труда на данном рабочем месте так мала, что и заработная плата оказывается слишком низкой, — для нашего понимания неполной занятости важно то, что человек зарабатывает в этом случае меньше прожиточного минимума⁶.

В экономике, которая принадлежит и контролируется частными лицами, вопрос о соотношении заработной платы и прожиточного минимума не имеет особого значения для тех, кто принимает экономические решения (т. е. для менеджеров частных фирм). Главным критерием остается прибыль — ее достаточность для выживания и роста. Когда производительность труда на рабочих местах так низка, что заработная плата на них должна быть ниже прожиточного минимума, тогда рабочие, занятые на них, сталкиваются с серьезной проблемой. В современной, социально-прогрессивной экономике⁷ это становится проблемой для государства, потому что большая часть не полностью занятых или безработных рабочих не могут обычно обеспечить прожиточный минимум для себя и своих семей. Это зависит от наличия таких рабочих мест, где к товару или услуге добавляется стоимость, достаточно высокая для того, чтобы платить заработную плату, обеспечивающую существование. Во многих местностях (даже в таких богатых странах, как Соединенные Штаты) нет достаточного количества рабочих мест, где заработная плата равна или превышает прожи-

точный минимум, и поэтому потребности этой группы населения удовлетворить нельзя. Эту задачу можно решить с помощью образования, профессиональной подготовки, экономического развития, создания новых возможностей, воспитательной работы, и все это может оказаться за пределами досягаемости отдельного человека, если общество не придет к нему на помощь.

Традиционные экономисты, а также Карл Маркс определяли производительность труда исходя из понятий рабочей силы и капитала. Это объяснение не годится для объяснения неполной занятости. Производительность труда должна объясняться на основе данного рабочего места и всех факторов, которые делают эту производительность труда низкой или высокой⁸. Если мы попытаемся определить производительность труда только исходя из понятий рабочей силы и капитала, мы создадим неразрешимые проблемы. Можно ли считать высокопроизводительным труд целеустремленного и высококвалифицированного плотника, если он работает такими примитивными инструментами, как обычный молоток? Это сказать о некачественных материалах или неудачной конструкции изделия? Является ли станок эффективным, если его эксплуатировать технически неграмотно? Можно ли сказать, что производство данного вида продукции эффективно, если неудовлетворительно организовано его продвижение на рынок или неумело ведется финансирование?

Очевидно, что производство — это процесс, построенный на кооперации, и что эффективность любого звена этого процесса зависит от эффективности всех остальных звеньев. Говорить о производительности рабочей силы или производительности капитала — это недалековидное упрощение. Однако вполне имеет смысл говорить о производительности процесса или рабочего места, взятых как целое.

Производительность труда в современной экономике зависит от кооперации между рабочей силой, капиталом, технологией, менеджментом, маркетингом, финансами и другими факторами в зависимости от конкретного процесса. Понятие производительности труда в таком контексте применяется как к товарам, так и к услугам. Нельзя сказать, что заработная плата низка потому, что низка производительность рабочей силы, хотя иногда и это может быть причиной. Если заработная плата низка, то это обычно означает, что низка производительность данного рабочего места в целом. Неполная занятость в таком случае — это проблема, связанная с производительностью рабочего места. Есть много примеров этого. В некоторых регионах страны складские работы и отгрузка товаров потребителям высокомеханизированы и автоматизированы, и производительность рабочего места высока. В других регионах эти процессы осуществляются относительно примитивно и неэффективно, и производительность рабочего места низка. В тех случаях, когда производительность рабочего места низка, весьма вероятно и неполная занятость и заработная плата меньше, чем прожиточный

минимум. Это явление особенно разрушительно в тех регионах, где в целом высокий уровень жизни требует весьма высокой заработной платы. Низкая заработная плата — прямой путь в трущобы.

Трущобы составляют только часть проблемы неполной занятости, как, впрочем, и хронической безработицы. Люди, которые живут в бедности (зарабатывая ниже прожиточного минимума), создают себе такие условия обитания, которые не позволяют им нормально развиваться как личностям. Дети, выросшие в трущобах, становятся частью общего резерва рабочей силы. Если их игнорирует общество, они станут будущими безработными и неполностью занятыми. Неполная занятость стала очень дорогостоящей экономической, политической и социальной проблемой — раковой опухолью на теле нашего общества.

Одно из последствий неполной занятости, которому в последние годы уделяется значительное внимание, — это трансфертные платежи (другими словами, перераспределение доходов). Перераспределение доходов не является новым политическим приемом. Его старейшая разновидность — это благотворительность. Во многих религиях она считается составной частью высоко нравственной жизни. Политические философы объясняли, что бедность часто является результатом несправедливости, неразрывно связанной с социальной и экономической структурой. Они предупреждали, что политическая стабильность зависит от умения правительства довести такую несправедливость до приемлемого уровня. Перераспределение доходов — один из методов этого. Другим и, вероятно, более надежным методом является всестороннее экономическое развитие.

Налоговый механизм становится средством для перераспределения доходов, когда поставлена цель борьбы с бедностью и смягчения различных видов несправедливости, которые в большей или меньшей степени стали частью экономического и политического процесса. Прогрессивный подоходный налог или специальные субсидии бедным и обездоленным, выплачиваемые из налогов, перераспределяют доходы. Этот метод не может применяться неопределенно долго, поскольку когда-то будет достигнуто такое состояние, когда налоги со средних классов населения станут столь высокими, что будут препятствием для производительности и производства. В конце концов если перераспределение доходов используется в больших масштабах, то источник политической нестабильности просто переместится с бедных и обездоленных на средние классы.

Если делаются попытки проводить перераспределение доходов путем создания дефицитов федерального бюджета, появляются другие проблемы. Если дефицит финансируется за счет сбережений, он может блокировать частные капиталовложения в зависимости от уровня экономической деятельности. Такие дефициты также перераспределяют доходы, но в противоположном направлении, в будущем, когда необходимо будет платить проценты по задолженности⁹. Если дефицит покрывается за счет увеличения денежной

массы или увеличения темпов обращения денег (скорость оборота), то перераспределение доходов вызовет инфляцию, если только, как это было в 1930-е годы, экономика не переживает серьезного спада. В такие периоды перераспределение доходов становится экономическим стимулятором.

Решение проблем безработицы и неполной занятости связано с созданием экономических возможностей и увеличением производительности труда, а не с перераспределением доходов путем осуществления трансфертных платежей. Одна из целей настоящей книги состоит в том, чтобы разобраться в этой проблеме.

Экономика предложения — еще одно чудодейственное лекарство?

Основная слабость традиционной экономической теории — это ее упрощенный подход к причинам инфляции и безработицы. Она недооценивает глубину пропасти, которая отделяет свободно-рыночную экономику от экономики, где планирование осуществляется в подавляющем большинстве случаев частным образом. Кейнсианцы имеют тенденцию переоценивать роль совокупного спроса как причины инфляции и экономического спада. Они считают колебания ожидаемой прибыли и их воздействие на совокупный спрос причиной всех экономических бед. Монетаристы считают первопричиной экономических трудностей колебания спроса на кредит и готовность финансовых органов регулировать их¹⁰.

Структурная безработица и инфляция не могут быть излечены ни с помощью монетаристской политики, игнорирующей подлинные экономические проблемы, ни с помощью кейнсианской политики, которая не уделяет должного внимания структурным проблемам.

Имеются многочисленные структурные причины инфляции и безработицы, которые уже были нами рассмотрены. Тот взгляд, что средство против инфляции — безработица и наоборот, является скорее попыткой принять желаемое за действительное, а не учетом экономических реалий. В лучшем случае такая упрощенческая политика может быть успешной лишь в одном смысле — она позволяет временно замаскировать истинные причины инфляции.

В первой половине 1980-х годов большую популярность в качестве чудодейственного средства против стагфляции приобрела комбинация монетаристского и кейнсианского подходов, известная как «экономическая теория предложения». Поскольку стагфляция есть сочетание инфляции и безработицы, то считается, что с ними можно бороться одновременно. Это подразумевает использование кейнсианского метода как стимулятора в борьбе с экономическим спадом и монетаристского приема, жесткой финансовой политики и повышения ставки процента для противодействия инфляции. Если стимулятор принимает форму увеличившихся сбережений

и капиталовложений, то, как полагают сторонники экономической теории предложения, должны быть уменьшены налоги бизнеса, а также налоги на самые высокие доходы. Данная теория основывается на убеждении, что перераспределение доходов в пользу бедных слоев населения зашло слишком далеко и что его необходимо остановить и придать ему обратное направление, для того чтобы стимулировать тех, кто делает сбережения и вкладывает капиталы (преимущественно крупные корпорации и богатые люди).

Сторонники этой теории полагают, что, пользуясь экономической теорией предложения (которая основывается на предпосылке, что рост капиталовложений будет стимулироваться снижением налогов, дерегулированием и снижением государственных расходов), они сумеют справиться с теми экономическими бедами, которые породила кейнсианская революция.

Идея одновременного использования денежно-кредитной политики и фискальной политики для борьбы со стагфляцией в определенной степени привлекательна для тех экономистов, которые игнорируют структурные и институциональные факторы как причины инфляции. Но даже в этом случае повышение ставки процента, вероятнее всего, будет иметь обратное воздействие на рост капиталовложений, нейтрализуя значение пониженных налогов, так что такая политика может сама парализовать свое действие. Безработица, созданная благодаря повышению ставки процента, дополнительно затормозит рост капиталовложений, поскольку вызовет сокращение совокупного спроса. В дополнение к этому такая политика вызовет дефициты, создающие проблемы на будущее, либо путем блокирования частных капиталовложений, либо путем создания дополнительных инфляционных факторов.

Сторонники экономической теории предложения указывают, в доказательство того, что их теория верна, на тот подъем, который экономика США испытала в конце 1982 года и который продолжается в течение более пяти лет, причем темпы инфляции в тот же период снижались. Фактически подъем экономики и снижение темпов инфляции объясняются счастливым, но случайным стечением обстоятельств, имевших мало общего с экономической политикой, основанной на теории предложения, или вообще не имевших такового.

Экономический подъем был вызван беспрецедентными дефицитами, которые более чем удвоили национальный долг США за восемь предшествующих лет с 1 трлн. до 2,5 трлн. долл. Это сопровождалось одновременным уменьшением темпов инфляции и целым рядом особых обстоятельств, приведенных в начале этой главы.

Хотя экономический подъем и сокращение темпов инфляции — отрадное явление после стагфляции, которая предшествовала им, еще ждут своего решения такие проблемы, как беспрецедентные бюджетные дефициты, высокие реальные ставки процента (особенно в частном секторе долгосрочных капиталовложений, в сельском

хозяйстве, в потребительском секторе) и рекордные торговые дефициты. Другими словами, комплексные структурные экономические проблемы требуют только комплексных решений, о которых речь пойдет в следующих главах.

К несчастью, многие государства поддаются соблазну строить свое процветание за счет наращивания военного потенциала и проведения непродуманной финансовой политики. Ялмар Шахт, финансовый гений Германии, в 1920-х годах и позднее, во время режима Гитлера, манипулировал денежной единицей своей страны с помощью системы контроля за обменными курсами, называемой «аскимарки», которая обеспечила Германии иностранные кредиты и дала твердую валюту, необходимые ей для создания военной машины. Немецкий народ восхвалял Гитлера за процветание, которое было создано таким образом.

Гонка вооружений между США и Советским Союзом финансировалась с помощью очень сомнительной финансовой политики, которая только в деталях отличалась от того, что делал Шахт. По сути дела, она отдала наше будущее в залог, оставила огромное бремя нашим детям и поставила под угрозу нашу экономическую независимость. Тем не менее она вызвала процветание, которое ослепило людей и не позволило им понять всю опасность, которую несет с собой бездумное существование. Вряд ли правительства смогли бы проводить такую политику, если бы люди действительно понимали безрассудность курса на гонку вооружений.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЯДЕРНО-КОСМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

6. ПРОИЗВОДСТВО И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В ВОСПРИЯТИИ ЧЕЛОВЕКА

**Анатомия конфликта. Игнорируемый фактор в анализе
производства и производительности труда**

Присущий общественным наукам междисциплинарный подход требует того, чтобы анализ таких экономических явлений, как производительность труда, проводился во всех аспектах, а не только с чисто экономической точки зрения.

Классическая экономическая схема базируется на простой концепции спроса и предложения, в которой конфликту и компромиссу не отводится никакой роли. Производство определяется ценовым механизмом, позволяющим распределять ресурсы в соответствии с упрощенным представлением о предложении и столь же упрощенным утилитарным представлением о спросе. Предложение трактуется как готовность продавцов реализовать свои товары по ценам, определяемым издержками производства и в соответствии с законами рынка. Понятие спроса основывается на простейшей утилитарной теории, согласно которой покупатели приобретают больше товаров при падении цен и меньше — при их повышении. Таким образом, конфликт отсутствует, а имеет место лишь совокупность решений отдельных людей.

В реальном же экономическом процессе сталкивается множество противоречивых интересов. В отсутствие возможности прийти к разумному компромиссу они становятся источником конфронтации (что мы и наблюдаем в большинстве утопических и экстремистских доктрин).

В настоящее время большинство традиционных экономистов продолжают рассматривать конфликт скорее как социальное, нежели экономическое явление. Это происходит из-за того, что общественные науки довольно сильно оторваны друг от друга. Например, скрытые или неразрешенные конфликты влияют на производительность труда, а следовательно, должны быть урегулированы

прежде, чем мы сможем дать функциональное определение производительности труда.

Конфликт является важным элементом теории производства, поскольку нормальная психика, эмоциональная стабильность и мотивации рабочего — это основные факторы, влияющие на производительность труда. Все элементы окружающей среды, в которой живут и работают люди, оказывают влияние на их способность производить. Однако традиционная экономическая теория совсем не уделяет внимания вопросам окружающей среды и ее воздействия на производительность труда.

Явления конфликта, компромисса и гармонии характерны не только для сферы экономической деятельности людей. Они являются предпосылкой для выживания человечества. В природе эти явления и процессы происходят сами собой, а гармония достигается с помощью так называемого экологического равновесия. Заново создав многие компоненты своей физической и социальной среды, человечество лишилось естественного экологического равновесия или природной гармонии. Для того чтобы выжить, нам необходимо создать собственное равновесие или гармонию.

В прошлом наши усилия по выживанию не отражали нашей готовности и способности превратить конфликт в компромисс или гармонию. Целями этих усилий, напротив, были аккумуляция власти, использование этой власти для ведения войн и использование их для обеспечения господствующих позиций по отношению к соперникам в конфликтах. Достигнутое таким произвольным способом господство может быть только временным и, следовательно, никогда не приводило к гармонии. В наши дни продолжение данного цикла ставит под угрозу выживание человечества.

Конфликт занял прочное место в человеческой жизни и созданных человеком институтах. По словам Аристотеля, человек является одновременно существом привычки и существом разума. Это означает, что как существа привычки мы стремимся сохранять неизменным порядок вещей, в который верим. Как существа разума мы желаем изменять окружающий мир, чтобы выжить. У некоторых людей преобладает привычка, у других — разум. Однако нет никого, кто был бы свободен от конфликта между этими двумя сущностями.

Внутренне присущий человечеству конфликт не принимается во внимание экономистами. В результате политическим и общественным институтам отводится незначительная роль, поскольку они оказываются лишёнными своего истинного назначения — обеспечения достижения гармонии. Это объясняет тот факт, что некоторые экономисты рассматривают государство (или общество) как простую совокупность входящих в него индивидуумов. В действительности демократическое государство представляет собой институционализацию процессов, приводящих к достижению компромисса и гармонии.

Каковы же природа и происхождение конфликта? Конфликт проистекает оттого, что люди рассматривают себя в качестве основного объекта в драме жизни. Возможность возникновения конфликта зависит от того, насколько отдельные люди ощущают угрозу для себя в поведении окружающих, насколько по-разному они воспринимают поступающую к ним информацию, насколько различны их ценности в рамках отдельных организаций, общин, стран или в сравнении с другими странами.

Классические экономисты не считали конфликт частью экономического прогресса. Они рассматривали конфликт как нежелание некоторых людей подчиняться законам рынка, а компромисс понимали как отказ от принципа оптимизации. Это объяснялось их убежденностью в том, что свободный рынок обеспечивает оптимальное размещение ресурсов, а конфликт возникает из-за желания добиться контроля над рынком с помощью произвольных решений. В такой ситуации свободный рынок не может функционировать нормально. Поэтому в глазах классических экономистов конфликт — это отклонение и аномалия.

Конфликт существует в любой сфере общественной деятельности, а конфликт между государствами является продолжением конфликтов, существующих внутри отдельных стран. Однако разногласия на межгосударственном уровне обладают большим взрывным потенциалом и в большей степени чреваты произволом и конфронтацией, поскольку концепция национального суверенитета используется для оправдания применения силы как средства разрешения конфликта.

В ходе экономического развития использование земли и капитала дало толчок множеству конфликтных ситуаций. Поскольку на всех стадиях экономического роста, за исключением первобытной, сама по себе рабочая сила, без земли и капитала, не может быть использована, рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу собственникам земли или капитала или тем, кто их контролирует. На этапе мелкого предпринимательства трудовые отношения существуют между владельцами капитала и владельцами рабочей силы. На более поздних этапах развития капитализма такие отношения по большей части превращаются в отношения между трудящимися и теми, кто прямо или косвенно контролирует землю и капитал, то есть классом политических и экономических управляющих.

В такие отношения, совершенно естественно, входит понятие власти, давая толчок возникновению конфликта. Владельцы земли (включая природные ресурсы) и капитала или те, кто их контролирует, занимают доминирующие позиции по отношению к тем, чей труд не имеет смысла в отсутствие земли и капитала. В век сверхсовременных технологий важным источником власти помимо земли и капитала являются знания. В прошлом, стремясь противостоять этой власти, рабочие объединялись в профсоюзы и

использовали забастовку как средство борьбы. Зачастую конфликт не ограничивается рабочими и работодателями. В XIX веке промышленные компании начали осознавать, что их существование будет более безопасным, а масштабы деятельности и прибыли возрастут, если им удастся обуздать конкуренцию. Наиболее энергичные из них быстро научились смягчать конкуренцию посредством эффективного использования финансовых ресурсов. Чистый рынок Адама Смита в руках таких экономических магнатов, как Рокфеллер, Карнеги и Морган, вскоре уступил место монополии и олигополии.

Концепция свободной торговли, важная составная часть утопической мечты об обществе свободнорыночных отношений, основывается на убеждении в том, что государства не должны использовать власть в своих экономических отношениях между собой. Классическая теория международной торговли базируется на законе сравнительных преимуществ. Страна экспортирует те товары, в производстве которых она имеет максимальные преимущества или минимальные слабые места по сравнению с другими странами. Классическая теория не уделяет внимания проблемам конфликта в использовании власти, хотя в реальном мире обе эти проблемы играют центральную роль в системе международных отношений. Конфликт внутренне присущ политической системе, разделяющей мир на суверенные государства. При отсутствии лучших альтернатив государства используют военную и экономическую власть для получения преимуществ над соперниками в этом конфликте.

Для того чтобы разрешить конфликт с помощью приемлемых компромиссов, необходимо понять три вещи: природу конфликта, преимущества, предлагаемые компромиссом, и процесс, способный привести к его достижению.

Однако одного такого понимания недостаточно. Чтобы процесс достижения компромисса приводил к успеху, он должен стать частью культуры и склада мышления. Если, например, рабочие и управленцы рассматривают друг друга в качестве противников, то вряд ли разрешение конфликта приведет к достижению гармонии. Скорее всего, оно приведет к порочному компромиссу, позволяющему фирме продолжать свою деятельность, принеся в жертву социальную справедливость и эффективность. Если же обе стороны видят друг в друге составляющие общественной пользы, то их диалог способен привести к компромиссу, содержащему элементы гармонии.

Политическая власть корпорации

Современная корпорация является сложным человеческим и общественным институтом. Процесс принятия решений организован на разных уровнях для различных этапов производства. Пред-

принимаемые решения оказывают прямое или косвенное воздействие на человеческую мотивацию и общественные отношения. Их невозможно ни игнорировать, ни принимать как данность при серьезном анализе производства и производительности труда. Любой аспект производства, влияющий на производительность труда, должен внимательно изучаться и систематизироваться.

Традиционный взгляд на оптимизацию производства является чрезвычайно упрощенным — его можно сравнить с ситуацией в биологии до изобретения микроскопа. Использование таких понятий, как конфликт, власть, время, движение и относительность неоклассической модели, может сделать для экономической науки то же самое, что микроскоп сделал для биологии, — повысить точность анализа.

Промышленная революция положила начало трем этапам экономического развития, которые вместе классифицируются как «капитализм», но отражают значительные различия по существу и форме. На всех трех этапах предпринимательская фирма играет ключевую роль в производстве и создает социальную структуру для обеспечения экономической эффективности.

На первом этапе рынок играет доминирующую роль в процессе принятия решений фирмой. На втором этапе намечается тенденция доминирования фирм над рынком. На третьем этапе фирмы испытывают на себе внешние политические и социальные влияния, действующие независимо от процесса экономической эффективности.

На первом этапе экономическая эффективность и извлечение прибыли являются исключительными целями. Предприниматель управляет процессом экономической эффективности, а рабочий выполняет различные производственные задачи, которые относительно просты по сравнению со сложными высокотехнологическими процессами на более поздних этапах.

На втором этапе фирмы трансформируются в крупные механизированные предприятия, а их эффективность начинает определяться эффективностью внутренней политической организации. Поскольку в такую организацию вовлечено большое количество людей, социальные отношения на этом этапе также становятся одним из важнейших факторов, влияющих на производство и производительность труда.

По мере развития политической и социальной организации фирмы и, следовательно, усложнения структуры человеческих взаимоотношений растет число источников возможных конфликтов. На третьем этапе экономического развития база для конфликтов расширяется еще больше под воздействием внешних политических и социальных факторов.

На третьем этапе экономическое развитие достигает такого уровня, при котором дальнейший рост зависит от способности корпорации организовать и мобилизовать ресурсы и рынки как внутри

страны, так и за пределами национальных границ. Растущее значение приобретают крупномасштабные научные исследования и опытные разработки, а также способность адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Демографические проблемы, истощение природных ресурсов и неопределенные, а подчас и пагубные последствия научно-технического прогресса превращают проблему охраны окружающей среды в критически важную для выживания человека и повышения качества его жизни. На этом этапе экономического развития внешние политические и социальные факторы начинают определять производство наряду с внутренней политикой и решениями, принимаемыми фирмой в процессе производства. Эволюция фирмы раскрывает источники возникновения конфликта в процессе производства.

На первом этапе конфликт в основном возникает из отношений между предпринимателем и рабочим. На втором этапе увеличение размеров фирм и замена простых технологий сложными придают фирме все более выраженный политический и социальный характер. На смену предпринимателю приходят управляющие, а ремесленники и подмастерья уступают свои места хорошо подготовленным, квалифицированным специалистам и более крупной армии рабочих с относительно невысокой квалификацией.

Отношения между людьми на этом этапе больше не ограничиваются отношениями между предпринимателями, рабочими, банкирами и собственниками земли, как это было во времена Давида Рикардо, когда он создавал свою теорию производства и распределения¹. Даже такая простая социальная структура содержала в себе элементы конфликта, которые ясно видел Рикардо, а позднее и Маркс.

По мере развертывания и превращения фирмы в хорошо организованную политическую и социальную общность возможности для возникновения конфликтов еще больше расширяются. На этом этапе в разных подразделениях фирмы возникают конфликты в связи с распределением ресурсов, оплатой труда и ролью в процессе принятия решений. Серьезный конфликт возникает между подразделениями, отдающими предпочтение политике стабильного и плавного роста, и теми, которые поддерживают энергичную политику инноваций, сопровождаемую значительными капиталовложениями в исследования и разработки. Другой конфликт — разногласия между сторонниками политики, ориентированной на максимальную прибыль и быстрейший рост, и их оппонентами, озабоченными качеством жизни рабочих, состоянием окружающей среды и будущим положением корпорации в обществе.

Основные источники внутреннего конфликта в процессе производства могут быть разделены на три категории: угроза личным интересам, противоречивая информация и столкновение ценностей. Простые традиционные экономические теории производства и производительности являются примером того, что происходит с науч-

ным методом, когда такие важные факты, как политический и социальный конфликт, остаются вне рамок анализа.

На третьем этапе появление политических и социальных сил за пределами фирмы создает новые потенциальные источники конфликта, оказывающие воздействие на производительность труда. Большое политическое и социальное значение приобретают такие проблемы, как защита интересов потребителей и охрана окружающей среды, а это ведет к появлению развитого законодательства, влияющего на деятельность компаний и производительность труда в них. На этом этапе экономического развития проблемы, которым ранее не уделялось внимания, вновь встают в повестку дня с точки зрения человеческих ценностей и целей общества. В этом новом диалоге приняли участие наиболее просвещенные экономисты, однако пока их идеи не смогли оказать существенного воздействия на основное направление современной экономической теории.

Одной из особых зон конфликта в современной экономике являются отношения между правительством и частным сектором. Заботой правительства все в большей степени становятся охрана окружающей среды, защита интересов общественности и безопасность трудящихся. Конфликт возникает между теми, кто рассматривает деятельность правительства в этой области как вмешательство в дела частного сектора, и теми, кто считает, что в условиях современной экономики интересы общества не могут быть оставлены на усмотрение производителей.

Конфликты, развивающиеся на более поздних стадиях развития, гораздо сложнее тех, что существовали на ранних этапах. Без комплексного анализа проблем сквозь призму социальных ценностей невозможно понять сложную природу конфликтов и найти пути к возможным компромиссам.

Теория производства, основанная на экономических, политических и социальных целях

Эволюция фирмы-производителя началась два века назад с оптимизации экономических целей. Приблизительно через 100 лет у фирмы появилась дополнительная задача: поддержание внутреннего политического и социального мира. С 1930-х годов проявились две внешние цели: охрана окружающей среды и безопасность и социальная защищенность рабочих и потребителей.

Все это оказало влияние не только на производство и производительность труда, но и на экономические и политические процессы в целом. Появление у фирм этих дополнительных целей на более поздних этапах широко обсуждалось в обществе, однако не оказало принципиального влияния на сущность теории микроэкономики.

По мере эволюции фирмы и всей экономики совершенствовал

ся и процесс принятия экономических решений: из системы одного уровня он превратился в многоступенчатую систему. По классической теории, одноступенчатая система представляла собой свободный, самоуравновешивающийся рынок, способный, как считалось, принимать все экономические решения и регулировать все экономические процессы. Это имел в виду Адам Смит, когда писал о «невидимой руке». Система состояла из производителей и потребителей, а равновесие достигалось, когда предложение товаров производителями достигало уровня потребительского спроса на них. Однако в действительности даже на ранних этапах экономического развития существовал второй уровень, представленный целым рядом общественных объединений, например центральных банков, а в Англии — Восточно-Индийской компанией (международная торговая компания, основанная в 1599 году и контролируемая правительством).

Марксова теория коммунизма также является одноступенчатой экономической системой, в которой государство «отмирает», а естественные законы «справедливого и нравственного общества» автоматически приводят к принятию правильных экономических решений. Такие утопические модели не отражают реального мира, будь то мир капитализма или социализма.

В современной экономике США существует три уровня принятия решений применительно к процессу производства. Кроме них имеются еще подуровни, что усложняет данную систему.

Первым уровнем является сама фирма. В крупных корпорациях существуют центральная администрация корпорации, администрация, занимающаяся внутренними вопросами, администрация по международным операциям, а также администрация по делам филиалов и дочерних компаний.

На втором уровне действуют законы и постановления правительства (федерального, штатов и местных органов управления), имеющие отношение к деятельности фирмы. Они затрагивают все аспекты политики по вопросам охраны окружающей среды, общественной безопасности и интересов общества. Они же регулируют вопросы распределения ресурсов на научные исследования и разработки, а также многочисленные субсидии, призванные способствовать развитию производства и росту производительности труда.

На третьем уровне находятся различные международные учреждения и законы иностранных правительств, затрагивающие деятельность фирмы. Для фирм, действующих на глобальном рынке, большой интерес представляют налоговое и трудовое законодательство, законы об охране окружающей среды и труда в других странах мира. Многие фирмы уделяют особое внимание законам и правилам, относящимся к международной торговле и платежам, а также различным международным и региональным организациям, созданным в этих целях. Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейское сообщество, Организация американ-

ских государств и международные отделы крупнейших центральных банков — вот лишь несколько примеров таких организаций.

В процессе производства на различных уровнях принятия решений проявляется роль сложной структуры человеческих взаимоотношений, выступающих в качестве источника компромисса, необходимого для предотвращения конфронтаций и отчуждения, отрицательно воздействующих на производительность труда. Данное утверждение можно проиллюстрировать простой диаграммой.

Кривая на рисунке 6-1 показывает, что, несмотря на экономическую оптимизацию, производительность труда все больше снижается при увеличении числа неразрешенных конфликтов. Вот почему современный подход к экономической теории (которая делегирует проблему конфликта и отчуждения другим социальным наукам и рассматривает их как внешние факторы) непригоден для теории, относящейся к производству и производительности труда. Понятия конфликта и отчуждения нельзя рассматривать как внешние факторы. Они являются центральными понятиями для любой пригодной к применению теории и столь же важной ее составной частью, как и вопрос о влиянии технологии.

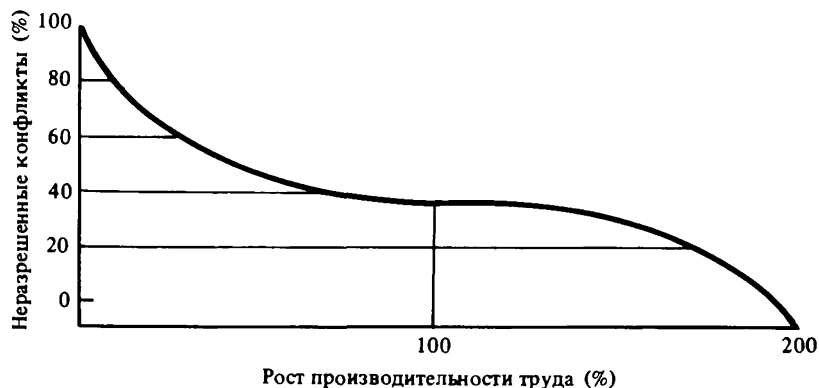

Рис. 6-1. Зависимость производительности труда от изменений уровня неразрешенных конфликтов

Рисунок 6-1 не дает точного представления о том, что происходит с выпуском продукции и производительностью труда при снижении или повышении числа неразрешенных конфликтов. Таких данных пока не имеется, они существуют разве что в форме приблизительных оценок. Рисунок 6-1 доказывает только две вещи, причем пока на уровне предположений, хотя и вполне логичных. Во-первых, если уровень неразрешенных конфликтов достигает 100%, выпуск продукции равен нулю. В действительности выпуск продукции может стать нулевым еще прежде, чем уровень неразрешенных конфликтов составит 100% вследствие неизбежного в такой си-

туации хаоса. Во-вторых, по мере снижения уровня неразрешенных конфликтов выпуск продукции возрастает все больше и больше, однако лишь до достижения относительно низкого уровня конфликтов, после которого дальнейшее увеличение выпуска продукции как реакция на снижение уровня конфликтов происходит в более замедленном темпе. Это объясняется тем, что при высоком уровне неразрешенных конфликтов, будь то 70, 80 или 90%, выпуск продукции будет близок к нулю вследствие фактического разрыва отношений между людьми. При снижении же уровня неразрешенных конфликтов, скажем, до 10 или 20% дальнейшее его снижение даст лишь незначительное увеличение выработки, поскольку на этом уровне отношения между людьми уже достигли стадии реального сотрудничества.

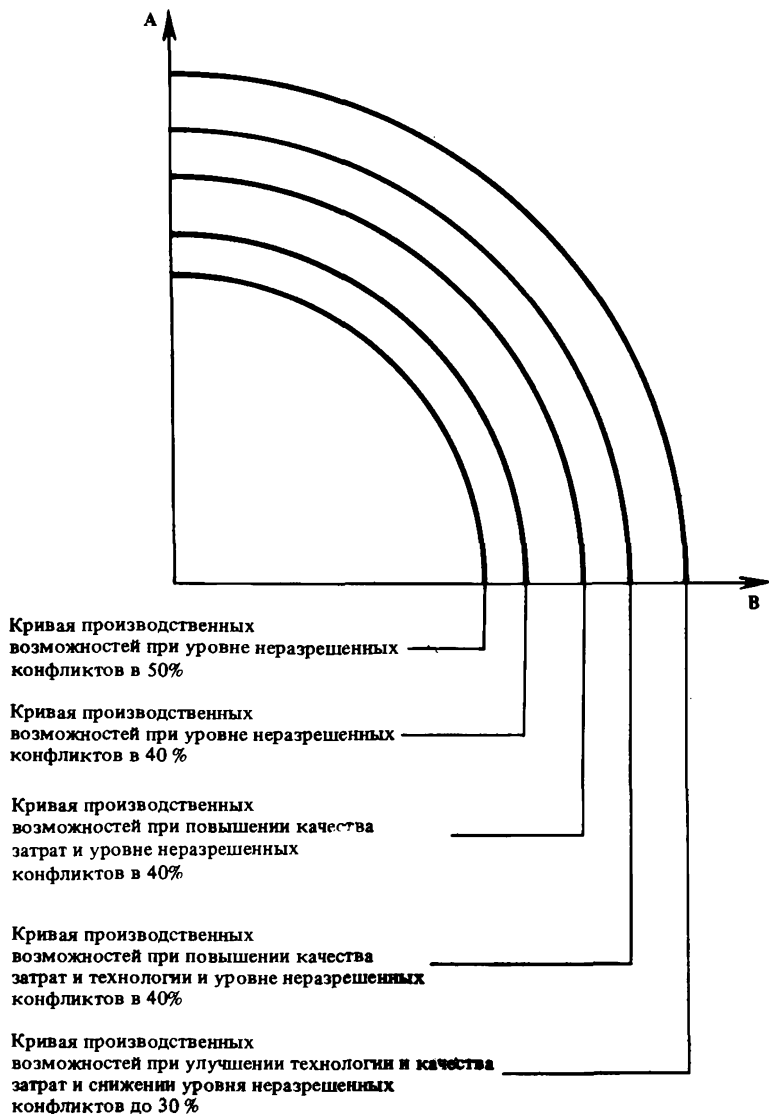
Рис. 6-2. Кривая производственных возможностей

На рисунке 6-2 изображена кривая производственных возможностей, которая отражает постоянную производительность при меняющихся затратах (в данном случае труда и капитала). Например, в точке А одинаковая производительность достигается большими капиталовложениями и с меньшими затратами труда, чем в точке В. Безусловно, производительность возрастает, если увеличивается вложение капитала и труда или если один из этих показателей остается неизменным, а второй возрастает. В таком случае кривая производственных возможностей идет вверх.

На рисунке 6-3 показана зависимость производственных возможностей от изменений уровня неразрешенных конфликтов, качества затрат и состояния технологического прогресса.

Рисунок 6-4 позволяет проследить сложность отношений в современной экономике. На самом деле диаграмма не учитывает полностью всех факторов, поскольку за всеми официальными организациями, вовлеченными в экономический процесс, стоят различные группы давления и действуют скрытые отношения, также оказывающие большое влияние.

Тот факт, что современные общественные отношения в производстве достаточно сложны, не является поводом для игнори-

Примечание: Движение вверх этих кривых производственных возможностей показывает, как в условиях разрешения конфликтов можно увеличить выпуск продукции при тех же затратах А и В (в данном случае капитала и рабочей силы).

Рис. 6-3. Влияние улучшения качества затрат и усовершенствования технологии при изменении уровня неразрешенных конфликтов

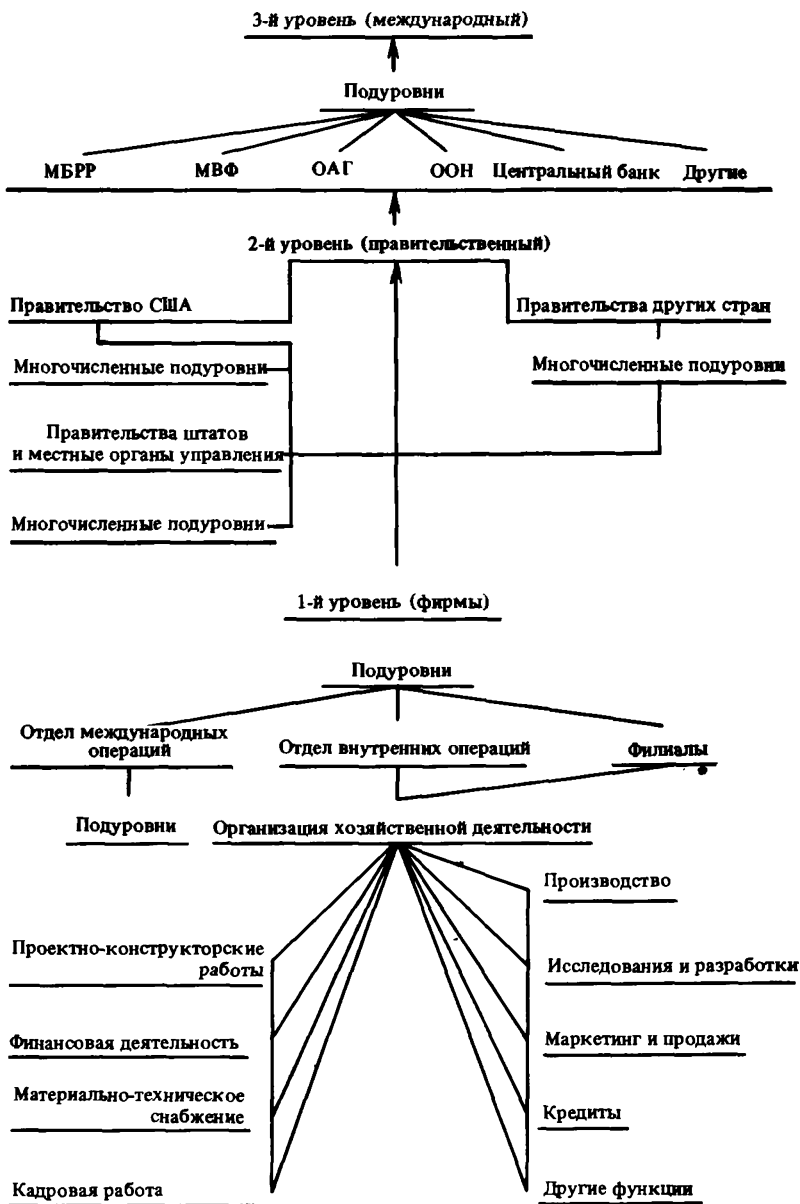

Рис. 6-4. Механизм принятия решений в современной корпорации

рования их в теории производства. Фактически в некоторых странах, например в Венгрии и Японии, развиваются новые теории производства, и в них общественные отношения, связанные с производством, ставятся во главу угла теории и практики.

Любая теория производства должна строиться на принципе демократической организации. Это объясняет, почему ни капитализм XIX века, ни авторитарный социализм XX века не работают как модели на третьем этапе экономического развития. Современный мир коренным образом отличается от мира Адама Смита и мира Карла Маркса. Поэтому нам необходимо пересмотреть концепции демократической организации и социальной гармонии.

Конфликты, возникающие в процессе производства, внутренне присущи общественной организации и сами по себе вполне естественны для любого общества. Их следует рассматривать как негативные явления, но они негативны не в большей мере, чем личные проблемы каждого отдельного человека. Первобытные люди относились к человеческим проблемам и конфликтам как к проискам дьявола и демонов. Нам, разумеется, не пристало рассуждать о проблемах экономической активности в подобных категориях. Мы должны рассматривать конфликт как явление естественное, которое должно разрешаться путем компромисса.

Конфликт имеет как вертикальную, так и горизонтальную структуру. В нижней части рисунка 6-4 перечислены функциональные подразделения фирмы. На их состояние влияют непосредственные отношения людей между собой, а также отношения подразделений с высшим руководством фирмы. На него также оказывают влияние отношения в фирме на других уровнях и между другими подразделениями.

Горизонтальный конфликт на производстве может возникнуть между теми, кто отвечает за реальное производство какого-либо продукта, и теми, кто несет ответственность за научные исследования и опытные разработки. Первые заинтересованы главным образом в непрерывности всех затрат и относительной стабильности выпуска продукции. Те, кто отвечает за внедрение новых технологий, могут поощрять списание устаревшей техники и отказ от устаревших производственных процессов для высвобождения средств на проведение научных исследований и опытных разработок. Этим и объясняется некоторая негибкость крупных корпораций, к примеру автомобильных компаний, которые в 1970-х годах, во время нефтяного кризиса в странах ОПЕК, слишком долго решали вопрос о переходе от производства крупных автомобилей к более миниатюрным моделям. В результате США уступили свое положение на рынке автомобилей немецким и японским производителям.

Подразделения, отвечающие за реализацию продукции, и подразделения, занимающиеся вопросами кредита и кредитоспособности, имеют разные точки зрения на торгово-финансовую деятельность.

Торговые подразделения склонны рассматривать строгую политику в отношении размещения и увеличения кредитов как неблагоприятный фактор для расширения торговых сделок.

Подразделения, отвечающие за стабильность финансового положения фирмы, не могут относиться ко многим вопросам так же, как отделы кадров, отвечающие за качество жизни рабочих. Перечисление внутренних горизонтальных конфликтов можно продолжать и дальше, но приведенные примеры наглядно демонстрируют данную ситуацию.

К этому необходимо добавить внутреннюю вертикальную структуру конфликтов между низшим, средним и высшим управленческими уровнями фирмы. Руководство корпорации может принять решение о проведении политики, которая, по его мнению, наилучшим образом отвечает интересам фирмы как целостной экономической единицы, не учитывая при этом интересы людей, составляющих ее социальную структуру. Руководство корпорации может отказаться от определенного вида деятельности или переместить ее в другую часть мира, полагая, что это будет способствовать будущему росту и процветанию фирмы.

Для правильного понимания социальных последствий подобных решений необходимо рассматривать их с точки зрения затронутых ими человеческих отношений. Возможно, акционеры и высшее руководство корпорации выигрывают в данной ситуации. Для некоторых представителей среднего управленческого звена и определенных групп рабочих последствия могут быть неблагоприятными. Если фирма крупная, то последствия ее решений могут сказаться на целых группах людей. Крупные международные корпорации своими решениями могут оказывать влияние на национальную экономику многих стран.

Решения, имеющие международное значение, принимаемые отдельными правительствами или международными учреждениями, могут оказывать серьезное воздействие на состояние производства в фирме и даже на ее производительность труда. Решения такого крупного международного картеля, как ОПЕК, влияют на состояние производства и производительность труда во многих частях мира. Решения правительств отдельных стран субсидировать фирмы, ограничить торговлю или лимитировать экспорт технологии сильно затрагивают интересы фирм других стран.

В связи с этим нетрудно себе представить потенциальные источники возникновения конфликта и конфронтации. Война и насилие в истории человечества отражают полный распад общественных отношений внутри фирмы, внутри государства или между государствами. Учитывая этот богатый опыт конфронтации и насилия, по крайней мере странно слышать от некоторых экономистов, что качество жизни улучшится, если каждому будет дана «свобода выбора», то есть если в существующем лабиринте человеческих конфликтов каждый будет преследовать только свои эгоистические

интересы, не ограниченные интересами общества. Более чем вероятно, что при таких условиях человечество выжить не сможет.

Роль компромисса в процессе производства и его влияние на производительность труда

Политическая и социальная организация общества, а также отдельный человек могут способствовать превращению конфликта в компромисс или конфронтацию. С начала промышленной революции организационная структура фирмы поощряла скорее конфронтацию, нежели путь поиска компромисса и гармонии. Зачастую конфронтация оставалась скрытой до того момента, пока не возникла угроза применения силы.

Власть стала основой организационной структуры фирмы. На раннем этапе развития предпринимательства эта структура была проста: владельцы, средние управленцы и рабочие низшего звена. Предпринимателям или владельцам принадлежала вся власть по принятию решений. Средний управленческий персонал помогал осуществлять эту власть, а рабочие подчинялись или теряли работу. Подобные отношения рассматривались фирмой как вполне справедливые, поскольку зарплата считалась компенсацией за труд и повиновение. Столь простые общественные отношения внутри фирмы были до некоторой степени унаследованы от более ранних общественных структур. При феодализме, который предшествовал коммерческому капитализму, каждому человеку отводилось определенное место в обществе и экономике, а власть феодала в пределах его поместья была абсолютной и неоспоримой. Конфликт существовал, но контролировался силой власти. Компромисс противоречил такой системе и рассматривался как проявление слабости.

По мере экономического развития размеры фирмы увеличивались, изменялись и прежние простые общественные отношения, поэтому конфликт усложнялся и становился более явным. Силе власти бросали вызов профсоюзы, законы о труде и другие законодательные акты. Часто подобное противостояние приводило к конфронтации, но в конечном счете некоторые из наиболее острых конфликтов разрешались путем переговоров и компромиссов. Такие компромиссы, достигнутые путем объединения противостоящих сил² зачастую вызывали негодование как работодателей, считавших, что они уступили слишком много, так и рабочих, полагавших, что они получили слишком мало. В результате слово «компромисс» стало отражать негативное отношение к общественным отношениям.

В ходе дальнейшего экономического развития масштабы конфликта все более расширялись, охватывая фирмы и все уровни правительства. В конце концов, отношения, вызывающие возникновение конфликтов, вышли за пределы национальных границ и пронизали фирмы и правительства всего мира.

Поскольку фирма организована на основе частной собственности, а рабочие, во всяком случае в экономике производства, являются неимущим классом, критики капитализма предполагали, что в основе конфликта лежит частная собственность. Однако конфликт в человеческих отношениях существует не только при частной, но и при общественной форме собственности на средства производства.

В основе проблемы конфликта лежит не форма собственности, общественная или частная, а скорее характер использования механизма власти в человеческих отношениях. Например, в крупных американских корпорациях властью в основном обладают не владельцы капитала корпорации, а управляющие ею. В бывшем Советском Союзе такой властью обладали институты нескольких уровней, но только не народ, который (согласно конституции) является собственником средств производства. Действительно, частная собственность при капитализме часто приводит к злоупотреблению властью. Верно, однако, и то, что при социализме общественная форма собственности не служит гарантией от подобного злоупотребления властью.

Компромисс не является действенным решением, если он строится на вынужденном участии (этот вопрос мы рассмотрим в гл. 10). Скорее всего, такой компромисс приведет к конфронтации. Люди должны хотеть сотрудничать: для эффективного и долговременного решения вопроса необходимо, чтобы их никто не вынуждал к сотрудничеству. Поскольку современная экономика строится на сложных процессах общественных отношений, сотрудничество является жизненно важным фактором для достижения успеха. Нежелание сотрудничать является причиной и следствием отчуждения.

Участие в общественных процессах обычно либо направляется духом сотрудничества, созидания и удвлетворения, либо происходит под давлением, не дает практического результата и вносит отчуждение. Последняя форма называется вынужденным участием, так как она держится на использовании власти другими людьми. Первая форма обычно называется демократическим участием.

Когда участники социального конфликта подвергаются давлению с использованием силы власти, отчужденные друг от друга слои общества пытаются вырваться из этой зависимости, переходя от сотрудничества к враждебности. Степень такого отчуждения может быть различной. С одной стороны, например, в центральноамериканских республиках существует жесткая конфронтация между горсткой землевладельцев и сельскохозяйственными рабочими, которые подавляются силой власти, поддерживаемой военным режимом. С другой стороны, существует относительно стабильное общество, в котором отчуждение в результате вынужденного участия приводит к снижению производительности труда.

Компромисс приведет к равновесию и гармонии только в том

случае, если он будет основан на демократическом участии. Слово «демократический» не означает всеобщего равенства. Такая посылка может существовать только в утопической модели демократии. Демократическое участие означает такую организацию общества, при которой люди добровольно желают сотрудничать для достижения общих целей.

Процесс производства не может ограничиться анализом соотношения затрат и выпуска продукции и использованием технологий. Мотивация отдельных людей, политическая организация и социальная гармония являются неотъемлемой частью процесса производства. Все эти факторы игнорируются в ортодоксальных экономических моделях производства и производительности труда в связи с тем, что экономисты в своем анализе предпочитают ограничиваться количественными переменными, которыми можно манипулировать со статистической и эконометрической точностью.

Точность, однако, не отражает реалистичности экономического анализа, поскольку экономическая теория — это искусство, а не наука. Процесс экономической эффективности можно рассматривать как науку только в том случае, если он полностью изолирован от всякого влияния со стороны человека. Однако экономическая эффективность является лишь одним из факторов при изучении экономического поведения, и экономическая теория, если она ограничивается рассмотрением лишь этого фактора, оказывается неприменимой в условиях реального мира.

Комплексное изучение экономической эффективности, политической организации и социальной гармонии превращает экономическую теорию в общественную науку, каковой она и должна быть на самом деле. Если рассматривать экономическую теорию как одну из общественных наук, становится очевидным, что понятия конфликта и компромисса являются неотъемлемой частью экономического анализа.

При разрешении конфликта путем компромисса, ведущего к достижению гармонии в экономическом процессе, необходимо иметь четкое представление о всех взаимодействующих факторах. К ним можно отнести: динамику жизни, общность некоторых целей, самовосприятие отдельной личности, альтернативные методы разрешения конфликта, границы допустимого, время и движение. Если все факторы благоприятны, экономический процесс будет развиваться в направлении равновесия и гармонии, совершенствуясь по мере такого развития (на этом вопросе мы остановимся в гл. 12).

Прежде чем продолжить анализ процессов компромисса, равновесия и гармонии, необходимо рассмотреть процессы распределения и потребления.

7. Распределение богатства и доходов

Источники и распределение богатства

Классические, а также большинство неоклассических экономистов относились к процессу распределения богатства и собственности очень просто. Считая людей существами разумными, они рассматривали их с чисто экономической точки зрения. Эти экономисты вообще почти не затрагивали вопрос о распределении богатства в своих работах, зато политические философы, оказавшие влияние на их идеи, высказывались на этот счет довольно активно. Джон Локк, например, был страстным защитником частной собственности, однако полагал, что право на владение частной собственностью дается людям трудом, затраченным на ее приобретение и развитие¹. Классический пример — фермеры, обрабатывающие свою землю. Более современный пример — распределение акций предприятия среди служащих корпорации.

На самом деле фактическая история владения частной собственностью сложна и запутанна и по большей части имеет мало общего с идеями Локка. Хотя сегодня эта проблема представляет главным образом академический интерес, есть любопытные примеры, показывающие, каким образом собственность переходила в частные руки. В XVII веке первый герцог Малборо, один из величайших военачальников Англии, получил во владение большую часть Уэльса. Эти земли были подарены ему королем, стремившимся сгладить неловкую ситуацию в связи с герцогиней Мальборо. Позднее было обнаружено, что в недрах этих земель содержится почти половина всех британских запасов угля.

Люди, пользовавшиеся до Гражданской войны влиянием в южных штатах США, с легкостью добивались банковских привилегий от своих политических сторонников в законодательных собраниях штатов. Поскольку надзор за деятельностью банков существовал по большей части на словах, их предприимчивые владельцы имели возможность выпускать банкноты, которые они использовали для приобретения земель. Обычно они делали это под чужими именами, и в истории этот процесс получил название «банковские аферы». Другим способом приобретения собственности, который, строго говоря, не укладывается в определение Локка о «неотъемлемом праве частной собственности», является покупка земельных участков, где позднее обнаруживаются залежи также полезных ископаемых, например нефти, приносящих неожиданные состояния собственникам этих участков.

Некоторые аспекты проблемы богатства и его распределения представляют интерес для данного исследования. Во-первых, политическая и социальная природа этого процесса требует таких оценочных суждений, которые бы не ограничивались экономическими подходами, характерными для традиционных экономистов. Во-вто-

рых, способ, с помощью которого приобретается частная собственность, становится важным фактором ее распределения.

Если частная собственность приобретается так, как полагал Локк, или так, как предписывал закон о гомстедах, богатство, как правило, не сосредоточивается в руках горстки людей. При этом большинство людей не остаются бедными и неимущими, как это имеет место в наши дни в большинстве стран Латинской Америки, Азии и Африки. Закон о гомстедах вступил в силу в 1862 году. Он предусматривал выделение общественных земель США — обычно в количестве 160 акров — любому человеку, подавшему соответствующую заявку, поселившемуся на этой земле и обрабатывающему ее. Однако если частная собственность приобретается теми, кто непосредственно вкладывает свой труд для приобретения собственности, то возникает вероятность концентрации богатства в руках немногих. Например, если говорить об английских аристократах, например герцоге Мальборо, то открытие богатейших месторождений каменного угля оказало огромное воздействие на распределение богатства в Англии. Фактически способ приобретения богатства становится важным экономическим фактором, ускользающим от внимания большинства экономистов. Обладание богатством порождает власть, а власть является главным фактором в процессе принятия экономических решений.

Как же точно определить понятие «богатство»? Альфред Маршалл (1842—1924 гг.), выдающийся представитель неоклассической экономической школы, дал исчерпывающее определение богатства, которое до сих пор может быть использовано как отправная точка в анализе этого понятия. Богатство является одновременно внутренним и внешним, личным и общественным. С экономической точки зрения богатство — это экономическое благо в отличие от блага духовного².

Для представителей классической экономической теории богатство — фактор внешний; оно представлено в виде земли и капитала и не включает профессиональное мастерство и знания отдельного человека, которые эти ученые относили к внутреннему богатству и определяли как вклад каждого человека в свою работу. Непонятно, почему при этом последние факторы исключаются из определения богатства, особенно ввиду того, что внутреннее богатство зависит от физического, психического и эмоционального здоровья личности, которое, наряду с профессиональной подготовкой и опытом работы, является необходимым элементом разумного и производительного общества.

Различие между личным и общественным богатством — это вопрос философии и права. Общественное богатство состоит из коллективных благ, представляющих собой богатство скорее с общественной точки зрения, нежели с точки зрения отдельного человека. Это богатство, которое принадлежит всем членам политической общности — города, штата или государства. Личное богатство —

это все, что находится в собственности отдельного лица либо группы лиц, не представляющих собой политической общности.

Невозможно абсолютно однозначно сформулировать, какие блага по природе своей относятся к личному богатству. Это зависит от системы ценностей, лежащей в основе анализа. В Соединенных Штатах большая часть богатства находится в частных руках, в бышем Советском Союзе — в руках общества.

Если мы будем рассматривать богатство как источник благосостояния государства, тогда определения «частное» и «общественное» становятся менее важными, чем это кажется на первый взгляд. Наибольшее значение приобретают способы контроля над богатством и управление им, а также подходы к определению благосостояния нации.

Как частная, так и общественная формы собственности совсем не обязательно являются инструментами эксплуатации, однако каждая из них может стать таковым, если власть, используемая в интересах данной формы собственности, является деспотической и недемократичной. (Осуществление власти не связано напрямую с обладанием богатством.) В XIX веке в системе капиталистического хозяйства существовала прямая связь между богатством и властью. Такие люди, как Рокфеллер, Морган, Вандербильт и Карнеги, обладали огромной властью над нефтяной промышленностью, сферой финансов, системой железных дорог и производством стали. Принимаемые ими решения оказывали серьезнейшее, как прямое, так и косвенное, воздействие на национальную экономику страны и жизни миллионов людей. Это были люди с колоссальным богатством и влиянием. Не занимая государственных постов, они обладали гигантской политической властью за кулисами сцены. Они были пионерами капитализма, однако вопрос о подлинной демократии практически не интересовал их. Это тем более интересно, что в то время большинство людей имели право политического голоса лишь номинально. Рабочие не были представлены в политических структурах, женщины не имели избирательных прав, а этнические меньшинства были практически исключены из участия в политических процессах. Это был период частной собственности и экономической эксплуатации.

В бышем Советском Союзе власть не была связана с богатством. Согласно советской Конституции, все национальное богатство принадлежало народу. В стране до сих пор очень мало частной собственности на землю, природные ресурсы и средства производства. Однако люди, подобные Сталину, обладали огромной властью. Как признали позднее его преемники, это была власть деспотическая. Ни классические экономисты, ни их критики — сторонники теории социализма (такие, как Карл Маркс) до конца не понимали природы власти, находящей отражение как в частной форме собственности, так и в той ее форме, при которой собственность контролируется государством от имени народа.

Существует ли объективный критерий для разделения личного и общественного богатства? Сторонники частной собственности утверждают, что общественная форма собственности порождает чрезмерную концентрацию власти, а это, в свою очередь, приводит к произволу в политике, как это было в России во времена Сталина. Однако здесь мы видим лишь одну сторону медали. Верно и то, что, как заявляют критики капиталистической системы, частная форма собственности прямо ведет к концентрации экономической власти и косвенно — к концентрации власти политической. А это приводит к политическим злоупотреблениям, как мы видели на примере гитлеровской Германии раннего периода, а также в других государствах, где власть осуществляют военные в интересах крупных собственников.

Более важным фактором, чем формальная юридическая структура собственности, является участие народа в ее использовании и то, как эта собственность применяется для удовлетворения нужд людей, потребность окружающей среды, а также требований качества жизни как в настоящее время, так и в будущем.

Официальное разделение богатства на личное и общественное должно отражать культурные ценности и устремления народа. Если мы отождествляем с частной собственностью право отдельных лиц принимать решения в соответствии исключительно с собственными желаниями, без учета последствий этих решений для других людей, окружающей среды, настоящего и будущего качества жизни, тогда в целях выживания использование частной собственности должно быть ограничено. Однако если использование частной собственности осуществляется с учетом ее влияния на общество, то конфликт между личным богатством и общественными потребностями может быть существенно смягчен. В этом случае частная форма собственности будет способствовать экономическому развитию в социально приемлемой форме.

Альфред Маршалл склонялся к этой точке зрения на использование богатства. Поскольку богатство используется для обеспечения основных материальных и культурных потребностей каждой семьи, а также разнообразных более сложных потребностей всего общества, стремление к богатству является благородной целью, а преимуществ, достигаемые с помощью последнего, умножаются с развитием более высоких форм деятельности, которым богатство призвано способствовать³.

В процессе истории формы богатства претерпевали существенные изменения. Когда люди начали получать средства к существованию за счет обработки земли, земля и ее освоение (сельское хозяйство, строительство и т. п.) стали первым видом богатства. К этому прибавилось одомашнивание и разведение животных для употребления в пищу и использования на сельскохозяйственных работах.

Промышленная революция выдвинула на первый план новую

форму богатства — капитальное оборудование или средства производства. Эта форма богатства была создана капиталистами, которые организовывали рабочую силу для производства и удерживали часть продукции в виде прибыли, вкладывавшейся ими в средства производства. Чтобы экономический рост имел место, этот процесс должен происходить как при капитализме, так и при социализме.

Накопление капитала, стремление и способность откладывать часть текущих доходов тесно связаны друг с другом. Некоторые экономисты не склонны рассматривать налоги как форму накопления, поскольку считается, что налоги в капиталистической экономике не приводят к созданию производительного капитала и богатства. Однако, как заметил в 1891 году Маршалл, «наиболее очевидной формой такого богатства является общественная материальная собственность различных видов — дороги, канал, здания и парки, газо- и водопроводы. Однако еще больше приумножению богатства Англии способствовала Темза... С многих точек зрения она должна считаться частью богатства Англии»⁴. В той степени, в какой налоги используются для строительства и содержания материальных объектов, обеспечивающих необходимые и полезные услуги, а также способствующих повышению производительности труда и улучшению качества жизни, их следует рассматривать как накопления, создающие богатство как в частном, так и в общественном секторах.

Одной из форм богатства, значение которой непрерывно возрастает, являются наука и технология. Большинство неоклассических экономистов не относили эти категории к богатству, поскольку это противоречило их тезису о том, что богатство для человечества — фактор внешний. (Согласно этому тезису, в понятие «богатство» не включаются те знания, которые люди приносят в свою работу.)

Наука и технология, одним словом, знания, приобретшие решающую роль в создании доходов, должны рассматриваться как богатство. Какое это богатство — личное или общественное? Национальное или интернациональное? Характерно, что люди и государства уже спорят по поводу прав собственности на знания, как это когда-то было в отношении земли и физического капитала.

Поскольку мы не можем выжить, не имея благоприятной окружающей среды, богатство должно содействовать созданию такой среды и обеспечивать физическое, психическое и эмоциональное здоровье человечества или, по определению Эриха Фромма, разумное общество. Богатство должно использоваться в общественно-полезных целях, иначе выживание и качество жизни могут оказаться под угрозой. Бесплезно обсуждать право отдельного человека на выбор, не принимая во внимание социальные последствия такого выбора и его последствия для выживания. Земля, физический капитал, знания отражают эволюцию богатства как источника доходов и средства улучшения качества жизни. Точно

так же как в прошлом показателем демократичности общества выступала система распределения земли и капитала, современное общество, претендующее считаться демократическим, должно оцениваться в соответствии с тем, как в нем организовано распределение знаний.

Источники и распределение доходов

С чисто экономической точки зрения доход является источником накопления богатства. Сколь неадекватен бы ни был совокупный или даже средний доход как показатель благосостояния государства и качества жизни граждан, это все-таки лучший критерий, чем богатство, которое является источником дохода.

Как мы уже говорили, богатство складывается из средств производства, материальных ресурсов, людей, вносящих свой вклад в виде умственного и физического труда, науки и технологии, а также опыта и творческой фантазии. Доход более непосредственно связан с удовлетворением человеческих нужд и потребностей как в настоящее время, так и в будущем. Чтобы правильно понять социальное значение дохода, необходимо определить его функции с точки зрения способности удовлетворять нужды и потребности людей в контексте выживания и качества жизни.

Судить о благосостоянии государства и качестве жизни общества по размерам валового национального продукта (ВВП), как это делается в наши дни, не только неразумно, но и неправильно. Оценивать ВВП, не принимая во внимание источники богатства и дохода, — значит оценивать явление экономической эффективности без учета потребностей общества, отдельного человека и окружающей среды. Однако именно это и происходит в наши дни, поскольку экономика, в том виде, в каком она существует на данном этапе, является скорее отражением абстрактного, количественно выраженного процесса, чем общественной наукой или искусством.

Большинство сторонников традиционной экономической школы придерживаются этого узкого и абстрактного подхода, заявляя, что экономика как наука не должна нести на себе груз ценностных суждений. Однако, утверждая, в частности, что ВВП тем лучше, чем он больше, они высказывают серьезное ценностное суждение. К тому же, как показал Аристотель в своем примере о «золотой середине», это просто неверный подход. «Больше», по словам Аристотеля, значит «лучше» только в том случае, если «меньше» значит «недостаточно».

В действительности оценить ВВП с точки зрения общественной пользы довольно легко⁵. Если доход государства и уровень бедности в нем относительно высоки, по-видимому, проблема кроется в системе распределения, хотя, конечно, возможны и другие причины, которые следует выявить. Не исключено, что они заложены

в системе образования и профессиональной подготовки или в структуре промышленности, порождающей неполную занятость и низкую оплату труда слишком большой части населения.

Важной составной частью качества жизни является состояние здоровья людей. Медицинское обслуживание населения входит составной частью в национальный доход. Если большая часть населения не имеет доступа к качественному медицинскому обслуживанию, это является показателем качества национального дохода.

Еще один важный аспект общего качества жизни — качество жизни после ухода на пенсию. Если значительная часть населения, всю жизнь проработав на благо общества, прозябает в бедности, это обязательно сказывается на качестве национального дохода.

Поскольку большинство людей вынуждены работать, чтобы жить и обеспечивать всем необходимым себя и свои семьи, не полагаясь на благотворительность, важной характеристикой качества жизни является гарантия занятости. Если в процессе создания национального дохода большая часть населения вынуждена оставаться без работы несколько месяцев, а то и лет, то независимо от его размеров национальный доход оставляет желать много лучшего.

Для того чтобы сопоставить ВВП и качество жизни, можно воспользоваться индексом, показывающим соответствие экономики потребностям отдельных людей, общества в целом и окружающей среды.

ВВП можно измерить с помощью взвешенного индекса, но это измерение будет не столько показателем точного числового значения, сколько свидетельством того, что способность людей судить о качестве жизни основывается на человеческих и социальных ценностях, а также на опыте. Факторы, которые должны получать вес, включают доход на душу населения; распределение доходов; процент семей с доходами ниже прожиточного минимума, нуждающихся в социальной поддержке; гарантии занятости и уровень безработицы; процент доходов, отчисляемый на образование и профессиональное обучение; пенсионные доходы; качество и распределение медицинского обслуживания; наличие объектов для проведения досуга; уровень развития инфраструктуры (дорог, магистралей, школ и т. д.); защита окружающей среды; научные исследования и опытные разработки; а также наличие общедоступных бесплатных или недорогих культурных развлечений. Безусловно, данный перечень далеко не полон и зависит от того, каким образом качество жизни отражается в ценностях и культуре народа (см. гл. 15).

Задача состоит в том, чтобы оценивать ВВП более широко и реалистично, то есть как составной элемент качества жизни, обусловленный его стандартами. Любой другой способ оценки ВВП вряд ли может отражать потребности людей и окружающей среды.

Как создается ВВП? ВВП — это продукт совокупных усилий

по производству товаров и услуг. Сюда относится сотрудничество всех людей, обеспечивающих отдельные компоненты производства. Они, в свою очередь, являются получателями ВВП, что дает им право претендовать на произведенные товары и услуги.

Бесспорно, что люди, вносящие свой вклад в создание ВВП, имеют право на часть последнего, однако в ходе эволюции экономической теории этот вопрос трактовался крайне противоречиво. Физиократы (французские экономисты — предшественники Адама Смита) полагали, что в большинстве случаев — за редкими исключениями — естественные законы, регулирующие рост населения, поддерживают заработную плату на уровне прожиточного минимума. Они доказывали, что те же естественные законы регулируют оборот капитала (прибыль и учетные ставки).

Только в конце XIX — начале XX века экономисты — последователи неоклассической теории начали учитывать производительность труда как фактор, влияющий на заработную плату. Было выдвинуто предположение, что уровень заработной платы отражает уровень производительности труда. Прибыль на капитал также стала рассматриваться как соответствующая его производительности.

Неоклассические экономисты внесли важный вклад в теорию заработной платы в условиях, когда важнейшим приоритетом является экономический рост. Свое утверждение о зависимости уровня заработной платы от уровня производительности труда они основывали на предположении, что рабочая сила мобильна, а рынки регулируются естественными экономическими законами, которые автоматически корректируют любое несоответствие между предложением рабочей силы и спросом на нее.

Неоклассические теории о распределении доходов базируются на убеждении, что вся экономическая деятельность контролируется ценами рынка. В соответствии с этими теориями заработная плата — это цена рабочей силы, а прибыль — цена капитала и каждая из них зависит от производительности другой.

В современном мире ценовой механизм — лишь один из факторов, влияющих на экономическую деятельность. Во многих случаях простая корректировка цен не оказывает влияния на ее состояние. Это касается политической и социальной организации как внутри, так и вне фирмы, о чем мы говорили в предыдущей главе. Это также касается стремительных и радикальных технологических прорывов, вызывающих серьезные структурные изменения, адаптация к которым не может происходить автоматически и должна обеспечиваться специальными продуманными мерами. Такая корректировка экономической деятельности выходит за пределы возможности рынка в неоклассической схеме, даже если бы такой рынок существовал в свободной и чистой форме, которую рассматривали неоклассические экономисты.

Если неоклассический вариант рынка не существует, во всяком

случае с точки зрения его способности регулировать распределение ресурсов и доходов, тогда каким же образом распределяются доходы?

Заработная плата на регулируемых и нерегулируемых рынках

Распределение доходов — одна из областей, где есть наибольший риск возникновения острых конфликтов. Неоклассические экономисты избегали рассматривать эту проблему, полагая, что экономические законы рынка, основанные на спросе и предложении, приведут к «естественному» распределению доходов.

Маркс видел причину этой проблемы в частной собственности на средства производства. Именно существование частной собственности, по его мнению, вело к возникновению в обществе классовой борьбы. Решение проблемы он видел в переходе к общественной форме собственности на средства производства и построении бесклассового общества.

В любом обществе — социалистическом или капиталистическом — совокупная стоимость доходов, которые могут быть распределены, определяется совокупной стоимостью произведенных товаров и услуг. Эта стоимость, в свою очередь, зависит от всех факторов производства, участвующих в производстве товаров и услуг. Хотя производительность труда и регулирует общий объем производства, она не может регулировать распределение доходов среди всех факторов производства.

В традиционной теории производительности труда отсутствует существенный аспект, а именно не рассматривается вопрос о том, насколько получатели доходов обладают политической властью. Кроме того, не существует практического критерия для оценки производительности труда. Производительность труда зависит от всех факторов, задействованных в выпуске единицы продукции⁶.

В традиционной теории производительности труда стоимость каждого компонента ресурсов, участвующих в производстве, определяется спросом и предложением. Производительность труда является лишь одним из факторов данного процесса. Для иллюстрации можно привести следующий пример.

Работники компании А в целом столь же компетентны и опыты, как и работники в фирмах с большей эффективностью производства. Тогда почему же компания А относительно неэффективна, то есть почему издержки производства у нее выше, чем в других фирмах? Причина кроется, во-первых, в том, что компания А не хватает оборотного капитала, и, во-вторых, в том, что в ней плохо организовано управление. Поэтому производительность труда в компании А ниже, чем в других фирмах. Однако, если нет спада производства и безработицы, эта компания должна платить своим

работникам обычную ставку заработной платы, определяемую предложением и спросом. Она не может установить более низкую ставку, что соответствовало бы более низкой производительности труда в компании, так как этого не допустят профсоюзы. Таким образом, заработная плата определяется не производительностью труда работников в отдельных компаниях, а состоянием рынка труда. Профсоюзы являются лишь одним из компонентов структуры этого рынка.

Ясно также, что если можно говорить о производительности труда отдельного работника, то она определяется многими факторами, действующими на него извне, а также некоторыми внутренними факторами. Производительность труда отдельного работника, равно как и эффективность капитала и технологии, является результатом процесса кооперации. В современной экономике основной производительности труда является сотрудничество. Совместные действия работников и всех других факторов процесса производства (управленческое звено, инвесторы, кредиторы, создатели технологий, собственники ресурсов и общественный сектор) играют огромную роль. Сотрудничества между ними можно достичь, установив реалистичные и жизнеспособные общественные и политические отношения между всеми участниками экономической деятельности.

Каковы же условия рынка, определяющие распределение доходов? Рынки могут быть полностью свободными, когда никто не диктует цены, объем выпускаемой продукции, уровень заработной платы и т. п. («laissez-faire», или свободный рынок), они могут быть частично свободными и частично регулируемые частным сектором или полностью регулируемые общественным сектором.

В экономике США, как и в экономике любой другой современной экономически развитой страны, существуют все три типа рынка. Однако имеются огромные различия с точки зрения преобладания тех или иных типов в разных странах. Наибольшие различия наблюдаются в сфере предложения товаров и услуг, однако спрос также функционирует неодинаково. В бывших социалистических странах, например в Советском Союзе, предложение продукции производственного назначения и потребительских товаров в основном контролировалось центральными органами по планированию, которым помогали региональные и местные плановые органы. Планы составлялись на пять и более лет и периодически пересматривались для исправления допущенных ошибок или по каким-либо другим причинам.

Потребительский спрос в Советском Союзе являлся «свободным» в том смысле, что люди могли выбирать наличествующие товары и услуги при условии, что они в состоянии оплатить их. В тех случаях, когда возникает дефицит наиболее необходимых предметов, спрос на которые остается практически неизменным, в магазинах появляются длинные очереди. Тем не менее в этом случае можно

говорить о рынке, поскольку между продавцами и покупателями заключаются сделки, а потребители имеют свободу выбора, ограниченную размерами доходов и ассортиментом предлагаемых товаров.

В экономике Соединенных Штатов значительное место отводится планированию, осуществляемому той частью частного сектора, которая состоит из олигополистических фирм и влиятельных профсоюзов. Предложение товаров в секторе с частным планированием в основном контролируется руководством компаний, обладающих властью. Однако процесс планирования централизован не до такой степени, как в социалистических странах.

В секторе с частным планированием спрос осуществляют потребители, свободные выбирать с учетом их платежеспособности и в зависимости от наличия товаров и услуг. Поскольку предложение в этом варианте рынка в основном планируется в частном секторе, он не отвечает классическому определению свободного саморегулирующегося рынка.

Дефициты товаров в некоторых странах с плановой экономикой, входивших в советский блок, не обязательно являлись следствием планирования. В капиталистических странах на различных этапах их развития, несмотря на отсутствие планирования, также возникали серьезные дефициты. Эти дефициты, однако, маскировались тем фактом, что цены на некоторые наиболее необходимые товары были недоступны представителям беднейших слоев населения. Большинство населения имело слишком низкие доходы, чтобы приобрести даже предметы первой необходимости. При этом не возникало недостатка товаров или очередей в магазинах, поскольку цены весьма эффективно удерживали бедных за пределами большинства товаров и услуг.

Более того, в Советском Союзе цены на товары первой необходимости зачастую устанавливаются на слишком низком уровне относительно доходов основной массы населения. Это приводит к дефицитам и длинным очередям. Низкие цены на основные необходимые предметы проистекают от стремления сделать эти предметы доступными для всех людей. Проблема возникает из-за нехватки товаров. Многие из них просто не производятся в необходимом количестве — зачастую из-за приоритетов, устанавливаемых правительством.

Помимо рынков с планированием в частном секторе и рынков с планированием в общественном секторе существуют также частные рынки, где планирование полностью отсутствует. Они состоят из фирм, недостаточно крупных, чтобы влиять на механизм цен. В Соединенных Штатах этот рынок включает некоторые виды услуг, а также некоторые сферы сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Основные промышленные отрасли, такие как сталелитейная и другая металлообрабатывающая промышленность, энергетика, автомобилестроение, коммунальные услуги и

транспорт, представлены относительно небольшим числом крупных фирм, входящих в сектор с частным планированием.

На регулируемом частном рынке заработная плата определяется главным образом факторами, находящимися вне контроля фирмы. Хотя большинство работников этого рынка труда не объединены в профсоюзы, фирма, принимающая на работу квалифицированных служащих, зачастую вынуждена платить им заработную плату, соответствующую гарантированной профсоюзами заработной плате в более крупных фирмах или других отраслях промышленности данного региона. Уровень заработной платы также будет зависеть от стоимости жизни в данной местности. Влияние и власть на рынке такого типа не имеют особого значения, а производительность труда является по большей части лишь долгосрочным лимитирующим фактором в установлении зарплаты, которую вынуждена выплачивать фирма.

В частном секторе, где есть планирование, фирма и профсоюзы, представляющие интересы рабочих, обладают властью. Заработная плата устанавливается в результате переговоров между администрацией и представителями рабочих. В периоды инфляции рост заработной платы в денежном выражении обычно превышает рост производительности труда.

Поскольку фирмы этого сектора обладают властью и используют ее против более мелких фирм, у которых они закупают некоторые виды сырья и материалов, то это, естественно, сказывается на способности последних выплачивать зарплату. Таким образом, власть крупных фирм оказывает косвенное воздействие на заработную плату в фирмах, функционирующих в условиях нерегулируемого частного рынка. Часто получается так, что власть крупной фирмы заставляет более мелкую фирму компенсировать невыгодные условия торговли с крупной фирмой путем снижения прибылей и зарплаты, выплачиваемой сотрудникам.

Еще одно проявление воздействия фактора власти на уровень заработной платы в фирмах частного сектора с планированием — его влияние на цены и уровень цен. Если у администрации фирмы есть возможность перенести издержки по повышению зарплаты, произведенному под давлением профсоюзов, на плечи потребителя или других фирм, приобретающих ее продукцию, она всегда идет на это, стремясь сохранить мир в отношениях с рабочими.

Неоклассические экономисты, выстроившие экономическую теорию на гипотезе о том, что уровень заработной платы определяется уровнем производительности труда в условиях саморегулирующегося рынка, и игнорировавшие фактор власти, тем самым создали вакуум в теории распределения доходов. Если мы хотим, чтобы производство стало процессом сотрудничества, позволяющим добиваться высокой эффективности и заботиться об интересах людей и потребностях окружающей среды, то оно должно строиться на реалистичной теории распределения доходов.

Существующий механизм установления заработной платы имеет ряд серьезных недостатков и нуждается в совершенствовании. Этот механизм дискриминирует работников, занятых в нерегулируемом частном секторе, вызывает инфляцию и создает атмосферу отчуждения в отношениях между рабочими и администрацией, превращая их во врагов там, где они могли бы существовать как партнеры.

Установление уровня заработной платы в государственном секторе экономики США находится в ведении Конгресса и Комиссии по вопросам государственной службы. Оклады государственных служащих практически несравнимы с теми, которые существуют в частном секторе с плановым регулированием. Президент Соединенных Штатов зарабатывает намного меньше, чем глава крупной корпорации (с учетом всех премий, дивидендов по акциям, льготных сделок и других дополнительных привилегий). Члены кабинета министров, отвечающие за общественное благосостояние и влияющие на него, получают гораздо меньше старших управляющих в крупных корпорациях. Так же обстоят дела в Верховном суде и Конгрессе США.

На уровне профессиональных служащих различия почти так же велики. Руководители маркетинговых, проектно-конструкторских и финансовых подразделений в крупных корпорациях обычно получают в два-три раза больше, чем главы важных государственных учреждений, таких как Федеральная резервная система и Экономический совет при президенте. Государственные служащие высшего ранга также зарабатывают значительно меньше по сравнению с их коллегами в частном секторе. Это приводит к тому, что лучшие выпускники университетов и колледжей отдают предпочтение работе в частном секторе. Тем самым государственный сектор, где высокое мастерство и талант имеют столь важное значение для всего общества, лишается возможности конкурировать с частным сектором. В результате на высшие посты в государственных учреждениях зачастую приходится нанимать людей, либо согласных получать более низкую зарплату, либо сравнительно менее компетентных, чем их коллеги в частном секторе. На более низких уровнях государственные служащие, напротив, иногда получают даже больше, чем служащие аналогичного статуса из частного сектора.

По-иному обстоит дело при перемещении людей из научного мира в военный сектор экономики, где они получают доступ к фактически неограниченным средствам, выделяемым на оборонные и космические исследования. Заработная плата, устанавливаемая правительством в этой области, обычно превышает заработную плату в научных учреждениях, а широкие возможности для исследований привлекают ученых, ориентированных на исследовательскую работу.

Служащие федеральных правительственных учреждений могут

быть членами профсоюза, но в этой сфере влияние профсоюзов значительно слабее, чем в частном секторе. Забастовки, самое сильное оружие профсоюзов, здесь запрещены. Запрет обосновывается незаконностью объявления забастовки против правительства США как суверенной государственной структуры.

Мобильность рабочей силы не способствует устранению различий в заработной плате при одинаковом уровне квалификации в разных отраслях промышленности и географических регионах. Эти различия постоянно закрепляются существующими различиями в условиях власти на разных рынках труда, а также глубоко укоренившимся недоверием налогоплательщиков к бюрократии государственного сектора. Существование бесконтрольной власти и иррациональных предубеждений на рынке труда порождает серьезные конфликты и способствует распространению отчуждения. Достижение экономической эффективности и социальной гармонии требует решения этой проблемы.

Роль прибыли и ссудного процента

Прибыль не только лишь один из нескольких источников дохода. Она является сердцевинной рыночного механизма. Экономисты классической школы считают прибыль центральным фактором, распределяющим ресурсы в соответствии с законами спроса и предложения.

Для того чтобы прибыль играла эту роль, необходимо допустить, что максимизация прибыли является преобладающим мотивом в производстве. Иллюстрируем эту мысль очень простыми примерами. Фирмы, для того чтобы максимизировать прибыль, должны изменить цены на свои товары и услуги и объемы производства, как это диктуется изменениями спроса, о которых сигнализирует рынку потребитель. (Предполагается, что потребитель определяет объемы производства, что согласовалось с концепцией классической школы политической экономии о свободе выбора и принципами Милля о наибольшем благе для наибольшего числа людей.) Прибыль является платой предпринимателю за риск, который он принимает на себя, предоставляя капитал, необходимый для производства. В этой роли прибыль является фактором в распределении дохода.

Роль прибыли в классической политической экономии выходит за рамки платы предпринимателю, который играет ключевую роль в создании материальных ценностей и экономическом росте. Ее главной функцией является автоматическое регулирование рынка (без вмешательства извне, как действительного распределителя ресурсов).

Даже в наше время большинство экономистов считают максимизацию прибыли главным мотивом производства. Это или преду-

беждение, или вывод, полученный без доказательств. Без этого предположения концепция о равновесии рынка не может быть защищена, как это случилось в экономической теории традиционной школы.

С начала 1930-х годов экономисты примирились с тем фактом, что в большинстве отраслей промышленности рынки далеки от совершенства или идеала. Теории монополии, олигополии и монополистической конкуренции стали признанным фактом в экономической литературе. Согласно экономистам традиционной школы, такие отрасли промышленности просто стали менее эффективными, чем они были бы на совершенном или идеальном рынке. Эти экономисты не ставят под сомнение стимулы прибыли как ведущего фактора в производстве. Они утверждают лишь, что рынок, хотя и несовершенен, все же отражает желание потребителя.

В связи с этим проанализируем два вопроса: как устанавливается прибыль и является ли на самом деле прибыль тем магнитом, который притягивает производство? Понятие «прибыль» возникло в классической и неоклассической экономической теории как доля дохода, получаемая теми, кто принял на себя риск, инвестировав свои деньги в основной фонд фирмы. В экономическом процессе такие средства обращаются в средства производства, здания, оборудование и орудия труда.

До появления крупных корпораций эти функции риска принимал на себя предприниматель, сочетавший их с деятельностью по управлению фирмой. Он получал два вида оплаты: заработную плату — за роль в качестве управляющего, и прибыль — за принятие риска. Иногда на его доход, состоящий из заработной платы и прибыли, ошибочно ссылались только как на прибыль, но это неверно с точки зрения распределения доходов.

С появлением корпораций эти две функции предпринимателя взяли на себя акционер (принявший на себя риск) и профессиональный управляющий, который стал высшим служащим корпорации. Позднее к управляющим были также приравнены и те, кто отвечал в корпорации за проблемы новейшей техники и технологии производства, и все управляющие высшего уровня совместно стали высшим исполнительным руководством.

В планируемом частном секторе управляющие получают зарплату, премии и дополнительные выплаты, а акционеры получают прибыль в форме дивидендов. Акции корпораций покупаются и продаются на основных и второстепенных рынках фондовых бирж отдельными лицами и организациями, которые хотели бы вложить капитал для получения дохода или повышения стоимости капитала.

Разделение предпринимательских функций в значительной степени отделило владельцев (акционеров) от управляющих, которые фактически принимают решения в корпорации. Управляющие контролируются советом директоров, который теоретически избирается акционерами. Однако большинство из них не знают имен

высших управляющих, тем более директоров. В действительности новые члены правления избираются высшими управляющими и ранее избранными членами. Исключения в этой модели редки.

Передовая технология изменила структуру собственности и прибыли. Знание превратилось в новейшую форму капитала, и сегодня не является редкостью, когда люди, обладающие научными знаниями, получают акции или право, обусловленное премией, купить или продать их по установленному курсу в качестве платы за их знания или техническую квалификацию. Во многих фирмах знания часто вознаграждаются правом голоса в процессе принятия решений.

Прибыль в корпоративной экономике, особенно в современной, является поэтому как наградой за знания, так и платой за риск. Обладатели ценных знаний сегодня принимают полноправное участие в процессе принятия решений в корпорации, причем не в качестве акционеров, поскольку они обычно владеют слишком небольшим пакетом акций в крупной корпорации.

В секторе экономики, в котором размеры фирмы относительно невелики, владелец-управляющий все еще продолжает играть важную роль. Однако даже и в небольших фирмах, если используется передовая технология, владельцы финансового капитала должны во все большей степени разделять право собственности с владельцами знаний. Поскольку это касается власти и участия в управлении крупной фирмой, именно знания, а не владение акциями открывает двери возможностей.

Роль, которую экономисты классической и неоклассической школы придавали прибыли как мотиву для эффективной экономической деятельности и ключу к автоматическому экономическому приспособлению рынка, следует подвергнуть пересмотру ввиду изменений, которые произошли в промышленной структуре. Изменение роли прибыли является прямым результатом разделения права собственности и управления. *Персонально* управляющие современной корпорации, конечно, заинтересованы в получении прибыли, однако лишь в той степени, в которой они владеют пакетом акций, который обычно незначителен в сравнении с другими выгодами, получаемыми ими в корпорации. Что касается их деятельности в этой области в качестве *управляющих*, то они, конечно, должны проявлять заинтересованность в получении прибылей, для того чтобы удовлетворить акционеров и сохранить жизнеспособную структуру капитала. Однако от них не требуется максимизировать прибыль. От них требуется лишь получение достаточного объема прибылей, которые должны соответствовать результатам, достигнутым другими аналогичными корпорациями.

Управляющие обычно извлекают персонально и большую выгоду, когда они руководят крупной, а не мелкой компанией. Для управляющих рост корпорации часто является более удовлетворительным достижением, чем максимизация прибыли, конечно,

в той степени, пока прибыль достаточна для удовлетворения интересов акционеров на рынке конкурирующих акций.

Чистый доход, полученный фирмой, часто превышает сумму дивидендов, выплачиваемых акционерам, так как нераспределенная прибыль инвестируется в развитие фирмы. По мере того как фирма растет, ее будущее становится более прочным и вознаграждения администрации возрастают. Акционеры получают определенные дивиденды, если получен доход, размер которого определяется в значительной степени рынком капитала компании в форме акций. За пределами этого администрация может концентрировать свое внимание на росте корпорации.

Более правильным было бы сказать, что главным мотивом корпорации является обеспечение *достаточного уровня прибылей и роста, а не максимизация прибылей*. Это ставит под сомнение предположение экономистов традиционной школы о том, что потребитель правит капиталистическим рынком. (Эта проблема рассматривается в следующей главе.) Над решениями фирмы не доминируют проблемы изменения спроса до тех пор, пока максимизация прибыли не является окончательной целью. Вместо этого руководство корпорации может сосредоточить свое внимание на вопросах слияний и приобретений.

Ссудный процент подобно прибыли играет двойственную роль в неоклассической политической экономии. Он является одним из компонентов национального дохода, выплачиваемого тем, кто ссудил свои капиталы другим людям, которые используют их в некоторых областях экономической деятельности. Вопрос права собственности на такие капиталы не возникает, как и в отношении активов, состоящих исключительно из акционерного капитала, акций и тому подобного. Хотя деньги, предоставленные потребителям капитала акционерами, в большинстве случаев неотличимы от предоставленных кредиторами, тем не менее вся система частной собственности сегодня основана на этом различии. Часто кредиторы, если они крупные финансовые организации, обладают гораздо большим голосом в управлении корпорацией, чем акционеры; в некоторых же корпорациях отдельный акционер вообще не имеет реального голоса. Крупные кредиторы обычно имеют возможность участвовать в делах их крупнейших заемщиков, выдвигая в этом случае одного из своих высших должностных лиц в совет директоров корпорации.

Возможно, важным различием между акционерами и держателями облигаций (или кредиторами) является то, что получение дивидендов на обычные акции заявляется, а не гарантируется. Что касается облигаций, то оплата по ним ссудного процента *обязательство* корпораций. Выплата ссудного процента на все заемные средства — это обязанность заемщика, которая обусловлена законом.

Ссудный процент, хотя он и является одним из производствен-

ных факторов национального дохода, устанавливается (в противоположность заработной плате и прибылям) одновременно и частным и государственным секторами экономики. Денежно-кредитная политика (т. е. политика Федеральной резервной системы в отношении суммы денег в обращении) оказывает прямое влияние на ставки процента.

Подобно заработной плате ссудный процент является одновременно частью национального дохода и издержками производства. Процентные ставки устанавливаются главным образом в соответствии с объемом сбережений, изменениями суммы денег в обращении, спросом на кредиты и ожиданиями в отношении экономической деятельности. Представляется парадоксальным, что когда Федеральная резервная система пытается бороться с инфляцией, ограничивая рост суммы денег в обращении, процентные ставки растут, что увеличивает издержки производства и оказывает давление на цены.

В странах, которые в значительной степени полагаются на денежно-кредитную политику в борьбе с инфляцией, процентные ставки, вероятно всего, будут высокими в период оживления экономической деятельности. Это ведет к ослаблению экономической активности гораздо раньше, чем инфляция выходит из-под контроля. Лучшим путем борьбы с инфляцией является наступление на причины, ее порождающие. Такой подход не препятствует устойчивому экономическому росту и не ведет к безработице, тогда как слишком большой акцент на рычагах денежно-кредитной политики может к этому привести (предыдущий довод был рассмотрен в гл. 5).

Несмотря на то что процентные ставки оказывают влияние на экономику, это воздействие, вероятно, гораздо меньше, чем экономисты неоклассической школы предполагают. Если причиной инфляции и безработицы являются структурные факторы, подобно снижению производительности, то они остаются гораздо менее отзывчивыми на изменения процентных ставок. Другой причиной, почему процентные ставки менее важны, чем это предполагается, является то, что пользующийся планированием частный сектор, состоящий из крупных корпораций, в гораздо меньшей степени зависит от внешнего финансирования, чем это принято считать. В настоящее время значительная часть инвестиций корпораций создается ценовым механизмом, который дает возможность фирмам финансировать себя за счет внутренних резервов. Это делает процентные ставки менее важным фактором в инвестиционной политике корпораций, чем это было бы, если бы они полностью зависели от внешнего финансирования.

Заработная плата, прибыль и ссудный процент образуют национальный доход⁷. В традиционной экономической теории они также играют важную роль переменных величин, владеющих магической силой поддерживать экономику в положении равновесия. Желание

экономистов традиционной школы изображать экономику как почти всецело регулируемую естественными экономическими законами, которые дают возможность достигнуть устойчивого равновесия, вдохновило их наделить прибыль и ссудный процент волшебными свойствами, которыми, к сожалению, они не обладают.

В настоящее время распределение доходов не осуществляется исключительно в соответствии с законами рынка, как это предполагали творцы капиталистической доктрины. Они считали распределение доходов справедливым, поскольку верили, что оно осуществляется «невидимой рукой» естественных законов спроса и предложения.

В распределении доходов в действительности принимают участие также политические силы и общественные организации. Профсоюзы, руководство компаний, законы и политика государства оказывают свое влияние на экономические силы рынка. Актуальной задачей является справедливое распределение доходов, как это понимается теми, кто вносит вклад в его создание. Этот вопрос рассматривается в последующих главах.

8. РОЛЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Потребление — путь к реализации внутренних возможностей человека

В широком смысле потребление — то есть все то, что мы берем от окружающего нас мира,— играет решающую роль в реализации внутреннего потенциала человека. Именно оно определяет способность человека созидать и получать удовольствие от жизни, воспринимая ее органами чувств. В определенном смысле мы являемся продуктом того, что потребляем, разумеется с учетом наших генетических и врожденных факторов.

Для психологически здорового человека потребление не является конечной целью. Оно служит для того, чтобы удовлетворять его потребности и делать жизнь богаче и разнообразнее. Однако потребление требует ограничения или контроля. Это необходимо, чтобы как-то защитить окружающую нас среду, с тем чтобы последующие поколения также могли прожить свою жизнь. Земля не является нашей собственностью. Она переходит от одного поколения к другому. Поэтому плоды деятельности каждого поколения оставляют свой отпечаток на последующих поколениях.

Вопросы качества жизни занимали умы и озадачивали многих философов. Стоики понимали счастье как награду за самодисциплину и способность принимать жизнь и жизненные трудности такими, какие они есть. Утилитаристы, оказавшие самое сильное

влияние на классическую экономику, смотрели на жизнь как на чередующуюся цепь удовольствий и страданий. Изучение этого вопроса показывает, что, независимо от того, какое определение мы даем счастью, оба фактора — самодисциплина и удовольствие от жизни — необходимы для его достижения.

Людям свойственно иметь проблемы, требующие решения. Эти проблемы коренятся в самой природе человека и его эволюции и передаются генетически, через родство, врожденные человеческие механизмы и через окружающую среду. Убеждение в том, что проблемы возникают вследствие неразумного отношения к жизни, является слишком ограниченным подходом, не позволяющим объяснить суть большинства проблем.

Даже такая распространенная проблема, как незащищенность человека, имеет глубокие корни. И может, если ее игнорировать, стать источником горя и страданий. Большинству людей приходится сталкиваться со множеством различных проблем. Среди них можно выделить проблемы, решение которых необходимо для реализации внутреннего потенциала человека, например самосознание, потребность в признании, самооценка, налаживание контактов с людьми, чувство вины, а также множество других проблем, преодолевая которые человек получает возможность полнее раскрыть и реализовать свой внутренний потенциал. Поскольку человеческое тело, мозг, психика да и окружающий мир несовершенны, окончательное решение всех проблем представляется невозможным и с некоторыми из них нам приходится учиться жить.

По мере того как человечество находит подходы к решению проблем, появляется реальная основа для того, чтобы сделать жизнь людей более радостной и счастливой. На этом этапе потребление становится более важным фактором в жизни человека. Некоторые радости жизни природа дарит нам бесплатно, однако большая часть удовольствий и развлечений требует финансовых затрат. Они необходимы, если вы, к примеру, хотите совершить путешествие в Гранд каньон или на Канадские глетчеры. Книжки, игрушки, кассеты, посещение спортивных соревнований, симфонического концерта или балета — все это удовольствия и развлечения, созданные самим человеком. Другие радости жизни так или иначе связаны с основными ее атрибутами, такими как дом, мебель, одежда, продукты питания.

Личные вкусы и культура, играющие определяющую роль в потреблении, испытывают сильное воздействие со стороны создаваемых нами общественных институтов. В идеале они должны заниматься удовлетворением насущных потребностей и нужд человека и среды его обитания. Иными словами, вопрос о счастье и качестве жизни приобретает особое значение при выборе и реализации желаний и предложений.

Поскольку доходы большинства людей весьма ограничены, потребление в экономическом смысле должно соотноситься с приори-

тетами личности. Последние должны быть четко определены и в принципе должны ориентироваться на удовлетворение основных потребностей человека и обеспечение достойного качества жизни. Основные потребности общеизвестны. Это — достаточное питание, чистое и удобное жилье, нормальная одежда, отдых, медицинское обслуживание и образование.

Качество жизни оставляет широкий простор для выбора. Это — работа и хобби, способствующие творчеству; действенная поддержка нуждающихся в сострадании, обогащающая их жизнь; способность понимать и наслаждаться одним или несколькими видами искусства; чтение, путешествия, спорт; другие увлечения. Для того чтобы сделать выбор, способный принести человеку наибольшее удовлетворение, необходимо распределить приоритеты по степени их значимости. Понимая, что человек не может объять необъятное (из-за нехватки времени, средств и сил), лучше всего выбрать те занятия, которые он считает наиболее важными.

Именно эти занятия становятся источником радости для каждого человека. Однако умение развлекаться и получать удовольствие от жизни не приходит просто так. Большинству из нас приходится учиться ценить те вещи, от которых мы ждем радости и исполнения желаний. Эта способность не дается нам от рождения. Даже такие естественные для людей отношения, как сексуальные, требуют знаний, опыта, чувствительности и деликатности, чтобы сделать их источником взаимного наслаждения.

Если мы хотим, чтобы потребление в наиболее полном смысле этого слова способствовало реализации творческих способностей человека, а также обеспечивало удовлетворение его основных потребностей, необходимо научить человека ценить те вещи, которые помогают этого достичь. В этом и заключается суть культуры. Если культура строится на ценностях, воспитывающих вкус к вещам, которые дают человеку возможность исполнить свои желания и получить при этом удовольствие, оказывающее стимулирующее действие на все его чувства, то такая культура приближает счастье человечества. Если же в культуре преобладает материальная основа, когда богатство и власть объявляются основными жизненными целями, а целям интеллектуального, эстетического и физического совершенства не придается значения, возможности для самовыражения оказываются сильно ограниченными.

Это не означает, что деньги вообще не имеют значения для достижения счастья. Их следует рассматривать как одно из возможных средств достижения цели и никогда как саму цель либо замечательный резерв развития тех внутренних ресурсов человека, без которых невозможно максимально полное восприятие жизни.

Выбор профессии, определение оптимального уровня доходов и структуры расходов должны совпадать с приоритетами, которые человек связывает с деятельностью, доставляющей ему радость и счастье.

Долгосрочные последствия принятых решений и сделанного выбора являются основными факторами на пути к успеху. Использование «свободного выбора» как средства выражения индивидуумом его представления о собственном интересе, на наш взгляд, является заблуждением. Долгосрочные интересы должны ограничивать наши поступки. Свобода выбирать ограничения в наших собственных поступках в ходе демократического процесса представляется нам более приемлемой концепцией достижения счастья и успеха, чем теория неограниченной свободы выбора, не учитывающей последствия этого выбора для других людей, окружающего мира и качества нашей жизни в будущем. Человеческая мудрость диктует необходимость соблюдения баланса и гармонии между свободой выбора и общественной культурой.

Если рассматривать потребление с точки зрения его совокупного влияния на личность и общество, ответственность общества за такие болезненные социальные явления, как безработица и нищета, становится очевидной. Эта ответственность не ограничивается расходами на социальные нужды. Выплата пособий безработным, а также субсидий и социальное вспомоществование жителям трущоб не устраняют пагубного воздействия этих пороков жизни общества. Они едва помогают как-то поддерживать жизнь в этих трущобах.

Среда, создаваемая трущобами неполной занятостью и безработицей, оказывает воздействие на все общество, точно так же как одна вмятина заставляет гнить целое яблоко. Для тех, кто живет в таких условиях, это вопрос не просто бедности, а, что более важно, нездоровой, небезопасной окружающей среды. Жители трущоб и безработные не только лишены самого необходимого, но и не находят вокруг себя возможности научиться понимать и ценить вещи, которые могут способствовать реализации их внутреннего потенциала.

Многие экономисты столь страстно опровергали тезис Маркса о неизбежности социально нежелательных экономических кризисов при капитализме, что совершенно упустили из виду качественный ущерб, наносимый обществу безработицей и неполной занятостью. Если экономисты хотят оперировать реальными проблемами, а не просто цифрами, они должны сочетать количественные методы с качественными оценками. Хотя качество потребления невозможно измерить подобно количеству, его все же можно воспринять и оценить. Если этого не сделать, то выводы, сделанные на основе количественного анализа потребления, будут менее значимыми (этот вопрос будет рассматриваться в гл. 15).

Проблема потребления значительно усложнилась из-за того, что человечество изобрело различные общественные институты, такие как корпорации и правительства. Воздействие этих институтов на потребление зачастую определяется факторами, отличными от целей удовлетворения потребностей человека и окружающей его среды. Это еще одна причина, почему гений человека и его стремление познать мир, нашедшие отражение в великих научных откры-

тиях и социальных изобретениях, должны мудро и осторожно направляться человечеством, иначе мы потеряем контроль над этим процессом и станем марионетками, пляшущими под дудку сумасшедшего дудочника.

Миф о превосходстве потребления

Для классических экономистов и их современных последователей потребитель превыше всего. Нужды и запросы потребителя, ограниченные лишь недостаточностью ресурсов, возможностями существующих технологий и уровнем мастерства производителей, определяют, что производит та или иная экономика. Производитель, если допустить, что он действует в иллюзорных условиях свободного, саморегулирующегося и неконтролируемого рынка, является всего лишь нейтральной единицей, отражающей естественные законы рынка. Если потребительский спрос не удовлетворяется, в этом повинны сами потребители. Исключение составляют лишь ситуации, связанные с нарушением экономического равновесия, которые, однако, не считаются серьезной проблемой в экономике, поскольку предполагается, что рынок автоматически регулирует себя сам.

Иллюзия существования такого рынка — не единственная слабость классической теории. Справедливость посылки классиков о том, что, преследуя свои интересы, потребитель способствует максимальному благу максимального числа людей, зависит от того, насколько потребитель осознает потребности среды, а также понимает собственные физические и психологические потребности. Она зависит и от степени осознания потребителем последствий будущей жизни и будущего окружающего их мира. Если не сделать указанной оговорки, то вывод о том, что потребитель, удовлетворяя свои интересы, непременно осчастливит великое множество людей, является абсурдным.

Фактически эта теория так никогда и не была проверена на практике, так как в XIX веке, до появления крупных корпораций, большая часть людей жила в бедности или на грани нищеты. У них не было свободы выбора, они выбивались из сил, чтобы выжить. Богатые и зажиточные люди имели возможность преследовать свои интересы, однако сомнительно, чтобы это принесло большую пользу множеству людей, особенно в том, что касается потребностей среды и качества жизни последующих поколений.

История развития человечества дает нам достаточно свидетельств того, что концепция свободы выбора — чистая иллюзия. Возможно, мы и покинули райские кущи, но по-прежнему остаемся частью природы. Именно это определяет многие из наших физических и психологических потребностей, которыми мы можем пренебрегать лишь с риском для себя. Едва ли такое положение можно считать свободным выбором.

Что касается нашей социальной среды, то и здесь ситуация предельно ясна. Нам с детства внушают, что, для того чтобы выжить, необходимо соблюдать определенные правила (первобытные религии, а затем и все великие религиозные учения обуславливали выживание или спасение соблюдением определенных правил). Более того, не только выживание, но и качество жизни определяется правилами и законами, которые можно принять как моральную основу жизни.

Политические организации также руководствуются в своей деятельности определенными законами. В трудах великих философов последние выступают как основа для достижения гуманных целей социальной справедливости и политической стабильности. И дело здесь не в том, что эти правила и законы гарантируют выживание и приемлемое качество жизни, а суть в том, что великие религиозные учения и политические теории помогали понять необходимость соблюдения определенного баланса между свободой личности и социальной мудростью.

В современной культуре доминируют сугубо материалистические, технократические ценности, находящие выражение в потреблении. Некоторые из наших наиболее важных ценностей формируются под влиянием этой излишне материалистической культуры и порождаемых ею институтов. Однако экономическая теория по-прежнему в значительной степени основывается на концепции примата потребителя. Считается, что команда от потребителя поступает через рынок к производителю, которому отводится вторичная роль.

В современном обществе гораздо более сложной становится структура потребления. Большая часть продукта потребления, взятого в широком смысле слова, рождается в умах ученых и других специалистов задолго до момента покупки. Таким образом, в отличие от схем традиционной экономической теории, инициатором процесса потребления является производитель, а не потребитель. Структура потребления изменяется под воздействием новейших достижений науки. Новые знания воплощаются в новые товары. С помощью современных методов маркетинга эти товары становятся частью потребительского рынка.

Деятельность современных корпораций организуется таким образом, что они могут управлять процессом потребления через регулирование развития науки, техники, контроля над маркетингом и финансами. Они стремятся представить товары в самом выгодном свете, с тем чтобы привлечь внимание потребителя. Это достигается благодаря особым отношениям с прессой и использованию развитой рекламной индустрии.

Основную роль в мотивации производителя играют такие важные факторы, как наличие стабильного и расширяющегося рынка и надежных источников снабжения, а также возможность извлечения прибыли. В этой связи возникает вопрос: насколько создаваемая с учетом указанных факторов структура потребления согла-

суется с основными потребностями человека и окружающей среды? Это жизненно важный вопрос, от решения которого зависит создание разумного и гуманного общества, живущего в гармонии с окружающей средой.

Для большинства экономистов традиционной школы этот вопрос не представляет интереса. Как мы уже видели, они полагают, что производитель целиком зависит от потребителя, который, следуя своим вкусам и предпочтениям, удовлетворяет свои настоящие и будущие нужды, а также потребности окружающей среды. Традиционные экономисты определяют эту ситуацию как естественную систему защиты потребителя. В современном мире, где преобладают нужды и интересы корпораций, а также стремление к скорейшему удовлетворению своих потребностей со стороны потребителей (не заботящихся о долгосрочных последствиях такого подхода как для них самих, так и для остальных людей и окружающей среды), перспектива создания разумного и гуманного общества представляется сомнительной.

Тезис о примате потребителя не позволяет реалистично подойти к проблеме потребления. Жесткий контроль крупных корпораций над ценами на свою продукцию, а также их огромное влияние на рекламные механизмы в средствах массовой информации — это всего лишь две проблемы, возникающие в связи с потреблением. Если производитель лишен какой-либо возможности влиять на потребление, то наличие свободного выбора и преследование собственных интересов совсем не обязательно помогут решению данной дилеммы. Большинство потребителей не имеют достаточных представлений о своих физических и психологических нуждах и потребностях окружающей среды. Это незнание должно быть преодолено. Неспособность или нежелание рассматривать воздействие современного потребления на будущее качество жизни в долгосрочной перспективе — это еще один пробел в формировании современной потребительской структуры.

Для сегодняшнего производителя особую важность приобретает не только структура потребления, но и управление совокупным спросом. Для того чтобы сделать производство прибыльным, гигантские капиталовложения, необходимые для разработки новых видов продукции и улучшения качества существующих товаров, требуют поддержания стабильного спроса. Фактически удовлетворительный рост американской экономики — необходимая предпосылка в создании благоприятных условий для эффективного инвестирования имеющихся в экономике накоплений. Если внутренние рынки не в состоянии обеспечить такого роста, производители обращают свои взоры на зарубежные рынки и пытаются получить поддержку правительства в их освоении.

Производитель, заинтересованный в расширении рынка и прибыльном сбыте продукции, имеет дело с более важными для него насущными проблемами, чем качество жизни потребителя и качест-

во окружающей среды. Неудивительно, что в современной экономике потребление определяется скорее реальными потребностями производителя, нежели нуждами потребителя и окружающей среды.

Основная задача, стоящая перед человечеством в сфере потребления, — как организовать его таким образом, чтобы сделать выживание, создание разумного общества, улучшение качества жизни главными целями, которые будет обеспечивать это потребление.

Основные потребности и социальная ответственность

«Наиболее важная цель экономики — способствовать решению социальных проблем».

Альфред Маршалл
«Принципы экономики», 1890

Качество жизни зависит не только от внешних факторов, но и от физического, умственного и эмоционального благополучия и здорового отношения к жизни. Однако экономисты судят об успехах экономики главным образом по количественным показателям, например объему потребления на душу населения или размерам ВВП.

Оценивая благосостояние человека, мы не должны забывать об еще одном чрезвычайно важном его компоненте — коллективном, общественном богатстве. Альфред Маршалл, экономист неоклассической школы, указывал, что коллективное достояние зачастую является наиболее важным видом богатства из всех, которыми владеют люди. Это становится очевидным, когда мы начинаем сравнивать благоприятную для человека окружающую среду с той, которая представляет для него угрозу.

В той степени, в какой человек извлекает пользу из окружающей среды, последняя может рассматриваться как элемент его богатства и личного дохода. Такой подход не только логичен, но и совершенно необходим. Не видеть в окружающей среде составную часть совокупного благосостояния — значит исказить реальные ценности. Часть коллективного богатства подарена нам природой. Однако значительная часть благосостояния общества создается самими людьми.

Перечень составляющих коллективного богатства слишком длинен, чтобы его можно было привести полностью. Вот лишь некоторые из них: незагрязненная и здоровая окружающая среда; приличное жилье по доступным ценам, возможность культурного обогащения; общественные парки и прочие места отдыха; рабочие места и экономические возможности; хорошая система образования; необходимые социальные службы.

Если коллективное богатство доступно лишь привилегированным и богатым членам общества, то с точки зрения потребления соци-

альная и физическая среды обитания становятся неблагоприятными для большинства граждан. Такое положение было типичным для многих стран, переживавших стадию индустриального развития в XIX — начале XX века. При этом экономика контролировалась богатыми и привилегированными людьми, большинство из которых полагали, что не несут никакой ответственности за оказавшихся в менее выгодном положении.

На сегодняшний день в наиболее развитых странах признается тот факт, что коллективное достояние должно использоваться в целях улучшения качества жизни их граждан. Коллективное богатство рассматривается как необходимое средство для удовлетворения основополагающих нужд человека. В некоторых социалистических странах важным фактором, обеспечивающим выполнение этой задачи, считается экономическое планирование.

В обществе с благоприятной окружающей средой, например в США, удовлетворение этих нужд не должно рассматриваться как роскошь: к ним следует относиться как к фундаментальным потребностям человека. В неблагоприятных экономических условиях, в частности в большинстве развивающихся стран, даже самые активные усилия общества по созданию коллективного богатства, позволяющие удовлетворять основные нужды человека, могут оказаться недостаточными. По всей видимости, это характерно для ранней стадии промышленного развития, и позже, по мере того как повышается экономическое благосостояние общества, положение может быть исправлено.

Основной недостаток традиционной структуры рынка — игнорирование факторов коллективного благосостояния и социальной ответственности. Большинство экономистов традиционной школы утверждают, что, руководствуясь своими личными интересами, люди создадут общество, способное удовлетворить их собственные потребности и потребности окружающей среды. По их мнению, проблема состоит в том, чтобы сохранить целостность структуры свободного рынка, а не в том, чтобы проводить определенную социальную политику.

Классические экономисты считали, что потребление является стимулом для производства. Однако они не понимали, что по их схеме рынок (или направляющая «невидимая рука») не дает никаких гарантий удовлетворения производством важнейших сиюминутных и будущих потребностей людей. Это одна из причин, по которой теория рынка должна быть изменена и приведена в соответствие с современными условиями.

В США вопрос об ответственности перед обществом стал важнейшим политическим вопросом, вызывающим острые разногласия между консерваторами и либералами. Способность экономики обеспечивать адекватное удовлетворение нужд человека и окружающей среды определяется как экономическим потенциалом страны в целом, так и эффективным использованием имеющихся ресурсов.

В частности, чрезмерные военные расходы и нездоровое увлечение предметами роскоши ограничивают возможности для удовлетворения основных человеческих потребностей и создают условия для развития инфляционных процессов даже в сравнительно благополучных странах.

Какую долю ответственности в удовлетворении насущных потребностей общества и окружающей среды может взять на себя правительство? Нет сомнения в том, что оставить эти потребности без внимания — значит игнорировать возможности появления серьезных социальных проблем в будущем. Конечно, общество может оставить без внимания, например, проблему адекватного питания для подрастающего поколения или обеспечение ему возможностей для культурного развития и образования, что является необходимым условием их подготовки к полезной и созидательной жизни. Но такому обществу придется платить гораздо более высокую цену за свое пренебрежение к человеку, когда оно столкнется с проблемами здравоохранения, преступности, безработицы и неполной занятости, которые явятся неизбежным следствием подобной политики.

В этой связи весьма актуален вопрос: следует ли обществу вспоминать о своих обязанностях лишь тогда, когда пренебрежение ими уже привело к возникновению серьезных проблем, или ему необходимо взять на себя ответственность за их предотвращение? Оно может либо распределять ресурсы таким образом, чтобы воспитать здоровых и полезных для общества людей, либо отстраниться от решения этих задач и впоследствии дорого расплачиваться за свою близорукость. Рынок может реагировать на сигналы об изменении цен, но не может создать мотивированного общества! Самая серьезная ошибка традиционных экономистов состоит в том, что они возлагают на рынок решение проблем, с которыми он просто не может справиться.

Экономический рынок — это важный атрибут демократического общества. Его сигналы жизненно важны для общества, и их нельзя игнорировать. Если, например, от рынка поступает сигнал о том, что треть населения не в состоянии купить или арендовать приличное жилье по существующим рыночным ценам, общество должно принять меры для предотвращения разрастания трущоб и комплекса связанных с этим явлением социальных проблем.

Существуют различные подходы к подобной ситуации. Один путь — ничего не предпринимать и переложить ответственность и расходы на будущие поколения! Другой путь — снизить цены на жилье путем более эффективного использования имеющихся средств. Если промышленность по производству жилья действует достаточно эффективно, то выходом может быть увеличение субсидий на жилищное строительство, с тем чтобы удовлетворить потенциальный спрос трети населения страны, которая не может приобрести жилье. Эта проблема не может быть эффективно решена

с помощью рынка, поскольку является также проблемой доходов населения и несовершенной промышленной структуры.

Было бы неверным утверждать, что у общества нет никаких других ценностей, кроме интересов личности, что мы не интересуемся и не заботимся о будущем или о благе общества. Однако исторически так сложилось, что люди и правительства осознают необходимость решительных действий лишь тогда, когда кризис уже налицо. Попытки разрешения проблем на этой стадии обходятся значительно дороже, чем разумное планирование, направленное на их предотвращение. Разумеется, даже самое мудрое планирование не может устранить все потенциальные трудности хотя бы потому, что в будущем заложены элементы непредсказуемости и невозможность избежать ошибок, связанных с человеческим фактором. Тем не менее социальные действия, направленные на предотвращение тех или иных проблем в будущем, более эффективны и экономически более оправданны, чем меры, предпринимаемые после того, как ущерб уже нанесен. Например, производители автомобильной и химической продукции не считают защиту окружающей среды от загрязнения делом, в котором заинтересованы они сами. Напротив, они весьма неохотно идут на удовлетворение требований властей о проведении мер по борьбе с загрязнением. Во многих случаях компании уклоняются от принятия таких мер, даже если создается непосредственная угроза жизни людей! И хотя предотвращение загрязнения окружающей среды требует определенных затрат, эти затраты будут, вероятно, гораздо более скромными, чем те, которые потребуются для устранения последствий загрязнения.

Программы по приведению образования и профессиональной подготовки в соответствие со спросом на те или иные профессии обходятся довольно дорого, однако расходы на эти программы значительно ниже убытков, которые терпит общество из-за структурной безработицы и неполной занятости. Стремительные технологические изменения в экономической сфере делают планирование абсолютно необходимым элементом в сопоставлении спроса и предложения в сфере труда.

В настоящее время правительства многих стран в той или иной степени признали принцип социальной ответственности. Некоторые правительства делают упор на профилактике проблем, препятствующих удовлетворению потребностей человека и окружающей среды. Другие правительства вмешиваются только тогда, когда препятствия становятся реальностью. В одних случаях это происходит из-за недостаточного экономического планирования, в других — из-за того, что планирование осуществляется непоследовательно.

Для нас очевидно, что рынок не может обеспечить решение социальных проблем, хотя ему и принадлежит важная роль в их выявлении. Как всегда бывает в таких случаях, вопрос о том, где начинается социальная ответственность, требует сугубо прагматического ответа. Если общество точно определяет основные потребности

человека и окружающей среды, то это и есть начало социальной ответственности. Остается лишь сделать выбор между политикой, направленной на предотвращение человеческих страданий (и позволяющей избежать высоких затрат на их преодоление), и политикой принятия ответственности за решение проблем лишь после того, как они стали реальностью.

Следует ли обществу изучать возможности прогнозирования и экономически эффективного удовлетворения нужд и потребностей своих граждан или ему лучше откладывать принятие всех необходимых мер на будущее, до тех пор, пока они не потребуют для своего осуществления гораздо больших затрат и усилий? Могут ли граждане цивилизованного общества позволить, чтобы правительство уклонялось от ответственности за улучшение условий жизни? Мы должны принять важные решения. Цена промедления в этом вопросе — угроза глобальной политической нестабильности и повышение вероятности конфликтов в мире.

Выживание и качество жизни как основа потребления

Многие экономисты, по-прежнему утверждающие, что суверенитет потребителя управляет производством, не принимают во внимание очевидный факт, что корпоративный сектор в значительной степени контролирует структуру потребления. Это создает серьезную проблему, поскольку потребности производителей и потребителей не совпадают, несмотря на то что вышеуказанные экономисты по-прежнему исходят в своих микроэкономических моделях из их идентичности.

Если потребности производителя и потребителя существенно различаются и производитель, а не потребитель контролирует производство, качество жизни и даже выживание людей находятся под угрозой до тех пор, пока не будут найдены пути преодоления данного разрыва. Решить эту проблему очень просто, так как она затрагивает всю систему ценностей и культуру.

Связь между экономической организацией общества и моральными ценностями и культурой просматривается довольно легко. Стремление корпораций к росту и получению прибылей вынуждает потребителей усиливать элементы материализма в своих ценностях и культуре. Эта связь становится очевидной, когда мы задумываемся о том, что было бы с американской экономикой, если бы потребители решили, что одной машины и одного телевизора для семьи вполне достаточно и вовсе не обязательно во всем ориентироваться на последнюю модель.

Успех современной корпорации зависит от поддержания постоянного чувства голода у потребителей, и она использует любую форму рекламы, чтобы оказать влияние на их аппетиты. Показателем успеха отдельных людей все более и более выступает облада-

ние материальными благами. В 60-х годах молодежь ненадолго восстала против столь грубого материализма, однако при всей искренности этого движения ему не хватило здравого смысла и организованности. С тех пор, судя по тенденциям в выборе профессии и изменениям в ценностных ориентациях студентов, материализм вернулся на свои позиции и даже значительно укрепил их.

Проблема в том, что мы имеем дело не просто с материализмом, а с материализмом бесконтрольным. До некоторой степени все люди должны быть материалистами, чтобы удовлетворять свои физические и психологические потребности, однако если мы совсем лишены идеализма, наш материализм может погубить нас. Алчность — продукт бесконтрольного материализма и как все крайности приводит к саморазрушению. Она стремится нарушить равновесие, провоцирует конфликты и разногласия, нарушая мир и гармонию.

Сформировавшаяся экономическая структура нуждается в материалистической культуре, но для выживания человечества необходимо, чтобы материализм не вступал в противоречие с задачами выживания и удовлетворения основных потребностей человека. Это и есть мостик между производителем и потребителем, и оба они должны участвовать в его строительстве.

Тут же перед нами возникает и следующий вопрос: если корпорация стремится обеспечить соответствие спроса на свою продукцию целям роста и повышения прибыльности производства, можно ли ожидать от нее внимания к физическим и психологическим потребностям человека и окружающей среды? В настоящее время современная рекламная индустрия, апеллирующая к эмоциям и мгновенным реакциям людей, фактически «промывает мозги» потребителям. Как показывают последние исследования, большая часть рекламы рассчитана на подростковую аудиторию. Ее цель — подготовить молодых людей к той роли, которую они будут играть в создании спроса на продукцию, производимую корпорациями.

Вследствие такого одностороннего подхода к потреблению будущего человечества и окружающей среды ставится в зависимость от перспектив роста корпораций-производителей и состояния их прибылей. Совсем недавно в ряде стран были предприняты попытки защитить потребителей и окружающую среду от крайностей бесконтрольной эксплуатации со стороны корпораций. Однако эти попытки столкнулись с противодействием, в первую очередь в США и Англии, где возникли настроения в пользу пересмотра роли правительства и передачи дополнительной власти корпорациям.

Политика, имеющая выраженную прокорпоративную или антикорпоративную направленность, вряд ли может способствовать гармонизации интересов производителей, с одной стороны, и потребителей и окружающей среды — с другой. Эту проблему невозможно решить без учета интересов корпораций, потому что в противном

случае экономика не будет эффективной. Однако нельзя пренебрегать и насущными нуждами потребителя и окружающей среды в угоду интересам корпорации, поскольку это может привести к падению уровня жизни, созданию угрозы выживанию общества.

Одной из важнейших идей в эволюции философии является концепция сотрудничества как альтернатива односторонним действиям и конфронтации. Принцип сотрудничества и координации, согласно нашей трактовке, основывается на важной послышке. Заинтересованные стороны должны быть твердо уверены, что извлекут выгоду из такой политики, поскольку было бы наивно думать, что общественные отношения могут строиться на чистом альтруизме.

Идея сотрудничества занимает одно из центральных мест в новой философской теории. Что преобладает в людях — эгоцентризм и субъективизм или стремление к сотрудничеству? Ранняя христианская доктрина и выражавшая ее церковь утвердили идею сотрудничества в качестве основополагающего морального принципа. Борьба за свободные рынки и освобождение от власти церкви способствовала распространению субъективизма и эгоцентрического индивидуализма, оказавших, в свою очередь, существенное влияние на современную западную философию.

Борьба за свободные рынки и распространение эгоцентрического индивидуализма сопровождалась еще одним явлением, а именно развитием науки и техники. Это помогло нам изменить окружающую нас физическую среду и улучшить качество жизни, тогда как ранее мы полностью зависели в этом от милостей природы. В мире Робинзона Крузо, до наступления эры научно-технического прогресса, индивидуализм гораздо больше соответствовал требованиям жизни. Власть, которую мы приобрели с развитием науки и техники, требует сотрудничества между людьми, а также и такой организации общества (демократии), которая позволила бы различным группам жить и действовать в гармонии друг с другом.

С моральной точки зрения наука нейтральна. Знание несовершенно. Наука помогает расширить его горизонты, но сама по себе не может указать дорогу к мирной и гармоничной жизни. Наука помогла сделать сложные жизненные процессы более эффективными и управляемыми, но она не может быть использована для оценки этих процессов с точки зрения желаемых конечных результатов. Для этого необходимы моральные критерии. Научно-технический прогресс, помноженный на философию эгоцентрического индивидуализма, в отсутствие моральных принципов порождает дезорганизацию. Если добавить к этому возможности, связанные с развитием современной науки и техники, легко представить себе катастрофический характер последствий такой дезорганизации.

Традиционная экономическая теория основывается на утилитарной версии эгоцентрического индивидуализма. Ввиду происшедшей эволюции науки, техники и власти неудивительно, что экономическая теория превратилась в постоянный источник путаницы.

Необходимо найти лекарство против возможных опасных последствий взаимодействия научно-технического прогресса с эгоцентрическим индивидуализмом. Таким лекарством могут стать сотрудничество и координация. Общественные науки должны заняться разработкой целенаправленного, междисциплинарного, рационального подхода к изучению деятельности человека, ориентированного в первую очередь на улучшение условий его жизни.

ПЕРЕХОД К БОЛЕЕ ГУМАННОЙ ЭКОНОМИКЕ

9. НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС ЭВОЛЮЦИИ КАК ЦЕПЬ ВОЗНИКАЮЩИХ ПРОБЛЕМ И ДЕЙСТВИЙ ПО ИХ РАЗРЕШЕНИЮ

Естественный баланс между личностью и обществом

Интересы выживания связывают воедино человека и окружающую среду. Чтобы они могли выжить, необходимо пересмотреть такую концепцию, как концепция свободы. Если свобода понимается как право всех людей преследовать собственные интересы и добиваться собственных целей без учета интересов других людей и последствий своих действий для глобальной окружающей среды, то можно считать, что наши дни на этой планете сочтены.

Если, с другой стороны, интерпретировать свободу как жизнь в рамках правил, устанавливаемых авторитарным государством, тогда под угрозой оказывается будущее людей как творчески мыслящих и стремящихся к познанию личностей. Жизненно важно найти естественный баланс между этими двумя крайностями.

В разработках ортодоксальной экономической теории, особенно в Великобритании и США, экономическая деятельность рассматривалась в полном отрыве от моральных принципов и установок общества. Согласно этой теории, индивидуумы в первую очередь стремятся реализовать свои желания. Общественную пользу призван обеспечивать механизм рынка. Как писал Адам Смит, «каждый человек постоянно прилагает усилия к тому, чтобы найти наиболее выгодное применение тем достоинствам, которыми он располагает. При этом он имеет в виду выгоду лично для себя, а не для общества в целом. Однако, пытаясь осознать собственную выгоду, он почти неизбежно приходит к выбору именно такой деятельности, которая наиболее полезна для общества... В этом случае, как и во многих других, им движет невидимая рука, которая направляет его к цели, не входившей в его первоначальные намерения»¹.

Приведенный тезис А. Смита свидетельствует об изоляции экономики не только от этики и морали, но и от других общественных

наук. Это кажется тем более странным, что А. Смит сам был профессором этики (в то время этика включала и те области знания, которые впоследствии выделились в общественные и другие науки). Однако все объясняется довольно просто. Отец классической экономики верил в то, что естественные законы свободного рынка будут сдерживать наши низменные инстинкты и охранять социально-этические нормы экономического процесса. Поскольку человек рассматривался классиками как «существо экономическое», формирование морали которого может быть предоставлено рынку, экономика так и не смогла стать по-настоящему общественной наукой.

Саморегулирующиеся элементы утопического рынка Адама Смита трансформировались со временем в рыночную структуру, которую он и не мог себе представить. Решения, принимаемые управляющими крупных корпораций, никак не связаны с действием невидимых сил. Во многих секторах экономики цены регулируются и не могут служить автоматическим корректирующим механизмом.

Современные последователи классиков экономической теории ищут обоснования моральных и этических норм справедливого общества в естественных законах. Поскольку условия для действия этих законов отсутствуют, не вполне понятно, как современные экономисты-традиционалисты представляют себе переход от бесконтрольной погони за эгоистическим личным интересом к восприятию моральных и этических норм, свойственных справедливому обществу.

Увлечение естественными законами в XIX веке породило, как мы уже отмечали, утилитаризм Джона Стюарта Милля. Милль считал, что если всем людям будет позволено преследовать свои экономические интересы так, как они их понимают, это принесет всеобщую пользу.

Другую крайность представляла собой теория первородного греха. Главная цель этой теории состояла в том, чтобы примирить эгоизм личности и общественную гармонию. При этом считалось, что люди рождаются корыстными, эгоцентричными и безжалостными существами. Если бы они могли жить, руководствуясь лишь своими личными интересами, то, вероятнее всего, они погубили бы и себя и общество. Из этого следовало, что если человечеству суждено выжить, первородный грех должен уступить место более высокой цели — служению закону Божьему.

Согласно этой теории, человечество не свободно в выборе и не может жить, руководствуясь своими эгоистическими интересами. Предполагалось, напротив, что люди должны жить в соответствии с Божьим словом. А поскольку представителем Бога на земле выступала церковь, то человек и общество могли заслужить «спасение», только выполняя предписания последней.

Утилитаризм Милля и доктрина первородного греха определили два крайних подхода к решению проблемы личного эгоизма и общественной гармонии. Утилитаристы преуменьшали деструктивную

силу человеческого эгоизма и алчности, а сторонники теории первородного греха недооценивали способность человека любить Бога, не отказываясь при этом от своих эгоистических и подчас антиобщественных целей. Эволюция человека как существа социального происходит по законам, которые не определяются ни одним из этих крайних течений.

Интересы выживания требуют, чтобы мы успешно строили свои общественные отношения. Мы должны устанавливать связи, способствующие развитию сложного процесса взаимозависимости между людьми. Это не утопическая мечта, а императив нашего главного инстинкта — стремления к самосохранению. Подобные отношения уже существовали в различные времена в прошлом. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы построить жизнеспособные взаимоотношения, отвечающие духу нашего времени и нашего мира.

Природа прямо (фактором болезней) или косвенно (различными формами саморазрушения, например войнами) регулировала рост народонаселения. На заре развития человечества лишь небольшая часть людей достигала зрелого возраста. Многие умирали, едва появившись на свет, другие — в младенчестве. История свидетельствует о постоянной борьбе человека с природой. По мере того как росли наши интеллектуальные возможности, мы старались увеличить наши шансы на выживание. Так, ученые упорно сражаются с болезнями и пытаются обуздать стихии. Как это отражается на экологическом балансе, необходимом для выживания человечества?

Поскольку главная «цель» природы — сохранение макрокосма за счет поддержания экологического баланса, наши попытки «усовершенствовать» природу не должны нарушать этот баланс. Например, при увеличении темпов роста народонаселения вследствие улучшения гигиены беременности и общего прогресса медицины нарушается баланс народонаселения. Обществу и человеку грозит демографический взрыв. Это особенно актуально сегодня, когда разрыв между численностью населения Земли и объемом ресурсов, необходимых для его жизнеобеспечения, стремительно возрастает.

Человечество может найти новые способы пополнения пищевых ресурсов, которые дополняют уже имеющиеся в природе. Однако в результате экологической эволюции продукты питания, получаемые непосредственно от природы, находятся в строгом соответствии с биологическими и химическими потребностями человека. Новые ресурсы, созданные человеком, должны использоваться с учетом существующего между нами и природой экологического равновесия. В противном случае человечеству может грозить катастрофа.

Ясно, что если мы хотим выжить, то должны соблюдать требования экологического баланса, а это ограничивает нашу свободу выбора. Для того чтобы поддерживать этот баланс, важно знать, каковы его пределы. Иными словами, когда мы добиваемся своих целей, не полагаясь на силы природы, мы можем сохранить экологический баланс только при условии, что не будем игнорировать

«цели» природы. Отсюда следует, что если мы хотим выжить, дальнейший процесс познания должен сопровождаться более глубоким осознанием наших потребностей и нужд окружающего нас мира.

Мы испытываем на себе потребности и физической, и социальной среды. В большинстве первобытных обществ принципы социальной организации и общественные отношения довольно просты. «Правила», устанавливаемые для поддержания социального равновесия и стабильности, превращаются в культурную традицию. По мере того, как общество становится более сложным и разнообразным, а деятельность людей — все более взаимозависимой, перспективы выживания человеческой цивилизации все в большей степени зависят от нашей способности построить конструктивную модель общественных отношений, основанных на сотрудничестве.

История показывает, что в своем стремлении к выживанию и безопасности наши предки создали целый ряд социальных институтов: семью, племя, церковь, школу, политические организации разных уровней и др. В экономической сфере они создали такие институты, как ферма, фабрика, магазин, контора, корпорация.

Первые организации имели простую структуру и состояли из нескольких человек, выполнявших определенные функции. Под влиянием научно-технического прогресса экономические и политические процессы усложнились, а социальная структура общества проникалась все большей взаимозависимостью. Нашим предкам пришлось учиться координировать свои действия с другими членами их организаций, трудиться для достижения общих целей. В политической сфере это нашло выражение в эволюции племенных общественных форм в направлении создания национального государства.

Этот процесс постоянно прерывался вспышками насилия, поскольку многие люди, приобретая власть, немедленно начинали использовать ее для достижения собственных целей. Практика использования неограниченной власти оказала самое пагубное влияние на социальную эволюцию. Такая власть выступает тормозом в развитии здорового общества.

Подобно политическим процессам значительно усложнились и процессы в экономике. Развитые экономики мира породило сложные организации с замысловатой структурой, предназначенные для производства и распределения товаров, услуг и технологий. Успешная деятельность этих организаций зависит от тщательной координации и тесной кооперации мужчин и женщин — инициаторов и участников экономического процесса.

Координация и кооперация настолько важны для корпоративной экономики, что социологи даже ввели специальный термин «корпоративные нормы», который покрывает писанные и неписанные правила, регулирующие взаимоотношения между управляющими и работниками корпорации. Вместе с тем корпорация — это не просто совокупность работающих в ней людей.

В современном мире служащие корпорации как индивидуумы имеют перед собой двойную цель. С одной стороны, они нуждаются в возможности работать, и желательно творчески. При этом они надеются заработать достаточно денег, чтобы обеспечить себе спокойную жизнь. С другой стороны, корпорация стремится обеспечить себе прибыли, достаточные для поддержания ее жизнедеятельности. Для служащего как индивидуума прибыльность корпорации не является главной целью. Однако она приобретает для него первостепенное значение, когда служащий начинает рассматривать себя как существо социальное и осознает, что осуществление его личных целей возможно только при условии выживания всей корпорации. Люди могут менять место работы, но указанный принцип действует в отношении всех служащих в любой корпорации.

То же самое характерно и для политического процесса. Люди как индивидуумы зачастую предпочитают действовать, совершенно не считаясь с интересами остальных. В истории мы находим множество примеров эксплуатации человека человеком. Однако общество или иная политическая структура, к которой принадлежит индивидуум, имеют другие цели, необходимые для их выживания. Чтобы сохранять жизнеспособность, общество должно поддерживать определенный общеприемлемый уровень социальной справедливости и равенства возможностей.

Вера утилитаристов в совершенство общества, где люди могут преследовать личную выгоду, не считаясь с потребностями и условиями жизни других, полностью отрывает их от реальной жизни, в которой направляющая «невидимая рука» давным-давно ампутирована. У людей и общества, накопившего столь гигантский потенциал саморазрушения, остается только одна возможность для выживания — установление общественных отношений, наиболее полно отражающих эволюцию человека как социального существа. Рассматривая эти отношения, мы будем опираться на открытия, уже сделанные в социальной лаборатории, где индивидуумы и общество оставляют свой исторический след.

Анатомия возникновения проблемы и ее разрешения

Для того чтобы лучше разобраться в факторах, определяющих качество жизни, следует проанализировать, как зарождается и разрешается проблема. Проблемы порождаются окружающей средой и потребностями поддержания экологического и социального равновесия в обществе. Наша способность серьезно и ответственно реагировать на возникающие проблемы проистекает от нашего интеллекта, а также признания того факта, что мы сами являемся частью окружающей среды. Разум и здравый смысл позволяют нам изменять окружающий мир, однако перспектива выживания зависит от нашей способности и готовности сохранять экологическое и социальное равновесие.

Что же это за проблемы, чреватые катастрофой, если мы не найдем им разумного решения? Избыточный рост народонаселения при ограниченных ресурсах, загрязнение окружающей среды, межгосударственные конфликты — вот лишь несколько примеров в подтверждение того факта, что действия, предпринимаемые нами в ответ на возникающие проблемы, определяют качество нашей жизни и в конечном итоге наши шансы на выживание.

На сегодняшний день практически никто не отрицает, что перед нами стоят серьезные проблемы, требующие адекватного решения. Имеющиеся различия в подходах касаются главным образом существа, особенностей и способов осуществления действий в этих целях.

Одной из острейших проблем нашего времени является загрязнение окружающей среды. По значимости с ней можно сравнить лишь проблему международных конфликтов и критическое положение беднейших стран. Последнее непосредственно связано с неконтролируемым ростом народонаселения. Каким образом защита окружающей среды согласуется с классическим определением экономики как основы, формирующей качество нашей жизни? Даже сегодня экономическая теория по-прежнему зиждется на трех классических китах — оптимизации, рыночном равновесии и предпочтениях индивидуума.

Если окружающая среда загрязнена, мы должны отреагировать на этот факт. Мы не просто существуем, занимая нейтральную позицию во Вселенной. Воздействие нашего разума и здравого смысла на окружающий мир влияет на шансы человечества выжить. Если личные предпочтения не совпадают с потребностями окружающей среды, их необходимо изменить. Они должны быть скорректированы в соответствии с условиями окружающего мира, ибо от этого зависит сохранение самой жизни на Земле.

Как же решает проблему загрязнения окружающей среды демократическое общество, живущее в соответствии с традиционными экономическими концепциями? Политическую организацию современного демократического общества составляют различные группы давления, в той или иной степени воздействующие на законодательные органы, ответственные за разработку государственных законов. Мероприятия по охране окружающей среды сопряжены со значительными расходами, поэтому те, кто вынужден нести эти расходы, зачастую выступают против законодательных шагов по борьбе с загрязнением. Это могут быть влиятельные группировки, представляющие интересы химической и автомобильной промышленности, энергетики и т. д. Их могут поддерживать и потребители, не желающие оплачивать издержки, связанные с защитой окружающей среды.

Возможно, что противники борьбы с загрязнением еще не выработали в себе ценностей, позволяющих им в полной мере представить себе долгосрочные негативные последствия этого явления для

них самих и для будущих поколений. В этой связи встает следующий вопрос. Предположим, что наиболее влиятельные группы давления выступают против принятия мер по охране окружающей среды, в результате чего пагубное воздействие на нее продолжается. Члены менее влиятельных группировок, пассивные и плохо информированные люди, несовершеннолетние, не имеющие права голоса, а также будущие поколения людей будут вынуждены жить в среде, представляющей угрозу для их жизни. О какой пользе экономической оптимизации (основного постулата традиционной экономической теории) можно говорить, если она заводит отношения людей с окружающей средой в тупик? Требуется нечто большее, чем личные интересы людей и действия групп давления, чтобы достичь гармонии между людьми и природой. Для того, чтобы выжить, необходимо восстановить недостающее звено — основополагающие цели человечества.

Еще одна серьезная проблема — контроль над ростом народонаселения. Ее решение имеет для нас жизненно важное значение. До наступления промышленной революции население большинства районов мира было малочисленным, а средняя продолжительность жизни людей — низкой по причине болезней, войн и других негативных факторов, сдерживавших демографический рост. С развитием сельского хозяйства появилась потребность в новых рабочих руках и, как следствие этого, в повышении рождаемости. Всячески поощрялись большие семьи, поскольку сыновья и дочери удовлетворяли существовавший спрос на рабочую силу. Впоследствии этот спрос значительно, снизился в связи с внедрением механизированной сельскохозяйственной техники, облегчавшей труд фермеров.

Большие семьи считались благом, причем сыновьям отдавалось предпочтение, поскольку они приносили большую пользу на ферме, могли позаботиться о стареющих родителях и добиться успехов на военной службе. Некоторые из основных религий заняли официальную позицию в поддержку неограниченного роста рождаемости, используя в качестве аргумента волю Бога. Они доказывали недопустимость вмешательства человека в творение Бога и природы.

До тех пор пока эпидемии и войны ограничивали рост населения и пока не появились сельскохозяйственные машины, отсутствие средств контроля над рождаемостью не нарушало экологического равновесия. Как только ум и изобретательность человека увеличили его шансы на выживание, прежние запреты в отношении контроля над рождаемостью поставили окружающую среду перед угрозой неконтролируемого демографического роста. В свою очередь, увеличение темпов прироста населения стало тормозить усилия, направленные на повышение уровня жизни за счет экономического развития общества.

Те страны, которым экономическое развитие принесло процветание, смогли удерживать темпы прироста населения на более низком уровне, чем темпы роста капиталовложений. Для них это был

единственный путь повышения производительности. В других странах, в силу религиозных или иных причин, рост населения существенно превышал темпы накопления капитала. Такое положение стало непреодолимым препятствием для экономического развития.

История вопроса о народонаселении планеты убедительно доказывает необходимость гармонии между человеком и природой. Некоторые религиозные и культурные традиции, первоначально способствовавшие гармоничному развитию отношений между людьми и окружающей средой, исчерпали себя в результате научной, технической и социальной эволюции общества. В качестве примеров можно привести религиозные нормы питания, запреты на разводы и контроль над рождаемостью.

Наука, техника и социальное развитие — порождения человеческого разума и здравого смысла. Они оказывают воздействие на общество, изменяя его. Поэтому, если мы хотим прийти к гармонии, правила, установленные религиозной и культурной традицией, должны быть приведены в соответствие с этими изменениями. По мере того как мы изменяем наше социальное и материальное окружение, мы должны изменять законы и правила, по которым мы живем, иначе мы подвергнем опасности себя и весь остальной мир.

К сожалению, господство определенного кодекса норм и правил сопровождается созданием особых привилегий, накоплением богатства и произволом власти. Когда изменения в обществе создают новые условия, требующие принятия новых правил, возникают серьезные проблемы. Изменение норм угрожает статус-кво или привилегиям тех, кому старые нормы позволили приобрести богатство и власть. В результате влиятельные люди часто отказываются приспособливаться к изменениям в обществе и в мире. Неспособность идти в ногу со временем оказала крайне пагубное воздействие на международные отношения. Политика колониализма и империализма, проводившаяся могущественными державами в отношении стран «третьего мира», служила источником личного обогащения для многих людей. В ситуации, когда эта политика ставится под угрозу революцией или иными обстоятельствами, представители группировок, обогатившихся за счет империализма, зачастую обращаются к военной силе, чтобы воспрепятствовать переменам.

Мировые ресурсы (в том числе земля, рабочая сила, капитал, технологии) распределены неравномерно, поэтому ни одна страна не располагает всеми необходимыми ресурсами, для того чтобы быть независимой от других стран. Что касается экономики, необходимость в торговле между странами возникла сразу же после того, как сельское хозяйство поднялось с примитивного на более высокий уровень развития.

В силу исторических причин, особенностей географического положения и нехватки ресурсов все страны зависят друг от друга. Им приходится импортировать продукты питания, капиталы, ре-

сурсы, технику, подчас все это вместе взятое, чтобы обеспечить потребности экономического развития страны. Чтобы возместить расход по импорту, страны должны что-то экспортировать, а для этого им нужны внешние рынки.

В одной из предыдущих глав мы уже отмечали, что «невидимая рука» рынка, которая, согласно экономистам-классикам, способствует развитию внутренней и внешней торговли, на самом деле уступила место монополизации и росту военной мощи. В тот исторический период, когда человеческий разум еще не создал экономический и военный потенциал для ведения мировых войн и даже возможного уничтожения человечества, существовавший экологический баланс не требовал того, чтобы отношения между всеми народами Земли непременно были ориентированы на мир и гармонию, а не на конфликт. В результате на всем протяжении истории человек имел возможность преследовать свои корыстные интересы в племени, городе или стране, не подвергая риску разрушения человечество и окружающий мир.

Если хотя бы однажды дать волю алчности и эгоизму, то впоследствии их очень трудно контролировать. Тем не менее сегодня выживание человечества зависит от нашей способности к такому контролю, а также готовности к установлению отношений сотрудничества и кооперации между народами. Аристотель говорил, что человек — раб привычки. Наши шансы на выживание будут зависеть от того, смогут ли наши здравый смысл и инстинкт самосохранения преодолеть приобретенные нами дурные привычки.

Природа и разум — два источника прогресса человечества

«Вещи» сидят в седле и погоняют человечеством».

Ральф Валдо Эмерсон

Один из основных недостатков классической теории экономики состоит в том, что она дает слишком упрощенный взгляд на человека как на «существо экономическое». В результате классическая утопия зиждется на предположениях, не имеющих ничего общего с реальной природой людей как существ социальных, политических и психологических.

Классические экономисты имели материалистическое представление о жизни и полностью игнорировали неэкономические отношения между человеком и обществом. По словам Эриха Фромма, «точно так же как он изменяет мир вокруг себя, человек изменяет и себя самого в процессе истории. Он как бы сам творит себя»². Самая большая опасность, угрожающая нам в процессе нашего развития, заключается в том, что мы не понимаем воздействия создаваемых нами вещей на наши здравомыслие и моральные устои.

Если мы хотим выжить, нам надо научиться контролировать вещи, которые мы создаем. В отличие от животных, люди в процессе эволюции вышли за пределы естественного хода событий. Что касается животных, то они живут в гармонии с природой. Им удается приспособиться к условиям окружающей среды благодаря специальному рефлекторному механизму, которым их снабдила природа в процессе постепенной эволюции.

Люди вышли за рамки природных условий, управляющих жизнью животных, благодаря развитию самосознания, разума и воображения. Удовлетворение одних лишь физиологических потребностей человека не дает ему возможности полностью самореализоваться. У человека есть более высокие духовные потребности, проистекающие от условий его жизни. Эти потребности должны быть удовлетворены, чтобы он сохранил разум, необходимый ему в поисках счастья.

В то время как наши физиологические потребности диктуются состояниями нашего организма (голод, жажда, усталость и т. д.), наши более высокие, психологические потребности должны вдохновляться принципами, которые вырабатываются в процессе культурного развития общества. Важность культурных ориентиров для удовлетворения психологических потребностей объясняется тем, что в сравнении с физиологическими эти потребности гораздо труднее определить. Обычно психически нормальный человек не принимает яд и не воздерживается от сна, когда он ему необходим. Разобраться в том, что хорошо, а что плохо с точки зрения нашей психики, гораздо труднее.

Почему все-таки так важно удовлетворять наши психологические потребности? Выйдя за пределы естественного состояния животного мира, мы играем более важную роль в создании нашего собственного будущего. Мы способны создавать и разрушать, любить и ненавидеть.

Источники прогресса человечества заложены в нашей культуре и окружающей нас мире. Культура направляет наши потребности, окружающая среда дает людям возможность любить и творить. Мы — единственное животное, способное серьезно воздействовать на культуру и изменять ее, а она, в свою очередь, воздействует на нас и вносит изменения в наше развитие. Социальная, политическая и экономическая структура, создаваемая нами, не может не влиять на условия нашей жизни. Она влияет на нашу способность творить и разрушать, любить и ненавидеть.

Классические экономисты, рассматривавшие человечество как существо экономическое, полностью игнорировали психологические потребности людей. Они исходили из представлений о человечестве, которые более всего соответствовали созданной ими утопии. Главным тезисом, лежавшим в основе классической системы, был тезис о стремлении к удовлетворению материальных потребностей как необходимом условии выживания. Человечество определялось ими

как экономический ресурс и потребитель производимых товаров. Люди выступали как эгоистичные существа, постоянно соперничающие друг с другом, существа, которых удается держать в определенных рамках благодаря «невидимой руке» утопического рынка. Сводя социальную организацию к функции естественного закона (как это имеет место в мире животных), классическая теория породила экономическую систему, игнорирующую неэкономические отношения между человеком и обществом, а также их взаимное влияние друг на друга.

Со времен Адама Смита классическая экономическая система претерпела серьезные изменения. Они были вызваны прогрессом науки и техники, радикально изменившим экономическую организацию мира. Влияние научно-технических достижений на общественные отношения было не менее значительным. Эксплуатация, деструктивная конкуренция, авторитарное управление, скаредность и грубый индивидуализм начинают уступать место новым общественным отношениям, в большей степени соответствующим новому уровню технологического развития. Однако старые традиции умирают очень медленно.

Теперь, когда люди работают в больших группах либо на предприятиях, оснащенных новейшей технологией, кооперация и сотрудничество приобретают решающее значение. Жесткая конкуренция лишается смысла, а эксплуатация становится препятствием к дальнейшему росту производительности труда. Массовое производство нуждается в расширении рынков, а скаредность все больше и больше отступает под напором растущего потребления. Таким образом, вещи, создаваемые нами, изменяют нас самих.

Люди до некоторой степени освободились от естественных ограничений, которым подчиняются прочие живые существа. Однако они рискуют оказаться в зависимости от созданных ими вещей. В современном мире массового производства и передовых технологий разделение труда достигло уровня, когда люди оказываются все меньше связанными друг с другом и с конкретными предметами. Мир, в котором мы живем, стал миром абстракций и цифр³.

К сожалению, в современном технологическом мире использование абстракций и цифр является необходимым. Теперь человек уже не производит ни одной вещи от начала до конца, будь то пара туфель, пианино или стул. Большинство рабочих лишь винтики в технологической машине и научной системе управления. Неспособность обеспечить выход творческим потребностям людей приводит к разочарованию, а в некоторых случаях — к деградации.

Вопреки мнению Маркса, психологическое отчуждение рабочего присуще не только капитализму. Это явление наблюдается во всех обществах, где технология и массовое производство доминируют в экономическом процессе. Чтобы решить проблему выживания и будущей жизни человечества, мы должны найти возможности контроля над производимыми нами вещами. Только в этом случае можно

надеяться, что мы не превратимся в роботов, отчужденных от самих себя.

В результате чрезмерной бюрократизации общества процесс отчуждения зашел уже довольно далеко. Бюрократия является естественным элементом любой современной организации, будь то правительство, частная фирма или профсоюз. Она не зависит от политической, экономической или социальной структуры общества и процветает как в капиталистических, так и в социалистических странах.

Когда речь идет о человеческом отчуждении, важно определить, может ли бюрократическая машина существовать, не манипулируя людьми как роботами или вещами. Ниже мы увидим, что в наиболее развитых экономиках мира этой проблеме уделяется серьезное внимание.

Чувство отчуждения испытывают не только рабочие — ему в равной степени подвержены и владельцы крупных корпораций. Они больше не имеют прямой связи и не несут ответственности за предприятие, которым владеют. Цена их собственности определяется уже не ими, а корпоративной бюрократией, почти не подвластной их контролю. Личные усилия и контакты более не являются компонентами цены собственности. Их заменили безличностные отношения и финансовые манипуляции.

Пожалуй, наиболее опасной формой отчуждения является отчуждение от тех социальных сил, которые формируют нашу жизнь и определяют перспективы на будущее. Войны и депрессии подготавливаются силами, приходящими в движение задолго до их начала и явными лишь для немногих людей. Большинство людей не располагают ни знаниями, ни достаточным чутьем, ни возможностями, которые позволили бы им активно участвовать в решении своей судьбы. Катастрофы, как правило, происходят именно от того, что мы не в полной мере представляем себе возможные последствия создаваемых нами вещей. Если мы хотим преодолеть отчуждение от окружающей среды и выйти из-под власти вещей, необходимо лучше понять нашу собственную роль в обществе.

Некоторые из условий, порождающих отчуждение и «власть вещей», возникают из-за привычки людей оперировать идеями, оторванными от действительности. Утопические теории, идеалистические лозунги и сильные эмоции не могут заменить четко сформулированные и обоснованные идеи, основанные на реалистическом понимании мира. В первую очередь это относится к экономическим системам, занимающим лидирующее положение в сегодняшнем мире. Им даются расплывчатые определения «система свободного предпринимательства» и «авторитарная система». В системе свободного предпринимательства ответственность за экономические решения возлагается на рынок и естественные законы, регулирующие спрос и предложение. В авторитарной системе ответственность определяется правилами, разрабатываемыми и проводимыми в

жизнь политическими лидерами. И в том и в другом случае большинство людей исключены из процесса принятия решений, оказывающих серьезное воздействие на их жизнь.

Отчуждение породило конформизм и в авторитарной экономике, и в экономике, основанной на свободном предпринимательстве. В авторитарном обществе этому способствуют специальные правила, эффективно внедряемые на практике. В свободных обществах видимая власть дополняется анонимной или невидимой властью, которую мы определяем как «нечто». Предполагается, что мы должны подчиняться этому «нечто» либо отвечать за последствия. Как «нечто» выступают, например, неписанные правила, в частности социальные и корпоративные нормы. В свободных обществах правительства сменяются, однако «невидимая власть» (подобно направляющей «невидимой руке») сохраняет свои позиции. Гораздо легче подвергать критике видимую власть, чем невидимое «нечто».

Ни авторитарное общество, ни общество свободного предпринимательства не могут на сегодняшний день освободить нас от чувства отчуждения, которое мы испытываем. Это станет возможным только тогда, когда мы начнем активно участвовать в принятии решений, от которых зависит наша жизнь. (Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в следующих главах.)

Способность к приспособлению — важнейший вопрос для человечества и окружающей среды

Мы уже отмечали, что качество жизни и выживание человечества зависят от наличия гармонии в отношениях людей с окружающей средой. Некоторые древние философы хорошо понимали это обстоятельство и строили на нем свои теории государственного управления. К сожалению, все эти теории имели существенные недостатки и были со временем забыты.

Св. Фома Аквинский в своем трактате о геометрической справедливости утверждал, что в мире каждый человек, от раба до сюзерена, выполняет роль, предписанную ему Богом. Если люди хорошо выполняют свой долг, они получают в награду спасение, а «система» живет и процветает.

Философы XVII века Томас Гоббс и Томас Хукер понимали гармонию как форму общественного договора между Богом и монархом. Монарх управляет подданными в соответствии с этим договором, или, теоретически, по справедливости. В случае, если правитель нарушает договор, Бог смещает его. Несмотря на то что в жизни все происходило совсем иначе, эти теории отражали стремление к гармонии между человеком и обществом.

Древние китайские монархи правили на основании «божественного» соглашения между ними и Богом. Например, если монарх оказывался неспособным принять меры против засухи и навлекал голод

на свой народ, последний получал от Бога высшее разрешение сместить такого правителя. Это была революционная теория, однако в ней признавалась необходимость достижения гармонии между человечеством и окружающим миром.

Несмотря на то что важность этой цели широко отмечалась в теориях древности, на практике гармонии не получалось: монархи тиранили народ, не согласуя свои действия с «волей Бога».

Гармония — вопрос баланса. Это баланс между свободой и принуждением, индивидуумом и группой, между различными группами давления. Мы признаем необходимость общественной гармонии, но в чем ее цель? Если следствием воздействия на демократический процесс хорошо организованных групп давления станет загрязнение окружающей среды до уровня, когда она будет непригодной для жизни, видимость общественной гармонии будет сохранена, но не ради цели сохранения окружающей среды. Если мы хотим выжить, эта цель должна стать высшей и конечной для нас. Социальной гармонии недостаточно. Необходима также гармония между людьми и окружающей средой.

Св. Фома, Гоббс, Хукер и древние китайцы понимали значение правил, защищавших общество и физическую среду от алчности, но их теории легко опровергались практикой жестокого правления и деспотической власти, потому что время демократии еще не пришло.

Локк, Руссо и Вольтер вели отважную борьбу с тиранией за свободу личности. При этом они заботились, во-первых, об интересах общества и, во-вторых, об интересах личности, в первом случае предполагалось, что если общество будет защищено определенными нормами, это принесет благо и отдельной личности. Во втором случае предполагалось, что если личность будет защищена определенными нормами, от этого выиграет все общество.

Оба эти подхода, однако, игнорируют тот факт, что поддержание экологического баланса и социальной гармонии требует соблюдения определенных норм как личностью, так и обществом. Эти нормы должны основываться на реализме, порожденном опытом, научными данными, а также ясным пониманием целей и различий между целями и средствами.

Чтобы достичь этого, мы должны строить мосты, соединяющие обе стороны процесса, а не заниматься идолопоклонством, идеализируя прошлое.

Древние провидцы отрицали языческие религии вовсе не потому, что считали источником идолопоклонства поклонение нескольким богам, а не одному Богу.

Пророки монотеизма отрицали язычество за то, что оно сотворило материальных идолов, которым поклонялись верующие и которые, по словам Эмерсона, превратились в «вещи, управляющие человечеством». Иными словами, содержание подменялось символами. Религиозные идолы — не единственное, что отчуждает людей от самих себя.

Идолы, которым мы поклоняемся в мирской жизни, такие как «свободный и самоуправляемый рынок», «коммунистическое бесклассовое общество», «корпорация», «профсоюзы», «родина», оказывают аналогичное воздействие. Слепая вера в любого из этих идолов — это уже форма идолопоклонства.

Чтобы снизить степень отчуждения, мы должны создать такие условия, при которых все члены той или иной группы смогут непосредственно участвовать в процессе принятия решений. Уже тот факт, что люди получают право избирать представителей, принимающих решения за них на основании фактов и отношений, о которых избиратели ничего не знают, скорее ведет к отчуждению, нежели защищает от него. В столь гигантском обществе, как наше, вовлеченность в процесс принятия решений не означает, что все люди участвуют в принятии одних и тех же решений. Очевидно, что это невозможно. Однако решения принимаются на различных уровнях человеческой деятельности, и каждый человек должен быть включен в этот процесс хотя бы на каком-то уровне в зависимости от своего экономического положения и общественностью статуса.

Было бы нереально предполагать, что какая-либо организация может существовать долгое время, если ее члены не признают поставленных ею целей и отказываются подчиняться установленным ею законам. Сама по себе лояльность не является источником отчуждения. Однако слепая преданность той или иной организации или группе, где большинство членов не участвуют в определении ее целей и задач, а также действующих в ней законов, приводит к отчуждению людей от тех ценностей, которые способствуют формированию сильной личности, а впоследствии и той системы, к которой они принадлежат.

Для того чтобы стать всесторонне развитыми личностями, нам необходимо участвовать в происходящих вокруг нас событиях и процессах, а не плыть по течению. Общество также не может выжить в отсутствие законов, обеспечивающих его жизнеспособность. Точно так же и отдельные люди не могут выжить в отсутствие законов, гарантирующих удовлетворение их физиологических и психологических потребностей. Ответ на вопрос о том, при каких условиях возможно выживание человека и общества, надо искать в анализе процесса адаптации: индивидууму необходимо приспособиться к обществу, а социальная организация общества должна быть приспособлена к потребностям индивидуума.

10. СВОБОДА, ВЛАСТЬ И МОТИВАЦИЯ

Роль и границы свободы

Многие ли люди, живущие в демократическом обществе, свободны решать свою судьбу? На практике — очень немногие, по крайней мере для большинства людей это обстоит именно так. Глобаль-

ные интересы того или иного государства в значительной степени определяются во всем мире капиталовложениями корпораций и финансовых учреждений. Главным фактором в формировании внешней политики является промышленное развитие с его зависимостью от природных ресурсов и рынков. Потоки частных капиталов и торговли определяют состояние национального платежного баланса, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на внутреннюю экономическую политику. Все это вместе взятое, исключая электорат, играет ключевую роль в развитии международных отношений. Факторы, способствующие мирным отношениям или конфликтам, порождаются процессами, в которые вовлечена лишь небольшая часть всех затрагиваемых ими людей. Иными словами, даже при демократическом строе большинство людей не участвуют в принятии решений, серьезно влияющих на их жизнь.

Классики экономической науки имели уникальное представление о свободе, и их утопические теории являлись его отражением. Они верили, что, преследуя собственные интересы, каждый человек способствует максимальному благу максимального числа людей. Они считали, что экономика управляется естественными законами, при которых никто не обладает исключительной властью. С их точки зрения, свобода личности удовлетворять собственный интерес — это средство, чтобы наиболее полно удовлетворить интересы всего населения.

В классической концепции свобода являлась не самоцелью, а путем к демократическому процессу выбора и гражданскому удовлетворению. основополагающая классическая концепция свободы предполагает ограничения, связанные с естественными законами свободного рынка, а не с действиями правительства. *

Свобода, существовавшая в период наивысшего расцвета свободнорыночного капитализма (*laissez-faire*), отличалась от той, которую предрекали экономисты-классики. Люди, обладавшие экономической властью, наслаждались свободой преследовать собственные интересы, как правило, за счет других, лишенных такой власти. Для широких масс свобода преследовать свои интересы приобрела чисто умозрительное значение — они были заняты борьбой за выживание.

Экономисты-классики понимали, что свобода может стать фундаментом социальной справедливости только при наличии условий, благоприятствующих ее осуществлению. Их утопии, построенные на естественных законах, свободные от деспотии, были и в самом деле идеальной средой для дальнейшего расцвета свободы. Однако теория свободнорыночного капитализма, к сожалению, исходила из посылок, не отражавших истинного положения вещей в мире.

Возрождение исключительной экономической власти в XIX веке, а также четкое разграничение между теми, кто контролирует капитал, и теми, кто продает свой труд за заработную плату, привели к созданию такой среды, в которой расцвет экономической свободы

неблагоприятно сказывался на подавляющем большинстве людей, не получавших от нее никакой выгоды.

Маркс рассматривал это обстоятельство как порок, свойственный капитализму, а современные антисоциалисты рассматривают аналогичные обстоятельства в социалистических странах как порок, внутренне присущий социализму. Серьезное непонимание и антагонизм могут быть устранены только в том случае, если отсутствие социальной справедливости будет считаться пороком на любых стадиях развития каждой нации.

Экономическая свобода, по мнению классиков-экономистов, не привела к социальной справедливости из-за того, что среда, в которой она существовала, не способствовала этому. В экономике социалистических стран, где была ликвидирована частная собственность на средства производства и где доминировали бюрократические ценности, прогресс в деле достижения социальной справедливости был незначительным. Излишне бюрократизированная среда не благоприятствует свободе ни в капиталистической, ни в социалистической системах. Поскольку экономические процессы определяются накоплением богатства и военной мощи, так что потребности человека и окружающей среды оказываются подчиненными этим целям, создание благоприятного климата для социальной справедливости невозможно, независимо от того, какое название носит система.

Урок, который следует извлечь из прошлого, состоит в том, что такие великолепные проводники гуманизма, как свобода и демократия, могут выполнять свою роль только в благоприятных условиях. В противоположном случае свобода ведет к эксплуатации, а демократия вырождается в тайное правление власть имущих. Аристотель понимал это более двух тысяч лет назад. Социальная справедливость является лишь одним из возможных последствий свободы. Другим таким последствием является разочарование. Многие государства гордятся законами, предоставляющими их гражданам свободу выбора вида и места работы; свободу выражения своих взглядов по всем вопросам; свободу голосовать за политических кандидатов по своему выбору; свободу выбирать любое место жительства и т. д. Если среда не позволяет всем гражданам осуществлять упомянутые свободы, то люди, лишённые такой возможности, будут испытывать особое разочарование.

Свобода и возможность идут рука об руку. Абсолютно аморально для государства устанавливать фиктивные свободы, одновременно создавая среду, практически исключаящую возможность для большинства населения пользоваться их плодами. Отдельно взятый индивидуум не может устранить условия, порождающие безработицу. Если безработица не может быть успешно предотвращена с помощью социальных мероприятий, контрпродуктивно создавать иллюзию о том, что у всех людей есть свобода выбора в экономической сфере их жизни. Необходимость работать и зараба-

тивать на жизнь — вот самые важные элементы экономического выбора для большинства людей. Создание иллюзии экономической свободы в тех случаях, когда возможности для ее осуществления крайне ограничены для многих миллионов людей, может привести лишь к крушению надежд, чувству вины и в конечном счете к психологическим и социальным потрясениям.

Свобода является весьма ограниченной и тогда, когда независимо от условий труда люди вынуждены браться за опасные виды работ только для того, чтобы выжить. Около 90 процентов населения промышленно развитых стран мира работают в качестве рядовых рабочих и служащих. Их способность работать и зарабатывать деньги отвечает потребностям тех, кто владеет капиталом, необходимым для использования человеческого труда, или контролирует его. В XIX веке, то есть в период расцвета экономической свободы при свободном рыночном капитализме, большинство трудящихся были поставлены перед выбором — либо работать, не считаясь с условиями труда, либо умирать от голода. Сегодня, благодаря деятельности профсоюзов и более просвещенному политическому вмешательству, большее число рабочих и служащих обладают свободой, в том что касается условий труда.

В будущем еще в большей степени, чем в прошлом, более рациональное пользование свободой будет предполагать проведение различия между социальной справедливостью и попаданием в социальную ловушку. Как следует пользоваться свободой? Если все люди будут вольны следовать своим собственным эгоистическим интересам, свобода саморазрушится, поскольку те, кто обладает властью, будут контролировать тех, у кого ее нет. Концепция баланса власти — слишком малое подспорье, поскольку различные группы, тянущие в разные стороны, не нейтрализуют, а только препятствуют созданию жизнеспособных взаимоотношений между личностью и обществом.

Насколько свободны мы от естественных законов и окружающей среды, созданных не без нашей помощи? Достаточно ли у нас свободы для того, чтобы создать такую среду, которая бы не только удовлетворяла наши физические и духовные потребности, но и помогла бы нам стать цивилизованными людьми, способными жить в мире? До тех пор пока мы не дадим ответов на эти вопросы, дискуссии о свободе не имеют смысла ни в нормативном, ни в прагматическом планах.

К сожалению, некоторые весьма влиятельные авторы (от Джона Стюарта Милля до М. Фридмана, включая либертарианцев) до такой степени романтизировали свободу, что в жизни она вряд ли может найти практическое применение. Такие понятия, как демократия, были дискредитированы мифом о том, что свободные люди могут выбирать подходящий для них образ жизни путем голосования. Однако люди не могут голосовать за тот или иной образ жизни, точно так же как алкоголики не могут решить своих проблем при

помощи обещаний, даваемых в предновогоднюю ночь. Это отнюдь не означает, что свобода и демократия — пустые понятия. Отнюдь. Но они не могут быть установлены простым принятием соответствующих законов.

Если бы индивидуумы могли освободиться от всяких связей с природой, а также от ограничений своей физической и культурной среды, они бы оказались дезориентированными. Например, душевнобольные люди утрачивают способность создавать адекватные мосты, связывающие их с другими людьми и окружающей средой. Они теряют ориентацию и ищут прибежища в фантазерстве¹.

Свобода отнюдь не означает, что люди вольны поступать как им заблагорассудится. В конце концов есть ограничения, вызываемые реальной действительностью и окружающей средой. Но это также не означает, что каждый в состоянии принимать участие в изменении тех ограничений. Это абсурдный взгляд на демократию. Ограничения, создаваемые реальной действительностью, могут быть изменены только при помощи разума и науки. Их нельзя преодолеть путем избирательного процесса. Ядерно-космическая эра наступила в результате прогресса науки и техники, а не вследствие способности людей голосовать «за» или «против» них. После того как наука и техника стали частью жизни человечества, их развитие уже не могло определяться демократическими действиями. Только ученые могут раздвигать границы знания, большинство же людей, не сведущих в науке, не в состоянии сделать этого.

В настоящее время наука и техника, более чем что-либо другое, оказывают возрастающее влияние на жизнь человечества. Однако до сих пор лишь немногие люди играли какую-то роль в определении путей их развития и характера влияния. Насколько свободны люди в решении своей собственной политической судьбы? Из всех видов человеческих взаимоотношений самым деструктивным является война. Сегодня будущее нашей планеты зависит от нашей способности предотвратить войну. Предполагается, что в демократических обществах война объявляется демократическим путем через соответствующим образом избранных представителей населения. Но и этот порядок больше не соблюдается, как об этом свидетельствует опыт войн во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и т. д. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что лишь небольшая группа людей участвует в процессе, который приводит к войне.

Главной причиной для возникновения войны в современных условиях является экономическая и геополитическая обстановка. Государствам необходим доступ к источникам сырья, к рынкам сбыта экспортных товаров. Такие супердержавы, как Соединенные Штаты и Советский Союз, озабоченные состоянием своей мощи и влияния в мире, создавали геополитические союзы. Геополитика представляет собой «искусство» такого сочетания экономических, демографических, географических и политических факторов, при котором достигается равновесие мощи. Вопрос в том: как пони-

мают равновесие государства, обладающие мощью? В какой степени свободны люди определять свою судьбу? При современной организации мира такой свободой обладает лишь незначительное число людей. Если говорить о войне, семена конфликта обычно бывают посеяны задолго до того, как он становится практически неизбежным. К тому времени, когда парламент принимает решение об объявлении войны, ее сценарий, как правило, уже готов. Если большинство людей не имеют свободы определять направление развития науки и техники или наиболее важных аспектов отношений между государствами — двух факторов, в совокупности влияющих на качество жизни, — кто или что тогда решает за них их судьбу? При авторитарном режиме не более нескольких десятков политических, военных и промышленных лидеров, обладающих разной степенью власти, принимают действительно важные решения, влияющие на качество жизни людей. Эти лидеры попадают во все большую зависимость от мужчин и женщин, обладающих научным, техническим и административным мастерством, необходимым в ядерную эру.

В современных демократических обществах процесс принятия решений приобретает все более авторитарный характер, главным образом вследствие психологических и структурных реалий современного мира. Люди избирают своих лидеров демократическим путем, но не принимают участия в решении наиболее актуальных проблем современной жизни. На данном этапе они не могут участвовать в принятии научных, технологических, финансовых и корпоративных решений. К тому времени, когда избиратели получают возможность участвовать в процессе принятия решений, уже действуют жизненно важные факторы, возникшие вне зависимости от их воли, и свобода оказывать реальное воздействие на собственную судьбу либо весьма сужается, либо вообще исчезает. Жизненно важное значение в этой связи приобретает вопрос о том, каким образом люди смогут осуществлять контроль над своей судьбой в мире, где большинство из них отстранено от принятия действительно важных решений. Иными словами, сможем ли мы адаптироваться к происходящим гигантским технологическим изменениям таким образом, чтобы не утратить контроля над нашей собственной судьбой, оставив ее в руках тех немногих, кто в настоящее время определяет основные условия развития окружающей среды? В современном мире, где доминируют сверхдержавы и новейшие технологии, традиционная демократия и традиционная экономическая свобода оставили подавляющее большинство людей за пределами процесса принятия решений. Профессор Фридман не прав, полагая, что путем возврата к старым методам свободнорыночного капитализма мы вернем себе нашу свободу и вновь получим возможность выбирать собственную судьбу. Этого не произойдет — адаптация к миру прошлого не имеет никакого смысла, кроме того, даже в период наивысшего расцвета свободнорыночного капитализма подавляющее большинство людей не имели свободы выбора.

В современном мире мы сможем вновь обрести свободу, только приведя структуру свободы и демократии в соответствие с реалиями сегодняшнего дня. Мы сможем сохранить эту свободу только в том случае, если будем вносить подобные коррективы постоянно, по мере того как изменяется окружающий мир.

Роль и границы власти

Совершенно очевидно, что свобода в значительной степени определяется состоянием социальной и физической среды. Как создатель науки и техники, человечество оказало глубокое воздействие на окружающую среду. Мы накопили огромные материальные блага и существенно повысили наши шансы на выживание в борьбе против различных болезней. Мы также больше узнали о самих себе и о вселенной вокруг нас.

Однако, создавая соответствующую среду обитания, мы значительно осложнили нашу жизнь. В результате дело дошло до того, что большинство людей утратило какую-либо связь с наиболее важными аспектами процесса принятия решений в сфере экономики и политики, что способствовало отчуждению в системе личностных отношений и, не в последнюю очередь, между личностью и обществом.

Если мы хотим, чтобы качество жизни в посттехнократическую или просвещенную эру значительно повысилось, мы должны направить основные усилия на более полное вовлечение как можно большего числа людей в принятие решений, оказывающих влияние на их жизнь. Для этого нам следует разобраться во взаимоотношениях между сравнительно небольшой группой власть предержащих и подавляющим большинством людей, которые выполняют решения, принятые другими.

Для более полного вовлечения людей, при котором они получают гражданскую мотивацию своего поведения, необходимо гуманизировать власть. Это особенно важно в среде, столь типичной для посттехнократической эры, где власть играет огромную роль.

Эрих Фромм, глубоко проникавший в своих работах в суть нормального общества, подразделил власть на две категории: рациональную и иррациональную. В качестве примера рациональной власти он рассматривал взаимоотношения между студентом и преподавателем, а примером власти иррациональной считал взаимоотношения между рабовладельцем и рабом².

Преподаватель имеет власть над студентом, однако их интересы совпадают. Обучая студента, преподаватель обогащает его жизнь посредством образования. Успех, которого они добиваются,— их общий успех.

Что касается рабовладельца, то его интересы строятся на эксплуатации раба. Поэтому их интересы сталкиваются. Отноше-

ние к рабам — это отношение к машинам, которые могут использоваться только до определенного предела, то есть до тех пор, пока они не отработают свой срок.

При рациональной власти разрыв между преподавателем и студентом сокращается по мере того, как последний становится все более похожим на своего преподавателя. Власть преподавателя помогает студенту удовлетворить его физические и психологические потребности.

Рабовладелец же, пользуясь узаконенной властью в качестве начальника над рабами, применяет ее для эксплуатации последних, а не для оказания им помощи. Фромм называл такую власть иррациональной, поскольку в результате эксплуатации пропасть между хозяином и рабом постоянно расширяется.

Рациональная власть способствует сокращению разрыва между теми, кто ею обладает, и теми, кто является ее субъектами. Иррациональная власть этот разрыв усугубляет.

Власть является необходимым компонентом в сложном технологически высокоразвитом обществе. Чем сложнее становится мир, тем менее вероятно полное равенство между людьми. В условиях современной технологической среды равенства просто не может быть. По существу, его не было даже в примитивных обществах. Ввиду бесполезности этой затеи было бы разумнее оставить поиски равенства и направить усилия на создание условий, необходимых для разумного осуществления рациональной власти. Гуманное общество должно возводиться на фундаменте рациональной власти. В развивающейся экономике XIX века власть во все возрастающей степени основывалась на владении капиталом, так же как ранее, в период феодализма, на владении землей. Рабочий вынужден был находиться в подчиненном состоянии, так как в отсутствие капитала и земли он мог оказаться безработным. Его лояльность и послушание вознаграждались обещаниями спасения со стороны церкви, а позже, на ранних стадиях современного экономического развития, легли в основу системы материального поощрения.

Экономисты практически не занимались такими проблемами, как происхождение и использование власти, считая их социальными или политическими, а не экономическими проблемами. Это довольно странно, поскольку центральной экономической проблемой является эффективность в использовании и распределении ресурсов. То, каким образом структурно организована и используется власть, имеет важное значение для эффективности экономики.

С чисто экономической точки зрения главным вопросом является эффективность. С сугубо политической и социальной точек зрения основными целями являются достижение политической и социальной гармонии и стабильность. С психологической точки зрения ключевая задача — создание разумно организованного общества. Взаимоотношения между субъектами и объектами власти являются чрезвычайно важными для достижения вышеука-

занных целей и задач. Со временем мы поймем, что всех этих целей — экономических, политических, социальных и психологических — необходимо достигать не иначе как одновременно. Это только один пример, показывающий, почему социальные (общественные) науки нельзя изучать в отдельности, изолированно друг от друга.

Когда структура власти такова, что обе стороны извлекают из нее пользу, поскольку их интересы совпадают одновременно, шансы достижения различных целей представляются весьма высокими, поскольку общество построено на фундаменте рациональной власти. Однако, когда власть осуществляется только к выгоде тех, кто ею обладает, а все остальные подвергаются эксплуатации или отчуждаются от нее, мы имеем дело с иррациональным явлением, при котором достижение гуманных целей становится невозможным.

Исторически так сложилось, что власть утрачивала иррациональность, поскольку люди, ее осуществлявшие, больше заботились о наращивании мощи и накоплении богатств, нежели о достижении социальных целей и гармонии. На ранних стадиях экономического развития иррациональность власти ведет главным образом к эксплуатации и отчасти — к отчуждению. По мере того как экономическое развитие приводит к изобилию, главным средством иррациональной власти становится отчуждение, а эксплуатация, продолжая существовать, приобретает ограниченные размеры. Совершенно очевидно, что это положение верно как для капиталистического, так и социалистического общества. Для примера можно сослаться на профсоюзное движение в США в начале нынешнего века и на «Солидарность» в Польше в наше время.

Мы уже говорили о том, что на ранних стадиях промышленного развития рабочий подвергается эксплуатации, поскольку это наилучший способ добывания капитала, необходимого для экономического роста. Как представляется, эта эксплуатация носит более жесткий характер в тех случаях, когда внутреннее развитие происходит без участия иностранного капитала и технологии. В Соединенных Штатах приток иностранного капитала в XIX веке позволил до известной степени снизить потребность во внутренних сбережениях для финансирования строительства железных дорог, каналов и т. п. Это позволило увеличить долю потребления без ущерба для экономического роста и развития. Советский Союз, напротив, испытывал недостаток в иностранных капиталовложениях из-за непопулярности советских доктрин в странах с избытком капитала. В результате уровень жизни рабочего оказался ниже того уровня, который мог бы быть достигнут при наличии иностранных капиталовложений. Наиболее жестокая эксплуатация рабочего наблюдается в странах «третьего мира», являющихся объектами экономического империализма иностранных держав.

Поскольку на ранних стадиях экономического развития промышленный рост, по всей видимости, требует эксплуатации рабо-

чего³ и поскольку последняя обеспечивается применением власти, перед нами встает вопрос: имеем ли мы право считать такую власть иррациональной, если она способствует экономическому развитию? Если мы определим иррациональную власть так же, как это делает Эрих Фромм (как власть, используемую для эксплуатации или расширения пропасти между теми, кто обладает властью, и теми, кто является ее объектами), то получается, что власть, эксплуатирующая рабочего, есть власть иррациональная.

Это порождает дилемму. Следуя логике, власть, эксплуатирующую рабочего, нельзя назвать иррациональной, если ее целью является экономическое развитие, поскольку она достигает этой цели. Дилемму, однако, можно разрешить, если признать наличие конфликта между двумя важными социальными целями — экономическим развитием и социальной гармонией. Власть, эксплуатирующая и отчуждающая людей, является иррациональной для нормального, здорового общества, обеспечивающего социальную гармонию. В то же время для ранних стадий экономического развития власть — вполне рациональное явление.

Здесь мы имеем дело не с игрой слов, а с важным фактом. Наша задача сегодня, когда в мире уже произведено столько материальных благ, состоит не только в том, чтобы поддерживать экономический рост в развивающихся и экономическую активность в развитых странах, но и в том, чтобы добиться социальной гармонии, основанной на рациональной власти. В развитых странах экономическая эксплуатация идет на убыль, хотя еще и существует в отношении беднейших слоев населения и женщин. Более значительной проблемой для этих стран, однако, становится проблема отчуждения.

В то время как эксплуатация есть отражение экономических отношений, отчуждение порождается социальными отношениями, при которых люди, не обладающие властью, попадают в зависимость от людей, наделенных таковой. Отчуждение не лишает отчужденных возможности участвовать в организационных и административных делах, но исключает их из процесса принятия решений по жизненно важным вопросам.

В экономически развитых странах большинство населения более не подвергается эксплуатации и не страдает от нищеты. Болезнью, пришедшей на смену эксплуатации, стал явный или скрытый конформизм власти, приводящий к отчуждению. Старая борьба классов уступила место новой социальной борьбе. Это борьба между властью имущими, принимающими важные экономические и политические решения, и подавляющим большинством людей, отстраненных от процесса принятия решений и выполняющих роль пассивных участников и послушных граждан.

Отчуждение возникает под воздействием двух не связанных друг с другом факторов. Один из них — это развитие современных технологий, роботизировавших труд многих людей. В старину са-

пожники гордились своей работой, поскольку существовала прямая связь между ними и обувью, которую они продавали, с одной стороны, и потребителями, которые эту обувь покупали и носили, — с другой. Это приносило большое моральное удовлетворение мастеров-ремесленникам.

В наши дни труд организован совершенно иначе. Среди работников мало-малых крупных фирм нет практически никого, кто был бы реально, а не абстрактно, связан со всеми этапами производства того или иного продукта либо с людьми, этот продукт использующими. Даже для руководителей фирм такие связи носят символический и ограниченный характер. Управленцы, обеспечивающие маркетинг, финансы и бухгалтерский учет, оперируют производимой продукцией лишь в чисто абстрактных и количественных категориях. Личные взаимосвязи, характерные для ремесленников старого времени, ушли в прошлое.

Разумеется, даже в век высоких технологий имеются исключения из данного правила. Так, в инновационных фирмах предпринимателям принадлежит роль, позволяющая им получать удовлетворение от непосредственных и всесторонних контактов с производством. Однако фирмы, добивающиеся успеха, как правило, поглощаются крупными корпорациями или сами становятся таковыми. При этом личные взаимосвязи трансформируются в абстрактные и подлежащие количественному определению отношения, типичные для бюрократического управления.

Помимо технологии фактором, порождающим отчуждение, является существующая практика использования власти. В Соединенных Штатах демократические управленческие модели, позволяющие рабочим участвовать в процессе принятия решений, до сих пор весьма непопулярны. Однако в таких странах, как ФРГ и Венгрия, процесс создания рациональной власти продвинулся уже довольно далеко.

Отчуждение может проявляться и в более крупных масштабах — на уровне государств. Это происходит при колониализме, неоколониализме и современном империализме. Страны-сателлиты неизбежно попадают в зависимость от решений, принимаемых сверхдержавами, а также целей, преследуемых последними.

Для чего необходимо найти решение обостряющихся проблем отчуждения? Очевидно, для того, чтобы улучшить качество жизни путем достижения социальной гармонии. Есть, однако, и еще одно важное обстоятельство. Отчуждение оказало серьезное воздействие на мотивацию людей к труду, и это становится все большей проблемой. Возможные последствия этой проблемы для экономики, а также стабильности социальной системы вызывают большую озабоченность. Вопрос в том, что составляло основу мотивации к труду в прошлом и как ее можно воссоздать на нынешнем этапе?

Экономисты-классики считали труд меньшей ценностью, чем досуг, а заработную плату — фактором, побуждающим людей к обмену досуга на труд. В том что касается создания материальных благ, их мировоззрение, по-видимому, базировалось на идее, которую Ницше определил как *cash nexus* (денежные отношения) капитализма XIX века¹.

Столь узкий взгляд на труд, к сожалению, по-прежнему характерен для традиционных экономических теорий, несмотря на то что рабочий в XIX веке в основном связывал понятие «досуг» с бездельем и нищетой. На самом деле рабочие с готовностью обменивали досуг на труд за заработную плату, обеспечивающую минимальный прожиточный уровень, так как предпочитали нищету голодной смерти. Угроза голода заставляла рабочих беспрекословно подчиняться власти работодателя вплоть до периода Великой депрессии, когда началось объединение промышленных рабочих в профсоюзы. Союз мастеров-ремесленников был создан еще в XIX веке, но антипрофсоюзные настроения в Конгрессе практически свели на нет его влияние.

С ускорением экономического развития и постепенным развитием демократии, давшей рабочему возможность более активно выражать свои политические интересы, голод перестал быть реальной угрозой и отчасти утратил свое значение в качестве мотива к труду. Это обстоятельство, а также отчуждение рабочего вследствие стремительного технического прогресса указывают на необходимость более просвещенного подхода к проблеме мотивации.

Мотивация возникает в результате экономического принуждения, социальной адаптации и идентификации — восприятия как собственных интересов компании-работодателя либо интереса к труду, развивающегося благодаря активному участию в процессе принятия решений. Отсутствие мотивации сплошь и рядом сопровождается отчуждением, и это становится по-настоящему серьезной проблемой. Она требует самого пристального внимания, поскольку отчужденный рабочий становится фактором неудовлетворительного состояния производства.

Если у рабочих нет другого выхода, даже нищенская зарплата становится мотивом к труду. Желание выжить и есть их главная мотивация. Вот почему многие работодатели до сих пор считают, что «небольшая безработица — это хорошо». На заре капитализма практически для всех рабочих единственным мотивом к труду было экономическое принуждение. Сегодня существуют и другие мотивы.

Рабочие, для которых единственным выбором является конформизм, обычно принимают власть работодателя, но такое авторитарное принуждение неизбежно отчуждает их. Подобная система глубоко нестабильна и может либо эволюционировать в систему, более приемлемую для рабочего, либо саморазрушиться.

Проблемы идентификации, социальной адаптации и участия подробно освещались такими психологами, как Эрих Фромм, и специалистами по вопросам управления, как Питер Друкер и Джеймс О'Тул. Что касается экономистов, то они в целом так и не смогли интегрировать новые знания в области человеческой мотивации в свои формальные микроэкономические теории, которые по-прежнему основываются на устаревших представлениях о труде и рабочих.

Идентификация и социальная адаптация как источники мотивации имеют место в тех случаях, когда работодатель проводит политику, с которой рабочие могут солидаризироваться и к которой они могут адаптироваться. Если при этом рабочий не участвует в процессе выработки политики, отчуждение все равно будет происходить, однако оно не будет носить столь откровенно враждебный характер, как при авторитарном экономическом принуждении.

Идентификация и социальная адаптация как явления более типичны для руководителей и высококвалифицированных служащих, которым легче отождествлять себя с целями корпорации, поскольку их личное благополучие в значительной степени зависит от преуспевания последней. Но даже такие служащие испытывают неудовлетворенность, если стандарты, принятые в корпорации, слишком сильно отличаются от их собственной системы ценностей.

Хотя М. Фридман и считает, как видно из его выступлений в серии телепрограмм «Свободны выбирать», что величайшим достоинством свободного предпринимательства является индивидуальная свобода и свобода выбора, сутью корпоративного капитализма является координация усилий. Предполагается, что сотрудники корпорации подчиняют свои ценности и интересы ценностям и интересам корпорации. Корпоративные нормы предписывают ценности и стандарты поведения, которым должны следовать сотрудники, если они хотят сохранить за собой рабочее место. Это особенно относится к служащим, стремящимся продвигаться вверх по служебной лестнице. Корпорация, устанавливающая ценности и стандарты поведения, которые в основном являются приемлемыми для коллектива, поощряет тем самым процессы идентификации и адаптации.

Для «синих воротничков» и мелких служащих, не объединенных в профсоюзы, идентификация, как правило, не служит источником мотивации к труду в той степени, как для более высокооплачиваемых профессионалов и руководителей высшего звена. Первые слишком далеко отстоят от ключевых аспектов деятельности компании. Работа, которую они выполняют, обычно малоинтересна, а вознаграждение не столь велико, чтобы поощрять лояльность и идентификацию. Есть большая разница между желанием сохранить рабочее место за отсутствием других предложений и заинтересованностью в работе, которая возникает благодаря системе воз-

награждения, поощряющей лояльность и отождествление интересов работников с интересами компании.

Промышленно развитые страны как в капиталистическом, так и в социалистическом мире переживают революционные изменения, заставляющие их искать новые подходы к проблемам производства, потребления и распределения. Бурное развитие техники и технологии, а также неспособность лиц, принимающих политические и экономические решения, осуществлять необходимые меры адаптации к технологическим изменениям приводят к тому, что отчуждение приобретает все более широкие масштабы. И это происходит в наше время, когда рабочие получили большую политическую власть, освободившую их от угрозы голода как альтернативы неприятному и унижительному труду. Если не предпринять позитивных усилий по преодолению отчуждения рабочего, экономисты ожидают серьезные проблемы, связанные со снижением производительности труда и ростом безработицы.

Для того чтобы эффективно решить непрерывно обостряющуюся проблему отчуждения и создать новые методы мотивации, необходимо досконально изучить все причины, порождающие отчуждение, и на этой основе предпринять шаги, гуманизирующие мотивацию к труду. Нынешнее глубокое разочарование, вызванное стремительным развитием технологий, обезличивающих производство, а также не менее безликих корпоративных и правительственных бюрократических структур, находит отражение в невротических состояниях, одинаково опасных как для капиталистической, так и для социалистической системы.

Отчуждение может быть следствием целого ряда причин. Однако, чем бы это ни порождалось, оно является препятствием для развития разумного общества с эффективной экономикой. Эффективность предполагает не только высокий коэффициент полезного действия, на что упирает неоклассическая теория. В гуманитарном смысле она также предполагает производство материальных ценностей таким образом, чтобы удовлетворить наиболее насущные потребности человечества.

Фраза «таким образом» имеет важнейшее значение. То, «как» мы производим ценности, удовлетворяющие наши потребности, настолько же важно, как и то, «что» мы производим. Именно слово «как» дает нам ключ к пониманию природы отчуждения. Однако и то и другое понятия выступают как жизненно важные факторы для формирования здоровой личности и общества, построенного на разумных началах.

Рабочие отчуждаются от своих рабочих мест в тех случаях, когда узы, связывающие их с работой, не являются прочными. Рабочие, которые рассматривают выполняемую ими работу как «свою», склонны отождествлять себя с ней в гораздо большей степени, нежели те, кто знает, что могут потерять работу в любой момент в связи с сокращением прибылей корпорации либо внедрением в

производство машин или роботов, которые могут их заменить. Для большинства рабочих их труд является единственным источником дохода, обеспечивающим экономическую основу их жизни. Этот доход так же важен для рабочего, продающего свой труд, как дивиденды — для лица, живущего за счет дохода от вложения капитала. Человек, чье состояние может быть конфисковано властью прережжасими, отчуждается от системы, которая это допускает. Рабочий, чей доход может быть приостановлен лицами, обладающими соответствующей властью, вероятно, всего, отчуждается от нее в той же степени, что и человек, подвергшийся конфискации.

Отчуждение возникает также из-за невозможности принимать участие в выработке решений, влияющих на уровень доходов рабочего, условия его труда и качество производимой продукции или затрагивающих будущее компании. Точно так же отчуждаются от собственности и держатели акций, большинство из которых не могут участвовать в процессе принятия решений, определяющих политику корпорации.

Болезнь отчуждения не миновала и потребителей. Несмотря на то что в условиях рыночной экономики они имеют возможность высказывать свои предпочтения, потребители становятся объектами рекламы, апеллирующей к наиболее податливым струнам человеческой души. Сегодня реклама в значительной мере ориентирована на подростков и молодых людей, которых крайний материализм современной культуры практически лишает возможностей для восприятия основополагающих ценностей, необходимых для физического и умственного здоровья.

Реклама контролирует главный рупор современного общества — средства массовой информации. Способность людей принимать решения, помогающие им вести разумный и здоровый образ жизни, не является врожденной. Они заимствуют ценности из окружающей их культурной среды, а современная культура испытывает на себе мощное воздействие корпоративной рекламы, использующей электронные средства массовой информации и печать.

Источником отчуждения становится и технология — основа материального успеха в современных высокоорганизованных экономиках. Структура фирм, работающих в сфере передовых технологий, неизбежно является сложной, а решения принимаются на основе информации, получаемой от большого числа людей — специалистов по различным вопросам производства, маркетинга, финансовых операций и т. п. Наиболее трудные и важные решения принимаются главным управляющим, как правило, при участии совета директоров, которые значительно меньше осведомлены о текущих делах фирмы.

Главный управляющий в большей или меньшей степени полагается на рекомендации подчиненных и в большей или меньшей степени позволяет им принимать решения. Однако решения, затрагивающие все аспекты деятельности фирмы, не могут делегиро-

ваться экспертам или чиновникам, отвечающим за отдельные участки работы.

За исключением небольшого числа руководителей высшего уровня, служащие фирмы почти не имеют представления о состоянии дел в организации, к которой они принадлежат, и знают только свой, узкий участок работы, составляющий ничтожно малую часть общей структуры. В большинстве своем они отчуждены от гуманитарных аспектов труда, известных и понятных ремесленникам прошлого.

Подобное отчуждение может еще более резко проявляться в социалистических странах, где процесс принятия решений еще более централизован, чем при современном капитализме. К счастью, проблему отчуждения невозможно решить путем возврата к прошлому, ибо к прошлому возврата нет. Однако есть возможности для гуманизации технологии и мотивации к труду, и в этом плане уже приняты определенные попытки.

Участие как источник мотивации в гуманном обществе

Отчужденные люди становятся чужими на празднике жизни. Они танцуют под мелодию, сочиненную кем-то другим, и не могут осмысленно воспринять ее. В этой мелодии присутствует дисгармония ритма, порождающая недовольство или заставляющая людей замыкаться в себе.

В философии экзистенциализма, достигшего наиболее полного расцвета во Франции к концу второй мировой войны, проблема отчуждения занимала центральное место. Экзистенциализм был естественной реакцией на тот период истории, когда в ряде государств, попавших в тяжелое положение вследствие войн и экономических депрессий, пришли к власти авторитарные диктаторы. Во многих европейских странах это явление отражало слабость демократии в условиях монополистического капитализма. В России в нем проявилось крушение полуфеодалного общества.

Жан-Полу Сартру, пожалуй наиболее известному из французских экзистенциалистов, принадлежит фраза, наилучшим образом характеризующая эту философию: «existence precede essence» («существование предшествует сущности») ⁵. Иными словами, смысл жизни (сущность) постигается в мире, постепенно обновляемом людьми (существование и опыт). Сущность не является заранее предопределенной. Напротив, в том что касается смысла нашего бытия, человечество выступает как создатель самого себя.

Сартр полагал, что этот созидательный процесс не должен быть привилегией немногих, подчиняющих себе остальное человечество, как Гитлер в Германии или Сталин в Советском Союзе. Экзистенциалист видит суть отчуждения в отстранении от участия в непрерывном процессе созидания. По утверждению Сартра, ключ

к решению этой проблемы — преодоление мук отчуждения путем всестороннего участия в жизненном процессе.

Хотя психологи и социологи также предупреждали, что то, что мы производим, и то, каким образом мы производим, оказывают глубокое воздействие на личность и общество, многие экономисты рассматривали эти вопросы как лежащие вне экономической сферы. Тем не менее Герберт А. Саймон был удостоен Нобелевской премии по экономике за работу о человеческой мотивации в условиях высокоразвитого индустриального мира⁶.

Саймон выделял четыре фактора, имеющих важное значение для преодоления отчуждения и усиления мотивации: 1) уважение индивидуума к ценностям организации; 2) способность организации удовлетворять его потребности, связанные с работой; 3) возможность устанавливать постоянное взаимодействие между всеми индивидуумами, работающими в организации; 4) способность сводить до минимума жесткое соперничество между членами организации.

Наблюдение профессора Саймона весьма актуально для мира, в котором величине ВНП придается большее значение, чем методам, обеспечивающим его производство. Саймон подчеркивал, что если мы действительно стремимся достичь поставленных экономических целей, мы должны не просто улучшить цифровые показатели, но повернуться лицом к нуждам людей, создающих последние.

В послевоенные десятилетия идея вовлеченности или участия довольно активно обсуждалась европейскими учеными. В своих исследованиях они сосредоточивали внимание на проблеме гуманизации экономических процессов. В более популярной форме эта идея нашла выражение в широко известных книгах Алвина Тоффлера «Будущий шок» и «Третья волна»⁷.

Эксперименты в других государствах предоставляют много новых данных по проблеме гуманизации экономического процесса. Пока еще рано предсказывать наиболее действенные методы ее решения. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что далеко не все эти методы будут одинаково эффективными повсюду в мире, поскольку экономические условия в разных странах различны. Основные факторы, которые должны учитываться при любых попытках гуманизировать экономический процесс, включают историю народа, его культуру, а также стадию экономического развития страны. Подход к проблеме гуманизации должен, таким образом, носить прагматический, а не утопический или идеологический характер.

Уникальным примером гуманизации экономического процесса является японская модель. Эта уникальность естественна, поскольку Япония является единственным азиатским государством, достигшим высокого уровня индустриализации (хотя Корея и некоторые другие страны активно догоняют ее). Китаю требуется несколько десятилетий для того, чтобы приблизиться к японскому уровню производства продукции на душу населения. Доход на душу

населения в Японии уже соответствует уровню, существующему в странах Запада.

Японская система промышленного производства содержит в себе важный элемент мотивации к труду. Отношение к рабочему месту в Японии, отражает культурные и социальные ценности мужчин и женщин, которые его занимают. Отождествление своих интересов с интересами фирмы рассматривается как естественный человеческий подход к труду и выступает жизненно важным элементом любой серьезной теории оптимизации. Производительность не может быть повышена, если люди — наиболее важный вводимый фактор производства — переживают отчуждение.

Жизнь японской семьи строится на основе высокой лояльности и отождествления интересов индивидуума с интересами семейной группы. Структура промышленной организации повторяет основные культурные ценности семейной жизни. Новые сотрудники воспринимаются как пожизненные члены организации, и они проявляют к ней такую же лояльность, как к собственной семье. В свою очередь, фирма проявляет заботу о благосостоянии сотрудников и берет на себя ответственность за обеспечение их пристойным жильем, возможностями для отдыха, охрану их здоровья, дальнейшее повышение уровня образования и квалификации. И фирма и сотрудник рассматривают работу как постоянную — случаи увольнения здесь исключительно редки. Если увольнение все же имеет место, рабочему гарантируется доход, сопоставимый с его заработной платой.

Японские служащие полностью отождествляют себя с фирмой, куда они приходят работать сразу же после завершения формального образования. При этом предполагается, что они связывают с фирмой всю свою профессиональную жизнь. Поэтому в тех случаях, когда они решают поменять работу, им бывает трудно устроиться на новое место, так как в них зачастую видят работников, доставляющих неприятности администрации. Перемещения возможны, но система их не поощряет. В результате служащие рассматривают успех фирмы, где они работают, как фактор, необходимый и для их собственного, личного успеха. По мнению японцев, подобная мотивация составляет важнейший компонент производительности труда.

С другой стороны, для фирмы важной формой мотивации служит ее способность выполнять свои обязательства перед сотрудником. Если служащие увольняются по собственному желанию, это ставит под сомнение репутацию фирмы как ответственного работодателя. Вот почему японские фирмы так заботятся о предотвращении текучести рабочей силы.

Организация профсоюзов Японии также отражает особенности культуры, ориентированной на семейные ценности. Японские профсоюзы защищают интересы предприятия в целом, а не отдельных профессиональных групп. При объединении в союз происходит

объединение фирм, а не профессиональных навыков сотрудников. Профсоюзы существуют не для того, чтобы защищать рабочие места — последние практически гарантированы работникам. Они существуют, чтобы представлять интересы рабочих и служащих в системе, где трудящиеся, управленцы и правительство сотрудничают друг с другом в целях наращивания производительности труда. Профсоюзы добиваются повышения заработной платы, не выходя за рамки существующих экономических возможностей. Забастовки весьма редки, а связанная с ними потеря времени составляет лишь около 2% от соответствующего показателя в США.

Стабильность занятости в японской системе не только является фактором мотивации к труду, но и влияет на готовность адаптироваться к изменениям. Внедрение новых технологий не вызывает сопротивления, связанного со страхом перед сокращением рабочих мест. Японская система ориентирована на защиту занятости рабочих и служащих при условии, что последние соблюдают определенные стандарты эффективности. Все это требует взаимодействия правительства, администрации фирм и профсоюзов (там, где они существуют) или рабочих и служащих (если профсоюза нет). (В профсоюзах объединены примерно 30% общего числа рабочих и служащих.)

Японская система подвергалась критике в связи с недостаточной мобильностью рабочей силы. На самом деле мобильность в японской системе довольно высока, но перемещения осуществляются не столько между фирмами, сколько внутри них. Как и в других высокоразвитых странах, основные отрасли промышленности в Японии представлены небольшим числом компаний. Эти компании действуют на всей территории Японии, а также во многих других регионах мира. Руководство компаний проводит политику, направленную на то, чтобы дать своим служащим возможность расширить знания и опыт, поощряя их работу в различных подразделениях предприятия.

Японская структура организации является уникальной и еще в одном смысле, имеющем отношение к мотивации. Решения принимаются не единолично, а коллегиально, путем согласования мнений различных комитетов. Такие комитеты действуют на всех оперативных уровнях и решают технические и социальные вопросы, вопросы, связанные с оплатой труда, а также прочие проблемы в сферах, где люди взаимодействуют друг с другом.

Подобный подход отражает японскую традицию семейных советов, где все члены семьи участвуют в принятии решения. Исторически он берет начало в практике японских деревенских советов, в деятельности которых принимали участие все семьи.

Японская система, с ее гарантиями занятости, выраженным отождествлением интересов работников с интересами фирмы и высоким уровнем их вовлеченности в процесс принятия решений, способствовала гуманизации мотивации к труду в этой стране, но

не имеет аналогов в культурной традиции США. В американской культуре преобладает индивидуализм, а значение группы приижено. Хотя наиболее распространенной религией в стране является христианство, средний американец не считает себя ответственным за судьбу своих собратьев. Социальные и организационные отношения в основном носят договорный характер и не связаны с семейными отношениями, как в Японии.

Гуманизировать мотивацию в странах западной культуры можно только с помощью методов, берущих начало в этой культуре. В следующей главе данный вопрос рассматривается более подробно, в контексте экономики США. Здесь же имеет смысл бегло остановиться на других примерах попыток гуманизации мотивации и повышения производительности труда.

Хорошим примером в этом плане могла служить Югославия, однако вовсе не потому, что она достигла успехов в создании гуманной экономики, а потому, что, отрицая социализм как проявление деспотической власти, эта страна избрала свой, особый путь к социализму. Маршал Тито, долгое время возглавлявший Югославию, считал сталинизм отступлением от марксистско-ленинского социализма. При этом важно, что югославы искали новые подходы, стремясь избежать угрозы деспотизма, который они считали несовместимым с их социалистическими идеалами.

В стране появились новые лозунги, а в июне 1950 года Национальная ассамблея Югославии приняла новый закон, получивший известность как «Закон о рабочем самоуправлении». По всей видимости, югославские теоретики были убеждены в том, что в соответствии с марксистской концепцией государство в будущем «отомрет». Их теории представляли собой форму свободнорыночного социализма, но в отличие от капиталистической модели не основывались на естественном законе и теории равновесия.

Новые лозунги звучали почти утопично, но в них был заложен и свой смысл. «Дебюрократизация», «децентрализация» и «рабочее самоуправление» — все эти идеи в 1950 году несли в себе больше идеализма, чем реализма, однако свидетельствовали о признании взаимосвязи между человеческими потребностями и экономическими целями — то есть того факта, что цель не оправдывает средства ни при капитализме, ни при социализме.

Существуют противоречивые мнения об эффективности этой системы. Скорее всего, она делает лишь первые шаги, и, прежде чем можно будет говорить о ее успехе, ей придется претерпеть значительные изменения. С точки зрения эволюции человека и общества это эксперимент, из которого мы можем извлечь определенные уроки.

Наблюдая, как различные страны решают проблему участия, мы должны иметь в виду, что люди отнюдь не равны в физическом, умственном и эмоциональном отношениях, а также с точки зрения их профессиональной подготовки, опыта и лидерских качеств. По-

этому степень участия не может быть одинаковой для всех. Главное в том, чтобы каждый человек был реально вовлечен в процесс принятия решений и чтобы его труд не сводился к выполнению чисто механических функций, а обогащал его живым и подлинно человеческим опытом.

11. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ В БОЛЕЕ ГУМАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Человеческие ценности и социальные ориентиры

Такие ценности, как свобода и справедливость, лишаются всякого смысла, если они воспринимаются в идеологическом вакууме. Между ценностями и ориентирами существует такая же взаимосвязь и взаимозависимость, как и между индивидуумом и обществом. Если возникнут такие человеческие ценности, которые не учитывают в достаточной степени благосостояние общества, это поставит под угрозу будущее человечества. С другой стороны, если социальные ориентиры определяются без должного учета физиологических и психологических потребностей индивидуума, мы будем деградировать как человеческие существа.

XIX век породил экономические теории, которым, к сожалению, не хватало этого понимания жизненно важной связи между индивидуумом и обществом. В результате этого ценности и социальные ориентиры формировались хаотичным и иррациональным образом. Социальные ориентиры свободной рыночной экономики, например, исходили из того, что мир, включая экономику, управляется естественными законами, которые некоторым образом удовлетворяют потребностям человечества. Предполагалось, что эти же естественные законы способны удержать людей от нанесения вреда окружающему миру в его социальном и физическом понимании.

Если же регулирование взаимоотношений между индивидуумом и окружающим миром в этом его двойном понимании не может быть доверено естественным законам рынка, тогда на основании чего оно должно строиться? Иными словами, каков должен быть набор ценностей и социальных ориентиров, с тем чтобы они составляли целостный баланс? Вот в чем состоит главный вопрос, а ответ на него заключен в нашем знании человечества и окружающего нас мира.

Фундаментальным свойством процесса эволюции является феномен адаптации или приспособления. Шансы организма выжить зависят от его способности адаптироваться к переменам в окружающей среде. В условиях изменения окружающей среды со временем организмы, которые воспроизводят себя в следующих поколениях с внесением значительных изменений, имеют лучшие шансы выжить как вид, нежели те, которые не способны на это.

В процессе естественной эволюции именно микрокосм, а не макрокосм, должен адаптироваться, если он, конечно, способен на это.

В процесс естественной эволюции человечество добавило новое, собственное измерение. Человеческое общество и культура являются динамичными элементами, в отличие от культуры других живых существ. Последние являются статичными и претерпевают изменения только совместно с естественным процессом эволюции. В то время как проблема существования других живых существ имеет в своей основе адаптацию к изменениям в окружающем мире, на который они не могут оказывать влияния, в основе существования человеческого сообщества заложены гораздо более сложные факторы. Мы располагаем существенными возможностями воздействия на окружающий мир в его физической и социальной субстанции. С тем чтобы выжить как человеческие существа, мы должны решать двойную задачу: приспособливаться к происходящим ускоряющимися темпами изменениям в окружающей среде, за которую мы несем ответственность, и контролировать эти изменения, чтобы они не входили в противоречие с нашими физиологическими и психологическими потребностями.

Как и все живые существа, мы имеем унаследованные стремления. Мы одновременно являемся индивидуумами и социальными существами. Часто наши стремления как рефлексы индивидуумов или как социальных существ входят в противоречие, создавая проблемы, свойственные только человеку. Наши инстинкты и рефлексы самосохранения, голода и физического удовольствия могут вступать в прямое противоречие с социальными рефлексами семейной жизни и общественных отношений. Наша полноценная жизнь как человеческих существ зависит от способности научиться достигать равновесия и гармонии наших индивидуальных и социальных инстинктов и рефлексов.

Утилитарная вера в то, что если всем индивидуумам будет позволено стремиться к достижению собственных интересов, то результатом будет наибольшее благо для наибольшего их числа, является или в корне неправильным кредо, или гигантским упрощением. Наибольшее благо для наибольшего числа людей может являться результатом этой теории только при одновременном условии, что рефлексы человека как индивидуума и как социального существа естественным образом находятся в гармоничном состоянии.

Противоречия между индивидуальными и социальными проявлениями присутствуют в любой социальной организации. Такие конфликты существуют в семьях, в экономических организациях, в политических организациях, в религиозных сообществах. Если каждому человеку позволить следовать импульсам индивидуума без подчинения ограничениям, налагаемым группой в целом, то возникнут враждебные отношения, опасные и для индивидуума, и для группы.

Группа или организация живет собственной жизнью, отдельной

от жизни индивидуумов, составляющих ее. Семейная ячейка, состоящая из двух родителей и двух детей, таким образом включает в себя четырех индивидуумов, каждый из которых обладает индивидуальными и социальными рефлексами. Если эти проявления направлены на конструктивные отношения сотрудничества, то индивидуумы и семейная ячейка продолжают совместное существование — и в фактическом, и в формальном плане. Если же, однако, индивидуумы имеют возможность следовать своим рефлексам без всяких ограничений, конфликтующие рефлексы могут разрушить семейную ячейку — по крайней мере в фактическом, если и не в формальном, плане. Хотя члены ее продолжают существовать, семейная ячейка как таковая прекращает свое существование и ее преимущества утрачиваются независимо от факта формального развода.

Поскольку семейная ячейка и все другие организации людей являются структурами, которые сами же они строят, мы всегда должны помнить о необходимости взаимной адаптации. Мы также должны помнить о *последствиях* адаптации. Если мы хотим выжить как человеческие существа, а не как, скажем, полуроботы, то должны уделять огромное внимание тому, чтобы понять характер создаваемой нами организации, к условиям которой мы должны будем приспосабливаться.

Основой для выживания людей как индивидуумов является императив создания только таких организаций, которые могут адаптироваться к нашим физиологическим и психологическим потребностям. Не менее важен императив нашей адаптации к потребностям организации, в рамках которой предполагается наша успешная деятельность.

Эти соображения относятся не только к организациям социального плана, но и к окружающей среде в физическом плане. Ядерный век и космический век являются монументами наших достижений в качестве мыслящих существ, но мы можем также создать самим себе век отходов, если не сможем оградить от ущерба окружающую среду.

В своей борьбе за выживание и, сверх этого, за достойную жизнь человечество руководствуется ценностями и социальными ориентирами. Эти ценности эволюционируют во времени и основаны как на опыте, так и на надеждах и мечтах. Ценностью, унаследованной нами от естественной эволюции как живыми существами, является выживание. Как мыслящие человеческие существа, мы, однако, внесли изменения в естественный процесс эволюции. По мере установления контроля над окружающей нас средой мы добавляли другие ценности к основной ценности — выживанию. По мере накопления материального благосостояния и создания организацией социального, политического и экономического плана мы брали на вооружение ценности, отражающие наши взгляды на то, что есть «правильно» или «неправильно» в плане наших взаимоотно-

шений с другими, а также с окружающей нас средой. Эти ценности относятся к понятиям здоровья, работы, удовольствия, благосостояния, семейных отношений, социальной ответственности, гражданства и т. д. В идеале они должны служить улучшению качества жизни.

Упорная работа и бережливость сыграли важную роль в создании богатства в условиях капитализма XIX века. Протестантизм стал инициатором и адвокатом этих ценностей, создавших избыток, перелившийся в средства производства, ставшие источником экономического роста и благосостояния.

Упорная работа и бережливость не вменялись в равной степени всем членам общества. Подразумевалось, что они не ожидалась от высшего класса общества. Этот класс должен был обеспечивать лидерство. От низших классов, в свою очередь, не ожидалась бережливость, кроме как в той степени, в которой она позволяла им выжить. Бережливость не могла выйти для них за эти рамки. От них ожидалась упорная работа, но это вообще происходило в силу отсутствия иных возможностей обеспечить себя пищей. Поскольку заработная плата в этих классах общества обычно едва обеспечивала прожиточный минимум, а зачастую была ниже его, рабочие считали упорный труд не столь уж большой добродетелью, в отличие от их работодателей. Средний класс старого образца, «рыцари» эпохи капитализма, которые были основными участниками всех его битв, настолько были привержены упорной работе и бережливости, что эти качества стали основными добродетелями той эпохи.

Для высших классов и предпринимателей из рядов среднего класса эти ценности были, несомненно, выгодны, и их нужды были удовлетворены. Низшие в экономическом плане классы, составлявшие костяк наемного труда, отнюдь не процветали в такой же степени. Низкая заработная плата, отсутствие гарантии занятости, постоянные заботы о хлебе насущном и почти полное отсутствие возможностей для самореализации приводили к практически полному игнорированию психологических потребностей. Виски зачастую заменяло собой ценности, присущие достойному существованию.

Обстановка XIX века порождала враждебность между рабочими и работодателями. Однако система выжила, поскольку в XX веке она смогла в определенной степени адаптироваться к потребностям рабочих. Возникновение современных корпораций и современных профсоюзов принесло перемены, снизившие враждебность и расширившие круг пользователей благами экономического развития. Общие размеры «экономического пирога» также выросли. Несмотря на усилия по исправлению положения, некоторые проблемы, однако, остались. Большинство рабочих по-прежнему погружены в заботы о хлебе насущном и имеют мало возможностей для самореализации или сталкиваются с полным их отсутствием. В наши дни их физиологические потребности удовлетворяются

гораздо лучше, но их психологические нужды остаются нерешенными.

Неудовлетворенность психологических потребностей в сочтении с гарантиями занятости, появившимися потому, что правительства взяли на себя большую ответственность за общее благосостояние, породила новые проблемы. Рабочие более не могут быть *принуждены* к упорной работе с продолжительным рабочим днем, поскольку от этого их выживание более не зависит. В результате этого в целях обеспечения поступательного реального экономического роста необходимо изыскивать новые мотивации для напряженного и производительного труда.

Для класса менеджеров мотивацией является вознаграждение психологического характера в форме доступа к принятию решений и возможностей для творческой самореализации и новаторства. Равным образом также и для рабочих сейчас необходимо найти мотивации посредством удовлетворения не только их физических, но и психологических потребностей. Во многих странах мира проводятся эксперименты, нацеленные на поиски решений проблем мотивации человека к труду.

Должно быть совершенно ясно, что гармония между индивидуумом и обществом может существовать только в том случае, если ценности и ориентиры определяются таким образом, что взаимоотношения между индивидуумом и обществом удовлетворяют *обе стороны*. Каждый человек должен получать физиологическую и психологическую «подпитку» от общества, а общество должно основываться на человеческих ценностях. Только в случае наличия взаимной поддержки могут общество и индивидуум сосуществовать в условиях прочной гармонии. Сегодня это пока не достигнуто, в результате чего активная или скрытая враждебность стоит на пути гармонии.

Роль рынка

Экономисты классической школы рекомендовали, чтобы каждый человек имел возможность стремиться к удовлетворению своих собственных интересов в условиях свободного рынка. Они недооценивали значение человеческих ценностей и социальных ориентиров в создании гармонии и равновесия. Они признавали только те ценности и ориентиры, которые были связаны с процессами оптимизации экономики. Однако даже в этом отношении они не смогли реалистичным образом рассмотреть проблему воздействия экономических процессов на индивидуумов и общество. Некоторые из классиков отдавали себе отчет в проблемах, возникающих при рассмотрении индивидуумов и общества, исключительно как экономических единиц, то есть без должного учета внеэкономических потребностей. К сожалению, такое понимание не

нашло отражения в ортодоксальной экономической теории и политике.

В результате такого узкого подхода к жизни, свойственного традиционным экономистам, большая часть мира живет иллюзией, что свободное стремление без всяких ограничений к удовлетворению эгоистических, безответственных интересов может привести к прогрессу человечества. Этот странный вывод основан на вере в то, что естественный закон, принявший форму свободного рынка, может автоматически создать социальную гармонию.

Насколько свободный рынок оказался не в состоянии оправдать надежды экономистов классической школы, настолько же естественные законы не смогли сохранить его в первоизданной чистоте. В результате оппоненты капитализма сделали его объектом презрения за его извращения, добавив затем новый объект презрения, который они считали основой капитализма, — рыночную систему.

Хотя рынок и играет жизненно важную роль в процессе адаптации, упование только на него как на главный регулятор экономических процессов препятствует достижению важных социальных ориентиров и гармонии. Функционирование рынка в XIX веке основывалось на верховенстве закона джунглей. Концепция чистой конкуренции была основана на наивной вере в то, что власть не играет роли в процессе принятия экономических решений. В результате во имя конкуренции работодатели эксплуатировали рабочих, а фирмы — друг друга.

В качестве главного регулятора рынок страдает серьезными недостатками, наносящими ущерб как индивидуумам, так и обществу в целом. Когда рынку позволяют задавать тон, индивидуум, равно как и фирма, теряет контроль за принятием экономических решений. Как сказал Эндрю Карнеги, в экономике, где все решения выносятся рынком, отсутствие расширения означает регресс.

Если какая-либо фирма, действующая на таком рынке, нацелена на расширение, все другие фирмы должны следовать той же линии. Иначе они в конечном итоге будут прикончены тем, что именуется монополистической конкуренцией. Именно это, несомненно, и произошло в большинстве отраслей, где выжило только небольшое число фирм.

Одна из опасностей системы, не имеющей трансцендентных к рынку социальных ориентиров, заключается в том, что индивидуумы утрачивают контроль за своей судьбой и вынуждены играть роли, детерминированные рыночными силами, безразличными к неэкономическим нуждам индивидуума и общества. В таком мире мы становимся пассивными свидетелями прогресса, измеряемого в чисто физических единицах, что оставляет неудовлетворенными наши прочие потребности как человеческих существ. В результате мы становимся неспособными разумным образом решать проблемы окружающей нас физической и социальной среды, частью которой мы сами являемся.

Тот факт, что рынок не может полностью удовлетворить все основные потребности индивидуума и общества, вовсе не означает, что интересы человека наилучшим образом удовлетворяются нерыночной экономикой. Однако традиционная концепция рыночной экономики является наивной и лишенной реализма¹. Некоторые экономисты уже стали рассматривать функции рынка в новом, более сложном понимании. В то время как традиционные экономисты все еще верят, что саморегулирующийся рынок является преобладающей альтернативой для принимаемых людьми решений, более реалистическая интерпретация функций рынка гласит, что они должны играть основную роль в регулировании экономики, но они не являются и не должны быть *единственным* регулятором.

В какой степени экономические решения, коррективы, а также адаптация индивидуума и общества могут быть представлены механизмом саморегулирующегося рынка? В какой момент рыночные механизмы перестают быть регулятором? Для экономики, целью которой является достижение гармонии между индивидуумом и обществом демократическим способом, эти вопросы являются фундаментальными.

Для отыскания ответа на эти вопросы мы должны бросить взгляд на эволюционные процессы в природе. До того как в процессе эволюции появились люди как мыслящие существа, все процессы адаптации происходили естественным образом, без всякого вмешательства со стороны живых существ. Природа не дорожит отдельным существом и жертвует им для сохранения вида. (Отдельные существа пожирают друга друга.) Даже целые виды могут исчезнуть, когда их способность адаптироваться к переменам становится недостаточной.

У всех живых существ, кроме человека, сигналы возникают в ходе естественного процесса физического существования. Сигналы, свидетельствующие об отклонении от норм, вызывают естественные реакции, которые либо восстанавливают норму, либо убивают живое существо. Так действует природа.

Эта концепция проникла в классическую экономическую науку и служит описанию классического рынка. В таком рынке норма автоматически восстанавливается либо посредством адаптации, либо через вынужденное прекращение существования нежизнеспособной единицы (субмаргинальной фирмы).

Выйдя за пределы чистой природы, человечество добавило новое измерение к процессу отклонения от нормы, равно как и к механизму реагирования. К своим физиологическим нуждам мы добавили специфические психологические нужды, и мы также создали только нам свойственный процесс адаптации и уничтожения. Это нашло свое отражение в современной организации. Она не является чистым и естественным рынком. Это рынок, сконструированный нами отнюдь не в согласии с естественными законами, а в соответствии с нами же созданной окружающей средой.

По мере нашей эволюции в качестве разумных существ мы развивали способности вносить улучшения в естественный процесс в той степени, в которой это касалось качества жизни. Сегодня качество жизни определяется партнерством природы и человечества. Каждый из этих партнеров наделен функцией, которую необходимо понимать в контексте выживания.

Каковы же эти функции? Человеческое тело обычно способно на автоматические корректировки в ответ на *нормальные* отклонения от физиологического и психологического равновесия, именуемого хорошим здоровьем. Тело посылает автоматические сигналы, такие как дрожь или сыпь, которые предупреждают человека об отклонении от нормы. Если только эти сигналы не являются проявлением резких отклонений, тело сохраняет способность вносить необходимые коррективы. Тело, однако, не может внести необходимые коррективы, когда эти отклонения становятся радикальными. Примером может служить бактерия, против которой тело не может выработать иммунитет. Потеря конечности в результате несчастного случая представляет собой другой пример радикальных изменений.

Отклонения в социальной, политической и экономической функциях общества обнаруживаются таким же образом, каким они выявляются в физиологических и психологических функциях индивидуума. В обоих случаях подход к нормальным отклонениям и к радикальным отклонениям требует различных методов.

В рыночной экономике некоторые из сигналов в ответ на отклонения от нормы генерируются, как правило, рыночным механизмом. Иногда эти сигналы свидетельствуют о нормальных и предсказуемых отклонениях; иногда они указывают на радикальные отклонения и серьезные проблемы. Какую форму принимают эти сигналы? Рынок генерирует их в виде таких переменных, как цены, объем производства, прибыль и процентные ставки.

Не все отклонения от нормы могут быть выражены этими типичными рыночными сигналами. Некоторые отклонения от нормы — например, рост или сокращение дефицита федерального бюджета — не выражаются сигналами в форме обычных экономических переменных рыночного характера. В своей «Общей теории» Кейнс назвал их автономными, нерыночными переменными².

Однако современный рынок все равно остается рынком, и он играет свою роль в процессе адаптации. Он выполняет свою функцию плохо в том случае, если от него ожидают больше или меньше того, что он может дать.

Что может и что не может сделать рынок в процессе адаптации? Рынок посылает сигналы в случаях отклонения от нормы. Иногда, когда отклонения невелики, рынок может осуществить процесс приспособления.

Существуют такие отклонения от нормы, которые скорее возникают автономно, нежели вызываются рыночными силами. Отме-

ченная Кейнсом ожидаемая прибыль (предельная эффективность капитала) является примером этого. На нее оказывают влияние факторы, находящиеся за пределами рынка. К ним относятся войны, другие международные события, политические перемены, международная конкуренция, резкие изменения производительности, а также резкие технологические перемены. Это результаты деятельности человека и его усилий по контролю над природой в процессе создания рукотворной окружающей среды. «Чистый и естественный рынок» не смог бы здесь помочь, даже если бы таковой существовал, поскольку отклонения вызваны факторами, лежащими за пределами рынка.

Хотя рынок не может выправить такие автономные отклонения, он полезен тем, что сигнализирует об их наличии. Это очень важно для процесса адаптации. Когда отклонения от нормы носят радикальный характер, рынок не способен обеспечить процесс корректировки, будь такие отклонения результатом действия рыночных сил, автономных факторов или комбинаций того и другого. Если, например, быстрые и радикальные технологические изменения нарушают баланс между предложением рабочей силы и спросом на нее, рыночные силы просигнализируют об этом снижением спроса на работников отживающих профессий ввиду резких и быстрых технологических изменений. В настоящее время миллионы работников стали безработными в результате такого резкого отклонения от нормы.

Рыночные силы не способны внести необходимые коррективы за достаточно короткие промежутки времени и, возможно, не способны на это вообще. Прогресс человечества носит слишком быстрый характер, чтобы за ним могли угнаться те медлительные перемены, обеспечение которых является уделом каждого отдельного индивидуума, преследующего свои собственные цели. В таких условиях приспособление может так и не состояться, поскольку на месте проблем и отклонений возникают новые проблемы еще до того, как решаются старые.

Человечество как создатель своей собственной окружающей среды не может отдать результаты научно-технических революций на волю случая или судьбы. Именно так монстр доктора Франкенштейна уничтожил своего создателя.

Мы должны, скорее, научиться использовать наши благоразумие и интеллект для предвидения тех изменений, которые будут иметь место в будущем как результат наших научных и технологических новшеств. Многие из этих изменений предсказуемы. Способность адаптировать окружающую среду к человеку и человека к окружающей среде зависит от нашей решимости планировать будущее и готовиться к нему.

Роль предвидения и планирования

«Почему же тогда, несмотря на все эти усилия, система выходит из-под контроля? Проблема не только в том, что слишком малы масштабы планирования, но и в том, что качество его убого».

Alvin Toffler «The Future Shock»

Планирование существует и в США и было в СССР. В обеих странах его успеху в качестве средства гуманизации жизни мешают серьезные препятствия. В Советском Союзе основным препятствием было отсутствие адекватной и эффективной рыночной системы, дающей информационные сигналы планировщикам, без чего успешное планирование невозможно. В Соединенных Штатах планирование затруднено эмоциональным отношением, которое отвергает социальное планирование как надлежащий метод подготовки к будущему. Оно неохотно соглашается на планирование как на неизбежное зло для решения проблем, принявших угрожающие размеры. Такие проблемы обычно являются результатом отсутствия планирования для их предупреждения.

Расчистка трущоб является примером планирования после того, как ущерб уже имел место. Трущобы — это не просто пришедшее в негодность жилье. Это вместилище человеческой деградации, и они могут быть даже названы социальной болезнью. Трущобы являются результатом экономических решений, продиктованных близорукими подсчетами затрат и выгод. Ради немедленной максимизации прибыли игнорируются затраты, которые возникнут в долгосрочной перспективе. Чтобы не допустить появления трущоб, экономические решения должны основываться на долгосрочных планах, учитывающих социальные издержки будущего.

Раз уж мы допустили появление трущоб, решение проблемы становится гораздо более сложным, чем ее профилактика. Профилактические меры при их разумном применении в перспективе гораздо дешевле, нежели система, позволяющая болезни развиваться неконтролируемым образом, а затем вступающая в борьбу с ней радикальными средствами, нередко запоздалыми и неспособными устранить источники постоянного ущерба для общества.

Когда трущобы уже существуют, планирование их расчистки становится непростым делом. Экономическая проблема обрастает серьезными социальными и политическими затруднениями. Обитатели трущоб обычно имеют более низкий, по сравнению с другими гражданами, уровень здоровья, образования, подготовки, мотивации, готовности, политической грамотности, социальной ответственности; у них выше уровень враждебности и склонности нарушить закон. Многие обитатели трущоб привыкают к постоянной жизни на пособие, поскольку они не получили никакой квалификации и

не готовы в физическом, мировоззренческом и эмоциональном плане к производительной работе.

Чтобы стать успешными, программы расчистки трущоб должны включать в себя социальное планирование в интересах реабилитации их обитателей и их подготовки к активной и социально полезной жизни. После того как ущерб от наличия трущоб уже проявился, реабилитация нередко становится бесполезной; чаще всего ее даже не пытаются осуществить. В результате многие программы расчистки трущоб заканчиваются провалом. Пришедшие в негодность здания заменяются новыми, но реабилитационная работа либо невелика, либо вообще отсутствует, а экономические возможности весьма скромны. В результате расчистки трущоб возникают новые дома, но деградация остается. Через пять — десять лет вновь приходят в упадок и сами дома, поскольку обитатели трущоб заботятся о них не в большей степени, чем они заботятся о себе.

Многие социальные программы завершаются тем же, что и расчистка трущоб, поскольку мы планируем слишком мало и слишком поздно. Однако существует другой фактор, который в прошлом практически перечеркивал возможность разумного долгосрочного планирования в интересах гуманизации общества. Промышленная революция сопровождалась развитием социально-философского феномена, именуемого технократией и ориентированного в первую очередь на производство материального богатства. На практике, а иногда и в теории человеческие ценности и потребности зачастую оказывались подчиненными этой задаче.

Можно выдвинуть аргумент, что Маркс и говорил открыто, а Рикардо подразумевал, что развитию личностного должен предшествовать период, в котором высший приоритет отдается накоплению богатства. Это не означает, что пороки капитализма XIX и социализма XX веков являются обязательным компонентом накопления богатства. Однако, в соответствии с Марксом, это означает, что периоду подлинного развития человека должна предшествовать такая система, как капитализм, в которой основной акцент делается на накопление богатства.

Хотя словарь определяет технократию как управление посредством специалистов, функциональное определение технократии — это социальная структура, нацеленная на создание и максимизацию богатства. Технократическое планирование не уделяет должного внимания гуманизации общества и созданию баланса между индивидуальными потребностями и социальными, необходимого для сохранения индивидуума и общества.

Целями-близнецами технократии, сведенными воедино промышленной революцией, стали накопление богатства и создание военной мощи. Ее безразличие к человеческим потребностям является ее единственной ее слабостью. Стремление к максимизации богатства настолько сильно, что при этом игнорируются возможные последствия для будущего человечества. Предвидение ей почти не

свойственно, а социальное сознание напрочь отсутствует. Такая философия проникла в неоклассическую экономическую науку, и та в своих моделях не считает надобностью учитывать время. Она также считает все ценностные оценки, касающиеся индивидуума и общества, абберациями, которым не место в экономической науке. Экономика как общественная наука опустилась до нижнего предела, когда она стала строить свои теории на принципах технократии.

Технократическое планирование также страдает и от третьего свойственного ему недостатка. Будучи равнодушным к нуждам человека и окружающей среды, оно порождает бюрократию, в которой планировщики — социалистические или корпораций — уделяют слишком мало внимания тем, чьи жизни они планируют. Для успешного планирования необходимо аккумулировать информацию от потребителей, местных жителей, рабочих, а также от людей, живущих в других частях мира, на жизнь которых могут повлиять эти планы.

Рынок, если он работает эффективно, обеспечивает обратную связь с потребителями, что помогает производителям реагировать на материальные потребности людей. Это отвечает технократической цели максимизации богатства в капиталистических странах, где продукт необходимо сбыть потребителю, желающему его приобрести, а также в бывшем Советском Союзе, где планировщики не могли совсем абстрагироваться от желаний потребителей, поскольку в этом случае они будут производить слишком много или слишком мало пользующихся спросом товаров.

Не менее важные психологические потребности людей типичная бюрократия также игнорирует. Планировщики сосредотачиваются на объемах производства, а не на потребностях рабочих и потребителей. До недавнего времени это было так во многих капиталистических и социалистических странах, поскольку и те и другие были преданы идеалам технократии.

В последние десятилетия некоторые желательные изменения все-таки произошли, что указывает на рост внимания к потребностям человека и окружающей среды. Это было вызвано двумя важными факторами. Во-первых, сейчас в некоторых кругах появилась осознание того, что технократическое планирование с его пренебрежением к психологическим потребностям человека и к окружающей среде в эпоху быстрых перемен вплотную подвело нас к потере контроля за процессом принятия решений.

Вторым фактором, раскрывшим миру глаза на технократическую дилемму, является гигантское развитие науки и техники, приведшее нас в век атома и космоса. Мы получили возможность уничтожить все в пределах нашей досягаемости, включая человечество и окружающую среду. В то же самое время мы не смогли создать политическую систему, которая позволила бы нам контролировать созданную нами мощь. Лишенная контроля, такая мощь

может служить только делу уничтожения. Будучи подконтрольной и поставленной на службу человека, она может стать источником улучшения жизни.

Существуют признаки того, что изменение подходов может сделать технократическую эру пройденным этапом (по моральным соображениям она давно является таковой) и привести к появлению более гуманных подходов к производству богатства. Ряд ведущих университетов создал институты, задача которых — поиски решения проблем, порожденных игнорированием потребностей человека и общества. Они только начали изучать самые поверхностные явления, но по крайней мере это свидетельствует об осознании существующих проблем.

В некоторых странах Западной и Восточной Европы, а также в Японии проводятся эксперименты в той области, которая носит название «демократия участия». Во Франции, Германии и Венгрии уделяется большее внимание психологическим потребностям работников и человека вообще, чем где и когда-либо с тех пор, как технократия захватила в свои руки дело экономического развития.

В Советском Союзе после завершения эры сталинизма произошли значительные перемены. Процесс принятия решений стал менее централизованным, и больше внимания уделялось обратной связи на основе информации с мест.

Какие же конкретные свершения привели к настоящему восстанию против технократических структур власти во многих частях мира? Поразительные прорывы, начавшиеся в 30-х годах, привели к тому, что сегодня достижения промышленной революции выглядят так же, как во время ее расцвета выглядели лошадь и телега. Солнце и атом могут в потенциале стать неограниченным источником энергии; новые достижения науки позволяют нам по-новому взглянуть на мир времени и пространства; новые теории квантовой электроники, а также сбора информации и программирования произвели революцию в технологии принятия решений; океаны стали источником энергии и ресурсом будущего; генетика и геновая инженерия начинают оказывать влияние на развитие человека и производство продовольствия; и, наконец, научные открытия, еще только зреющие в лабораториях, тем или иным образом изменят и другие, наиболее консервативные, способы производства и распределения.

Огромный объем ресурсов, новых и лучшего качества, и радикальное улучшение способов их использования, что уже не за горами, дадут нам возможность воплотить величайший идеал — гуманизацию жизни и создание совершенного общества.

Наша основная проблема — дожить до этого. Наши шансы на выживание и гуманизацию значительно повысятся, если мы будем использовать рыночную систему и планирование так, чтобы потребности человека, общества и окружающей среды получили

высший приоритет. Человечество должно перерасти рамки технократии как можно скорее.

Рынок и планирование в посттехнократическом обществе

Борьба за рынок — право продавать и покупать без вмешательства государства или церкви — была всеобъемлющей политической целью купцов и предпринимателей, участников «битв» промышленной революции. Экономика совершила переход от этапа, где рынок играл весьма незначительную роль, а потребители сами производили большую часть необходимых им товаров и услуг, к этапу, на котором рынок стал гигантской глобальной сетью, сводящей вместе посредством прямых и косвенных контактов всех людей Земли. Производители и потребители были разделены на две четкие группы, а затем посредством сложной системы рынка они вновь были сведены вместе.

Рынок возник в качестве структурной основы культуры и политики Запада. Концепция рынка стала запутанной, когда экономисты классической школы стали наделять его качествами, свойственными ему только в очень специфических обстоятельствах.

Хотя рынок не оправдал чаяний экономистов классической школы, которые узрели в нем проявление экономических законов, уходящих корнями в законы природы, он стал структурной основой экономического развития как в капиталистических, так и в социалистических странах. Этот факт становится очевидным, стоит нам только отойти от нефункционального классического определения рынка.

Структура производства может определяться различными способами. Она может планироваться центральным правительством и осуществляться наемными управляющими; она может планироваться руководством корпорации в глобальном масштабе для отраслей, где доминирует их фирма (одна или вкуче с небольшим количеством других фирм); или же она может планироваться менеджерами небольших фирм в децентрализованной отрасли.

Вне зависимости от той или иной структуры рынок выступает в качестве поля для контактов производителей и потребителей, без чего не могут обойтись хозяйства, основанные на специализации и торговле. Некоторым экономистам трудно согласиться с тем, что плановая экономика, такая как была в Советском Союзе, имеет в своей основе рыночную структуру.

Рынок является гораздо более сложным явлением, нежели его упрощенная трактовка, встречающаяся в традиционной экономической теории. Для понимания рынка его необходимо анализировать в аспектах его социального, политического, экономического и технологического воздействия. Это можно легко продемонстрировать, если принять во внимание следующее обстоятельство. Се-

мейные ячейки являются источником предложения, чьи физические, психологические и умственные потребности необходимо удовлетворять должным образом, если им отводится роль созидателей.

Фирмы производят товары и услуги, которые оказывают воздействие не только на потребителей, но также и на окружающую среду, и на будущие поколения. Производители и потребители образуют электорат и налогоплательщиков, которые оказывают воздействие на качество правительства. Правительство, в свою очередь, оказывает воздействие на производителей и потребителей, а также на окружающую среду и на качество жизни в настоящем и будущем.

Инвестиции американских транснациональных корпораций в любой части мира оказывают воздействие на наше будущее — не только в сфере экономики, но и относительно качества нашей жизни в целом. Эти корпорации производят инвестиции для обеспечения себя ресурсами, рынками сбыта и производственными мощностями. Политические и экономические последствия таких инвестиций налагают ответственность на будущие поколения в плане ведения войн во имя патриотизма, улучшения окружающей среды или выплаты долгов предшествующих поколений.

Такие экономические решения транснациональных корпораций оказывают влияние и на население тех регионов, в которых производятся эти инвестиции. Они часто оказывают воздействие на их социальные и политические структуры, а также на их культурные ценности. Это, в свою очередь, оказывает воздействие на политику тех государств, в которых данные корпорации зарегистрированы. Игнорируя все эти взаимосвязи и накапливающиеся со временем социальные издержки, традиционная экономическая наука в своих базовых концепциях заметным образом устарела.

Для того чтобы экономическая наука могла играть полезную роль как руководство на будущее, она должна сконцентрироваться на фактических отношениях между семьями, фирмами, правительством и окружающей средой — включая международные отношения. Она должна рассматривать человечество не просто как экономическое, но как социальное, политическое и психологическое явление, выживание и качество жизни которого зависят от нашего взаимодействия с окружающей средой и от нашей глобальной взаимозависимости.

Традиционная экономическая наука не рассматривает, кроме как в чисто экономических категориях, воздействие на человека и окружающую среду производства, распределения, потребления и политики. Является ли фирма и отрасль прибыльной? Есть ли полная занятость, стабильны ли цены, наблюдается ли экономический рост? Экономисты старого закала скажут, что они должны заниматься только экономическими вопросами, а психологические, социальные и политические проблемы относятся к другим дисциплинам. Такая точка зрения привела к тому, что экономическая наука как раздел общественных наук стала почти что бесполезной.

Дело в том, что экономических проблем не существует как таковых. Существуют только проблемы человека и окружающей среды.

Прежде чем разрабатывать теории и направления политики для решения экономических проблем, необходимо признать тот факт, что экономические решения действительно оказывают воздействие на социальное, политическое и психологическое поведение людей, а оно, в свою очередь, влияет на экономические решения. Как только этот простой факт будет признан и включен в экономическую теорию и политику, за ним естественным образом последуют планирование и подготовка как необходимые шаги в эволюции и адаптации человека и окружающей среды. Планирование, однако, является всего лишь инструментом в процессе достижения цели. В технократическом планируемом обществе, таком как бывший СССР, психологические потребности людей могут так же явно игнорироваться, как и в так называемом непланируемом технократическом обществе, таком как США.

Для того чтобы планирование должным образом обслуживало нужды человека и окружающей среды, оно должно иметь в своей основе гораздо больше, нежели принципы максимизации использования людских и физических ресурсов. Оно не может измеряться исключительно такими показателями, как валовый национальный продукт и уровень цен.

Совершенная экономика значительно расширит свои цели за пределы просто богатства наций. Она объединит людей, производство и окружающую среду в новый тип отношений затраты — выпуск, при котором затраты будут представлены решениями людей, а выпуск — качеством жизни.

12. ДИНАМИЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Время и относительность в динамичной экономике

Во времена Адама Смита значимый в экономическом плане мир занимал очень маленькую часть планеты Земля, а изменения по сравнению с миром наших дней происходили медленно и носили предсказуемый характер. В результате этого время и относительность представлялись менее важными, чем они были на самом деле, и гораздо менее важными, чем являются сегодня.

Нельзя анализировать социальное, политическое и экономическое развитие на основе предпосылки, что оно подчиняется закономерностям время — пространство — относительность Вселенной, известным как теория относительности Эйнштейна. Любая такая попытка просто приведет к новой экономической теории «естественного закона», гораздо более усложненной, нежели классическая теория, но страдающей тем же недостатком — отсутствием реализма.

Вселенная не была создана людьми, в отличие от мира социальных реалий и экономики, в котором мы живем. Поэтому оба мира не могут подчиняться одним и тем же законам. Тем не менее новые концепции времени и относительности в чем-то поучительны, поскольку они лежат в основе динамики реальности.

Реальный мир экономики не может быть понят при абстрагировании от времени и относительности, как это делали экономисты классической школы. Экономисты классической школы исходили из физики Ньютона, которая не включает время и относительность в свою теорию пространства и движения относительно Вселенной.

Концепция времени и относительности может быть понята наилучшим образом, если мы представим жизнь и все во Вселенной как находящиеся в постоянном движении. Мы не можем наблюдать движение по той причине, что точка отсчета (Земля) движется с той же скоростью, что и мы. Эйнштейн расширил понятие точки отсчета по сравнению с Ньютоном, так же и мы должны сделать в экономической науке, дабы не терять связи с реальностью.

Что это означает касательно Вселенной и касательно экономической науки? Для понимания движения и относительности необходимо только сказать, что во Вселенной невозможно «бросить якорь». Мы не находимся в состоянии покоя, даже если нам кажется, что мы не двигаемся.

Во Вселенной два разных наблюдателя будут видеть одно и то же явление в разных временных и пространственных параметрах в зависимости от точки отсчета относительно движения (Земля, Луна, другая планета или другая солнечная система). Земля вращается вокруг собственной оси и вокруг солнца, вместе с солнцем она движется в отношении своей галактики, которая является небольшой частью Вселенной. Этот простой феномен включает три разные скорости движения. Вселенная состоит из объектов, которые движутся с разными скоростями относительно абсолютного предела скорости — скорости света (300 000 км/сек). Время и расстояние, или пространство, могут быть измерены только в категориях событий, наблюдаемых с разных точек отсчета. В этом суть теории относительности. Ее можно проиллюстрировать простым примером: представим, что в озере находятся движущийся объект и три моторные лодки (А, В и С), движущиеся до встречи с ним, а затем возвращающиеся в точку старта. Предположим, что точка старта всех лодок находится на одинаковом расстоянии от объекта. Скорость лодки А составляет половину от скорости лодки В, а скорость лодки С — в два раза больше скорости лодки В. Водитель каждой лодки будет наблюдать движущийся объект в различных точках озера и в различное время по сравнению с водителями двух других лодок.

Таково значение времени и относительности в современных теориях Вселенной. Как это проецируется на экономику? Если вся экономическая деятельность воспринимается с одной точки отсчета,

она представляется процессом, управляемым данными, относящимися к этой точке отсчета. Таково описание статичной модели с точкой отсчета, именуемой точкой равновесия.

Точка равновесия — это точка отсчета, к которой тяготеют все факторы, составляющие спрос и предложение. Экономисты изобрели экономический закон притяжения в целях внесения корректив в тех случаях, когда факторы предложения и спроса не могут встретиться одновременно в точке равновесия. Точка равновесия именуется рыночной ценой, и только по этой цене могут быть сведены все факторы предложения и спроса.

Традиционным рынком является тот, на котором цена служит самоуравновешивающимся регулятором спроса и предложения. Каковы же те элементы, которые стремятся к равновесию для формирования рыночного предложения и спроса, что определяет экономическое производство на цели потребления, экономического роста и удовлетворения военных нужд?

Наиболее значимые факторы предложения включают: технологию, рабочую силу различной квалификации и различных категорий (ассортиментная концепция рабочей силы), образование и подготовку рабочей силы (поточная концепция рабочей силы), товары производственного назначения (капитал), производимые природой и человеком ресурсы, за вычетом людских ресурсов, законы и нормативы, касающиеся производства, международные экономические и политические отношения, война и подготовка к войне.

Факторы спроса включают в себя: размер и распределение дохода, систему ценностей, обычаев и культуры, массированное использование рекламы, государственные социальные программы и все иные государственные расходы, за вычетом военных, а также военные расходы.

Равновесие означает, что все факторы предложения и спроса встречаются в точке отсчета в одно и то же время. Уже указывалось, что при отсутствии этого рыночная цена, действующая как закон притяжения (экономическое магнитное поле), стянет все факторы к точке равновесия. Это традиционная концепция рынка.

Для создания картины совершенного рыночного равновесия мы должны условиться, что все факторы предложения и спроса двинутся к точке равновесия с одинаковой скоростью и встретятся там одновременно. В концепции равновесия, не достигающей совершенства (теория циклов конъюнктуры), предполагается, что эти факторы не встречаются одновременно в точке равновесия. Это может произойти в том случае, если какие-то факторы на пути к точке равновесия встречают препятствия (один или более выпадают в результате дефицитов в предложении или неожиданных изменений в спросе, как в случае войны), или же в том случае, если какие-то факторы продолжают движение и после достижения точки равновесия в результате ошибочных предположений. В традиционной

экономической науке дефициты и ошибочные предположения являются краткосрочными явлениями, которые в действительной перспективе способны к самокорректировке через механизм цен, который в теории равновесия занимает то же место, что и притяжение в ньютоновских законах движения.

Поскольку отсутствие равновесия считается скорее отклонением, нежели обычным явлением, в традиционной экономической науке время не играет сколь-нибудь значительной роли. Равновесие является нормальным состоянием, а отсутствие его автоматически выправляется посредством механизма цен. Таким образом, время не является неотъемлемой частью теории равновесия, оно разве что присутствует как средство корректировки.

Если факторы предложения и спроса на одном из бесчисленных рынков меняются, это изменение находит свое отражение в изменении рыночной цены. Если происходит такое повышение цены на одном и более микрорынках, цена на каком-либо другом микрорынке может измениться в противоположном направлении, с тем чтобы общее или всеобъемлющее равновесие сохранилось. Предполагается, что в мире свободнорыночной экономики это достигается магией автоматических корректировок предложения и спроса.

Истинно динамичная теория, отражающая опыт реального мира, должна рассматривать разницу в скоростях движения факторов предложения и спроса как рациональную реакцию на постоянно меняющиеся условия экономической вселенной, а не как aberrации, которые могут быть объяснены теорией циклов конъюнктуры. Общие и быстрые изменения, которые несут с собой промышленная и научно-техническая революция, требуют динамизма от политических организаций, управляющих экономикой. Для того чтобы они могли выполнять целевую полезную функцию, реалистические экономические теории должны отражать это. Факторы предложения и спроса работают так, что превращают относительное время и движение в значимый компонент их повседневного функционирования.

Поскольку относительное время и движение факторов предложения и спроса являются обычными явлениями экономической вселенной, равновесие должно быть заменено динамичной концепцией стабильности — *балансом*. Понятие экономического баланса совместимо с непрерывными изменениями и дискреционным управлением человеком экономическими делами, а теория равновесия — нет.

Время и структурные изменения как часть экономической теории

Факторы предложения и спроса ведут собственную жизнь, которая имеет протяженность во времени. Как и в человеческой жизни, во время своего существования эти факторы претерпевают

изменения. Эти изменения происходят не автоматически, а порождаются условиями окружающей среды, которые в значительной степени опосредуются или определяются решениями людей.

В примитивной экономике изменения практически не имеют места или же они носят такой медленный характер, что видимые проявления их обнаруживаются только через большие промежутки времени. В таких типах экономики факторы предложения и спроса в практическом смысле «лишены временного изменения». Рабочая сила не испытывает перемен, а культурные структуры (основной фактор спроса в примитивных обществах) практически окаменевают. Примитивный рынок, основанный на бартере, облегчает обмен самыми простыми товарами и услугами. Такой рынок, как легко представить, находится в состоянии равновесия, поскольку хоть какая-то тенденция отклониться от этой точки отсчета возникает весьма редко.

На ранних стадиях экономического развития время все еще не играет значительной роли. Торговый капитализм Англии XVII — XVIII веков является примером этому. Когда техника находилась на примитивной стадии, факторы предложения и спроса менялись очень медленно. Деньги заменили бартер, но изменения были еще слишком медленными, чтобы потревожить концепцию равновесия — по крайней мере как теорию, основанную на реалиях того времени.

По мере того как развитие науки, техники и экономики ускоряло свои темпы, факторы предложения и спроса стали производными от быстро меняющихся условий. Когда условия меняются, эти факторы должны адаптироваться, дабы сохранить жизнеспособность. Не все факторы могут адаптироваться так, чтобы все адаптации происходили одновременно. Наоборот, темпы адаптации, скорее всего, будут иметь значительные различия, и, если условия меняются слишком резко или слишком быстро, разброс темпов адаптации будет очень большим. Факторы предложения и спроса уже не встречаются все одновременно в точке отсчета, именуемой равновесием. Темпы их движения становятся различными; таким образом, *нормальным состоянием становится отсутствие равновесия*. В большинстве случаев адаптация теряет автоматический характер и нуждается в катализаторе — вмешательстве человека¹.

В Соединенных Штатах XIX века факторы предложения и спроса вовсе не двигались автоматически в направлении равновесия (или от равновесия к равновесию) в интересах экономического роста. После Гражданской войны, когда экономическое развитие стало национальной целью, свободные рынки открыли дорогу экономической концентрации. К концу века такие люди, как Рокфеллер, Морган, Хилл, Карнеги, Вандербильт и Гугенхейм, уже управляли значительной частью рыночной экономики.

Гиганты капитализма действовали в среде рыночной экономики, но это не был свободный, самоуправляющийся рынок, порожденный богатым воображением экономистов классической школы. В той

экономике, которая начала развиваться после Гражданской войны, рыночная система в значительной степени управлялась дискретными решениями людей. Речь более не могла идти о равновесии, поскольку время и движение приобрели бóльшую значимость, а подходящих естественных законов для автоматической координации их движения не существовало. Осуществлялось управление временем и движением в целях содействия росту и извлечению прибылей без обращения должного внимания на баланс. Неизбежные отрицательные явления воспринимались как краткосрочные нарушения равновесия, которые в долгосрочной перспективе выправляются сами.

Каким же образом время и относительность входят в объяснение таких отрицательных явлений, как инфляция и безработица? Факторы предложения вводятся в действие посредством целого ряда нескоординированных решений. Прирост населения и система образования определяют наличие различных категорий рабочей силы. На прирост населения оказывают влияние рождаемость, продолжительность жизни, войны и т. д. Предложение квалифицированной или даже полуквалифицированной рабочей силы во всех формах, таким образом, не может быть резко увеличено или уменьшено без соответствующей подготовки. Спрос на рабочую силу находится под воздействием перемен в спросе на товары и услуги, вызванных экономическим развитием, агрессивной рекламой и другими факторами.

Темпы движения предложения рабочей силы и время, в течение которого оно движется навстречу спросу на рабочую силу, если пустить это на самотек, будут, скорее всего, отличаться от темпов движения спроса на рабочую силу и времени, в течение которого он движется навстречу предложению. В результате образуется или нежелательный избыток, или же нежелательный дефицит рабочей силы.

Экономисты традиционной школы считают, что в долгосрочной перспективе такие отклонения автоматически скорректируются посредством воздействия механизма цен. Такие корректировки предполагают, что экономика стоит на месте² в ожидании того, как все факторы предложения и спроса встанут на свое место в точке отсчета (равновесия).

Если же точка отсчета на самом деле не стоит на месте, а движется с возрастающей скоростью в результате технических изменений, тогда вероятность автоматической корректировки равна нулю. Это означает, что концепция долгосрочной перспективы неприменима к экономике, находящейся под воздействием непрерывных изменений факторов предложения и спроса.

Темпы движения большинства экономических переменных зависят от условий среды, в которой они существуют. (Все факторы предложения и спроса считаются экономическими переменными.) Поэтому свойственные им время и движение в одной стране являются относительными при сопоставлении с временем и дви-

жением в другой стране, а степень этой относительности зависит от всей совокупности окружающих условий в каждой стране.

Этот принцип относительности весьма важен при оценке экономического поведения двух разных стран. Экономические переменные будут двигаться более медленными темпами в той стране, где численность населения чрезмерно велика относительно размеров экономики и где природные ресурсы скудны в сравнении со страной, в которой наблюдается противоположное. Климат, политическая стабильность, приверженность делу экономического развития и возможность импортировать капитал являются дополнительными факторами, влияющими на темпы движения.

Экономическое развитие — это часть общего развития индивидуума и общества. Таким образом, политическое, социальное и культурное развитие должны рассматриваться под углом того влияния, которое оказывает на них развитие экономическое. Поэтому невозможно «экспортировать» политическую систему как если бы она существовала в вакууме. *Время и относительность, а не абсолютные, вневременные, неподвижные ценности важны для понимания мира, в котором мы живем.*

Поскольку движение технологий все более ускоряется, труднее становится достигнуть экономического баланса, а прошлое все в меньшей степени может служить руководством для будущего. В этом состоит предупреждение о «Будущем шоке» Тоффлера. Однако разумное использование времени и относительности может помочь высветить путь к балансу.

Значение баланса в экономическом мире времени и структурных перемен

Как я уже говорил, концепция равновесия была изобретена для создания теоретической базы экономической системы. Эта база была построена экономистами классической школы на основе естественных законов, тождественной упорядоченной системы ньютоновской физики. К сожалению, мир экономики, созданный человеком, не тождествен упорядоченной материальной вселенной, созданной без участия человека. В результате концепция равновесия сама по себе является источником хаоса в мире экономики, поскольку она игнорирует время и характер движения факторов производства.

Экономисты классической школы могли принять концепцию равновесия, игнорируя многое из того, что жизненно важно в реальном мире. Классический рынок способен находиться в равновесии при любом уровне доходов и при любом их распределении. Люди, не имеющие доходов или имеющие доход, недостаточный даже для поддержания прожиточного минимума, не оказывают никакого влияния на равновесие, поскольку при разработке экономической теории нищета и голод не принимались во внимание.

Рабочие, не имеющие работы по причине невозможности приспособиться к изменениям в спросе на различные категории рабочей силы, находятся за рамками теории экономического равновесия. В современном мире, где перемены носят столь быстрый и радикальный характер, многие экономические проблемы имеют структурную природу и не будут реагировать на изменения в ценах, даже если бы функционирование механизма цен отвечало предствлениям экономистов классической школы.

Снижение производительности труда, поразившее Соединенные Штаты в начале 70-х годов и почти все промышленно развитые страны в конце 70-х, является фактором, влияющим как на инфляцию, так и на безработицу. Тремя важнейшими причинами этого были радикальные изменения цен на энергию и объемов ее производства (из-за квазикартелей), отчуждение работников и снижение стимулов для производственных инвестиций — все это явления структурного характера.

Чем же концепция баланса отличается от концепции равновесия? Баланс, в отличие от равновесия, не основан на системе экономических законов, списанных с физических законов природы. Поэтому в теории баланса не присутствует тот общий самоуравновешивающийся процесс корректировок, который есть в экономических теориях, основанных на равновесии.

Экономический баланс существует тогда, когда экономические факторы предложения и спроса упорядочены таким образом, что результаты отражают по крайней мере первоочередные цели людей, на службе которых находится экономика. Основной проблемой достижения баланса является адаптация.

В классической системе адаптация предполагалась автоматической и находила свое отражение в равновесии. В современной экономике автоматическая адаптация недостижима, поскольку проблемы времени и характера движения факторов предложения и спроса слишком сложны.

Не все экономические переменные реагируют одинаковым образом на вызов адаптации. В первую очередь это, конечно, проблема времени и характера движения. Протяженность периодов времени адаптации имеет значительный разброс. Если этот период очень велик (5 или 10 лет), своевременная адаптация обычно невозможна без значительной предварительной подготовки, поскольку условия, существовавшие в определенное время, не остаются неизменными на протяжении многих лет. В отсутствие подготовки адаптация в некоторых случаях может занять столько времени, что, до того как процесс закончится, возникнут новые крупные проблемы, чего можно было бы избежать посредством своевременной подготовки.

Примером этого является энергетический кризис. Экономика США была построена на том предположении, что энергия будет оставаться дешевой и доступной в больших количествах. Часть потребляемой энергии поступала из-за рубежа и благодаря особой

разновидности неокOLONиализма оставалась весьма дешевой, пока не возникла ОПЕК в качестве политической силы. Автомобили, заводы, дома и практически все остальные элементы экономики были рассчитаны на безудержное потребление энергии, которая считалась дешевым фактором производства.

Потом, в 1973 году, энергия стала недоступной и дорогой, тем более что кризиса никто не ожидал. Это стало результатом отчасти антиколониальных действий ОПЕК, отчасти — все возрастающей стоимости разведки и эксплуатации месторождений энергоносителей. Соединенные Штаты и другие промышленно развитые страны были застигнуты врасплох, хотя они и обладали в течение десятков лет конфиденциальной информацией о неизбежном энергетическом кризисе. Но не существовало ни адекватных жизнеспособных планов реагирования на него, ни какой-либо подготовки к разработке безопасных и экономически выгодных альтернативных источников энергии.

В результате такой недостаточной адаптации мировая экономика оказалась отброшенной от точки баланса. Страны «третьего мира», за исключением производителей энергии, оказались не в состоянии продвигаться по пути экономического развития из-за запретительно-высоких цен на энергию. У Соединенных Штатов образовались беспрецедентные торговые дефициты. Комбинация этих факторов оказала стабилизирующее воздействие на мировую экономику.

В случае с энергетическим кризисом факторы предложения и спроса нуждаются в двух видах стимулов, чтобы начать и осуществить процесс адаптации. Одним из них является ценовой механизм, который дает сигнал о необходимости перемен. Другим — исследования и разработки, которые открывают дорогу процессу адаптации.

Исследования и разработки — это долгосрочное предприятие. В случае с энергией оно связано с огромными вложениями капитала, а также требует реализации политики, направленной на поощрение новых источников энергии в противовес дорогостоящим существующим. Вопрос о том, могут ли исследования и разработки быть лучшим образом осуществлены исключительно частным сектором или же необходимо также участие государственного сектора, в данной работе остается открытым. Важным аспектом является элемент времени.

Экономическое развитие «третьего мира», которое было приостановлено энергетическим кризисом, жизненно важно для удовлетворения потребностей развитых стран в расширении рынка. Без расширения географии рынков промышленно развитые страны могут оказаться ввергнутыми в слишком агрессивную конкуренцию за уже существующие рынки. К тому же голод и нищета в «третьем мире» могут создать препятствия для международного мира.

Энергия является важнейшим фактором в структуре спроса и

предложения. Если сигналы рынка глушатся или игнорируются, если в отношении исследований и разработок принимаются недостаточные меры, время и движение становятся факторами создания серьезных дисбалансов. В то время как теория экономического равновесия основывается на вере в то, что процесс адаптации является автоматическим явлением рынка, в концепции баланса рынок играет важную, но более скромную роль. Первостепенное значение приобретает решения людей, основанные на правильном понимании условий, связанных с факторами предложения и спроса, в относительной системе времени и движения. Элементы времени и движения имеют такое важное значение для достижения баланса, что, если мы хотим достигнуть его, адаптация не может быть оставлена на волю случая.

Баланс как реалистичная альтернатива равновесию

Концепция равновесия — это не просто теоретический каприз. Это сердцевина утопической структуры свободнорыночной экономики. Ее адепты считают это предпочтительной альтернативой дискретным решениям человека.

Теория равновесия и естественный закон идут, рука об руку. Вера в то, что мы можем вручить судьбу нашего экономического благосостояния естественным законам, является центром теории равновесия. Равновесие разделено на две части — общее равновесие и частичное, — которые, как правильно считали некоторые выдающиеся экономисты классической школы, в свободнорыночной экономике неразделимы.

Теория общего равновесия имеет дело с проблемой равновесия в масштабе всей экономики. Частичное равновесие имеет дело с частями экономики — фирмой или отраслью. Согласно экономистам традиционной школы, фирма или отрасль находятся в равновесии тогда, когда они могут получать «нормальную» прибыль, не отклоняясь от своего курса. Многие современные экономисты уже не выделяют или даже не применяют теорию общего равновесия. Вместо этого они сосредоточивают внимание на частичном равновесии, считая его более достижимым. Они или же не хотят знать, или не понимают, что теория частичного равновесия не может быть отделена от концепции общего равновесия — факт, который очень хорошо понимали и от которого не уходили выдающиеся экономисты классической школы.

Причина неразделимости частичного и общего равновесия лежит на виду. Поскольку перемены в состоянии экономики в целом влияют на деятельность фирм и отраслей и на все другие микроэкономические сегменты, частичное равновесие не может существовать вне контекста общего равновесия или состояния экономики в целом.

Фактически, помимо современной тенденции сосредоточивать внимание на частичном равновесии, сама концепция равновесия в целом не может являться удовлетворительной в мире, в котором на экономическую деятельность воздействует столь большое число экономических переменных нерыночного плана. Как мы видим, она также не подходит для мира, в котором время и движение играют столь значительную роль в процессе корректировок.

Сутью теории общего равновесия является положение о том, что рыночная экономика по сути своей является стабильной и не нуждается в помощи извне для достижения полной занятости и стабильности цен в случае временного наступления инфляции или безработицы. Цены — во всех формах их существования — считаются единственными факторами мотивации людей, а рынки корректируются автоматически, поскольку предполагается отсутствие структурных препятствий для достижения равновесия. Предполагается, что экономика или является статичной, или же меняется предсказуемым образом в рамках рынка. Предполагается также, что все экономические переменные, составляющие предложения и спрос, движутся одновременно к единственной точке отсчета — равновесию.

Современные монетаристы до сих пор находятся под сильным влиянием концепции «нейтральности» денег, которая стала частью теории общего равновесия. Нейтральность денег основана на так называемом постулате однородности или однородной математической функции. Это означает, что изменения в денежной массе влияют на цены всех товаров и услуг одинаковым или однородным образом. Например, если денежная масса увеличивается вдвое, все цены в секторе товаров и услуг также увеличатся вдвое. Поскольку у людей вдвое больше денег, чем перед тем, как цены выросли вдвое, их реальные денежные балансы остаются неизменными. Отсюда взгляд на деньги как на нейтральный фактор. Было выявлено, что постулат однородности неверен, поскольку рост денежной массы не сказывается одинаковым образом на всех рынках. На деле экономические процессы в современной, сложной экономике не могут быть единообразными. Другие попытки спасти концепцию общего равновесия также провалились, и в наши дни большинство экономистов традиционной школы ограничиваются рамками теории частичного равновесия, при этом игнорируя жизненно важную логическую связь между общим равновесием и частичным равновесием.

Основная проблема традиционной теории общего равновесия, равно как и теории частичного равновесия, заключается в том, что как концепции они являются весьма ограниченными. Их мир — это не мир экономики, а мир священных символов. Выживание и качество жизни зависят от гораздо более широкого круга вещей, нежели просто экономический стимул, регулируемый механизмом цен. Теория равновесия явилась логическим результатом чрезмерно упрощенного видения мира.

Теория равновесия предполагает, что единственной информацией, необходимой для рационализации экономики, является информация о ценах. Время играет весьма ограниченную роль, а длительная перспектива понимается как время, необходимое для мер самокорректировки по стабилизации экономики посредством «невидимой руки». Хотя теория общего равновесия не объясняет проблемы экономической активности и стабильности в контексте реального мира, она не может быть просто отвергнута, как это делают сегодняшние адепты частичного равновесия. Они занимаются только микроэкономикой, как будто макроэкономика не существует. Это весьма интересный факт для мира, в котором значительный объем экономической активности и большое число экономических проблем напрямую связаны с жизнью общества.

Если теории общего и частичного равновесия не объясняют реальный мир и не служат никакой полезной цели, тогда что же взамен? Если мы отказываемся от положения о том, что экономические переменные подчиняются элементарным естественным законам и движутся автоматически к равновесию, значит, мы имеем дело с миром, в котором эти переменные реагируют на дискретные решения, а также на силы нерыночного характера. В таком мире баланс является гораздо более реалистичной целью, нежели равновесие.

Если мы хотим заменить теорию равновесия теорией баланса, мы должны предостеречь себя от распространенной ошибки прошлого — принимать упрощенную фантазию за сложную реальность, а также от ошибки сегодняшнего дня — принимать скрупулезность за точность.

В теории равновесия связь между исходными посылками и вытекающими из них выводами основана на примитивной логике. Такая примитивная логика не создаст нам адекватной теории баланса, поскольку исходные посылки нашего подхода к экономике, даже будучи эмпирически верными, слишком сложны для этого. Они настолько сложны, что мы не можем рассчитывать получить ни простых, ни совершенно точных ответов на проблемы экономики.

Альфред Маршалл, выдающийся экономист неоклассической школы, увидел по крайней мере некоторые из этих фундаментальных недостатков теории равновесия, когда он назвал неоклассическую теорию первым приближением, которое, чтобы стать полезным, должно быть сделано более реалистичным. Большинство экономистов — последователей Маршалла не имели этой глубины видения, что еще больше снизило полезность традиционной экономической теории.

Профессор Маршалл не смог повысить реалистичность теории равновесия, хотя он пытался заниматься этим в течение более чем 30 лет после выхода в свет в 1890 году его работы «Принципы политической экономии». В конце XX века экономисты все еще используют равновесие как ядро экономической теории!

Подводя итог сказанному, отметим: в экономической теории концепция равновесия становится жертвой следующих неверных посылок, упомянутых выше: 1) все переменные экономического процесса имеют экономическую природу и реагируют на рыночные силы; 2) рыночные цены являются свободными и не подвержены посторонним влияниям; и 3) все факторы рыночного предложения и спроса автоматически встречаются одновременно в единственной точке отсчета³.

В попытке придать рациональность нестабильной системе, предоставленной на волю случая, экономисты разработали целый ряд циклических теорий, описывающих колебания экономики вокруг долговременного тренда равновесия. Хотя экономисты по-прежнему сосредоточивают внимание на равновесии и теориях цикла конъюнктуры, правительства всех так называемых стран с рыночной экономикой сочли необходимым вмешательство. В некоторых случаях такое вмешательство ограничивается сферой кредитно-денежной и налоговой политики, а также субсидиями и другими формами перераспределения доходов для корректировки проблем, появления которых вовремя не предвидели или не смогли предупредить. В других случаях такое вмешательство связано с некоторой долей предвидения и планирования.

Переменные, которые не реагируют на цены и являются субъектами структуры относительного времени и движения, а также сложной структуры многообразных точек отсчета, не вписываются в теорию равновесия. Однако предложение и спрос, в их новом определении как реакции на физические, социальные и динамические силы реального мира, являются частью теории баланса.

Нетрудно понять несостоятельность традиционной теории равновесия в мире, в котором переменные, двигаясь с различной скоростью, подвергаются непредсказуемым и быстрым изменениям. Рассмотрим простейшую форму равновесия. Ее определение — все переменные, составляющие спрос и предложение, встречаются в единственной точке отсчета одновременно. В интересах данного примера представим, что условная фирма находится в точке равновесия и что не существует никаких явных тенденций, чтобы фирма сдвинулась с этой точки. В результате действия внешних сил, таких как быстрые и радикальные перемены в науке и технике, фирма испытывает неудобства, отражающие конец состояния равновесия. Экономические переменные — факторы спроса и предложения — находятся в состоянии изменения. Виды и качество рабочей силы, управления и физических ресурсов, отвечающих прежним условиям, для новых условий более не годятся.

В этом примере предвидение и планирование отсутствуют — надежда только на силы рынка. Для того чтобы фирма вновь достигла состояния равновесия, необходимо, чтобы все переменные, составляющие предложение и спрос, встретились одновременно в новой точке на оси времени. Такое допущение полностью проти-

воречит известным нам фактам. В действительности можно легко показать, что упование на силы рынка для восстановления равновесия может только породить хроническое отсутствие равновесия, более правильным определением которого является *хронический структурный дисбаланс*.

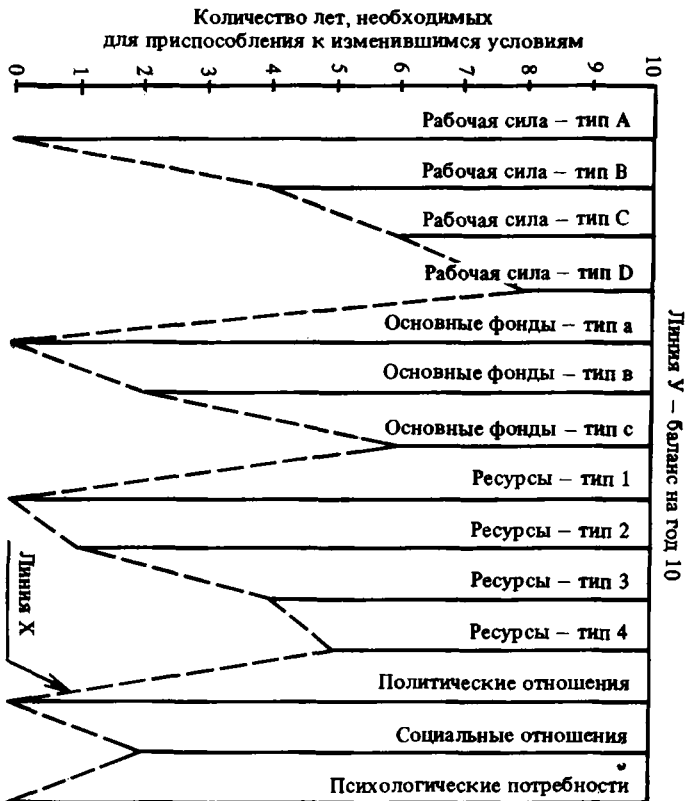
Простая диаграмма на рисунке 12-1 иллюстрирует это положение. На ней показаны различные интервалы времени, необходимые для подготовки переменных, составляющих предложение, к новым условиям экономического процесса, порожденным внешним фактором — радикальным изменением науки и техники. Если предположить (для иллюстрации этого положения), что равновесие существует на время X, становится ясным, что при движении переменных в отсутствии плана времени и движения они не смогут встретиться одновременно в новой точке равновесия. Вот почему понятие «равновесие» не отвечает требованиям логики и разума.

Ясно, что анализ, основанный на равновесии, должен абстрагироваться от сложных структур времени и движения экономических и социальных переменных (кроме тех случаев, когда эти отклонения невелики и редки), что возможно только в том случае, если мы предположим, что эти переменные реагируют на естественные законы уникального рынка, способного каким-то образом все синхронизировать. Попытка частично решить трудный вопрос о синхронизации посредством положения о том, что перемены никогда не достигают равновесия, а только движутся к нему, немногим плодотворнее самой концепции равновесия.

На рисунке 12-1 линия У, соединяющая временные интервалы переменных, показывает тот хаос, который является результатом отсутствия предвидения и планирования. На рисунке 12-2 мы можем увидеть, как планирование помогает решить проблему времени и движения, а также множественности точек отсчета. На нем каждая переменная имеет собственную точку отсчета или стартовую точку, а не единую точку отсчета, представленную на рисунке 12-1 равновесием X. Уделяя должное внимание разнице во времени и в движении экономических и социальных переменных, в экономическом процессе возможно достичь баланса, что показано линией У на рисунке 12-2. Для достижения баланса на линии У каждая переменная должна иметь собственную точку старта, другими словами, линию отсчета, представленную линией X.

Конечно, нельзя утверждать, что в точке баланса координация всех переменных будет совершенной, но вполне ясно, что результат предвидения и подготовки намного превосходит тот, который получается тогда, когда экономический процесс отдается на волю случая. Вполне можно повторить еще раз, что моя концепция баланса отличается от того, что экономисты называют равновесием.

Баланс является целью предвидения и подготовки и становится результатом успешных действий людей в рамках механизма корректировки экономического процесса. Равновесие же основано на

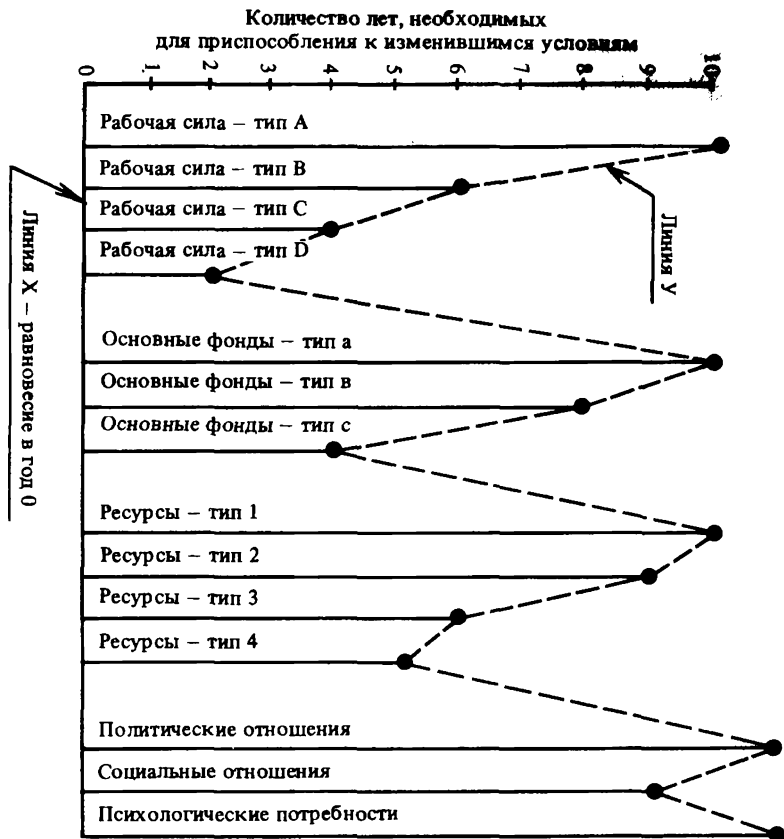

Линия X показывает, что все факторы спроса и предложения встретились одновременно в год 0. Нет никаких внутренних побуждений отклониться от этого положения, именуемого равновесием.

Линия У показывает хаотическое положение, складывающееся в том случае, если корректировка оставлена на волю случая или на откуп рынку, который не может действовать эффективно тогда, когда перемены имеют структурный характер и являются радикальными.

Проблема. Радикальные перемены в технике — например, появление ЭВМ — создают для отрасли императивы внешнего плана, что нарушает равновесие. Корректировки всех факторов производства (рабочая сила, основные фонды, ресурсы и т. д.) должны быть осуществлены, прежде чем отрасль снова сможет удовлетворять спрос на свою продукцию. Поскольку отрезки времени, необходимые для корректировок различных факторов, значительно различаются, серьезных негативных последствий можно избежать только в том случае, если эта разница будет учтена при планировании корректировок.

Рис. 12-1. Отклонения от равновесия и процесс корректировок

Примечание: Линия X соединяет различные стартовые точки каждой переменной. Эти переменные отражают индивидуальные периоды времени и движения. Такой подход позволяет всем переменным достичь точки баланса (линия Y) одновременно. В реальности ошибки определяют ту или иную степень приближения к точке баланса.

Проблема: Новые условия, являющиеся результатом структурных изменений в отрасли или экономике, вызывают необходимость корректировки факторов производства (рабочая сила, основные фонды, ресурсы и т. д.).

Рис. 12-2. Движение к балансу при нарушении существующих условий структурными изменениями

автоматических силах рынка, которые предположительно должны внести необходимые корректировки, когда приходят экономические переменные в движение в результате ошибки или изменения условий. Следующая аналогия поможет иллюстрировать эту разницу более ярким образом. Равновесие подобно учению христианской науки, которая в борьбе с болезнью делает ставку на силы самоизлечения организма. Баланс весьма напоминает искусство медицины, которое основано на предвидении и профилактике болезни, а также последовательном лечении в случае ее наступления.

Предвидение и подготовка уже прочно укоренились в тех отраслях, где подавляющий объем производства приходится на крупные фирмы. Однако даже при этом те экономические и социальные переменные, которые фирма может контролировать в незначительной степени или не может совсем, остаются предоставленными на волю случая и философии равновесия. Замена равновесия балансом позволяет экономической теории более эффективным образом рассматривать вопросы социальной динамики, которая и контролирует экономический процесс.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В БОЛЕЕ РАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

13. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ПОЛИТИКИ

Убеждения и ценностные суждения

Если мы собираемся выжить и улучшить условия нашей жизни, нам придется стать более прагматичными и менее эмоциональными. Недостаток реализма, от которого мы страдаем, до некоторой степени объясняется отсутствием объективности в общественных науках.

Воздействие общественных наук, по всей видимости, намного глубже, чем считает большинство людей. Это воздействие выражается скорее в ценностных суждениях и убеждениях людей, нежели в практических подходах к решению проблем. Такие социальные изобретения, как свободнорыночный капитализм и утопический коммунизм, отвечают ценностным установкам людей в различных регионах мира и используются ими, поскольку считаются правильными. Однако эти теории не всегда полезны в решении конкретных проблем, поскольку ценностные суждения, на которых они основаны, зачастую оторваны от реальной действительности.

Убеждения касаются того, что люди воспринимают как реально существующие факты и явления, ценностные суждения, — того, что они считают истинным и верным. Это различие становится очевидным, если рассмотреть некоторые из ценностных суждений, отраженных в Декларации независимости, философии свободнорыночного капитализма и Марксовом коммунизме.

«Мы считаем само собой разумеющимся, что все люди сотворены равными и что Создатель наделил их рядом неотъемлемых прав, в том числе правами на жизнь, свободу и стремление к счастью». Эти ценностные суждения содержатся в самом начале текста американской Декларации независимости.

В доктрине свободнорыночного капитализма основное утилитарное суждение заключается в обосновании конечной экономической

цели как обеспечения максимальной выгоды для максимального числа людей. Данное суждение подкрепляется тезисом о том, что это возможно только в том случае, если всем людям будет позволено преследовать собственные интересы.

Марксов коммунизм также строится на ряде ценностных суждений. Сотрудничество и совладение ставятся выше конкуренции и частной собственности, особенно применительно к средствам производства. Идеи оплаты труда («от каждого по способности, каждому по потребностям») и понятия о власти (государство должно «отмерить») завершают триаду ценностных установок, свойственных Марксову чистому коммунистическому обществу.

«Самоочевидные истины», выраженные в Декларации независимости в период революции, не трактовались буквально, как убеждения, а рассматривались как жизненно важная идеальная ценность. Посылки, содержащиеся в утилитарной доктрине и доктрине свободнорыночного капитализма, которые составляют основу экономики свободного рынка, также демонстрируют противоречие между ценностными суждениями и реальными убеждениями. Центральным положением свободнорыночного утилитаризма является тезис о том, что все участники свободного рынка более или менее равны по величине и не обладают бесконтрольной властью. Предприниматели, добившиеся наибольшего успеха в процессе экономического развития, в целом никогда не разделяли этого убеждения. Они полагали, что успех экономики и их собственный успех определяются ценностями, как раз противоположными тем, которые лежат в основе этих доктрин. Не уставая восхвалять преимущества свободного рынка, они делали все возможное, чтобы захватить контроль над рынками и ресурсами. Некоторые ценностные суждения Маркса были поставлены под серьезное сомнение реальной жизнью. Перспектива отмены частной собственности и последующего отмирания государства по-прежнему остается призрачной, а рабочие, как представляется, не видят в марксистской системе вознаграждения мощного стимула к труду.

Как показывают упомянутые экономические и политические доктрины, развитие общественных наук породило много противоречий между ценностными суждениями, составляющими основу этих доктрин, и реальными убеждениями лиц, принимающих политические и экономические решения. Отсутствие объективности в общественных науках очень опасно, так как в большой степени влияет на представления людей о верном и правильном. Ценностные суждения, на которых основываются традиционные экономические теории, редко подвергаются тщательному анализу — чаще всего они просто принимаются как должное. Традиционные экономисты разделяют то, что они называют ценностными суждениями, и свои теории. Они убеждены, что это гарантирует объективность.

Если считать, что экономика как общественная наука должна приносить пользу, то эта заявка на объективность вызывает серьез-

ные вопросы. За ней скрываются неизбежные предубеждения, умаляющие значение экономических теорий. Игнорируя ценностные суждения, эти теории смешивают в общественных умах реальные и воображаемые факты.

Предубеждения, влияющие на экономические исследования, отчасти объясняются тем, что экономисты являются наследниками философских идей прошлого. В традиционной экономической теории воздействие естественных законов и утилитаризма проявляется довольно очевидно. Предубеждения порождаются также культурными и социальными нормами, лежащими в основе системы поощрения.

Проблема противоречий между ценностными суждениями и фактическими убеждениями никогда не будет разрешена, если социальные исследования не будут поставлены на реалистическую почву. В настоящее время, как и в XIX веке, многие экономисты все еще допускают большие вольности в своей трактовке реальности. Они делают это потому, что проблема реального и, следовательно, возможного не вызывает у них того любопытства, какое она пробуждала у великих философов прошлого и лучших умов настоящего.

Образы, которые мы считаем реальными, поступают из внешнего мира в наш мозг, точно так же как зрительные ощущения поступают к нам через органы зрения. После того как информация попала в мозг, она интерпретируется на основе прошлого опыта. То, что мы понимаем как действительное, на самом деле является комбинацией внешнего постериорного опыта и внутренней априорной интерпретации, иными словами, комбинацией индуктивного — того, что мы наблюдаем в действительности, и дедуктивного — того, как мы интерпретируем наблюдаемое.

Качество интеллекта, или дедуктивный компонент познания, так же важно для правильного восприятия реальности, как качество глазных линз для восприятия видимого мира. Это становится очевидным, когда мы сравниваем восприятие действительности примитивными людьми с современной концепцией реальности. Разница заключается в опыте.

Австралийский бушмен, который никогда не видел современного реактивного самолета, по всей вероятности, будет воспринимать его иначе, чем люди, неоднократно имевшие подобный опыт. Примитивные люди наделяют сверхъестественными качествами все то, что они не могут объяснить на основе своего опыта. Таким образом, интерпретируя неизвестное, они заменяют опыт иллюзиями. Воображение, не подкрепленное соответствующим опытом, порождает фантазии. Воображение, основанное на опыте, продвигает наши знания на новые рубежи. Признание этого факта является важным условием объективного исследования.

Утилитарно-свободнорыночная доктрина, утверждавшая, что если все люди будут преследовать свою выгоду, то от этого выиграет

огромное большинство людей, не подкреплена опытом. Не имеет основы в опыте и Марксово описание идеального коммунизма. Это именно тот случай, когда предположение о том, что должно быть, ошибочно переносится на то, что возможно. Во всех этих случаях ценностные суждения, которые до сих пор воспринимаются как верные миллионами людей, основываются на дедуктивной логике, умозрительной и оторванной от человеческого опыта.

Что бы мы получили, если бы подтвердили индуктивный опыт дедуктивному анализу, используя адекватный накопленный опыт? Великие государственные деятели, составившие Декларацию независимости, заметили бы индуктивно и отразили бы дедуктивно, что никогда за всю историю человечества люди не рождались равными. Одним богатство и власть давались от рождения, другие обладали качествами, позволявшими им добиваться этих целей, в то время как большинство людей было лишено и той, и другой возможности. Утверждать, что все люди рождаются равными, — значит отрицать факты человеческого опыта, который указывает на естественное неравенство, проявляющееся через наследственность, окружающую среду, сам факт существования власти и богатства.

Правильное использование индуктивного и дедуктивного опыта наглядно показало бы, что для подкрепления тезиса «все люди сотворены равными» потребовалось бы обеспечить контроль над влиянием наследственности, а также равенство в отношении богатства и власти. Даже вариант этого тезиса, утверждающий, что все люди равны перед законом, исходит из посылки о том, что все законы справедливы и применяются одинаково как к богатым и сильным, так и к бедным и слабым.

Если правильно применить индуктивное наблюдение и дедуктивный анализ к свободнорыночному утилитаризму, то можно обнаружить, что достижение максимальной выгоды для огромного большинства людей как результат преследования людьми собственных интересов возможно только при очень нереальных и фактически несуществующих условиях. В этом случае нужно было бы предположить, что власть не играет никакой роли в человеческих взаимоотношениях, что все люди обладают необходимыми знаниями о потребностях человека и окружающей среды, ведут себя разумно и способны действовать в соответствии с этими знаниями!

Применив индуктивный опыт и дедуктивный анализ к Марксову коммунизму, мы увидели бы, что власть государства не отмирает только потому, что одна система сменяет другую, даже если предположить, что новая система превосходит старую по показателям равенства и справедливости. Новое государство также строится на власти, а опыт человечества показывает, что в силу многих сложных обстоятельств власть не исчезает в никуда.

Вольности, которые допускают многие ученые в сфере общественных наук, воспринимая фантазию как реальность, дали почву для теорий, отражающих не реальные условия, а норматив-

ные ценности (склонность выдавать желаемое за действительное). Поскольку ученые-общественники утверждают, что их теории предназначены для реального, а не гипотетического мира, их заявления, сочетающие нормативные посылки с прагматическими декларациями, внесли в дискуссию большую сумятицу и породили скептицизм.

Следует помнить, что то, что мы дедуктивно извлекаем из своих наблюдений, является нашей интерпретацией действительности. Экономика свободнорыночного капитализма служит прекрасным примером неправильного использования дедуктивного метода. Ценностные суждения, на которых строится эта доктрина, не могут быть доказаны эмпирическим путем. Поэтому ее современные приверженцы, например М. Фридман, были вынуждены заявить в ее защиту, что посылки, лежащие в основе доктрины, не имеют значения, если ее выводы точны и правильны. Такой подход Фридман считает формой прагматизма.

Даже если допустить, что выводы экономистов — сторонников свободного рынка верны, хотя это отнюдь не так (разве свободный рынок когда-либо обеспечивал максимальную выгоду огромному большинству людей?), то утверждение о возможности игнорировать в построении экономических теорий основополагающие посылки о человечестве и окружающей среде противоречит элементарному рациональному мышлению в процессе познания.

Чтобы стать значимой, экономическая теория не нуждается в логическом обосновании недоказуемых предположений. Наоборот, создаваемые экономические теории должны подвергаться самой критической проверке в отношении знания, полученного как индуктивным, так и дедуктивным путем. Ценностные суждения нельзя принимать за посылки до тех пор, пока они не найдут подтверждения в фактах. Ценностные суждения, по сути являющиеся просто идеалистическими мечтами, не могут восприниматься как посылки, иначе теория просто не будет значимой и реалистичной.

Объективность в разработке экономической теории и политики требует осуществления серии шагов, необходимых для четкого разграничения между желаемым и действительным. При построении объективной теории как индуктивная (то, что мы наблюдаем), так и дедуктивная ее часть (то, что мы из нее извлекаем, или то, как мы интерпретируем наблюдаемое) включают в себя ряд промежуточных шагов.

В индуктивной части процесса мы должны собрать данные из мира, находящегося за пределами нашего сознания. Это означает, что мы должны воздерживаться от фантазирования. Полученные данные мы должны подвергнуть проверке научным методом, пытаясь опровергнуть их с помощью всей имеющейся релевантной информации. Если это нам не удастся, то мы имеем дело с гипотезой.

После этого гипотезу необходимо объяснить и сделать окончательные выводы. Последний этап завершает построение теории.

Объяснение гипотезы и извлечение выводов требуют дедуктивного анализа. При этом довольно легко можно допустить ошибки. Возьмем, в частности, пример с австралийским бушменом, наблюдавшим за летящим в небе реактивным самолетом. Он много раз видел в небе птиц, но не имеет возможности проверить свои наблюдения и может построить неверную гипотезу о том, что реактивный самолет — это большая, быстрая и потому сильная птица. Отсюда он может сделать вывод, что при наличии лука и стрел, достаточно мощных, чтобы поразить эту странную птицу, он сможет застрелить ее, обеспечив тем самым пропитание себе самому и своей семье на несколько недель.

В этом примитивном и неадекватном процессе мышления содержатся две серьезные ошибки. Предполагая, что реактивный самолет является большой и сильной птицей, бушмен доказывает свою неспособность подвергнуть проверке то, что он наблюдает. В отсутствие такой проверки ошибка в индукции практически неизбежна. Далее он совершает вторую ошибку, делая вывод, что большая птица сможет обеспечить его едой на долгое время. У него нет опыта общения с такими птицами, и он не может быть уверен в том, что мертвая птица, столь большая и мощная, как реактивный самолет, не уничтожит его, если он будет ее есть. Ведь в ее теле могут содержаться химические вещества, сделавшие ее такой большой и сильной, но являющиеся смертельным ядом для человека.

Этот пример может быть несколько искусствен, однако он содержит в себе примеры ошибок, характерных для многих аспектов экономической доктрины. В концепции свободнорыночного капитализма рынок рассматривается как общность, состоящая из множества мелких покупателей и продавцов, не обладающих неограниченной властью. Отсюда делается вывод, что если бы все участники рынка получили возможность преследовать свои интересы, это обеспечило бы максимальное благо максимальному числу людей.

Период, который наблюдали Адам Смит и другие ранние экономисты-классики, был кануном промышленной революции, когда фирмы еще не приобрели размах и влияние в результате развития массового производства, а корпораций еще просто не существовало. Тем не менее, концепция свободного рынка была воспринята экономистами более позднего периода уже после того, как радикально изменились условия, на которых она базировалась. Здесь мы имеем дело с неверным использованием индуктивного опыта.

Дедуктивный метод также зачастую использовался неправильно. Даже если бы концепция свободного рынка нашла полное воплощение на практике, из опыта не следует, что это автоматически привело бы к максимальной выгоде огромного большинства людей. Данный вывод был сделан в полном отрыве от опыта и, следовательно, основывался только на воображении.

«Общая теория занятости, доходов и денег» Кейнса также построена на ложном индуктивном и дедуктивном анализе. Кейнс

исходил из того, что микросектор экономики находится в состоянии равновесия. Он также предполагал, что причина безработицы — в неадекватности общего спроса. Более пристальный анализ положения дел в 1936 году помог ему обнаружить, что фирмы и отрасли промышленности находились в состоянии хаоса, а не равновесия и что помимо неадекватного спроса безработицу вызывали и другие причины.

Исходя из своих предположений, Кейнс заключил, что для восстановления полной занятости требуется только увеличение государственных субсидий для покрытия «неадекватного спроса». Его выводы, сделанные на основе ошибочных наблюдений, содержали по крайней мере две серьезные ошибки. Увеличение государственных расходов само по себе не может устранить безработицу, если она возникает вне связи с неадекватным спросом, по другим причинам. Даже если бы неадекватный спрос был единственной причиной безработицы, маловероятно, чтобы он был более или менее одинаковым во всех секторах экономики. В этом случае возросшие государственные субсидии нужно было бы направить в определенные отрасли, наиболее страдающие от безработицы, и простое кейнсианское решение оказалось бы неприменимым.

Маркс был более точным в своих наблюдениях, однако и он в своем дедуктивном анализе опирался на воображение, не подкрепленное опытом. Его теория коммунизма была продуктом чистого воображения, а не выводов, сделанных на базе солидного индуктивного и дедуктивного анализа. Следует, однако, помнить, что в то время он не мог использовать преимущества прагматизма и эмпиризма — продуктов XX века. Они во многом способствовали распространению научного метода.

Создавая значимые и реалистические экономические теории, мы должны непременно соблюдать два правила. Первое состоит в том, чтобы внимательно изучать мир, в котором мы живем; второе — в том, чтобы делать выводы только тогда, когда наш дедуктивный анализ подкрепляется хотя бы каким-то опытом. Поскольку мир, в котором мы живем, постоянно изменяется и мы постоянно накапливаем опыт, формирующий основу дедуктивного анализа, никто не может претендовать на истину в последней инстанции, и ни одна теория не может считаться универсальной и вечной.

Реалистическое использование индивидуальных и общественных прав

Особо важным элементом дискуссии о свободе в современном обществе является вопрос о правах личности и правах общества. Общественные права основаны на общественных ценностях, которые в авторитарных обществах формируются в высших эшелонах поли-

тической структуры. В демократических обществах эти права отражают ценности людей, которые ими руководствуются. Общественные ценности составляют основу для законов и правил, ограничивающих действия индивидуумов и групп в целях обеспечения оптимальной свободы (ее также можно назвать справедливостью). Если бы все индивидуумы получили полную свободу действий, то самые сильные были бы наиболее свободными, а слабые подверглись бы притеснению и эксплуатации. Чтобы этого не произошло, необходимы законы, основанные на общественных правах и направленные на обеспечение оптимальной свободы для всех, а не максимальной для одних и минимальной для других.

Вопрос об общественных правах очень конкретен и не является простым упражнением в абстрактной логике. Это становится очевидным, например, в тех случаях, когда страна сталкивается с какой-либо угрозой. Так, широко признается право государства призывать своих граждан на военную службу во время войны. В этом случае ожидается, что при необходимости они отдадут жизнь за свою родину. Вопрос не в том, должно ли государство иметь право требовать этого от своих граждан или нет. Пока это абстрактный вопрос, можно приводить убедительные аргументы и за, и против.

Если мир состоит из отдельных суверенных политических единиц, то вопрос выживания становится весьма реальным. Государства никогда не испытывали проблем с обоснованием «справедливости» военных действий против других стран. Во имя причин, которые всегда составляли элемент национальной безопасности, государства узаконили свое право ставить людей под ружье и заставлять их воевать за родину или облагать граждан налогами для закупок вооружений, способных в конечном итоге уничтожить их самих.

До тех пор пока каждое государство ставит свои интересы выше интересов других государств, не считаясь с международным правом, вопрос о праве государства призывать на военную службу своих граждан остается сугубо академическим вопросом. В случае войны такая мера даже будет довольно популярной. Принципиально она обосновывается тем, что в условиях беззакония, характерного для международных отношений, потенциальной угрозе подвергается каждая страна.

Реалистический ответ на вопрос об общественных правах может быть найден, только если мы рассмотрим условия среды, где эти права должны осуществляться. Если мы желаем жить в мире, где правительство не будет иметь права призывать своих граждан на военную службу в случае войны, то мы должны сначала найти мирные решения для возникающих серьезных международных разногласий.

Является ли право сажать людей, нарушивших закон, в тюрьму законным общественным правом? До тех пор, пока закон нарушает лишь малая часть от общего числа граждан, общество будет стре-

миться тем или иным способом защитить себя от нарушителей закона. Тюрьмы — один из возможных таких способов. Если законы начнут нарушаться большинством граждан, надо будет искать первопричину этого явления, обратившись к его глубоким социальным корням, и изменить законы или просто не соблюдать их. В этом случае тюрьмы будут просто паллиативом.

Общественные права являются способом решения социальных проблем. Пока они демонстрируют свою полезность, то не вызывают серьезных сомнений. Как только они перестают служить решению конкретных проблем, их перестают рассматривать в качестве общественных прав.

В ситуациях, когда правительство не выражает интересов всего народа, вопрос об общественных правах приобретает еще одно измерение. В XIX веке женщины, рабочие и меньшинства не были представлены в законодательных структурах власти. В результате те, кто обладал политической властью, считали, что имеют право лишать эти группы привилегий, доступных им самим. Женщины не имели равных с мужчинами возможностей и были исключены из политического процесса. Рабочие не могли создавать эффективные профсоюзы, поскольку последние запрещались антипрофсоюзными актами. Черное меньшинство нещадно эксплуатировалось на протяжении первых 60 лет прошлого века, когда существовало рабство, а затем превратилось в граждан второго сорта. Общественные права, существовавшие в этих условиях, строились на основе неограниченной власти, несмотря на нашу «демократическую» форму правления.

Вопрос об общественных правах естественным образом распадается на четыре подвопроса: являются ли общественные права необходимыми? Каким образом они устанавливаются — демократическим или произвольным? Эффективно ли они решают проблемы, послужившие причиной их создания? Каковы пределы их действия?

Необходимость в общественных правах проистекает от неравенства в обладании властью и необходимости защищать людей от произвола как внутри страны, так и за ее пределами. Если предположить, как это делали классические экономисты, что все участники экономического процесса обладают равной властью (т. е. не могут навязывать свою волю никому другому), то тогда предположительно исчезает необходимость в общественных правах, проводником которых выступает правительство. В современном мире такие предположения совершенно абсурдны. Если мы стремимся к справедливости, общественные права должны осуществляться во всех областях, где имеется неравенство в обладании властью. Существование общественных прав значительно ослабляет тезис утилитарной теории о том, что если все люди смогут преследовать свои интересы, результатом будет максимальная выгода для большинства людей.

То, каким образом устанавливаются общественные права, имеет

крайне важное значение. Если они устанавливаются недемократическим путем, они сами становятся источником неравенства. Хотя Великобритания и США в XIX веке имели правительства, опиравшиеся на законы, эти законы имели в своей основе общественные права, которые не были демократическими по своему духу. Большинство людей, подчинившихся этим законам, не имели реальной политической власти.

Эффективность общественных прав определяет готовность общества к их восприятию. Абстрактные диалоги об общественных правах, основанные на нормативных посылках («желательное»), лишены всякого смысла. Обоснование общественных прав заключается в их способности эффективно решать проблемы, одним из факторов в которых является неравенство в обладании властью. Если такая способность у них есть, то эти права оправданны. Если ее нет, нормативные обоснования не имеют никакого значения.

Наконец, если мы стремимся избежать авторитаризма и вопиющего неравенства, мы должны заранее определить пределы действия общественных прав и индивидуальных прав. По логике вещей, пределы действия общественных прав не могут быть установлены, пока не будет решен вопрос с индивидуальными правами.

Права индивидуумов подразделяются на несколько категорий: свобода, которую они имеют для удовлетворения собственных интересов и желаний, как, например, выбор профессии; права, определяющие привилегии, которые предоставляются им как членам общества,— например, возможность посещать национальные парки; а также права, которые они осуществляют, участвуя в принятии решений, влияющих на их жизнь и жизнь других людей,— например, та роль, которую они играют при избрании правительства.

Обсуждение как индивидуальных, так и общественных прав в отрыве от реальности может представлять лишь академический интерес. Если нас интересует, какими они «должны быть», мы можем удовлетвориться утопией. Если хотим понять, какими они реально «могут быть», то должны лучше разобраться в мире, где мы живем.

Вопрос о правах становится более сложным при наличии в ситуации фактора неограниченной власти. Может ли общество гарантировать всем нам право свободно удовлетворять свои интересы, если люди неравны с точки зрения своего статуса, влияния и способности навязывать свою волю другим? Классические экономисты избегали этого вопроса, игнорируя проблему неограниченной власти. В реальном мире вопрос о власти игнорировать невозможно. Он имеет слишком важное значение для поведения людей и перспектив их выживания.

Общество пытается защитить личность от злоупотребления властью с помощью законов и правил, основанных на общественных правах. Общество не препятствует взрослым профессиональным футболистам играть в футбол. Это считается их правом. Однако оно устанавливает правила, воспрепятствующие команде взрослых играть

против команды школьников, за исключением немногих, строго регламентированных случаев. При этом общество полагается на социальное ограничение, отказывающее сильному в праве причинить вред сравнительно слабому.

Если бы люди в одной стране имели одинаковую власть, то есть если бы они не обладали бесконтрольной политической или экономической властью, способной причинить вред другим людям, они все равно могли бы нанести случайный ущерб окружающим. Один пример — управление машиной в нетрезвом состоянии. Другой — загрязнение окружающей среды. Третий — безответственность в отношении обязательств по контрактам. Существует и масса других примеров. Люди пытаются защитить себя от такого ущерба с помощью законов, основанных на общественных правах. Такие права имеют глубокие корни в истории цивилизованных обществ.

Не только экономисты, но и правительства оказались неспособными рассматривать вопрос о власти и общественных правах применительно к экономической организации. Поэтому многие экономисты погружаются в экономические абстракции, вместо того чтобы заниматься политической экономией.

Антимонопольное законодательство в том виде, какой оно приобрело в 1890 году после утверждения антимонопольного акта Шермана, отражало нежелание или неспособность правительства США эффективно решать вопрос о власти в экономике. Антимонопольные законы первоначально основывались на убеждении, что власть можно отменить. Этот принцип был пересмотрен в 1929 году принятием компанией «Ю. С. Стил» решения, запрещавшего злоупотребление властью. Размеры компании сами по себе перестали быть недостатком, поскольку Верховный суд США вынужден был реагировать на реальность, а не держаться за утопические мечты классических экономистов.

Правительство США до сих пор не взялось за решение фундаментальных вопросов, жизненно важных для предотвращения злоупотребления властью в экономике. Эволюция капитализма и социализма продемонстрировала даже самым стойким их приверженцам, что власть не может быть отменена. Она может быть только поставлена под контроль.

Как можно контролировать власть, не затрагивая тех прав индивидуумов, которые не противоречат правам других людей? Для того чтобы контролировать власть, ее надо сделать подотчетной. А для того чтобы сделать ее подотчетной, индивидуумы должны иметь право участвовать в процессе принятия решений, который является отражением власти и подчиняет их ей.

Классическая экономическая теория, исходящая из того, что власть не играет никакой роли, заставила многих экономистов полагать, что права индивидуумов охраняются «естественными законами». Это ошибочное предположение привело их к выводу, что правительство не должно вмешиваться в процесс принятия

решений в экономике. Более реалистическое рассмотрение механизма принятия решений в экономике показало бы, что власть распределяется очень неодинаково и, будучи бесконтрольной, порождает неравенство и эксплуатацию.

Опыт прошлого, с его неравенством и эксплуатацией, постоянно выступал движущей силой эволюции демократических правительств. До тех пор пока мы не научимся ставить власть под контроль управляемых ею людей как в частном, так и в общественном секторах экономики, права индивидуумов будут оставаться незащищенными.

Три уровня участия в экономике

Традиционные экономисты могли разрабатывать экономические теории, опуская вопрос об использовании власти в принятии экономических решений, поскольку экономику легко можно представить в виде двух категорий. Первая — это чисто механический процесс максимизации ресурсов (и связанные с этим проблемы, например безработица и инфляция). Вторая категория более фундаментальна и сложна, ее практически полностью игнорировали традиционные экономисты. Она включает политические, социальные и психологические детерминанты и последствия экономической деятельности.

Экономисты, как правило, концентрируют внимание на первой категории — простых аспектах спроса и предложения в экономике. Элементы второй категории — более сложные ключевые моменты процесса принятия экономических решений — обычно характеризуются как внешние по отношению к экономике. Они признаются, но исключаются из экономической теории и политики.

Вопросы, которые мы здесь рассматриваем, относятся ко второй категории экономики. Это политические и социальные последствия решений, принимаемых влиятельными советами директоров в компаниях частного сектора и оказывающих серьезное воздействие на качество жизни и даже шансы людей на выживание. В американской экономике огромное большинство людей совсем не имеют или имеют очень мало отношения к этим жизненно важным решениям. В связи с тем, что важнейшие экономические решения, принимаемые меньшинством, сказываются на жизни всех людей, многие страны начали пытаться исправить это положение, пересматривая основные ценности и представления, лежащие в основе экономической теории и политики.

Понятия свободы и демократии, два важнейших элемента индивидуального и социального поведения, трактовались в ходе развития экономической теории таким образом, как будто они существовали в вакууме. В XVIII и XIX веках появились утопические политико-философские концепции свободы, перенесенные классическими

экономистами в их теории свободного рынка. Либеральное направление в классической экономической теории определяло свободу как способность всех индивидуумов преследовать свою выгоду. Такая концепция свободы соответствовала статическим представлениям того времени об организации общества.

В действительности, проходя через этап промышленной революции, человечество проявило гораздо большую изобретательность, готовность воспринять новое, скептицизм и стремление к эксперименту, чем это имело бы место, если бы общество развивалось по модели, предложенной классическими экономистами. В действительности общество могло оставаться статичным, лишь ничего не зная о существующих экономических возможностях.

Хотя удовлетворение собственных интересов и есть элемент свободы, последняя не является достаточной (для обеспечения справедливости — в отличие от того, что утверждают концепции, разрабатывавшиеся во времена, когда мир и его проблемы были намного проще). Этот факт имеет особое значение для политического экономиста, поскольку экономическая система должна быть не только эффективной, но и справедливой. Постоянная несправедливость или неэффективность, как правило, рано или поздно подрывают любую социальную систему.

Статическое восприятие общества, присущее классическим экономистам, в значительной мере объясняет отсутствие реализма у традиционных экономистов. Это типично и для сегодняшнего дня, и, как следствие этого, экономисты занимаются главным образом теориями рынка и ценового регулирования, игнорируя при этом влияние структурных и социальных факторов на экономический процесс. Этот упор на «чистую экономику» порождает изоляцию экономической науки от других общественных наук, а также поощряет появление теорий и политических подходов, не приносящих большой пользы человечеству.

Сердцевиной политики является организация власти. Сердцевинной экономики является организация производства, распределения и потребления. Реалистический анализ экономического процесса невозможен, если организация и использование власти не будут рассматриваться в качестве его неотъемлемой части. Абстрактные рыночные теории изолировали экономическую науку от реального мира.

Власть существует в различных формах. Как мы уже говорили, она играет важную роль в принятии решений на уровне корпораций, особенно в огромных структурах глобальных индустриальных и финансовых конгломератов. Она присутствует и в организованном профсоюзном движении. Власть играет центральную роль в общественном секторе. Она неотделима (реально и потенциально) от военного «истэблшмента» и таких организаций, как Трехсторонняя комиссия и Совет по внешним сношениям.

Традиционные экономисты относят проблему власти к ведению

других дисциплин и рассматривают ее как постороннюю проблему. Они не понимают, что их собственные теории основаны на очень специфической концепции власти — а именно на тезисе о том, что в условиях свободного рынка власть не играет большой роли. Даже в теориях монополии и олигополии они рассматривают власть только постольку, поскольку она влияет на цены и количество выпускаемой продукции. Вопрос о качестве и справедливости применительно к социальному продукту, а также вопрос о воздействии последнего на индивидуумов и общество практически обходится стороной.

Как позволяют судить теории свободнорыночного капитализма, в традиционной экономике правительство почти полностью исключается из участия в экономическом процессе, поскольку авторы этих теорий убеждены, что частный сектор не располагает властью, которую было бы необходимо контролировать со стороны общественного сектора во имя интересов общества. Лозунг «То правительство хорошо, которое правит мало» уходит корнями в классическую экономику, а также современные консервативные экономические теории. Он основан на убеждении, что власть не играет центральной роли в принятии экономических решений. Исключая власть из экономической структуры и соответственно рассматривая правительство как внешний фактор, роль которого должна быть минимальной, авторы этих теорий выстраивают свою экономическую структуру на нереалистическом фундаменте.

В действительности правительство играет крайне важную роль в экономике всех промышленно развитых стран. Причина этого явления кроется в эволюции рыночной структуры и организации власти. По мере того как экономическая эволюция изменяла структуру простого рынка и статического общества, власть начала играть важную роль почти во всех аспектах экономической деятельности в частном секторе. Неравенство в использовании и организации власти стало источником несправедливости и эксплуатации, породивших поляризацию «имущих» и «неимущих» в период промышленной революции.

Главной политической движущей силой «неимущих» в западных демократиях стала борьба против эксплуатации и несправедливости. Они призывали правительство и государственные организации помочь им в этой борьбе. По мере того как политическая власть стала более равномерно распределяться в обществе в нынешнем столетии, особенно после первой мировой войны и во времена Великой депрессии, люди, извлекавшие пользу из этих изменений, начали требовать более справедливого распределения доходов и других улучшений качества жизни.

Стремление к большей справедливости привело к более активному вмешательству правительства в таких сферах, как распределение доходов, защита мелких фирм от бесконтрольной власти крупных фирм, охрана труда рабочих, социальное и пенсионное обеспечение, медицинское страхование, помощь безработным и ин-

валидам. Многие западные демократии стали государствами всеобщего благоденствия (Швеция возглавляет этот список, США находятся позади других стран).

С усилением власти в общественном и частном секторах, расширением роли правительства и ростом частных корпораций до масштабов, когда во многих из них работают от ста тысяч до одного миллиона человек, возникает вопрос: какую роль играет индивидуум в принятии экономических решений или, более конкретно, какой властью он обладает? Представление о том, что в демократии воля народа определяет решения его представителей в законодательных органах власти, подразумевает, что эти решения действительно принимаются органами законодательной власти. Ранее мы уже отмечали, что многие экономические решения, имеющие важные политические и социальные последствия, принимаются в залах заседаний крупных транснациональных корпораций и влиятельных международных финансовых организаций.

Самым важным последствием этих решений является их воздействие на людей как производителей и потребителей, а также их влияние на международные отношения. Последнее приобретает критическое значение по мере того, как мы изобретаем все более смертоносные виды оружия, предназначенные для «урегулирования» международных конфликтов.

Недавняя история не оставляет никаких сомнений относительно политических последствий экономических решений, принимаемых в частном секторе. Например, в 1928 году нефтяная группа «Семь сестер» встретила в Шотландии для выработки мер по борьбе с конкурентами и упорядочению отрасли, снабжавшей развивавшийся мир жизненно важными энергоносителями. Они сформировали неофициальный картель, обладавший большей частью сырой нефти и нефтеперерабатывающих заводов на Ближнем Востоке, в Канаде, Венесуэле и США. Они практически беспрепятственно действовали до 1960 года, когда Ливия нарушила неписаное соглашение и продала нефть для нефтеперерабатывающих заводов за пределы этой системы. Наряду с этим они играли важную роль во внутренних политических делах стран — производителей нефти, обеспечивая защиту своих интересов. Отец последнего шаха Ирана был обязан своим возвышением экономической власти нефтяных компаний. Поэтому политическая система Ирана фактически стала составной частью экономической системы «Семи сестер».

Государственная политика США, как она формулировалась рядом президентов, объявляет ближневосточный нефтяной регион сферой жизненно важных интересов США. В то же время исключительно важные взаимоотношения между странами Ближнего Востока и Соединенными Штатами формировались и контролировались «Семью сестрами». Демократический процесс не подключался к принятию решений по этим вопросам. Решения принимались в узком кругу и обязывали правительство США следовать

политике, которой предстояло десятилетиями защищать «жизненные интересы» Америки (о чем огромное большинство людей в стране не имело никакого представления и в формулировании их не участвовало).

Приводя этот пример, мы не стремимся доказать, что решения, принимаемые в залах заседаний крупных транснациональных корпораций и международных финансовых организаций, непременно порочны. Речь идет только о том, что роль, которую играют корпорации и финансовые структуры в формировании внешней политики, не покрывается рамками демократического политического процесса. Внешняя политика США в значительной степени определяется требованиями национальной экономики. Они включают потребность страны в ресурсах и зарубежных рынках. Из 40 наиболее важных видов природных ресурсов, необходимых экономике США, почти две трети поступают из различных зарубежных стран. Для того чтобы обеспечить себе рост и процветание, американские корпорации должны увеличивать экспорт и выводить свои операции за границы национальной экономики США. Они должны покупать, производить и продавать на рынках всего мира.

Внешняя политика, складывающаяся в законодательных органах власти США и Овальном кабинете, теперь практически принимает к исполнению решения, принятые ранее транснациональными корпорациями и их финансовыми союзниками. Во многих случаях правительство вмешивается только после того, как наиболее важные экономические решения уже приняты корпорациями. К тому времени, когда избранные народа выходят на сцену, где разыгрывается международная экономическая драма, спектакль уже в полном разгаре и ход событий невозможно изменить.

Из этого отнюдь не следует, что путь к свободе и демократии будет более легким, если правительство будет управлять и направлять экономику. Опыт Советского Союза показал, что недостаточно передать власть правительству от имени народа. Уже спустя четыре года после большевистской революции Ленин начал критиковать советскую бюрократию. К 1930 году в стране было 5 млн. бюрократов, и Лев Троцкий объявил, что хотя средства производства, возможно, и принадлежат народу, им правит бюрократия. Владение средствами производства не дало людям возможности распоряжаться своей судьбой. Свобода и демократия не процветают ни при капитализме, ни при социализме, когда важные решения, затрагивающие настоящее и будущее всей страны, принимаются без участия огромного большинства народа.

В этой связи следует отметить, что участие вовсе не означает, что все люди непосредственно вовлечены в разработку и осуществление политики. Абсолютно ясно, что это невозможно. Данный термин используется здесь в джефферсоновском смысле. Люди должны иметь доступ к точной информации, которую они могут использовать для избрания и оценки деятельности своих предста-

вителей. Это также означает, что частный корпоративный сектор должен открыться для контроля в тех областях, где принимаемые решения оказывают влияние на все общество, страну или другие регионы мира. (Более подробно этот вопрос см. в гл. 14, 15.)

В политических процессах в США и бывшем СССР имеются некоторые черты сходства. Ни в одной из этих систем народ не принимает участия во многих наиболее сложных экономических решениях, которые чреватые такими серьезными политическими и социальными последствиями, как война, империализм и отчуждение.

Тот факт, что 20 млн. американцев являются держателями акций и владельцами американских компаний, не означает, что именно они принимают решения. Большинство президентов и управляющих, контролирующих деятельность крупных корпораций, владеют незначительной долей всех акций. Акционеры, передающие им контроль над корпорацией, как правило, настолько разобщены, что совет директоров и руководство компаний могут осуществлять свою власть практически беспрепятственно, за исключением редких случаев, когда в корпорации появляются возмутители спокойствия.

Концепции свободы и демократии, созданные в XVIII и XIX веках, к настоящему времени устарели. Каково бы ни было определение демократии, оно должно включать участие народа в принятии важных решений, влияющих на выживание и качество жизни. Демократия — это политическая организация, обеспечивающая возможности такого участия.

В общественном секторе свобода и демократия заявляют о себе на избирательном участке. Если люди не принимают участия в процессе выборов, они не используют свою политическую власть. Этот политический инструмент воздействия очень важен для решения вопросов социального обеспечения в стране. Простое избирательное право само по себе не обеспечивает реалистического участия. Во время президентских выборов в США едва ли 50 процентов всех избирателей участвуют в голосовании. В Советском Союзе голосовали почти 100 процентов избирателей. Из этого было бы абсурдно делать вывод, что в Советском Союзе люди в два раза активнее участвовали в политическом процессе, чем в США. Простое участие в процедуре голосования не может быть приравнено к действительному политическому участию, где требуется, чтобы избиратели знали все о проблемах, вокруг которых организуется избирательная кампания в плюралистическом обществе.

Фактор, определяющий политическое участие, — это то, в какой степени избранные представители действительно представляют тех, кто их избрал, в процессе принятия политических решений. До Великой депрессии 30-х годов большинство рабочих в Америке не были охвачены профсоюзами, а те профсоюзы, которые существовали, не имели политической власти из-за законов, препятствующих

щих росту их власти и влияния. Соответственно профсоюзы почти не выдвигали кандидатов, представлявших их интересы, в законодательные органы и палаты Конгресса. Рабочие могли голосовать, но их выбор практически ограничивался представителями бизнеса, финансистами, держателями собственности и в некоторых штатах кандидатами от фермеров. До 30-х годов рабочие не имели эффективного инструмента политического участия. То же самое относилось к женщинам, черным американцам и другим меньшинствам.

Во время Великой депрессии и после второй мировой войны демократия получила толчок к развитию в США, и рабочие, женщины и национальные меньшинства стали принимать более активное участие в процессе принятия политических решений. Это произошло в результате перераспределения власти посредством эффективной организации.

В этой связи очевидна необходимость изменения характера процесса принятия решений в частном секторе экономики (мы уже говорили об этом выше), который оказывает серьезное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику, вовлекая в них ресурсы страны и ее военную мощь. В данной сфере о широком участии граждан США практически не приходится говорить. В этом — большая слабость нашей системы.

Эта проблема относится ко второй категории экономического процесса (политические и социальные последствия решений, принимаемых в корпоративном секторе, о чем говорилось в начале данного раздела), поэтому она не получила должного освещения. Ниже приводится анализ этой категории, необходимый, для того, чтобы включить человеческий фактор в экономический процесс.

Рациональное участие как необходимое условие более гуманного общества

Мы должны помнить о том, что политика — это использование и организация власти. Первоочередная цель власти — распределение богатства и привилегий, а также защита тех, кто ими пользуется. Как мы видели, власть осуществляется в процессе принятия решений на разных уровнях.

В предыдущем разделе мы уже говорили о том, что в США не одна, а три политические системы (экономический рынок, корпоративная политическая сфера и правительство). Фактически они составляют три отдельные, но взаимозависимые системы. В каждой из них власть проявляется по-разному. То есть различен уровень участия, и это оказывает важное воздействие на результаты процесса принятия экономических решений. Для всех трех систем имеет значение тот факт, что их организационная структура создавалась с расчетом на более простой мир и должна быть изменена,

если мы действительно стремимся к расширению общественного участия.

Наименее выражено участие в корпоративной политической сфере. Даже держатели акций не имеют заметного голоса в формировании политики крупных корпораций. Пять американских нефтяных компаний, создавших в 1928 году в Шотландии группу «Семь сестер», куда вошли также «Бритиш петролеум» и голландская «Шелл», не консультировались при этом ни с держателями акций, ни с правительством, ни с населением в целом. То же самое можно сказать об американских инвесторах в «третьем мире» и многих других примерах деятельности, оказывающей воздействие на международные политические отношения.

Это очень важный вопрос, поскольку неучастие граждан в сфере, где вырабатывается политика, серьезным образом затрагивающая жизнь людей, представляет собой серьезный пробел в традиционном демократическом процессе. Власть должна быть поставлена под общественный контроль и в общественном, и в частном секторах экономики, иначе вместо мотивации люди будут испытывать отчуждение.

В рыночном секторе экономики участие носит более выраженный характер, однако здесь надо говорить не только о количестве, но и о качестве. В американской экономике потребители имеют перед собой огромный выбор продукции. Их спрос во многом определяет спектр товаров и услуг, производимых экономикой. Многие экономисты описывают это явление как экономику свободного выбора и свободного рынка.

Поскольку целью участия является избежание конфликтных ситуаций и создание гармоничного общества, колоссальное значение имеет качество участия. С точки зрения рыночного спроса возникают два вопроса: каковы потребности человечества и окружающей среды в свете поставленной цели (разумного и гармоничного общества) и как при этом определяется спрос? (Мы уже отмечали это в гл. 8.)

Современная интерпретация спроса является полной противоположностью более ранних воззрений, уходящих своими корнями в религию. Она демонстрирует переход от почти полного отсутствия свободы личности, когда стиль жизни и характер спроса в значительной степени определялись предписаниями Евангелия, к стилю жизни и моделям спроса, определяемым самой личностью без всяких предписаний.

В современном мире (как мы указывали (в разд. 2 гл. 8) фактический спрос определяется гораздо более сложным путем. В большинстве развитых стран реклама, действующая через средства массовой информации, в большой мере заменила религию и другие формы воздействия как фактор, формирующий культуру и инициирующий спрос.

Теоретически цель рекламы — информировать потребителей о

предлагаемых товарах. На практике, стремясь увеличить объем продаж и прибылей, бизнес использует средства массовой информации для воздействия на потребительский спрос с помощью различных психологических методов. Ему содействуют в этом опытные консультанты, которые специализируются на привлечении потребителей и вводят их в искушение купить вещи, в которых они, возможно, и не нуждаются — ни в целях выживания, ни в целях достойной и гармоничной жизни.

Спрос в американской экономике в значительной мере синхронизирован с потребностями производителя на частном олигополистическом рынке. Учет потребностей производителя, если это законные экономические потребности, — важное условие успеха в экономике. Этот вопрос мы уже рассматривали в гл. 6 и 8. Здесь же мы обращаем внимание на природу и цели потребительского спроса.

Люди весьма подвержены влиянию идей и обычаев, преобладающих в окружающем их мире. В американской экономике бизнес может быть успешным только в том случае, если преобладающие идеи и обычаи будут крайне материалистскими по своей сути и практически обеспечат уровень потребления, приближающийся к уровню бесполезной траты. Товары задумываются таким образом, чтобы они служили как можно меньше и заменялись как можно чаще, обеспечивая тем самым бесперебойную работу конвейеров. Главная цель сегодня — новые, лучшие, отличные от прежних, самые последние модели товаров. При этом ритм производства настолько высок, что товары зачастую устаревают, не дойдя до покупателя и оставшись, по существу, не использованными.

Характерно, что если в прошлом (когда материальный комфорт и роскошь были доступны лишь небольшому числу людей) религия отвлекала массы от соблазна материальных вещей, современные средства массовой информации, напротив, стремятся создать искушения, питающие потребительский спрос и стимулирующие рост продаж. В некотором смысле это логический этап в переходе от аграрного к развитому обществу. В старом обществе большая часть товаров была в дефиците и потреблялась только богатыми людьми. В современной американской экономике непрерывное и максимально эффективное функционирование промышленности зависит от массового потребительского спроса.

Еще раз подчеркнем: исторически существовало только два основных фактора влияния на потребительский спрос. Один — основанный на обычаях и законах, светских или религиозных (например, в феодальный период), другой — на принципе, что спрос определяется рынком.

В первом случае обычаи и законы предположительно соответствовали потребностям человечества. Массы людей не принимали сколь-либо активного участия в формировании спроса.

Во втором случае предполагается, что индивидуумы способны

оценивать свои потребности и потребности окружающей среды, не полагаясь на законы. Общая идея такова, что люди, действуя индивидуально, в том что касается спроса, каким-то образом смогут удовлетворять собственные потребности и потребности окружающей среды как в настоящем, так и в будущем.

Хотя в рыночной экономике индивидум обладает более развитым чувством свободы, из этого вовсе не следует, что это обязательно поможет ему обеспечить удовлетворение основных потребностей человека и защиты окружающей среды. Ни одна из систем не смогла выработать соотношение законов и индивидуальной свободы, необходимое для достижения этой цели.

Сторонники корпоративной рыночной экономики утверждают, что если не будет законов и правил, то потребительский спрос будет выразителем свободного общества. Не стоит и говорить, что подобные иллюзии должны уступить место здравому смыслу во имя развития системы, при которой культурный и потребительский спрос будет эффективно отражать действительное массовое участие потребителей, достаточно полно информированных для того, чтобы понимать и уважать потребности человека и окружающей среды.

С другой стороны, хотя правительственный уровень власти в США организован на демократических принципах, участие граждан заметно ограничено двумя условиями. Отсутствие знания и понимания фактов, лежащих в основе важных проблем, определяющих качество жизни, снижает эффективность использования этой власти, которая в демократическом обществе должна исходить от народа. Кроме того, многие важные проблемы возникают и в частном секторе, и к тому моменту, когда они попадают в поле зрения общественного сектора, подходы к их решению бывают практически предрешены. (Об этом говорилось выше.)

Создавая реалистическую основу гуманного общества, мы должны ответить на крайне важный вопрос: как придать новый смысл понятиям свободы и демократии в мире, столь отличном от того мира, который служил им колыбелью? Решение этой проблемы — в создании условий, способствующих развитию системы демократического участия в экономике.

Демократическое участие не означает равного участия, так как ни в природе, ни в мире, созданном человечеством, нет необходимых для равенства условий. Равенство не является необходимой предпосылкой широкого участия людей в процессе принятия решений. Важно, чтобы люди имели возможность участвовать в принятии тех решений, которые непосредственно влияют на их жизнь, если не в равной, то по крайней мере в определенной степени. Люди страдают из-за отсутствия справедливости, а не равенства! Повторим еще раз: для того чтобы участие стало реальным, оно должно осуществляться на двух уровнях принятия решений — а именно в частном секторе (где определяются производство, потреб-

ление и распределение доходов) и в общественном секторе (т. е. на уровне правительства).

Многие меры, которые нужно принять, чтобы обеспечить демократическое участие, поначалу могут показаться просто невозможными. Это естественно, если судить о будущем, отталкиваясь от опыта прошлого. Цель, стоящая перед нами, требует, однако, чтобы мы старались отделиться от стереотипов прошлого. В прошлом у нас не было тех огромных преимуществ, которыми мы обладаем теперь благодаря современной технике и технологии, а также непрерывному накоплению опыта.

Мы должны не только перестать полагаться на схемы, годившиеся только для прошлого, но и избегать искушения строить новые утопии. Это значит, что мы должны выработать междисциплинарный, целенаправленный подход и смело позволить утопическим мечтаниям XIX века кануть в Лету.

14. СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В ПРОСВЕЩЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Пересмотр экономической теории в контексте целей и потребностей человека

Отношения между человеком и обществом во многом определяют жизнеспособность общества и качество жизни в нем. Мы — дети унаследованного нами прошлого и нашего физического и социального окружения. Простой принцип философии утилитаризма, согласно которому свободный рынок дает возможность каждому получать максимум удовольствий, испытывая при этом минимум огорчений, нельзя применить для решения проблем человеческого выбора в ситуации, когда этот выбор имеет долгосрочные последствия для человека и окружающей его среды, потому что в ткань общества вплетены важные характеристики, не поддающиеся произвольному изменению.

Если человечество рассматривается холистически, то реалистичный подход к экономике вступает в конфликт с чрезмерно упрощенной интерпретацией человеческого поведения, характерной для традиционной экономической теории¹. Цель экономической науки состоит в том, чтобы с максимальной эффективностью использовать имеющиеся ресурсы для удовлетворения потребностей человека. Экономисты называют это оптимизацией (см. гл. 3, 9).

Если условия оптимального решения экономической проблемы определяются в категориях целей, экономическая наука может рассматриваться как одно из средств удовлетворения потребностей человеческого общества и окружающей среды как предпосылки для выживания. Жизненно необходимо, чтобы политика, воздействующая на спрос и предложение в нашем обществе, была нацелена именно на

эту задачу. Это возможно только в том случае, если мы откажемся от традиционных экономических подходов, трактующих «свободный выбор» индивидуума как самоцель, и при этом избежим превращения в авторитарное общество, где государство игнорирует потребности человека.

Неспособность обеспечить процесс принятия решений, отражающий баланс между потребностями индивидуума, с одной стороны, и потребностями общества и окружающей среды — с другой, это проблема, с которой столкнулось большинство государств, в том числе Соединенные Штаты и Советский Союз. В Соединенных Штатах ценности и культура формируются в значительной мере под воздействием материализма и индивидуализма, усматривающего в обществе элементы паразитизма. Это находит выражение в общем неприятии социального планирования, за исключением планирования на случай войны и выработки национальной военной стратегии.

В Советском Союзе государство считалось защитником интересов народа и потребностей окружающей среды, но при этом предполагалось, что люди должны следовать правилам и решениям в сфере спроса и предложения, даже не участвуя в их принятии.

Не так уж сложно понять идеи, лежащие в основе обоих этих подходов. Философские теории, которые учат, что индивидуализм и свобода выбора обеспечивают всеобщее благо, возникли в Великобритании как следствие двух исторических явлений: оппозиции деспотической власти церкви и государства и развития предпринимательского капитализма. Философские теории, отстаивающие обязанность государства вести людей к моральной и осмысленной жизни, берут свое начало в оппозиции наиболее жестоким проявлениям индивидуализма и свободы выбора, характерным для Великобритании и Соединенных Штатов в XIX веке. Оба этих подхода отражают природу первоисточника их идеологического бунта против существующих условий, осознанных как несправедливые и нежелательные. В результате и сама проблема, и ее решение воспринимаются упрощенно.

Оптимизация становится функциональной только в том случае, если она нацелена на удовлетворение потребностей человека, общества и окружающей среды. Для того чтобы сделать эту цель наивысшим экономическим приоритетом, необходимо, чтобы процесс принятия людьми решений стал средством ее достижения. Так как структура процесса принятия решений носит политический характер, экономические цели и оптимизация не могут быть достигнуты без помощи политического искусства. Понимание этого факта еще раз подтверждает для нас необходимость междисциплинарного подхода к экономике. В ходе развития традиционной экономической теории в Великобритании и Соединенных Штатах политический и социальный характер экономики был практически проигнорирован².

Две наиболее важные политические концепции — это свобода и демократия. Обе они являются жизненно необходимыми компонентами экономического понятия оптимизации. Точно так же как понятие «свободный рынок» представляет собой упрощение и базируется на устаревших и нереалистичных предположениях, демократия и свобода, в том виде, как их определяло большинство ученых в XIX веке, не дают возможности понять мир в эпоху после промышленной революции и последующих изменений, вызванных стремительным прогрессом науки и техники. Точно так же как жилье, удовлетворяющее потребности человека, не может быть построено без необходимых материалов и инструментов, экономическая оптимизация не может быть достигнута без необходимого набора политических инструментов, применяемых в промышленности и правительстве при использовании и распределении ресурсов и рабочей силы.

Демократия в основном по-прежнему рассматривается как система, основанная на свободных выборах и существовании двух или более политических партий. Это определение опирается на философский подход, согласно которому процесс принятия решений сосредоточен в законодательном органе, где заседают люди, избранные теми, кого они представляют. Мы уже отмечали в главе 13, что это определение слишком узко для условий, когда жизненно важные решения принимаются внутри организации, управляющей экономическим процессом, то есть внутри корпорации. Решения, имеющие далеко идущие последствия, принимаются при весьма ограниченном участии демократических органов власти. Иными словами, демократия в ее нынешнем виде сама по себе не ведет к постановке и достижению целей, удовлетворяющих потребности людей и окружающей среды. Бессмысленно и смешно говорить об экономической оптимизации в отсутствие политической перестройки, направленной на то, чтобы повысить ответственность частного и государственного секторов перед людьми и заставить их более чутко реагировать на пожелания последних.

Ключевой вопрос, встающий в этой связи перед нами, заключается в том, может ли современная рыночная экономика функционировать успешно, не подчиняя цели улучшения качества жизни целям и потребностям корпорации или государства. Если мы не хотим, чтобы экономический процесс оптимизации был бесцельной попыткой с непредсказуемыми последствиями, нам необходимы экономические цели. Хотя капитализм и стал преуспевающей экономической системой, в том что касается производства товаров и услуг, это произошло вопреки классическим теориям, на которых он был построен, и благодаря тому, что капитализм смог развиваться на основе прагматизма. Вследствие расхождений между классической моделью и более прагматическим опытом это развитие шло весьма бесцельно с точки зрения интересов и целей человека и общества.

Понадобится огромная работа ученых-обществоведов, прошедших подготовку в сфере экономики, прежде чем можно будет совершить переход от относительно статичного однофакторного анализа, характерного для современных экономических подходов, к подлинно динамичному и многофакторному анализу, необходимому для исследования экономических реалий сегодняшнего дня (см. первую часть гл. 12). Тем не менее кое-что уже сделано. Так, мы уже имеем некоторое представление об экономических целях, которые могут служить нам отправной точкой. У нас уже есть опыт в отношении экономических возможностей, который должен помочь в постановке целей и задач.

Необходимо разработать также концепции свободы, демократии и социальной ответственности, которые помогли бы достичь экономических целей, способствующих выживанию и здоровому развитию человечества. Эта цель отнюдь не нова. Величайшие мировые религии и философские теории искали ответы на аналогичные вопросы, однако это слишком часто оборачивается погоней за утешением. Настало время, когда обществоведы должны осознать реальное положение дел и помочь нам в этом начинании.

Социальные цели и жизненная необходимость разработки комплексных планов и программ

В XVIII и XIX веках такие ученые, как Адам Смит, Дж. Стюарт Милль и Карл Маркс, понимавшие роль экономики в развитии человечества, считались обществоведами. Подобно Дж. Стюарту Миллю³, первые политэкономы, как они себя называли, осознали необходимость постановки морально обоснованных целей как основы выработки социально конструктивной политики.

Цели и ценности, открыто декларируемые экономистами и другими учеными в сфере социальных наук, определяют их общий подход к решению проблем, включая методологию исследований, выводы и выдвигаемые ими политические рекомендации. Для традиционных экономических подходов XX века характерно упрощение, проистекавшее от убеждения в том, что экономика — это не наука о морали (или искусство морали) и что социальные цели и ценности можно игнорировать, за исключением тех случаев, когда они связаны с принципом количественной оптимизации.

В реальном мире объективное исследование невозможно провести без учета социальных целей. Гуннар Мюрдаль, шведский ученый, лауреат Нобелевской премии, полагал, что точно определенные социальные цели и человеческие ценности позволяют исследователю избежать необъективности⁴.

Смысл социальных целей — в улучшении качества жизни. Одна из них состоит в том, чтобы предотвращать проблемы, которые, будучи оставленными без внимания, приводят к социальным порокам.

К этой категории целей относятся обучение и профессиональная подготовка молодых людей к работе, которую они могут получить, вступив на рынок труда. Очевидно, что эти меры сокращают вероятность безработицы и неполной занятости. Другие социальные цели направлены на преодоление уже существующих социальных пороков. Примеры таких пороков — трущобы и нищета.

Социальные цели третьего типа состоят в том, чтобы обеспечить определенный уровень справедливости в мире, где власть и богатство, не ограниченные системой издержек и противовесов, создают привилегии для одних, порождая отчуждение других. В качестве примера можно привести социальные меры в области жилищного строительства, здравоохранения и образования. Такие социальные цели достигаются за счет установления приоритетов и не могут быть доверены рыночной системе.

Есть множество примеров постановки социальных целей в капиталистических странах. В конце XIX века канцлер Германии Отто фон Бисмарк, придерживавшийся консервативных взглядов, сыграл большую роль в создании первой в мире программы социального обеспечения и национальной системы здравоохранения. Томас Джефферсон содействовал созданию системы государственных школ в США. В нескольких западных странах сразу же после окончания второй мировой войны были приняты законы о полной занятости, гарантировавшие участие правительств в предотвращении безработицы. Эти шаги предпринимались по разным причинам. Однако между ними было нечто общее: все они были направлены на улучшение качества жизни. Это помогло улучшить имидж капиталистической системы, сделать ее более справедливой для тех, кто лишен власти, положения в обществе и богатства.

Сегодня некоторые капиталистические и социалистические страны выражают политическую приверженность одному или нескольким приоритетам, к которым относятся: недорогое, приличное⁵ жилье для всех граждан (в некоторых странах арендная плата не может превышать 6 процентов от дохода семьи); бесплатное образование, основанное на принципе индивидуальных способностей (для тех, кто не способен получить высшее образование, предусматривается бесплатная профессиональная подготовка); бесплатная медицинская помощь (в некоторых странах она включает профилактическое и амбулаторное лечение, а также услуги скорой помощи); бесплатный или недорогой общественный транспорт и бесплатный отдых (обусловленный потребностью людей в отдыхе и восстановлении сил для сохранения здоровья).

Фактически наличие данных приоритетов в этих странах означает, что их экономика производит некоторое количество предметов и услуг первой необходимости для всех людей, а также значительно большее количество менее необходимых услуг и предметов роскоши для тех, кто может себе их позволить. Предметы и услуги, избранные как приоритеты социальной политики, оплачиваются

через различные налоги, поскольку даже жизненно необходимые вещи — это не подарок природы. Постановка социальных целей и приоритетов подразумевает перераспределение доходов, которое может быть успешно осуществлено только в условиях экономики с полной занятостью, то есть экономики эффективной и, следовательно, не страдающей от необходимости перераспределять средства в пользу безработных и людей, занятых неполный рабочий день.

Цели и приоритеты социальной политики не следует устанавливать авторитарным путем. Такой путь лишает людей возможности участвовать в их выборе. Актуальность выработки социальных целей и приоритетов очевидна. Неравенству, характерному для любой социальной системы, нельзя позволить достигнуть такого уровня, когда оно порождает массовое отчуждение, приводящее к политической нестабильности. Иными словами, эффективно действующая экономическая система должна обеспечивать определенный уровень справедливости и равенства.

Постановка социальных целей и приоритетов — это вовсе не аргумент против частного предпринимательства и рыночной экономики. Напротив, как инстинктивно чувствовали Бисмарк и Франклин Рузвельт, она способствует укреплению и того и другого. Однако пуристская интерпретация рыночной экономики, основывающаяся на традиционной концепции «экономического человека», чьи решения рациональны, а потребности ограничены экономической сферой, не оставляет места для социальных целей и приоритетов. Вот почему традиционные экономисты настаивают на том, что рассуждения о ценности не имеют отношения к рыночной экономике.

Пределы возможностей рыночной системы становятся очевидными, если взглянуть на примеры дефицита жизненно необходимых товаров и услуг в период, когда согласно традиционной экономической теории рынок находится в состоянии равновесия. Так, в частности, рынок жилья может сохранять равновесие, в традиционном смысле слова, несмотря на то что это жилье недоступно значительной части населения — семьям со средними и низкими доходами, не выдерживающим высоких цен на дома и землю. Те, кто не может позволить себе купить жилье, не считаются частью рынка, а их тяжелое положение не оказывает никакого воздействия на концепцию равновесия.

Однако в современном обществе, где рыночная экономика дополняется приоритетами, устанавливаемыми политическим путем, проблема низких доходов стала серьезной экономической проблемой. В результате в странах так называемой экономики всеобщего благоденствия дефициты возможны даже тогда, когда рынок находится в равновесии. Общеизвестно, что распределение доходов отражает не столько производительность, сколько другие факторы. Даже при наилучших условиях сложная современная экономика неизбежно порождает существенное неравенство. Общество может либо реагировать на это, субсидируя главные направления социаль-

ной политики, такие как обеспечение жилья, либо остаться равнодушным.

Одна из сложнейших проблем при осуществлении государственной политики, направленной на преодоление общественного неравенства, заключается в четком определении социальных целей. Временами они задаются политически, но наталкиваются на непреодолимые препятствия. В результате изначальные цели теряются в массе проектов, которые, возможно, имеют отношение к этим целям, однако никогда не приводят к их достижению. В подтверждение этого можно привести следующий пример.

В городе X имеется обширный район трущоб, где проживает 30 процентов населения города. Средний заработок в этом районе составляет лишь 1/3 от дохода, получаемого в среднем по городу. Уровень преступности значительно превышает общегородской, а подавляющее большинство жителей района — это лица, получившие от города социальные пособия. Местное население и вся страна воспринимает эту ситуацию как серьезную социальную проблему. Поэтому городские власти решают ликвидировать эти трущобы. То есть предпринять определенные шаги, которые можно рассматривать как «промежуточное общественное благо», ведущее к конечной социальной цели — ликвидации трущоб.

Для того чтобы достичь конечной цели, необходимо обеспечить населению трущоб доступ к образованию, профессиональному обучению, работе и осуществить другие программы, связанные с проблемами умственного, физического и эмоционального здоровья. Наконец, трущобы необходимо заменить приличным жильем, отвечающим понятиям плодотворной жизни и представлениям о правах и обязанностях хороших граждан.

К сожалению, трудности, связанные с принятием различных необходимых программ, не могут быть преодолены. По своему происхождению они могут быть разными — расовыми, политическими, экономическими или социальными; но в любом случае они встают на пути. В конце концов единственное, что реально предпринимается, — это жилищная программа. Старые, обветшалые дома заменяются на новые, куда переезжают бедняки. Что же за этим следует?

В данном примере жилищная программа, хотя и представляется желательной на первый взгляд, не является конечной целью. Это лишь средство для достижения цели или промежуточное общественное благо. В отсутствие других программ (промежуточных общественных благ) она сама по себе не сможет привести к конечной цели: повышению производительности труда и созданию возможностей для лучшей жизни, а также ликвидации не только трущоб, но и бедности и социальных пороков, их порождающих. Следовательно, трущобы будут воспроизводиться так же быстро, как производилась их ликвидация.

Два наиболее серьезных недостатка программ коллективных

действий — это наивность, с которой устанавливаются цели социальной политики, и пренебрежение к социальным программам, не достигающим своих целей. Социальные цели должны опираться на политическую реальность. Трудности необходимо анализировать и устранять либо принимать во внимание. Нереалистично предполагать, что, устанавливая социальные цели, можно полностью удовлетворить пожелания избирателей — условием этого является решение таких социальных проблем, как расизм. Если коллективные действия производят промежуточные общественные блага, не приводящие к устранению социальных проблем, которые они предназначены решать, социальные выгоды от промежуточных общественных благ приближаются к нулю.

Предположим, что социальная проблема существует в форме нашего предыдущего примера, а именно изнашивания жилого фонда в одном из районов города и как следствие этого — низкой производительности труда, мизерных доходов и высокого уровня преступности. Хотя плохое состояние жилого фонда и является симптомом этой проблемы, подлинные социальные цели в этом случае — подъем производительности труда и сокращение уровня преступности.

Хотя решение социальных проблем и требует учета издержек, по крайней мере столь же важно разобраться в общем контексте, в котором существуют эти проблемы, чтобы определить, будут ли они устранены с помощью планируемых затрат. Невозможно быстро ликвидировать все причины, порождающие бедность или ее следствие — трущобы. Существуют трудности социального плана, которые, если и могут быть преодолены с помощью избирательного и судебного механизмов, то только постепенно. Тем не менее существуют некоторые промежуточные общественные блага, которые могут быть предоставлены без промедления. Программы обучения и профессиональной подготовки, медицинские программы и программы поддержания жилого фонда, меры по повышению мобильности рабочей силы необходимо реализовывать одновременно с программами реконструкции жилья. Только подобный комплексный подход позволит смягчить социальную проблему, которую представляют трущобы.

Чтобы достигнуть желаемых результатов, такие программы должны быть всеобъемлющими. Необходимое сочетание составляющих компонентов до некоторой степени определяется конкретными обстоятельствами, однако издержки должны учитываться в любом случае⁶. И недоучет издержек и экономически обоснованных комбинаций составных элементов является одним из наихудших недостатков некоторых современных социальных программ.

Семьи с низкими доходами могут вырваться из болота трущобной жизни только в том случае, если возрастут производительность труда и отдача для общества их членов. Нынешний подход, делающий упор на решение жилищной проблемы семей с низкими

доходами, никак не решает эту задачу. В результате, социальные выгоды от существующих жилищных программ очень незначительны.

Готовность правительства взять на себя решение той или иной социальной проблемы зависит от избранных им политических приоритетов. В целом ряде стран трущобы и связанные с ними социальные издержки были успешно ликвидированы. Есть основания полагать, что при наличии финансовых средств и соответствующей организационной структуры, способной решать такие проблемы, это вполне реальная социальная цель. Следует иметь в виду, что затраты на ликвидацию трущоб могут оказаться совсем нецелесообразными, если их рассматривать как дисконтированные социальные издержки (т. е. сравнивать их с издержками, проистекающими от социальных проблем в трущобах).

Подобно тому как профилактика заболеваний может быть самым дешевым способом решения проблем здравоохранения, профилактические социальные акции, возможно, самый экономичный путь решения социальных проблем. Очевидно, это наиболее щадящий для людей путь.

В странах, познавших этот факт, дополнение рыночной экономики необходимыми социальными целями и приобретениями не только сделало экономическую систему более справедливой, но и повысило ее эффективность.

Преимущество предвидения проблем и планирование мер по их предотвращению в рыночной экономике

В традиционной микроэкономической теории термин «планирование» почти не используется. Это странно, если иметь в виду значительный объем планирования в частном секторе экономики, особенно в крупных корпорациях, где инвестиции достигают гигантских масштабов, а время от начала до завершения производства продукта составляет пять лет и более.

Планирование следует рассматривать исходя из того, чем оно на самом деле является. В оптимальном случае планирование — это коллективное действие, организованное демократическим образом и сочетающее цели, политику и процесс ее реализации таким образом, чтобы обеспечить улучшение условий жизни человека. Нереалистично предполагать, что этой цели можно достигнуть, полагаясь на случайность или рынок, реагирующий на цены.

Конечно, планирование — не всегда демократически организованное коллективное действие. Это справедливо как для частного сектора, так и для государственного. Анализируя роль планирования, важно различать между собой произвольные решения и решения, принимаемые с помощью демократических механизмов. В эффективной капиталистической экономике планирование играет не меньшую роль, чем в социалистической. Оппозиция плани-

рованию в рамках государственного сектора связана с тем, что планирование рассматривается как альтернатива рыночной экономике. Что касается частного сектора, традиционная экономическая теория в основном обходит проблему планирования.

На практике планирование весьма характерно как для государственного, так и для частного сектора. Мы уже говорили, что крупные корпорации должны планировать поступление важнейших ресурсов, а также рынки сбыта своей продукции. Без такого планирования они не могут производить крупные инвестиции, необходимые для их операций.

Что касается государственного сектора, то в настоящее время на долю правительства США приходится около 25 процентов от общей суммы всех расходов в экономике США. С этим связано планирование, осуществляемое Белым домом (через службу управления и бюджета), Конгрессом и рядом министерств и ведомств. Вопрос о том, должно ли планирование играть какую-либо роль в современной капиталистической экономике, например в экономике США, уже не стоит. На него уже получен недвусмысленный утвердительный ответ. Скорее вопрос заключается в том, какую роль должно играть планирование в частном и общественном секторах, имея в виду прошлые неудачи планирования в общественном секторе из-за хаотичных, вялых и откровенно неумелых попыток (как, в частности, в некоторых ведомствах по защите окружающей среды). Если бы в частных корпорациях планирование было организовано так же плохо, как в общественном секторе, а их сотрудники были столь же неопытны и равнодушны, как иные из государственных служащих различных уровней, то наша экономика была бы гораздо менее эффективной.

В действительности планирование является важным элементом современной частнопредпринимательской рыночной экономики. Не менее важное место оно занимает и в государственном секторе современного демократического общества. Убеждение в том, что планирование — один из двух столпов социалистической экономики (наряду с общественной собственностью на средства производства), демонстрирует невежество в отношении особенностей и условий функционирования современной капиталистической экономики. Те, кто разделяет это убеждение, не сознают, что современная экономика, будь то социалистическая или капиталистическая, сталкивается с одинаковыми проблемами и может использовать одни и те же меры для их разрешения. Истинная разница между двумя этими системами в том, как они используют эти методы.

Авторитарное планирование характерно не только для авторитарной социалистической экономики. Во времена Генри Форда планирование в «Форд мотор компани» было централизованным и отстраняло от участия в управлении всех работников ниже уровня самого Форда и одного-двух его самых близких компаньонов. То же

самое практиковал Сьюэлл Эвери в «Монтгомери уорлд». Есть и много других примеров. Сегодня целый ряд хорошо организованных корпораций разрабатывают долгосрочные планы с участием управленцев и сотрудников всех уровней.

Те же различия в подходах к планированию существуют и в разных странах. В таких несоциалистических странах, как Швеция и Дания, а также во Франции при правительстве социалистов развито демократическое планирование. Имеются значительные различия в подходах к планированию среди восточноевропейских государств. Однако во всех случаях планирование отвечает определенным целям. Оно требует тщательного анализа структурных проблем, выбора подходящих промежуточных социальных благ, реалистичной оценки социальных ограничителей или препятствий и, наконец, долгосрочного вложения ресурсов. Проиллюстрируем это положение примером.

Денежная политика, призванная бороться с инфляцией (общепризнанная социальная проблема), не достигает своей социальной цели — обеспечения стабильной, неинфляционной экономики. Чтобы получить желаемые результаты, денежная политика должна сочетаться и координироваться со всеми другими аспектами экономической политики и с рыночным сектором экономики. Она также должна строиться на реалистической оценке структуры экономики, чтобы избежать ситуации, когда меры, предпринимаемые для решения той или иной социальной проблемы, влекут за собой появление новых социальных проблем. Простое ограничение денежного предложения (создание дефицита денег) как орудие борьбы с инфляцией — это пример плохо спланированной денежной политики, поскольку в ней не заложены предпосылки для достижения желаемых социальных целей.

Наиболее организованные финансовые рынки, демонстрирующие особую жизнеспособность в периоды дефицита денег, — те из них, которые оперируют финансовыми инструментами федерального правительства и крупнейших национальных и транснациональных корпораций. Напротив, самые слабые финансовые рынки — те, которые финансируют жилищное строительство и общественные услуги штатных и местных органов власти. В результате этих институциональных различий денежные ограничители способствовали переливу кредитных денежных средств из политически приоритетных областей, таких как строительство жилья, здравоохранение, образование, транспорт и общественные услуги, в сферы, связанные с удовлетворением менее важных потребностей, таких как приобретение второго или третьего автомобиля, телевизора или стереооборудования.

Традиционный экономист заметил бы: «Если это воля рынка, да будет так». Однако сегодня этот ответ уже не годится. Структура финансового рынка такова, что в ней предметам роскоши отдается предпочтение перед предметами первой необходимости

по причинам, указанным в предыдущем разделе. Кроме того, предметы первой необходимости, не обеспечиваемые рынком, по крайней мере частично обеспечиваются правительством путем установления важных политических приоритетов. Спрос больше не ограничен рынком. Правительство стало посредником в превращении потребности в эффективный спрос. Это путь, посредством которого правительство смягчает социальные проблемы, которые оно не способно или не готово предотвратить. Однако ясно, что создание эффективного спроса на товары и услуги через трансфертные платежи, после того как рынок сделал свое дело, равнозначно подхлестыванию инфляции. Это пример плохого планирования.

Поскольку монетаристские меры вводятся тогда, когда страна уже страдает от инфляции, вакуум, заполняемый правительством, превращается в инфляционную брешь. Эта инфляционная брешь вызвана неспособностью частного рынка размещать ресурсы в соответствии с наиболее приоритетными потребностями и способностью людей использовать правительство для расширения возможностей рынка по обеспечению таких потребностей.

Другой пример — трансфертные платежи, связанные с низкими доходами вследствие неполной занятости. По всей видимости, если производительность труда не поспевает за техническим прогрессом, трансфертные платежи будут по-прежнему возрастать. Производительность труда — это не просто соотношение между капиталом и трудом. Она зависит от многих вещей. В частности, от различных подходов к производству, качества капитала и технологии, качества образования и обучения, финансовых ресурсов, политической и деловой организации, существующих возможностей, а также от других важных факторов. Инфляция является серьезным симптомом наших экономических проблем; неполная занятость и безработица — две ее главные причины⁷. Неудачные попытки как-то решить проблему неполной занятости служат еще одним примером плохого планирования.

Полагать, что экономический рост определяется только адекватным инвестированием, в свою очередь зависящим исключительно от уровня прибылей и ожидаемых доходов, — значит упрощать ситуацию в экономике, основанной на деятельности многонациональных корпораций, политической демократии и новейшей технологии. «Адекватные» прибыли не обязательно ведут к инвестированию внутри страны. Рынок не направляет автоматически «адекватные» прибыли в сферу взаимоотношений человека и капитала, соотнося ее с возможностями эффективной занятости. Неполная занятость — более сложная социальная проблема, чем просто соотношение капитала и рабочей силы.

В демократическом обществе рынок не обеспечивает соответствия политической эволюции и экономических возможностей. К этому следует относиться серьезно. В отсутствие разумного планирования расхождение между политической эволюцией и экономи-

ческими возможностями может стать серьезным фактором хронической инфляции и других острых проблем.

Бурное развитие технологии и постепенное истощение природных ресурсов вследствие научного и экономического развития, а также мирового демографического взрыва оказывают глубокое воздействие на структуру рынка США и экономику других стран. Научные и технические открытия происходят сегодня гораздо чаще, чем даже несколько десятилетий тому назад. В то же время демографический взрыв в сочетании со стремительной индустриализацией породил серьезные проблемы для окружающей среды, а также нехватку важнейших ресурсов. Эти проблемы призваны всемерно решать правительства всех стран. Правительство США задолго до начала энергетического кризиса, разразившегося в 1973 году после четырехкратного повышения странами — членами ОПЕК цен на сырую нефть, сознавало, что такие ресурсы, как нефть, ограничены. Поэтому, когда ОПЕК была создана в Багдаде в 1960 году, США следовало немедленно разработать соответствующие планы, чтобы предотвратить разбазаривание этого ценного ресурса, стоимость которого была искусственно занижена проведением политики неокOLONиализма. Такая наша политика привела к тому, что западные страны оказались зависимыми от ближневосточных государств и эта зависимость порождала политические действия, сделавшие Ближний Восток одной из наиболее горячих точек на планете.

Альтернатива была найдена после того, как разразился кризис. Спрос на нефть был значительно снижен более эффективным использованием этого ограниченного ресурса, а активные поиски новых нефтяных месторождений привели к разработке богатых промыслов на Аляске, в Северном море и в Мексике. Параллельно шел поиск альтернативных источников энергии (таких, как атомная энергия, энергия терминальных вод и солнечная энергия). Указанные действия — пример планирования после возникновения проблемы. Издержки и лишения оказались гораздо большими, чем в том случае, если бы планирование было осуществлено до энергетического кризиса, нанесшего весь этот ущерб.

Важно то, что острых дефицитов невозможно избежать и что окружающая среда не может быть надежно защищена в отсутствие готовности решать социальные задачи и наличия разумного метода своевременного предвидения и планирования. Многие экономические проблемы так и останутся нерешенными, пока этот факт не будет осознан. Однако, по всей видимости, этого не случится, пока не будет найден способ, придававший бы использованию планирования демократический и гуманный характер.

Роль информации в демократическом обществе

Вся жизнь на Земле подчиняется законам природы. Мы знаем, что отдельные индивидуумы, группы и даже виды, которые не могут приспособиться в течение определенного периода времени, обречены на гибель. Социальные институты также должны приспосабливаться к изменениям в окружающей их среде или умирать.

В системе, в которой социальные институты и человеческие решения определяют результат экономической деятельности, приспособление в значительной степени зависит от эффективности информационного аппарата. Необходимые знания включают как экономические, так и неэкономические факторы, поскольку все они имеют важное значение в процессе приспособления.

В традиционной экономической теории есть только один источник информации, из которого экономика через рыночную систему получает свой сигнал к изменению с целью адаптации. Это информация, получаемая через ценовой механизм.

На основе нее традиционные экономисты развили концепцию оптимальной, или эффективной, экономики.

Информационная система может быть простой или сложной в зависимости от простоты или сложности социального организма, которому она служит. В любом случае она состоит из трех частей: типы информации, использование информации и ответ на информацию.

В таком примитивном животном обществе, каким является муравейник, все три части сравнительно малы. Вся информация необходима для того, чтобы выжить и воспроизводиться, и она передается от поколения к поколению. Муравьи-разведчики играют роль сборщиков информации, и ответы этой системы на информацию являются автоматическими.

В примитивных человеческих обществах информационная система также очень проста. Самые высшие приоритеты отданы тому, чтобы выжить и обеспечить собственное воспроизводство, и суровая культура, и система поиска информации образуют весь информационный механизм. Однако человеческие существа имеют психологические потребности, которые в примитивной культуре приводят к колдовству и вере в сверхъестественное.

По мере того как человеческие сообщества развиваются, они становятся более сложными; расширяясь, человеческие потребности и потребности защиты окружающей среды охватывают весь спектр искусств, наук и технологии. Это развитие порождается и соизмеряется с физическим и социальным развитием человечества. Типы информации, призванные удовлетворить потребности наших современников, включают все сферы человеческих знаний и опыта.

Если выживание и качество жизни не имеют значения, тогда такая сложная информация не требуется. Чтобы гарантировать оптимальное наслаждение, людям тогда необходимо лишь руко-

водствоваться своими собственными показателями удовольствий и страданий. Или, даже если это кажется абсурдом, тогда можно допустить, как это сделал Дж. Ст. Милль, что показатель наслаждений и страданий каждого человека включает высокие устремления справедливого общества. Если применить этот принцип к теории свободнорыночного капитализма, то следует предположить, что люди обладают альтруизмом и достаточной информацией, чтобы принять рациональные решения, касающиеся как их индивидуальных потребностей, так и потребностей общества и защиты окружающей среды. Классические экономисты, сделав такое предположение, больше не волновались по поводу сложностей общества и информационной системы. Они ограничились лишь магическим ценовым механизмом саморегулирующегося рынка.

Типы информации, необходимой в современном обществе, широки и чрезвычайно сложны. Информационный аппарат должен быть способен предоставлять соответствующие данные относительно индивидуумов и всего, что образует окружающую среду. Вся эта информация разделяется на различные дисциплины; это — человеческие знания. К счастью, эти данные могут храниться и управляться с помощью современной компьютерной техники.

Ценовой механизм был единственным отправным пунктом во всех классических экономических теориях — так же, как планета Земля была единственным отправным пунктом в небесной механике Ньютона. Мы уже видели, что действия экономической системы включают много центров информации, или отправных пунктов, и ценовой механизм является одним из многих таких пунктов.

Каковы же эти важные источники информации, которые обещают нам данные, необходимые для того, чтобы удовлетворить индивидуальные и социальные потребности, а также обеспечить достаточный уровень жизни?

Следующий пример проиллюстрирует тип информации, которая необходима в дополнение к цене, образованной механизмом спроса и предложения, действующим на рынке.

Условия, в которых живут люди, влияют на их здоровье и их способность радоваться жизни и вносить свой вклад в благосостояние людей. Мы тратим значительную часть нашей жизни на производство товаров и услуг — в рамках того, что экономисты называют экономикой предложения. Традиционные экономисты сосредоточивали свое внимание на том, что мы производим, и почти не уделяли никакого внимания тому, как мы производим и работаем. «Как мы производим», мы убедились, оказывает значительное влияние не только на качество жизни, но и на производительность труда. Последнее — главное, на что обращают внимание экономисты.

Для того чтобы решить эту проблему эффективно, мы должны использовать информацию, имеющуюся во всех сферах человечес-

ких знаний, касающихся благосостояния индивидуумов и общества. В наш век компьютерной информации это уже нетрудно. Наиболее важно, что эта информация не должна идти сверху в авторитарной манере и не должна быть ограничена источниками, зависящими от людей, контролирующими производство в частном секторе (через средства массовой информации, которые не могут выжить без рекламы). Лучший метод для решения проблемы информации, жизненно важной для демократии с политической точки зрения и для оптимизации с экономической точки зрения, должен быть найден. Тогда и демократия, и оптимизация обретут реальное содержание и перестанут быть просто лозунгами.

У ученых есть прекрасно оснащенные обсерватории для изучения Вселенной. Такие же «обсерватории» должны быть созданы для проверки точности, адекватности и объективности информации, получаемой из всех регионов страны и вообще из любой страны мира. В настоящее время средства массовой информации сами пытаются осуществить эту работу, но их попытки имеют серьезные недостатки. Во-первых, информационные средства получают доход от рекламодателей, и это может мешать объективной подаче информации, а также ее интерпретации. Во-вторых, средства массовой информации, не имея соответствующих структур, в принципе не занимаются проверкой точности фактов, полученных через телеграфные агентства, от правительственных органов и из других источников. Вследствие этого информационная система часто становится невинным союзником пропаганды.

Существуют, конечно, репортажи как репортерские расследования. Такие репортажи уже приводили к прекрасным результатам, и практику следует продолжить, но лишь в той мере, чтобы, стремясь выгодно подать материал новостей, не приносить в жертву судьбы людей и не искажать проблемы.

Средства массовой информации должны быть *первым* источником информации в соответствии с принципом свободы печати в демократическом обществе. Должен быть, однако, также и другой уровень, необходимый для того, чтобы гарантировать точность, адекватность и объективность информационной системы.

Показателен следующий эпизод. Осенью 1986 года президент Р. Рейган выступил по американскому телевидению с обращением к стране. В своем выступлении он подчеркнул, что расходы на оборону в период с 1961 по 1981 год резко снизились в процентном отношении ко всему федеральному бюджету, а социальные расходы, включая ассигнования на социальное обеспечение, значительно увеличились за этот же период. Он не сказал, что в 1961 году затраты на социальное обеспечение не включались в федеральный бюджет, а поступления по этой статье включались. С 1967 года этот порядок изменился, и в 1981 году как расходы, так и поступления по социальному обеспечению стали частью федерального бюджета.

Мы сразу же понимаем, что утверждение президента США неверно, потому что он не учел изменения характера статистических данных за период времени, выбранный им для сравнения. В действительности если бы это было принято во внимание, а так и должно было быть сделано для соблюдения статистической точности, то было бы выяснено, что расходы на оборону и расходы на социальное обеспечение остались почти неизменными в процентном отношении к федеральному бюджету.

Эта ошибка не была отмечена прессой. Наоборот, в течение многих недель большая часть средств массовой информации цитировала президента и выражала глубокое сожаление в связи с «игнорированием» нужд военных и чрезмерно «щедрого» увеличения социальных расходов. Если наше представление о точности получаемой информации складывается на основе всех ошибок, не замечаемых средствами массовой информации, мы должны серьезно усомниться в качестве нашей информационной системы. Последствия недостатков в этой области для качества демократии очевидны.

Информационную систему можно значительно улучшить, если создать «информационные обсерватории» или центры, которые выступили бы в роли хранителей точности, адекватности и объективности информации, распространяемой средствами массовой информации. Эти центры могут быть размещены в ряде наших ведущих университетов. Современные компьютеры хранили бы почти бесконечный объем первичной информации, которая использовалась бы для получения почти мгновенной выборки необходимых сведений. В случаях возникновения ошибок в средствах массовой электронной или печатной информации они тут же исправлялись бы с помощью информационных обсерваторий еще до того, как слушатели или читатели сформируют мнения, основанные на полученной ошибочной информации.

Даже если источники информации компетентны, объективны и легкодоступны, информация должна использоваться таким образом, чтобы ответ на нее содействовал урегулированию проблем. Поскольку принятие решений сопровождается разногласиями, возникающими из-за различий в мнениях и интересах, то урегулирование проблем и баланс интересов могут достигаться только на основе хорошо продуманной системы компромиссов, основанных на точной информации.

Компромисс — это жизненно важная социальная стратегия, предназначенная для достижения человеческих целей и баланса интересов. Утилитаристская концепция ценового механизма и большая часть утопических философских направлений последних трех столетий значительно снижает важную роль компромисса. Компромисс стал восприниматься как уступка идеалу и оптимизму. Как только утопический подход к жизни будет отвергнут вместе с другими сказками, станет ясно, что в реальном мире конфликт явля-

ется нормальным явлением, а компромисс — необходимым средством для разрешения проблем. Это — фундаментальное условие, лежащее в основе всех человеческих отношений. Для разрешения конфликтов, однако (об этом уже говорилось в начале гл. 6), мы должны обладать адекватными знаниями, полученными из демократическо-плюралистической информационной системы.

Экономическая система, в которой конфликт не является основной процесса урегулирования возникающих проблем, не может эффективно справиться с проблемами человечества и окружающей среды. Классические экономисты уклонялись от решения проблем человеческого бытия, исключив из своих построений фактор времени и ценностные суждения. В результате компромиссы вошли в экономический процесс через «черный ход», а не через парадную дверь, что привело к крайне неудовлетворительным результатам. Конфликт и компромисс должны стать необходимой и вполне приемлемой частью экономического процесса и со временем — неотъемлемой частью экономической методологии. Важным требованием, необходимым для реализации этого, является развитие адекватной информационной системы, способной дать ответы, ведущие к успешной адаптации к переменам.

15. ПРАГМАТИЧНЫЙ ПОДХОД К БОЛЕЕ ГУМАННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рациональный подход к целям и средствам их достижения

Читатель уже видел, что крайне нереалистические представления о людях и обществе порождают серьезные несоответствия между нашими ценностями и нашим образом жизни. В результате мы имеем дело с рядом проблем, которых бы удалось избежать, если бы наша политика основывалась на более точных наблюдениях и предположениях.

Способность к своевременным и рациональным изменениям критически важна в мире, где ключом к выживанию является приспособляемость. Тем не менее мы — рабы привычек, и изменения даются нам непросто. Если мы будем более реалистично подходить к оценке самих себя, то, несомненно, научимся лучше понимать окружающий нас мир и не будем столь слепо и упрямо сопротивляться необходимым изменениям.

Жизнь связывает каждого индивидуума как с прошлым, так и с будущим. Предсуществование — это время, когда формировались наша наследственность и окружающая среда. Постсуществование — это переход в историю и вечность того наследства, которое мы оставляем после себя в лице своих детей и продуктов своего труда. Таким образом, каждый человек в большей или меньшей степени становится частью будущего и каждое поколение

оказывает важное воздействие на деятельность последующих поколений. Цели и ценности, воспринятые частично из прошлого опыта, служат катализатором в развитии культуры. Когда мы сопротивляемся необходимому изменению, мы создаем проблемы не только для себя и для наших современников, но и для тех, кто унаследует мир после нашего ухода. В обществе, приверженном улучшению условий жизни людей, социальная ответственность всех индивидуумов и групп, включая корпорации, имеет огромное значение.

Средства, которые мы используем для достижения наших целей, должны выбираться с особой тщательностью, поскольку они, как и цели, влияют на выживание и качество жизни. Лучшее представление о жизненно важных потребностях человека и окружающей среды, наиболее благоприятной для их удовлетворения, становится ключевым условием для достижения нашей главной цели по улучшению качества жизни.

Экономисты и другие ученые-обществоведы не смогли понять, что, избрав сегментный подход к общественным наукам, они затруднили более глубокое проникновение в суть наших проблем. Они сделали упор на оптимизации, не обращая должного внимания на другие факторы, крайне важные для улучшения условий жизни (фундаментальная цель экономики). Они проповедовали принцип «чем больше, тем лучше», не имея четкого понимания о том, как достигается «больше» и какое воздействие «больше» и методы, используемые для его достижения, окажут на качество жизни. Все это, равно как и излишнее внимание к эгоистическому интересу, превратило их экономические модели в воплощения крайнего материализма и излишнего потворства собственным слабостям.

Мы обнаружили, что, пытаясь удовлетворить потребности корпоративной экономики, мы позволили стремлению к удовлетворению своих желаний вытеснить рационализм из нашей жизни. Это стремление привело нас к потребительской модели мгновенного удовольствия, которая пронизывает все стороны нашей жизни.

Использование рациональных средств для достижения более высоких целей в жизни — вопрос ценностей и образования. В настоящее время наша культура, которая является источником и того и другого, серьезно поражена крайним материализмом, уходящим своими корнями в экономическую философию культа желаний.

От нас требуется способствовать формированию культуры, которая бы соответствовала ценностям, необходимым для улучшения условий жизни человека. В то же время корпоративная экономика должна научиться производить товары эффективно и с прибылью, не подчиняя потребности потребителя и окружающей среды своим собственным амбициям.

Реалистический подход к формированию подобной культуры и системы ценностей требует, чтобы мы сосредоточили свои настоящие усилия на том, что «возможно», и планировали будущее с уче-

том того, что «должно быть». Такой баланс между настоящим и будущим совмещает элементы материализма и идеализма.

Как показывает исторический опыт, и концепция свободного рынка, и тезис Маркса об отмирании государства являются нереалистичными как в настоящее время, так и в обозримом будущем. Обе эти концепции представляют собой скорее средства, нежели основополагающие человеческие цели. Классические экономисты предполагали, что государство, не имеющее власти над экономикой, создаст максимальные блага максимальному числу людей или, по словам Альфреда Маршалла, «улучшит условия жизни человека, в чем и есть главная цель». Маркс видел в капиталистическом государстве орудие эксплуатации рабочих и полагал, что при коммунизме власть государства отомрет. Целью Маркса была лучшая жизнь при коммунизме, который Маркс считал средством для достижения этой цели (мы писали об этом в начале гл. 3).

И классические экономисты, и Маркс выступали против власти государства, потому что наблюдали ухудшение условий жизни, когда государство становилось беспощадным инструментом политической власти. Поскольку в человеческом обществе власть невозможно отменить, а можно только поставить под контроль, средства к лучшей жизни надо искать не в свободном рынке или отмирающем коммунистическом государстве, а в экономическом обществе, обеспечивающем контроль над властью как в общественном, так и в частном секторах (см. анализ второй части гл. 6). Разумеется, эта идея не нова. Однако на данном этапе политического развития человеческое общество не смогло достигнуть ни оптимального сочетания между материализмом и идеализмом, ни просвещенного баланса в использовании власти.

В обоих случаях баланс может быть достигнут только за счет рационального выбора целей и средств. В настоящее время у нас, похоже, даже нет четкого представления о том, что есть что. Это довольно опасно! Если такие средства, как свободный рынок, рассматриваются как важнейшая цель, то его обоснование и скрупулезное претворение в жизнь становятся делом принципа. В мире, где условия постоянно меняются, а знания несовершенны, проблемы, возникающие от такого смешения целей и средств, чреваты катастрофой.

Если основная цель нашего экономического общества — удовлетворение важных биологических, психологических и социальных потребностей людей, то экономика должна быть организована таким образом, чтобы достичь этой цели. При этом в первую очередь необходимо выбрать стандарт измерения, по которому можно было бы оценивать прогресс в направлении этой цели. Нынешний стандарт оценки экономического прогресса — объем ВВП и уровень инфляции и безработицы — не является достаточным для оценки улучшения условий жизни¹. Показатели, используемые для оценки условий жизни, должны отражать прогресс в удовлетворении важ-

ных потребностей людей, а также требования здоровой окружающей среды. Они также должны регистрировать нашу неспособность удовлетворить эти потребности, обостряющую такие проблемы, как безработица, инфляция, преступность, загрязнение окружающей среды и перенаселение.

Таблица 15-1 дает представление о тех показателях, которые могут быть использованы для оценки условий жизни. Первый годовой индекс будет выступать в качестве базового для будущих ежегодных индексов, а также в качестве показателя восприятия качества жизни в этом году.

Величина, данная каждому показателю в базовом году, будет лишь относительно точной. Тем не менее результаты будут удовлетворительными, поскольку назначение этого индекса — отмечать улучшения в условиях человеческой жизни. Это требует использования уже хорошо известных методов, применяемых для оценки изменений, происходящих из года в год.

Как только определены главные цели, приблизительно определяются и показатели. Если, например, главными целями являются выживание, улучшение условий жизни и мирное сосуществование с другими странами, то основные показатели оценки успеха в достижении этих целей не могут быть выражены лишь объемом ВВП, уровнями безработицы и инфляции. Более вероятно, что они должны включать показатели типа представленных в таблице 15-1. Выбором показателей должны заниматься самые светлые умы в различных областях общественных и естественных наук.

Вполне возможно, что не все показатели, позволяющие создать индекс условий жизни, равны по своей значимости. В этом случае можно дать определенный вес каждому показателю, а конечный результат будет представлять собой средневзвешенную всех показателей.

Для оценки условий жизни должно быть по крайней мере четыре индекса, которые, при использовании их в комплексе, позволят сделать информацию более релятивистской и менее абсолютной или арбитражной. Все четыре индекса должны отражать мир, в котором многие проблемы возникают как в силу международных, так и национальных политических решений и мероприятий.

Один из индексов должен строиться на выборочном опросе лидеров делового, политического, профессионального и академического мира страны и тех, кто их консультирует. Они должны как можно шире представлять государственный и частный сектор. Они должны дать свою собственную оценку условий жизни, которая будет использоваться при разработке индикаторов.

Другой индекс должен быть разработан на основе выборочного широкого перекрестного опроса населения. Это дало бы две точки зрения на условия жизни: одна — от людей, играющих важную роль в процессе принятия и выполнения решений, а другая — от населения в целом.

В мире, где государственные границы утратили большую часть своего экономического содержания, а политические решения имеют важные международные последствия, весьма желательно, чтобы восприятие условий жизни отражало бы не только взгляд страны на себя, но и взгляд на нее со стороны других. Для этой цели необходимо отобрать ряд стран (объективно, чтобы результат был значимым), и каждая страна должна разработать два индекса по образцу индексов той страны, к которой этот индекс относится. Эти индексы будут иметь огромное значение: они покажут стране, как условия жизни в ней воспринимаются за рубежом. Это может дать очень важную информацию для дипломатического урегулирования национальных конфликтов.

Рациональный подход к рыночной экономике

Какова роль рынка в экономике, цель которой — улучшение условий жизни? «Золотая середина» Аристотеля, что избыток или недостаток чего-то может создавать проблемы, применима к данному вопросу. Может ли быть недостаток или избыток рынка? Если от рынка ожидают выполнения функций, для которых он не годится, так что в результате улучшения жизни не происходит или не достигаются другие конкретные цели, значит, он «используется» неправильно или в избытке. Например, если рынок по своим масштабам интернационален, а политические решения основаны на экономических теориях, применимых к национальным рынкам, то рынок будет работать плохо. Если проблемы носят структурный характер, то опора исключительно на силы рынка не решит их. Это пример нерационального использования рынка, поскольку в этом случае желаемые цели не будут достигнуты.

Политика США в середине 1980-х годов может служить примером нерационального упора на рыночные силы в попытках ликвидировать критический дефицит торгового баланса, образовавшегося в значительной степени в силу структурных сдвигов нерыночного плана. Эти сдвиги включают в себя: очень высокий дефицит федерального бюджета и торгового баланса, финансируемый большей частью за счет накоплений других стран; использование высококачественных квалифицированных или редких людских и природных ресурсов для военных целей в ущерб техническому прогрессу в невоенном секторе; беспрецедентный уровень потребления в кредит; использование кредита для покупки корпораций в ущерб росту инвестиций; и неправильное использование кредитов, предоставленных «третьему миру» на неразумных условиях, что стало препятствием экономическому развитию и помешало росту новых рынков в развивающихся странах. Для полной реализации всех достижений высоких технологий развитым странам, включая США, крайне необходимы новые рынки.

Неспособность правительства США эффективно решать эти проблемы и его решение использовать для их смягчения изменение банковской учетной ставки и обменного курса валют дают четкий пример излишнего или нерационального упора на рыночные силы².

С другой стороны, если экономика в тех процессах, где рынок является оптимальным инструментом, не полагается на него и в результате не может улучшить условия жизни или достичь конкретных целей, то здесь рынок используется слишком мало.

Попытки Советского Союза использовать рыночные силы для повышения экономической эффективности и в конечном итоге условий жизни были в свое время признанием того, что рынок является неотъемлемой частью экономической эффективности и качества жизни. Хотелось бы повторить еще раз, что если рынок используется по своему назначению, то он используется рационально. Если его совсем не используют или очень ограниченно или если он используется для выполнения функций, ему не свойственных, то, следовательно, его использование нерационально.

Экономический рынок в рациональном плане — это прежде всего рынок, помогающий в достижении самой значимой цели экономики — улучшения условий жизни. Для этого он должен выполнять функции, не выходящие за рамки его возможностей.

Функции, для выполнения которых рынок и предназначается в современном мире, прежде всего включают роль трибуны для волеизъявления народа. Отсутствие рынка означает исключение народа из экономического процесса. Чем лучше функционирует рынок (т. е. чем демократичнее его организация), тем лучше он отражает потребности народа и окружающей среды.

Ключевое слово — цена. Если некоторые люди не могут оплатить товары и услуги, необходимые для удовлетворения их жизненно важных потребностей, если проблема заключается в распределении доходов, безработице, неполной занятости, нищете или социальных болезнях, то рынок не может быть средством решения этой проблемы. Он не предназначен для решения таких проблем.

Другая важная функция рынка — обеспечение эффективности производства товаров и услуг, что является шагом в улучшении условий и ликвидации нищеты. Этого можно достичь путем рациональной конкуренции.

Что это такое — рациональная конкуренция? Если наша цель — «выжить и улучшить качество жизни», то тогда методы, используемые нами для достижения этих целей, чтобы считаться рациональными, должны нам помогать. Конкуренция, если она рациональна, будет служить средством достижения этой цели.

Экономисты классической школы строили свои теории капитализма на рациональной конкуренции. 200 лет спустя конкуренция по-прежнему используется экономистами как центральный фактор в рыночной системе, но они неправильно используют этот термин. В нашей рыночной экономике существуют огромные области ирра-

Индекс базового года (первый из ежегодной серии следующих индексов)

Показатели условий жизни	Ваше восприятие условий жизни				Относительная значимость показателей (статистические веса)		
	Очень плохие	Плохие	Удовлетворительные	Очень хорошие	Самые низкие	Удовлетворительные	Самые высокие

Общие условия жизни
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Здравоохранение (качество и доступность)
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Среднее образование (качество и доступность)
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Высшее образование (качество и доступность)
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Жилищные условия (выбор, качество и доступность)
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Культура и отдых
 Нижняя треть населения
 Средняя треть
 Верхняя треть
 Проблема инфляции
 Проблема безработицы
 Проблема неполной занятости (семьи работают, но нуждаются в помощи)
 Мотивация работников
 Уровень жизни пенсионеров
 Взрослые и дети, охваченные системой социальной помощи (процент населения)
 Качество и доступность детских дошкольных учреждений для работающих матерей
 Проблемы наркомании, алкоголизма и тяжких преступлений
 Качество природной среды (воздух, вода, инфраструктура)
 Гражданские свободы
 Правоохранительные органы и суд
 Уровень политического участия

циональной конкуренции. Рост экономической мощи и доминирование в нашей культуре технократических ценностей исказили значение конкуренции.

В процессе иррациональной конкуренции победители в борьбе за превосходство подчиняют рынок своим собственным интересам. Выживание и человеческие ценности уступают место жадности и растущей уязвимости, что является следствием иррациональной конкуренции.

Страны также становятся жертвами иррациональной конкуренции. Рациональная конкуренция, присущая свободной торговле, заменяется иррациональной конкуренцией в целях контроля над рынками и ресурсами. Сотрудничество, присущее конкуренции свободной торговли, заменяется односторонней борьбой за власть, приукрашенной союзами, что увеличивает уязвимость для всех. Это всегда приводило к войне, а не к улучшению условий жизни.

Рациональная конкуренция (см. разд. 2, гл. 11), к счастью, не просто пустая мечта. Если бы это было так, выживание было бы, вероятнее всего, невозможным. На самом деле она является достижимой целью в эволюции и гуманизации экономического процесса. Она теряет под собой основу, когда перед ней находится общество с иррациональной конкуренцией или иррациональным сотрудничеством, оба из которых препятствуют достижению целей.

Рациональная конкуренция основана не на мощи, а на достижениях. В модели свободнорыночной экономики мощь не существует. В рынке реального мира мощь существует, и без предотвращения злоупотребления ею рациональная конкуренция будет невозможна. Контролировать злоупотребление мощью можно только посредством правил, установленных и исполняемых демократическим путем.

Применение правил или законов по контролю за злоупотреблением мощью имеет длинную и сложную историю. Отношения между людьми контролируются в цивилизованных обществах посредством правил, именуемых законами. В экономической сфере правила и законы не должны заменять рынок, потому что рынок является гласом народа. Однако рынок должен реализовываться посредством рациональных правил, для того чтобы голоса одних не заглушали голоса других.

Рынок уникально подходит для следующих функций:

1. Обеспечение трибуны для потребителей.
2. Обеспечение трибуны для производителей.
3. Эффективное распределение ограниченных ресурсов посредством рациональной конкуренции на рынке, свободном от доминирующей мощи,
4. Устранение государственных границ как экономических преград при помощи торговли, основанной на рациональной конкуренции.

Рынок плохо подходит для следующих функций:

1. Обеспечение необходимыми товарами и услугами людей с недостаточными доходами.

2. Ликвидация трущоб и других уже существующих социальных болезней.

3. Предотвращение развития трущоб и других социальных болезней.

4. Обеспечение на перспективу соответствия между спросом на рабочую силу и предложением рабочей силы в мире, резкие изменения и скачки в науке и технике.

5. Защита и сохранение окружающей среды.

6. Корректировка или предупреждение структурной безработицы, неполной занятости и инфляции.

7. Смягчение воздействия других структурных проблем.

Это те проблемы, предупреждение или корректировка которых возможны только посредством разумного и демократического планирования. Психологическое сопротивление планированию в американской политике исходит из убеждения, что только рынок может восстановить здоровье и нормальность экономики. Как только установится рациональный взгляд на рынок, сопротивление планированию уступит место более реалистичному отношению к современной экономике.

Планирование также может быть рациональным и иррациональным. Попытка решать проблему бедности путем создания системы социального обеспечения, которая снижает мотивацию к труду и оставляет нерешенными проблемы, лежащие в основе бедности, — пример нерационального планирования. Субсидирование фермеров за отказ от выращивания продукции, когда достижения в аграрной технологии повышают предложение сельхозпродуктов, увеличивают урожай фермеров, является другим примером нерационального планирования в мире, где половина людей страдает от недостатка продовольствия.

Спротивление ограничению рождаемости и вялые попытки решить эту проблему — третий пример нерационального планирования в мире, раздираемом на части демографическими взрывами. Санация трущоб без каких-либо мер в отношении факторов, лежащих в основе их появления, является еще одним примером нерационального планирования.

Существует много примеров рационального планирования, приведшего к улучшению условий жизни. Создание Управления долины реки Теннесси в 1930-х годах обеспечило дешевой энергией большой район страны и оказало существенное содействие его экономическому развитию.

Планирование, позволившее нам покидать планету Земля и преодолеть силы земного притяжения, в огромной степени расширило наше знание о Вселенной и создало гигантский потенциал для улучшения условий жизни. То же самое можно сказать о планировании, приведшем к открытию ядерной энергии, при условии, что

мы не позволим ей уничтожить нас до того, как мы полностью используем все ее преимущества.

Планирование, вызванное к жизни Великой депрессией (что привело в 1930-х годах к созданию в США Федеральной жилищной администрации и Федеральной кредитной банковской системы для финансирования жилья), помогло увеличить долю частного домовладения с 15 до более 50 процентов. Условия меняются, и потребности в таких учреждениях тоже меняются, но это не означает исчезновения потребности в планировании, так чтобы все люди имели достойное жилье.

На международном уровне Европейский платежный союз (ЕПС), который был создан в 1950 году, является прекрасным примером планирования в интересах международного сотрудничества. ЕПС включал 15 европейских стран, чья идеология варьировалась от умеренно левой до умеренно правой. Все же за четыре года (1950—1954 гг.), в течение которых он содействовал улучшению условий для европейской торговли и платежей, никто из стран-участниц не использовал своего права вето и не отверг ни одной из более трехсот рекомендаций, предложенных ЕПС своей головной организацией — Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Все рекомендации были приняты странами-участницами, которые увидели в международном сотрудничестве выгоду для своих собственных интересов. Политика и рекомендации ЕПС имели целью планирование мер по профилактике затруднений и поиски решений уже существующих.

ЕПС просуществовал всего четыре года, став жертвой «холодной войны» и создания НАТО и Варшавского Договора. За время своего существования он служил образцом того, чего можно достичь путем мудрого сотрудничества и планирования.

Человек, возглавлявший ОЕЭС на посту генерального секретаря почти десять лет, Роберт Марджолин в письме автору данной работы от 3 февраля 1954 г. прекрасным образом осветил предмет рационального планирования и сотрудничества:

«Я думаю, что правда заключается в том, что, несмотря на все разногласия, страны-участницы (ОЕЭС) имеют много общего. В частности, они имеют общий интерес в сохранении системы платежей, созданной под эгидой Союза, и системы либерализации торговли, основанной на ней. Все они признают, что пока не создано ничего лучшего, они должны придерживаться того, что имеют, учитывая опасность оказаться в худшей ситуации. Именно этот основополагающий факт позволял нам до сих пор достигать решений, несмотря на правило консенсуса».

Слова Марджолина служат иллюстрацией положения о необходимости рационального планирования и сотрудничества в сочетании с рациональным использованием рынка. Без планирования и сотрудничества, присущего ЕПС и ОЕЭС, страны — участницы ОЕЭС не смогли бы пользоваться благами многосторонней торговли,

столь необходимой для восстановления хозяйства после второй мировой войны. Их способность признать это позволила им совместными усилиями выработать программу рационального планирования и сотрудничества на международном уровне.

Деятельность ООН в области решения проблем стран-участниц является примером нерационального планирования и сотрудничества. Политика сверхдержавности между Соединенными Штатами и Советским Союзом была основана на принципе односторонних преимуществ. Ни разу со времени окончания второй мировой войны эта политика не была политикой совместного планирования, направленного на улучшение условий жизни. Тем не менее они являлись ведущими и неотъемлемыми членами ООН. Без их сотрудничества эта международная организация практически не была способна вести работу по улучшению межгосударственных отношений. Заявление обеих сверхдержав об их приверженности улучшению условий жизни сводилось на нет их приверженностью односторонним (вместо совместных) средствам. Поэтому ООН явилась менее эффективной, чем это было задумано.

Существует еще множество примеров рационального и нерационального планирования и сотрудничества. Большинство людей хотят мира и возможности жить в мире, ставящем своей целью улучшение условий жизни. Методы достижения этого существуют, но их надо рационально использовать.

Деятельность международных организаций, возникших после окончания второй мировой войны, явилась смелой попыткой подхода к решению проблемы международной мощи и власти. Как это часто бывает, первые попытки редко увенчиваются успехом, но они освещают путь. Возможно, что мир уже очень близок к рациональному завершению борьбы за мощь и власть. Неприятие социального планирования в США должно быть пересмотрено. Планирование стало важным элементом государственного сектора. Но большая часть его осуществляется после того, как проблемы, возникающие из-за отсутствия своевременного планирования, достигают угрожающих размеров. Вопрос не в том, *планировать* или *не планировать*, а в том, *когда* и *как* планировать.

Рациональный подход к свободе, силе и власти

В обществе, где улучшение условий жизни человека и ликвидация нищеты — основная задача экономики; справедливость в человеческих отношениях — основная политическая задача; возможность жить в условиях относительно безопасной и полезной жизни — основная психологическая задача; мирное сосуществование — основная социальная задача, — в таком обществе свобода и могущество должны подчиняться определенным правилам. Здесь нет места произвольному выбору целей. Они присутствуют в основных религиозных учениях, в творениях великих философов.

Отношения между людьми регулируются определенными правилами. Они могут касаться проблем собственности, обмена товарами и услугами, национальных интересов, окружающей среды, рождаемости и смертности и многого другого. Но они всегда воздействуют на жизнь людей — людей, обладающих знаниями и невежественных; людей с хорошим здоровьем и страдающих недугами; людей с привилегиями и тех, кто их лишен. Равенства нет. И устанавливаемые правила призваны сделать жизнь как можно более справедливой в условиях неизбежного неравенства.

Принятые правила определяют характер власти. От того, каким образом свобода и сила используются для достижения основных жизненных целей, зависит, является ли данная система власти рациональной или иррациональной (об этом см. во второй части гл. 10). Когда свобода или сила используются неограниченно либо существующие ограничения то ли чрезмерно широки, то ли слишком узки для достижения любой из основополагающих жизненных целей, тогда существующая система правил и власти является иррациональной.

Когда трудящиеся не имеют права на арбитраж в споре с работодателем, могущество работодателя оказывается слишком велико, а свобода рабочих недостаточна. Когда интересы рабочих представлены крупными профсоюзами, способными заставить мелкого предпринимателя выполнить предъявляемые ему требования или даже бросить свое дело, то мощь такого профсоюзного объединения чрезмерно велика, а свобода предпринимателя недостаточна.

Когда предприниматель (правление корпорации) хочет ввести в действие новые методы работы, способствующие увеличению выпуска продукции при использовании меньшего числа рабочих, то в отношениях между работодателями и трудящимися сила и свобода используются таким образом, что подавляется стремление работать и повышать производительность труда. Это — пример классической дилеммы. Позиция работодателя и позиция рабочего, представляющиеся рациональными тому и другому, на самом деле отражают расхождение интересов. В действительности ни позиция работодателя, ни позиция рабочего не являются рациональными. Если работодатель достигает успеха в своих планах роста выпуска продукции и производительности труда, то рабочие, от услуг которых отказываются, конечно, не будут рассматривать это как улучшение условий жизни или как попытку ликвидировать нищету.

С другой стороны, если рабочие смогут расстроить планы работодателя по внедрению более производительных методов, тогда они становятся препятствием на пути превращения экономики в более эффективную, что затрудняет устранение бедности.

Для решения этой дилеммы необходимы новые альтернативы. К трем возможным вариантам относятся: увеличение производства продукции, пользующейся высоким спросом; увеличение спроса на

другую продукцию, выпускаемую существующими предприятиями, или внедрение новых видов продукции и создание новых предприятий. Для реализации этих трех альтернатив необходима прогрессирующая экономика. Поскольку современный мир становится все более и более взаимозависимым, экономический рост любого государства нельзя планировать за счет экономического роста других, иначе это приведет к экономической войне.

Когда слово «рациональный» применяется к таким понятиям, как «рынок», «конкуренция», «сотрудничество» (кооперация), «власть», «сила» и «свобода», то оно требует нового осмысления, его толкование должно соотноситься с поставленными целями и средствами их осуществления. Для улучшения жизни человечества, а не только жизни тех, кто обладает могуществом, состоянием или привилегиями, участие масс имеет огромное значение. Оно становится жизненно важным связующим звеном между поставленными целями и путями их достижения.

Для того, чтобы привлечь людей к участию в этом процессе, им надо предоставить соответствующие возможности и стимулы³. Без этого в мире, где нет безопасности и много проблем, люди становятся жертвами отстранения или даже отчуждения от целей и средств, определяющих их бытие. Без личного участия демократия теряет свой смысл.

В реальном мире довольно трудно обеспечить личное участие всех граждан в общественных делах. Суть проблемы в том, что для участия в каком-либо процессе люди должны иметь «побудительные мотивы». Политики-философы отмечали, что люди должны верить, что, принимая участие (в тех или иных процессах), они получают личную выгоду. Вот почему состоятельные люди обычно проявляют больше внимания к затрагивающим их интересы событиям, нежели бедняки.

Для улучшения жизни человека его непосредственное участие жизненно необходимо. Вера в то, что небольшая группа лиц в верхах приведет людей к осуществлению их целей, является иллюзией. Верхушка должна играть большую роль в человеческой драме, но необходимо найти такой путь, который сделал бы этих высоких руководителей ответственными и подотчетными в соответствии с их рангом и местом. Как общественный сектор, так и частный участвуют в удовлетворении потребностей людей и окружающей среды. И в обоих секторах принимаемые решения носят политический характер (об этом см. в разд. 3, гл. 13).

В частном секторе решение, направленное на повышение эффективности процесса (что является чисто экономической проблемой), влияет на благосостояние людей и их благополучие путем, который можно понять только на основе междисциплинарного анализа. Потеря работы влияет не только на доход (экономическая переменная), но также и на самоутверждение личности (психологическая переменная), и на личную семейную жизнь

(социологическая переменная). Политическая переменная (процесс принятия решений, приводящий в движение все другие величины) должна пробуждать интерес в людях, на чью жизнь она оказывает влияние, так как в том случае, когда этого не происходит, теряются преимущества демократии, а это имеет большое значение как для частного, так и для общественного секторов.

Политическое решение о сокращении в общественном секторе безработицы или защите окружающей среды от загрязнения имеет не только экономические последствия. Оно оказывает влияние на жизнь людей в целом. Наивно полагать, как это делают некоторые экономисты чикагской школы, что нельзя смешивать экономику и политику. В действительности же их ни в коем случае нельзя разделять — как в общественном, так и в частном секторах!

Осознать это — значит понять, что необходимо найти путь, позволяющий людям в той или иной степени принимать участие в принятии решений, определяющих ход их жизни. Только так власть способна стать рациональной, ибо только в этом случае она будет ответственной и подотчетной. Это — необходимое условие при принятии мер, нацеленных на осуществление тех или иных поставленных задач.

У людей не будет мотивов для участия в тех или иных процессах, если информация о них будет слишком сложной или труднодоступной. Человека нельзя будет увлечь, если он не увидит для себя никакой выгоды.

Без осознанной необходимости демократического участия рациональное использование свободы и силы весьма маловероятно. Современный мир — источник множества проблем. Такие понятия, как «свобода», «демократия», в открытом обществе превращаются в лозунги, а люди становятся скептиками и циниками. Многие желают верить свою судьбу в руки лидеров, взывающих исключительно к их эмоциям. Они хотят верить им, потому что те дают им надежду. Такая ситуация всегда была и будет опасной.

Проблема участия в корпоративном секторе менее сложна, но сталкивается с большим сопротивлением. Аргументы в пользу демократии и широкого участия в государственной жизни были выдвинуты философами и государственными деятелями со времен Платона и Перикла. Не существует аналогов теорий, годных для политики частного сектора, которому к настоящему времени исполнилось всего лишь 100 лет.

Участие — не прямая демократия. Это означает лишь то, что люди стали частью процесса принятия решений после того, как они получили достоверную информацию о тех или иных проблемах, а также получили право голоса при принятии решений, имеющих к ним непосредственное отношение. Но в настоящее время это не совсем так. Поэтому демократия, несмотря на то что она присутствует в наших законах, не в полной мере находит свое отражение в жизни людей.

Мы, тем не менее, гораздо больше, чем в прошлом, близки к достижению рациональной демократии, власти, свободе, конкуренции, сотрудничеству. Люди уже обладают механизмом для получения ясной и исчерпывающей информации. Это — компьютеризованная электронная информационная система. Всего лишь 100 лет назад нельзя было и мечтать о чем-то подобном. Сегодня этот механизм есть, мы пользуемся всеми его преимуществами.

Но еще предстоит поработать, чтобы выяснить, каким образом может быть использован этот механизм для решения задачи, чтобы информация по всем вопросам принимаемых решений была понятной и доступной, а также объективной⁴. Эта задача поддается решению. Может быть, частные фонды захотят обратиться к данной проблеме. Но здесь наиболее важно, чтобы информационная система плюралистично отражала политическую систему и не находилась под влиянием групп давления как в общественном, так и в частном секторах.

В мире, где ставится много вопросов, требующих ответа, где происходят постоянные изменения, необходимость адаптации очевидна. Даже при наличии эффективной информационной системы информация сама по себе не приведет автоматически к своевременной адаптации. Но как бы там ни было, это жизненно важный элемент в деле улучшения условий жизни человека. Каковы же факторы, способствующие своевременной адаптации? Определенный свет на решение этого вопроса может пролить междисциплинарный, целостный, рациональный анализ политической экономии лучшими умами современности, имеющими глубокие знания в таких сопредельных областях, как политическая наука, философия, психология и экономика.

Человечность как основа деятельности общества по улучшению условий жизни людей

Альфред Маршалл высказывал мнения, разделявшиеся многими экономистами-классиками, когда он писал, что целью любой экономики являются улучшение условий жизни человека и ликвидация нищеты. Для выполнения данной задачи центральное место должно отводиться человечеству, которое должно быть ядром политической экономии.

В XIX веке политическая экономия рассматривалась в качестве связующего звена между экономикой и политикой. Маршалл пошел дальше. По его мнению, экономика «связывает экономический аспект и условия жизни человека с его политической, социальной и личной жизнью»⁵.

Политическая экономия в контексте данной книги аналогична взглядам Маршалла на экономику, оставляя в неприкосновенности смысл ее первоначального определения. Политическая экономия в

книге определяется как система отношений между экономическими процессами и политическими решениями, а также социальными условиями, приводящими их в движение.

Человеческое общество, будучи ядром политической экономии, получает необходимую ему информацию как из своего внутреннего, так и внешнего мира. Внутренний мир находит выражение во всех видах умственной деятельности. Внешний же мир складывается из опыта и наследия прошлого плюс современный опыт и окружающая среда. Все составные части внутреннего и внешнего миров объединяются в единое целое для выработки решений и условий, движущих экономику.

Наличие этого единого целого делает холистически системный подход более желательным при изучении политической экономии. Отдельные части целого соответствуют различным поддисциплинам, таким как экономика, политика, социология и психология. Рисунки 15-1 и 15-2 показывают связь отдельных частей с целым.

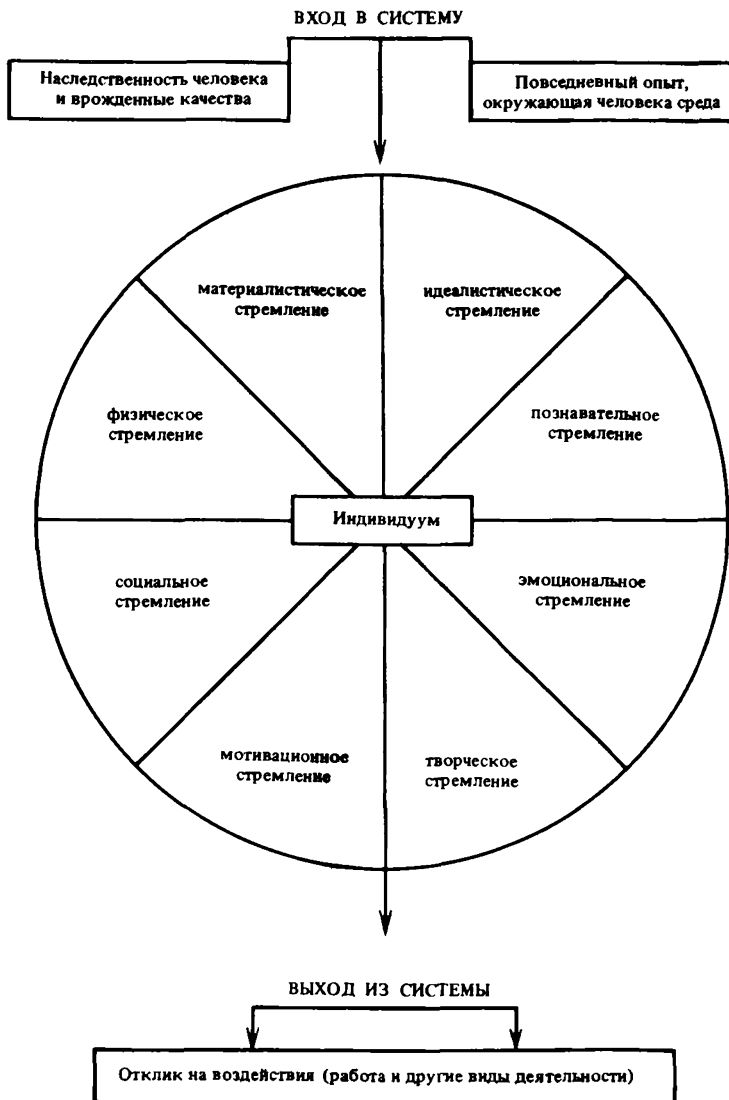
Рисунок 15-1 отражает связи внутреннего мира человека с его внешним миром. Они находятся во взаимодействии и вызывают ответную реакцию человека, проявляющуюся во всех видах деятельности, включая труд. Опыт прошлого и настоящего влияет на умственные способности, что проявляется по-разному у различных людей⁶.

Качество наследия и окружающей среды определяет качество умственных способностей, что, в свою очередь, определяет качество человеческой реакции и самовыражения. Сюда относятся как работа, так и другие виды деятельности.

Для экономиста важная мера качества работы — производительность труда. Основной фактор в ней — соотношение между капиталом, технологией и трудом. Однако этого соотношения недостаточно для характеристики производительности труда в современной политической экономии.

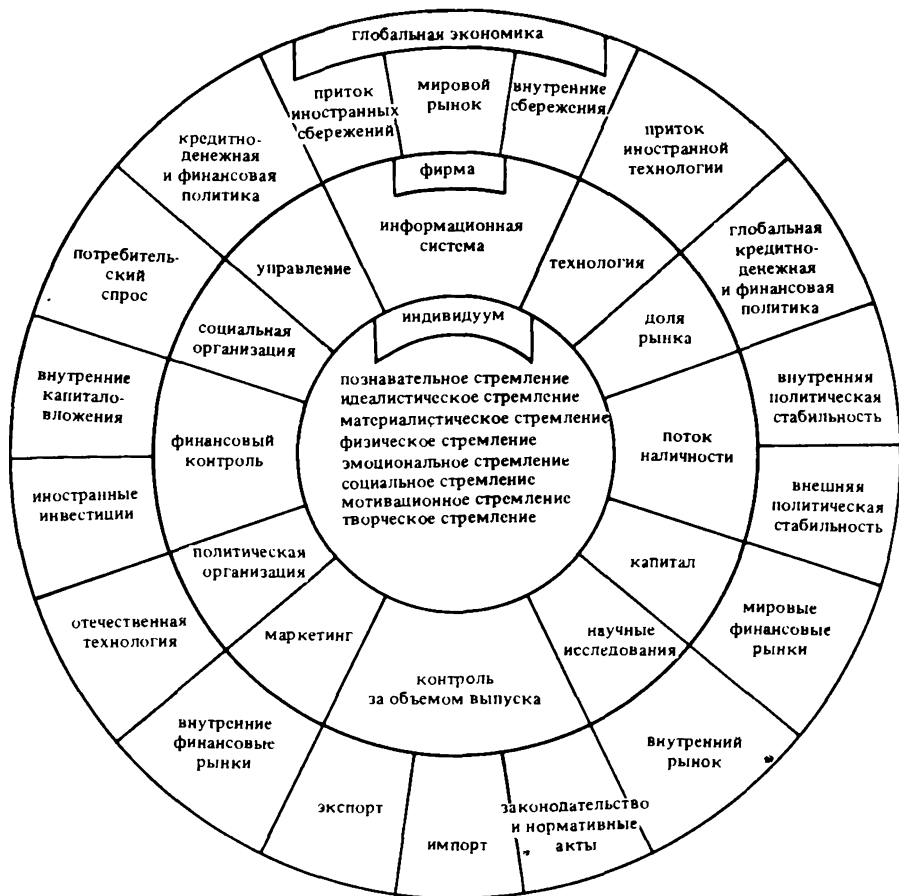
При холистическом подходе качество работы или производительность труда определяются абсолютно всем, что влияет на качество труда работающего⁷. Так как производительность труда представляет собой сердцевину процесса оптимизации экономики, то все области социальных и психологических наук должны быть задействованы при анализе политической экономии с учетом соотношения затрат и объема выпускаемой продукции. Эти науки должны быть частью общей системы, а не изолированными друг от друга.

Примером до некоторой степени могут служить японская экономика, а также некоторых европейских государств. Предпринятые ими попытки холистического подхода к экономике оказали значительное влияние как на их собственное экономическое развитие, так и на развитие мировой экономики. На практике японцы рассматривают экономический процесс как единое целое, что включает

Примечание: Слово «стремление» здесь используется не для обозначения скрытого, или латентного, состояния человеческой психики, а для описания отклика на внешнее воздействие. Человечество не должно оставлять стремления неудовлетворенными — иначе ему не удастся создать эффективную систему затрат — выпуск.

Рис. 15-1. Общественная система затраты — выпуск как ядро политической экономики

Примечание: Это концептуальная модель, не претендующая на роль функциональной модели, т. к. перечень вкладов в систему носит скорее репрезентативный, чем исчерпывающий характер. Схема данного рисунка не должна интерпретироваться таким образом, что местоположение какой-то одной его части имеет особое значение по отношению к другим в каждой категории.

Рис. 15-2. Холистическая система затраты — выпуск политической экономики

в себя функции управления, труд и в значительной степени правительство.

Примером сегментарного подхода к экономике являются неудачные попытки Соединенных Штатов найти реальные решения экономических проблем. Это — одна из причин, вследствие которой США теряют свои позиции в мировой экономике, страдая от непомерного торгового дефицита в последние годы.

Каждое государство должно найти свой собственный системный подход. Он должен отражать его собственный опыт, как прошлый, так и настоящий, а также его собственные условия. Но наиболее важно, чтобы каждое государство использовало рациональные средства, ибо это единственный путь для улучшения условий жизни человека.

На качество работы или производительность труда оказывает всестороннее воздействие внутренний и внешний мир, что показано на рисунках 15-1 и 15-2, хотя возможны и другие источники влияния. Если производительность труда в какой-либо фирме, отрасли промышленности или даже в каком-либо регионе или государстве обычно находится на низком уровне, то эта проблема до внесения в нее соответствующих корректив должна быть тщательно изучена. Это комплексный процесс, ничто не должно быть упущено. Советский Союз также сталкивался с подобной проблемой, чему придавалось большое значение в национальной повестке дня. США тоже имеют проблемы в области производительности труда, весьма далекие от традиционных экономических объяснений.

Проблемы низкой производительности труда являются следствием отсутствия мотивации или отчуждения. В этом случае решение проблемы может быть найдено путем внесения изменений в окружающую обстановку. Позволить людям принимать более активное участие в планировании их деятельности и в общественной деятельности, связанной с их работой, — вот тот единственный путь, который может оказать им поддержку в более полном отождествлении себя с местом своей работы, а также с той или иной компанией.

Данная проблема возникает из-за иррационального распределения власти между управленческим аппаратом и служащими. Это можно исправить путем нахождения приемлемого соотношения между властью и свободой. Каждая сторона должна чувствовать, что ее права не ущемляются.

Производительность труда может быть слишком низкой и по другим причинам. На рисунке 15-2 отражены многие факторы возможного влияния внешнего характера. После четкого определения проблемы должно следовать принятие решения о способах ее исправления либо путем использования рыночных сил (ресурсов), либо при помощи планирования, либо тем и другим.

Если в основе проблемы лежит кризис международной торговли в результате препятствий, созданных рынком, как, например, системой тарифов или валютным контролем, то в этом случае поиск других причин не нужен, ибо данная проблема — исключительно рыночный феномен, требующий корректировки. Как правило, подобные проблемы могут носить и более серьезный характер. Они могут вызвать изменения в структуре рабочей силы, если она не отражает быстрых изменений, вызванных научно-техническим прогрессом.

Если проблема кроется в спаде мирового спроса на продукцию традиционных областей промышленного производства, то ее решение надо искать в развитии новых технологий, если это окажется по силам. Их развитие открывает богатые возможности, в том числе и появляется возможность значительного повышения заработной платы.

Эффективный рынок при всех обстоятельствах — желанный союзник в усилиях по улучшению жизни человека. Однако он должен быть продуктом разумного социального планирования, осуществляемого плавно и рационально. Например, один лишь рынок не может обеспечить создание пула рабочей силы, способного быстро реагировать на изменения в мире. Рынок должен вводиться при помощи эффективных методов прогнозирования и планирования. Рынок будет посылать сигналы, которые должны будут интерпретироваться и использоваться для разработки и осуществления планов, подготовленных к занятию людьми новых рабочих мест в тот момент, когда те появятся на рынке труда.

Для решения проблем в странах «третьего мира» также необходимы рынок (рыночные отношения) и рациональное планирование, с тем чтобы использование скудных ресурсов велось более разумно и эффективно. В настоящее время определенное сочетание рациональных рыночных отношений с рациональным демократическим планированием является именно тем средством, которое применяется в экономике государств, вставших на путь улучшения условий жизни человека. (См. гл. 11, где рассматриваются вопросы о роли рынка и планирования в современной экономике.)

Совершенно очевидно, что проблемы современной экономики могут оказаться чрезвычайно сложными и трудными. Обычные методы, применявшиеся в классической и неоклассической экономике, как, например, автоматическое равновесие рынка и междисциплинарный (имеется в виду в рамках каждой дисциплины) анализ экономического процесса затраты — выпуск, непригодны при проведении реалистического анализа в современной политической экономии.

Классическая концепция спонтанного, автоматического равновесия зависит от всех составных величин экономической системы, реагирующих на цены и ни на что другое, что могло бы поколебать их курс в «магнитном поле» (механизм цен) относительно воображаемой точки равновесия. В реальном мире многие потребности человечества и окружающей среды не реагируют на цены вообще или реагируют от случая к случаю. (См. гл. 10—12.)

Равновесия можно достигнуть без указанных сомнительных предпосылок. Однако для достижения этого необходимо, чтобы средства (рынок, планирование, конкуренция, власть и др.) для достижения поставленных задач носили рациональный характер. Необходимо использовать имеющийся в распоряжении интеллектуальный потенциал для поиска этих средств, как бы сложно это ни было.

Если мир является слишком сложным для автоматического рыночного равновесия, а человечество слишком примитивно для осуществления рациональной системы равновесия, то тогда мы обречены на жизнь в хаосе.

Менее циничная и более конструктивная точка зрения могла бы состоять в том, что так как человеческое общество оказалось достаточно разумным в деле создания технологий для изучения тайн Вселенной и генетического кода, определяющего нашу жизнь, то и мы, возможно, в состоянии раскрыть тайны равновесия, если и не сразу, то хотя бы постепенно. В этом плане великие прорывы в науке и технике дают основание для оптимизма. В настоящее время мы, возможно, сделаем прорыв и в области политической экономики.

Следует навести мосты через огромную пропасть между прошлым (где доминировали эмоциональные поиски утопий) и будущим (которое, если оно предполагает улучшение условий жизни человека, должно принести пользу рациональным взаимоотношениям между средствами и целями). Уже существует технология для приемлемой информационной системы и для идентификации составных величин холистической системы затраты — выпуск политической экономики. К такой технологии относятся компьютер и междисциплинарная система подходов к изучению личности и общества.

К шагам, которые необходимо предпринять в будущем, относятся:

1. Разработка холистического системного подхода к политической экономике, в центре которого должен быть человек.

2. Принятие плюралистической информационной системы, действительно способной передавать необходимую информацию, предоставляя людям возможность для рационального выбора на личном и политическом уровнях.

3. Принятие приемлемых толкований таких понятий, как «свобода», «вольность», «демократия», «конкуренция», «сотрудничество» и т. д., приведение их в соответствие с условиями ядерного и космического века.

4. Принятие холистического подхода затраты — выпуск в политической экономике, что привело бы к замене концепции автоматического равновесия с запланированным балансом в качестве инструмента для предотвращения или разрешения тех или иных проблем.

5. Введение практики рационального участия в общественном и частном секторах, что заменило бы отчуждение мотивацией, растущей экономической эффективностью и улучшением условий жизни человека.

6. Выработка реалистичного метода, который бы сделал власть в частном секторе подотчетной, без превращения последнего в

общественный сектор, с тем чтобы он мог действовать в социальной сфере достойным образом.

7. Развитие нового подхода к политической экономии, с тем чтобы заменить существующую конкуренцию между менеджментом, трудом и правительством рациональным сотрудничеством, то есть одним из средств, способствующих улучшению жизни человека.

8. Разработка рационального метода для оценки улучшения условий жизни человека.

9. Выработка метода по рациональному сотрудничеству между рыночной экономикой и социальным планированием в качестве средства по улучшению условий жизни человека.

10. Принятие холистического, динамичного, релятивного подхода к экономическому развитию, что положило бы конец фантазиям о том, что системы могут переноситься из одного государства в другое.

Это вполне реальные и достижимые цели. Они не требуют радикальных структурных изменений ни в политических, ни в экономических секторах экономики Соединенных Штатов, ни в экономике каких-либо других государств, в которых налицо значительный прогресс в экономическом и политическом развитии. Нет никакого смысла в рассуждениях о том, что в первой части XXI века все или большинство изменений, о которых шла речь, воплотятся в жизнь. Это не очередное утопическое предсказание, ибо эти изменения носят характер нормальных эволюционных процессов, которые уже начали проявлять себя в различных регионах мира.

В заключение несколько слов о том, что же все-таки необходимо для «более гуманного общества». Прежде всего каждый человек должен быть в центре внимания экономического прогресса, в отличие от современной позиции, где в центре внимания — экономические затраты. Необходимо заменить социальный дарвинизм, благоприятствующий тем, кто стремится к власти, на систему, которая бы посвятила себя делу улучшения условий жизни человека, придав ясный и рациональный характер таким понятиям, как «демократия», «свобода» и «власть». Необходимо заменить веру в упадок и развал цивилизаций на готовность к эволюционным изменениям путем проведения политики, основанной на динамичной, реальной и релятивистской перцепции жизни вместо устаревших идеологий прошлого.

Но самое главное — мы должны вселить чувство оптимизма относительно будущего человечества, которое поддержало бы желание людей иметь детей и внуков сегодня.

БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОЙ ГУМАННОЙ ЭКОНОМИКИ

(вместо заключения)

Вступительные замечания

Для того чтобы выжить и развиваться без потрясений, экономика должна быть не только эффективной, она должна обладать способностью улучшать жизнь людей. Самое важное решение, стоящее сегодня перед Россией, — это выбор такой модели экономического развития, которая будет одновременно эффективной и гуманной и в то же время сумеет вобрать в себя историческое прошлое страны и учесть требования, вытекающие из ее нынешнего положения.

Осуществляя намерение перейти к рыночной экономике, республики бывшего Советского Союза располагают возможностью выбора одной из трех моделей, реалистичных далеко не в одинаковой степени. Первая — рыночный капитализм в чистом виде, который Соединенные Штаты и другие западные страны официально отвергли во время Великой депрессии 1930-х годов, но именно его пытались навязать сначала Советскому Союзу, а потом и бывшим советским республикам. Свыше 40 процентов ВВП США производится в государственном секторе — федерального, штатного и местного уровней, что само по себе свидетельствует о радикальном отступлении от рыночного капитализма в чистом виде.

Вторая модель — это экономика смешанного типа, сочетающая элементы капитализма и социализма; суть такого сочетания в том, чтобы соединить эффективность рынка с социальными программами, направленными на улучшение благосостояния людей. Многие промышленно развитые страны в той или иной степени приняли эту модель; Соединенные Штаты занимают здесь последнее место, а лидером выступает Швеция.

Третья модель — это экономика смешанного типа, свойственная новым развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского регио-

на — Корею, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Япония не относится к странам с новой развивающейся экономикой, но принятая ею модель развития принадлежит к этой же группе моделей.

Реформа и переход к рыночной экономике в России уже задержаны из-за представлений о том, что «шоковая терапия» каким-то образом создаст экономику, построенную по образцу рыночного капитализма в чистом виде.

Следовательно, имеет важнейшее значение, чтобы российское руководство и их советники поняли, почему рыночный капитализм в чистом виде потерпел провал. Столь же важно, чтобы они непременно вспомнили о человеческих страданиях, причиненных в XIX веке рыночным капитализмом, и избежали повторения таких же ошибок. Например, понимание эволюции капиталистического рынка было бы очень ценным для российских реформаторов, поскольку такое понимание обнажило бы опасности «шоковой терапии», применяемой там, где еще не созрели предпосылки для создания рыночной экономики.

Эта книга также принесет пользу тем, кто будет следить за постепенным — год от года — прогрессом реформ и развитием экономики, после того как реформы дадут свои плоды. Традиционный метод измерения экономического прогресса состоит в вычислении годового прироста ВВП. Этот метод по двум причинам очень мало пригоден для выяснения ключевого вопроса — степени улучшения благосостояния людей. Валовый национальный продукт может включать в себя элементы, которые улучшают благосостояние людей или же ухудшают его, или, как это обычно бывает, и те и другие элементы. Это зависит от таких переменных, как качество системы здравоохранения и доступность медицинской помощи, образование, гарантии занятости и пенсионного обеспечения, состояние окружающей среды, свобода убеждений и свобода слова, право на защиту личной жизни от постороннего вмешательства, уровень преступности, качество и эффективность судебной системы и многое другое. Этот метод измерения уровня благосостояния людей более подробно объясняется в главе 14.

Хотя книга написана без намерения рекомендовать ее методы какой-либо определенной стране, тем не менее содержащиеся в ней выводы и рекомендации вполне применимы к реформам в бывшем Советском Союзе. А данная глава непосредственно посвящена некоторым наиболее важным проблемам, которые необходимо решить, чтобы бывший Советский Союз смог перейти к рыночной экономике и одновременно существенно продвинуться вперед в деле улучшения жизни людей.

Переход от централизованной планируемой командной экономики к рыночной экономике

Убеждение, что рыночная экономика свойственна только капитализму, а планируемая экономика существует только при социализме, ошибочно и берет свое начало в конфликте идеологий.

Многие последователи Карла Маркса считали рынок капиталистическим средством для осуществления контроля над экономикой, выгодного буржуазии, собственникам. Точно так же экономисты, отстаивавшие рыночный капитализм в чистом виде, считали, что планирование развития общества положит конец свободе личности.

Фактически, однако, наиболее развитые в экономическом отношении страны на пороге XXI века — это страны с экономикой смешанного типа. Они научились сочетать рынок с реализацией социальных программ, направленных на улучшение жизни людей. Такой подход начинает приводить к тому, что «унылая наука» — экономика — превращается в гуманную экономическую науку.

Перестройка в бывшем Советском Союзе, а еще раньше кейнсианская революция в Соединенных Штатах сыграли главную роль в происшедшем сейчас умерщвлении идеологического социализма XIX века и рыночного капитализма в чистом виде, также характерного для XIX века. Прекращение существования каждой системы было связано с грандиозными потрясениями. В Соединенных Штатах и некоторых европейских странах это была Великая депрессия 1930-х годов. В Советском Союзе паралич гражданской экономики был вызван высокими политическими и экономическими издержками гонки вооружений между Востоком и Западом.

Знание прошлого поможет бывшему Советскому Союзу избежать ошибок и несправедливостей, которые характеризовали экономическое развитие Соединенных Штатов и ряда европейских стран по пути рыночного капитализма в чистом виде в XIX веке. Критика Марксом многих его сторон была основана на реальных, а не на воображаемых фактах. Дела, творимые баронами-разбойниками, говорили не о свободе, а о беззаконии общества.

Капитализм, однако, претерпел многие изменения, особенно за время, прошедшее после Великой депрессии; в некоторых странах поиск путей сочетать экономическую эффективность с заботой о благосостоянии людей привел к тому, что капитализм стал совершенно не похож на капитализм свободного рынка.

Эту же мысль можно выразить, сказав, что в ряде стран капитализм уже воспринял некоторые из лучших черт социализма, а бывшие социалистические страны переживают сейчас такой этап своего экономического развития, в ходе которого они получают большие выгоды, если воспримут некоторые из лучших черт капитализма. Именно в этом и состоит смысл смешанной экономики, которая определяется как гуманная.

Рыночная экономика — это живой организм, и подобно человеку она развивается и достигает зрелости. Некоторые экономисты идеализируют рынок и возлагают на него несбыточные надежды. Хотя рынок является ключом к эффективной экономике, он не способен решать другие проблемы, кроме обеспечения эффективности.

В главе 15 объясняется, к выполнению каких именно функций рынок приспособлен, а к выполнению каких — нет. Единственный рабочий инструмент рынка — это ценовой механизм. Следовательно, сам по себе рынок не может быть использован для достижения важных общественных целей, а может лишь обеспечивать экономическую эффективность. Точно так же рынок сам по себе не может решать проблемы, порождаемые особым стечением обстоятельств, например такие, как преобразование милитаризованной экономики в мирную или переход от центрально планируемой экономики к рыночной, особенно если обе эти задачи необходимо решать одновременно.

Чтобы справиться с такими специальными задачами и удовлетворить общественные потребности, рынок необходимо сочетать с социальной политикой. Примером здесь может служить сельское хозяйство. В Соединенных Штатах сельское хозяйство является эффективной отраслью, и его продукция — самая большая статья экспорта. Здесь нет больших структурных проблем, которые бы мешали рынку работать эффективно. Сельское хозяйство производит продовольствие, недорогое для потребителя и прибыльное для большинства производителей, представленных в основном крупными фермами (непосредственно в этой отрасли занято лишь 3 процента населения). Такое положение сложилось как результат технического прогресса и целенаправленной финансовой политики в интересах производителей.

Но даже в этом случае на сельское хозяйство США возлагаются задачи, которые рынок сам по себе решить не может. Самые бедные американцы получают продовольственные талоны, а 13 млн. человек, в основном дети, женщины и старики, лишены средств к существованию, получают денежные пособия по социальному страхованию, на которые они покупают продовольствие. Необеспеченные дети школьного возраста получают бесплатные обеды.

Производители сельскохозяйственной продукции в США также получают выгоды от социальных программ, проводимых правительством. Субсидии производителям сельскохозяйственной продукции составили со времени Великой депрессии сотни миллиардов долларов и остаются составной частью государственной политики. Они используются в основном для того, чтобы сделать американскую сельскохозяйственную продукцию более конкурентоспособной на мировом рынке.

Национальная безопасность, здравоохранение, образование, социальное и пенсионное обеспечение, пособия по безработице, об-

щественные дороги и водные пути, национальные парки — все это примеры таких социальных услуг населению, которые в большинстве промышленно развитых стран решаются не с помощью рынка.

Учитывая тот факт, что успешно работающая современная экономика многих стран относится к смешанному типу или является, в разной степени, социально-рыночной экономикой, каждая республика бывшего Советского Союза должна будет принять некоторые важные решения относительно перестройки своей экономики.

Западные экономисты, за некоторым исключением, считали, что советская экономика не справлялась со своими задачами потому, что не являлась рыночной. Хотя доводы в пользу перехода экономики бывшего Советского Союза к рыночной системе были здравыми, распространное тогда объяснение причин столь плохого состояния советской экономики было неверным. Верно, конечно, что ценовой механизм бывшего СССР не отражал фактических издержек производства и что в результате этого объемы субсидий становились непомерно большими. Верно и то, что государственное субсидирование приносило вред многим производителям, которых система административно устанавливаемых цен лишала всех или почти всех стимулов как во всей сфере производства потребительских товаров, так, в частности, и в сельском хозяйстве. Тем не менее из этих фактов делался неправильный вывод, а именно что крах советской экономики был вызван системой цен, устанавливаемых в административном порядке.

Применение рыночной системы в экономике СССР могло бы дать положительный результат в том смысле, что она стала бы более эффективной и быстрее сигнализировала бы о возникающих проблемах. Но рыночная система не смогла бы предотвратить их возникновение, потому что проблемы порождались не отсутствием в СССР рыночной системы, а иными факторами. Советская экономика оказалась жертвой «холодной войны», которая постоянно требовала перемещения большей части национальных ресурсов в военный сектор. В результате этого инфраструктура, развитие предприятий, новые технологии и оборудование игнорировались в СССР, что вызвало серьезные проблемы в производстве и распределении, особенно в сельском хозяйстве и других отраслях, производящих потребительские товары.

Попытки советских плановиков удерживать цены на продовольствие, жилье и потребительские товары на искусственно низком уровне привели к росту дотаций и к значительному дефициту этих товаров. Это, в свою очередь, вызвало рост наличной денежной массы у населения, что, с учетом «стабильных цен», породило длинные очереди за основными потребительскими товарами. Если бы в то время в СССР существовала рыночная система регулирования цен, то они стали бы подниматься, а очереди стали бы короче. Но основная причина дефицита товаров осталась бы той же — бес-

полезное расходование ресурсов, вызванное гонкой вооружений с США.

В США рынок также не предотвратил возникновение проблем, созданных гонкой вооружений, а только отчетливо выявил их. Удерживая ставку банковского процента на высоком уровне и тем самым привлекая в страну иностранный капитал, США нашли возможность финансировать свое участие в гонке вооружений, не прибегая к сокращению потребительского спроса. Однако трудности оставались, поскольку денежные средства, которые могли быть использованы в целях развития основных производственных мощностей и инфраструктуры, шли на военные нужды.

Гонка вооружений нанесла ущерб как экономике США, так и экономике бывшего СССР. Но отсутствие рыночной системы и тот факт, что бывший Советский Союз был изолирован от мировой экономики, сделали его проблемы гораздо более серьезными и трудноразрешимыми.

Введение рыночной экономики само по себе не вызовет полной трансформации экономики бывшего Советского Союза. Для этого потребуются конверсия милитаризованной экономики в гражданскую, связанную с мировой экономикой, с ее технологическими и финансовыми ресурсами.

Уроки, которые необходимо извлечь из эволюции капитализма

Россия и остальные республики бывшего СССР осуществляют переход от единой centrally планируемой экономики к 15 раздельно существующим рыночным системам. Можно считать, что их общей целью является улучшение благосостояния людей. Поэтому если они хотят достичь этой цели, то им всем необходимо ясно понять природу новой системы и ее прошлое. Теории — это вовсе не невинные умственные упражнения, потому что идеи, независимо от степени их реалистичности и обстоятельств, в которых они возникают, движут миром.

Теории, которые игнорируют действительность или объясняют ее неправильно, создают потенциально очень опасные иллюзии. Очень было бы хорошо, если бы народы бывшего Советского Союза не стали повторять ошибки прошлого, не поддались безрассудному соблазну и не приняли явно нереалистическую доктрину — в данном случае доктрину рыночного капитализма в чистом виде, которая, как и все утопические доктрины, сулит якобы спасение.

Во всех странах рыночный капитализм в чистом виде, или свободнорыночный капитализм, был позднее заменен той или иной формой экономики смешанного типа. Прежний капитализм породил серьезные проблемы, в том числе и Великую депрессию, и привел

бы капиталистическую экономику к полному краху, если бы не был радикально трансформирован. Соединенные Штаты отвергли свободнорыночный капитализм во время Великой депрессии 1930-х годов, после того как финансовая система этой страны перенесла крах семь раз в течение немногим более 140 лет, из которых более половины были годами экономического спада.

Те, кто не учится на ошибках прошлого, обречены на то, чтобы повторить их. В XIX веке — во время наибольшего расцвета свободнорыночного капитализма в чистом виде в Великобритании и США — положение большинства населения было крайне тяжелым. Уделом многих были отсутствие работы большую часть времени и, как следствие, бедность. Условия труда были не только плохими, но и небезопасными для жизни. Рыночный капитализм в чистом виде не имел никаких норм морали. Незначительное меньшинство, которое процветало при такой системе, презирало тех, кто не мог выжить без посторонней помощи, потому что это меньшинство, извлекавшее для себя выгоды из системы, перестало замечать ее недостатки.

Помня о тех в высшей степени нереалистичных предпосылках (подробно они рассмотрены в гл. 2, 3), на которых основан свободнорыночный капитализм в чистом виде, не следует забывать и о том, что эта система обещала новую утопию, что и сделало ее популярной среди тех, кто видел в ней возможность разбогатеть.

Утопия строилась прежде всего на том, что данная система будет защищать права отдельной личности и удовлетворять ее потребности и нужды. Утверждалось, что при рыночном капитализме в чистом виде ни один человек и ни одна группа людей не могут иметь власть, то есть обладать способностью, произвольно устанавливая цены или определять объем выпуска продукции. Отдельная личность или фирма имеет только один голос. Следовательно, считалось, что частный сектор не имеет власти.

История показала, насколько абсурдна эта предпосылка. Довольно быстро монополисты и олигополисты полностью завладели рынками, и их власть стала такой огромной, что политика правительств стала отражением их стремлений.

Другая предпосылка сводилась к утверждению, что с помощью ценового механизма будут автоматически производиться и распределяться именно те товары и услуги, которые в наибольшей мере отвечают потребностям людей, поскольку этот механизм учитывает их интересы. Но это утверждение было бы справедливо в том случае, если бы ценовой механизм не был подвержен диктату монополистов или олигополистов или какому-либо иному воздействию.

Считалось, что проблемы других областей, например здравоохранения и образования, также будут автоматически решаться рынком, а такие проблемы, как трущобы, бездомные, бедность, забота о стариках и другие, фактически игнорировались.

С чисто «ценовой» позиции рассматривалась и проблема без-

работицы, вызываемая якобы только тем, что заработная плата работников слишком высока. Таким образом, считалось, что занятость автоматически восстановится до нормального уровня, когда заработная плата упадет.

Нелепость этой предпосылки была продемонстрирована кейнсианской революцией, происшедшей во время Великой депрессии. Кейнс обратил внимание на тот факт, что во время спада в экономике безработица растет, а заработная плата падает. Он показал, что уровень занятости зависит не от уровня заработной платы, а от совокупного спроса.

Он ввел понятие финансовой политики, которая была принята всеми промышленно развитыми странами, как бы ни отвергали ее консервативные экономисты, испытывавшие ностальгию по рыночному капитализму в чистом виде. Кредитно-финансовая политика и другие виды социальной политики, которые сейчас пользуются всеобщим признанием, и положили конец свободнорыночному капитализму в чистом виде.

Мы никогда не узнаем, как эволюционировал бы советский коммунизм, если бы не случились вторая мировая война, а затем и «холодная война». Несомненно, однако, что перспективы улучшения жизни общества зависели бы от способности и готовности российского народа и его правительства сократить разрыв между действительностью и теорией.

Прошлое изменить нельзя, но несбыточные надежды на реформы методами «шоковой терапии» не должны вести к массовой нищете: следует вовремя принять необходимые меры.

Следующие слова Кеннета Гэлбрейта, цитируемые по «Нью-Йорк ревью» от 25 октября 1990 г., в наибольшей степени подходят к нынешнему периоду реформ в России: «По моему мнению, некоторые, если не большая часть тех рекомендаций, которые сейчас предлагаются восточноевропейским странам, исходят из такого взгляда на так называемую капиталистическую экономику, или экономику свободного предпринимательства, который не имеет никакого отношения к ее действительному состоянию. Эта экономика не выжила бы вообще, если бы была такой, какой ее рисуют. Им предлагают некую идеологическую конструкцию, которая существует только в умах и прежде всего в надеждах ее дарителей. Она не имеет никакого отношения к действительности. Она — это то, что я когда-то назвал „примитивной идеологией“».

Рынок становится благом только тогда, когда он сочетается с социально ориентированными планами и программами, которые не позволяют повторять прошлые трагедии, созданные эксцессами свободного рынка. Те, кто ожидает от рынка слишком многого, и те, кто ожидает от него слишком малого, готовят людям ненужные страдания. Только равновесие между двумя этими крайностями может сделать рынок полезным и необходимым союзником для улучшения благосостояния и жизни людей.

Исходные условия для эффективной рыночной экономики

Экономические системы развиваются; они не создаются в один миг. Такое развитие основано на ряде условий и не является механическим.

Маркс понимал это очень хорошо, и Ленин признал это по истечении четырех лет экономического хаоса, последовавшего за октябрьской революцией. В США Веблен и другие институциональные экономисты знали об эволюционной природе экономических систем. Но бóльшая часть традиционных американских экономистов не сумела осознать важность исходных условий для процесса эволюции.

Точно так же как исходные условия для коммунизма и социализма отсутствовали после октябрьской революции, исходные условия для успешного функционирования рыночной экономики не существуют сейчас в бывшем Советском Союзе. Без этих условий рыночная экономика ведет к инфляции, безработице, спекуляции и в конце концов к политическому хаосу.

Переход к рыночной экономике должен совершаться с учетом специфики конкретной страны. Рыночную экономику нельзя примитивно экспортировать из одной страны в другую, ибо каждая страна обладает своей спецификой. В бывшем Советском Союзе переход к эффективной и справедливой рыночной экономике связан рядом условий:

1. Политическая стабильность — это равноправные и построенные с учетом реалий отношения между бывшими республиками, необходимые для того, чтобы развивались торговля и капиталовложения.

2. Конверсия, то есть переход от милитаризованной к гражданской экономике. Без такой конверсии не будет достаточно ресурсов, чтобы перестроить инфраструктуру и основные производственные мощности, что необходимо для успешно функционирующей рыночной экономики. Вдобавок рынок не является механизмом, пригодным для милитаризованной экономики. В США, например, военные отрасли действуют по принципу максимизации стоимости вместо ее минимизации; последнее же является необходимым условием для эффективности рынка.

3. Переход к частной собственности. Это — необходимое условие в некоторых секторах рыночной экономики. Частную собственность, несмотря на то что она составляет важный фактор в системе стимулов и мотивации, необходимо регулировать, чтобы не допустить злоупотреблений и спекуляции. Это особенно необходимо в периоды дефицита наиболее важных товаров.

4. Конвертируемая валюта. Это — исходное условие для развития внешней торговли, иностранных инвестиций, без которых рыночная экономика не может быть эффективной в нашем высокотехнологичном мире.

5. Создание здоровой финансовой системы. Такая система должна быть совместимой с рыночной экономикой, чтобы стимулировать внутренние сбережения, а также внутренние и иностранные капиталовложения. Это должно совмещать создание рынка капиталов с должным регулированием, необходимым для того, чтобы не допустить коррупцию. В некоторых странах эти мероприятия были достаточно успешными, и их опыт и методы необходимо изучать с целью возможного использования.

6. Поощрение предпринимательской деятельности. Рынок и предприниматель рассматривались вождями октябрьской революции как орудия капитализма. Этот взгляд претерпел изменения в 1921 году с введением нэпа. Предприниматель — это неотъемлемая составная часть рыночной экономики, потому что расширение свободы рынка требует рискованных и новаторских шагов, которые характерны для предпринимателя.

7. Социальные программы для улучшения благосостояния людей. Октябрьская революция, возможно, сделала больше для народов стран Западной Европы и США, чем для народов бывшего Советского Союза. Угроза революции сделала капитализм более восприимчивым и заставила его принять программы, которые составляли суть социализма.

Все эти исходные условия рассматриваются более подробно в последующих разделах этой главы, где они объясняются в свете той экономической модели, которая, вероятнее всего, окажется наиболее отвечающей требованиям периода реформ в России и в других республиках бывшего Советского Союза.

Необходимость нового периода реформ в России

Можно ли винить старую систему за неудачи рыночной реформы или сама природа этой реформы служит причиной хаоса, характерного для посткоммунистической эры? Ответ на этот вопрос имеет жизненно важное значение для народов бывшего Советского Союза, поскольку их будущее зависит от того, способны ли они устранить разрыв между новой «примитивной идеологией» и действительностью.

Что в действительности происходит с реформами? Производство и потребление резко сократились, и темпы инфляции вышли из-под контроля. Фактический курс рубля столь низок, что это обстоятельство оказывается чуть ли не формальным разрешением кражи, когда рублями рассчитываются за товары, купленные на валюту. Основных потребительских товаров не хватает, а инфраструктура, которая создавала их, рухнула под напором начавшихся реформ.

Старую систему, несомненно, надо было реформировать, и такие концепции, как «демократия» и «рынок», должны прочно занять

свое место в будущем России и других республик. Но каковы те исторические факты, которые необходимо знать для того, чтобы реформы действительно стали средством улучшения качества жизни?

В течение 25 лет после окончания второй мировой войны экономика Советского Союза развивалась высокими темпами, что обеспечивало возрастание заработной платы и растущий уровень потребления. За это время Советский Союз внес значительный вклад в создание и совершенствование ядерной и космической технологии. Начиная с 1970-х годов темпы роста снизились, и экономика стала топтаться на месте. Наиболее вероятно, что причинами этого были два фактора: кумулятивный эффект растущих военных расходов, вызванных «холодной войной», и нетворческое, жестко бюрократизированное государственное руководство Брежнева, развязавшее коррупцию и отвергающее материальные стимулы. Тем не менее в эти годы экономический рост все-таки сохранялся. Однако в последовавший за этим период — период реформ, начавшийся с середины 1980-х годов, — экономика перешла от медленно-го роста к ускоряющемуся спаду.

Почему эти факты важны? Их, конечно, нельзя толковать как защиту старой системы. Но западные наблюдатели и сторонники «шоковой терапии» утверждают, что катастрофическое положение экономики в эпоху реформ является лишь продолжением условий, унаследованных от старой системы. Между тем факты показывают, что нынешние хаотические условия не были унаследованы от старой системы, а являются результатом плохо продуманной и неумело проводимой в жизнь политики реформ. Все, что необходимо, дабы довершить разгром российской экономики, — это слепое следование курсу «шоковой терапии».

Стремление России перейти от милитаризованной командной экономики к демократической мирной рыночной экономике ориентировано на желаемую цель — улучшение качества жизни народов России. Но само название «рыночная экономика» еще не гарантирует такого улучшения, если не сделать важного добавления: «социально ответственная» рыночная экономика. Иначе говоря, с учетом условий России такой переход превратится в санкционированное воровство, то есть новые сторонники рыночной экономики и их иностранные партнеры, вкладывающие капиталы, будут обогащаться за счет большинства населения, которое окажется в состоянии отчаянной бедности.

В свете этого трудно объяснить, почему западные политические деятели и советники рекомендовали России проводить политику немедленных реформ до того, как России можно было надеяться на какое-то сотрудничество с Западом. Во всяком случае, факт остается фактом: распад Советского Союза привел к тому, что рынки, громадные ресурсы и высокотехнологичные отрасли экономики России

стали «золотым дном» для российских спекулянтов и западных дельцов, жаждущих обогатиться.

С освобождением цен интересы развития экономики были подчинены алчности спекулянтов, которые захватили контроль над источниками снабжения и поставили на колени промышленные предприятия, что привело к монопольному установлению цен и к искусственным дефицитам. Дерегулирование и введение свободных цен не привели ни к появлению в России подлинного предпринимательства, ни к увеличению предложения, ни к росту эффективности производства. Напротив, все это было принесено в жертву интересам тех, кто извлекает прибыли и ничего не производит.

Как будто этого было недостаточно, МВФ сейчас добавляет свое собственное давление, добиваясь немедленных реформ, и угрожает заморозить крайне необходимые кредиты, если Россия и другие республики не будут плясать под его дудку.

Когда в 1944 году в Бреттон-Вудсе были созданы МВФ и Всемирный банк, их целью было содействие решению краткосрочных и долгосрочных экономических проблем стран, пострадавших от войны или столкнувшихся с трудностями экономического развития. Были образованы две международные организации, целью которых стало улучшение благосостояния и жизни людей.

Правила деятельности этих двух организаций были различными. МВФ, который имел дело только с проблемами платежного баланса стран, экономика которых во многих отношениях функционировала нормально, требовал, чтобы каждая страна — получатель кредитов позволяла своему рынку функционировать в соответствии с четко определенными правилами. Всемирный банк, который имел дело со странами, пострадавшими от серьезных структурных трудностей, очевидно, не мог предъявлять и не предъявлял подобных требований. Он допускал определенный контроль над ценами, обменными курсами, экспортом, импортом и т. д., но до тех пор, пока не разрешались структурные проблемы и пока не восстанавливалось нормальное экономическое развитие. Если бы правила МВФ были применены к кредитам, предоставляемым Всемирным банком, то вместо упорядоченного экономического развития возник бы хаос.

Россия и другие республики бывшего Советского Союза, несмотря на то что им сейчас крайне необходимы кредиты, предлагаемые Западом через МВФ, должны тщательно обдумать условия, на которых такие кредиты предлагаются. Фактически судьба 24 млрд. долл., которые семь наиболее развитых капиталистических стран пообещали России, пока не определена, и Запад может даже отказать в этом кредите.

Например, если Западу будет открыт доступ к громадным ресурсам России по ценам, отражающим рыночный обменный курс,

то фактически стоимость займов станет гигантской и во много раз превысит официально заявленные ставки процента.

Обменный курс любых двух валют определяется относительным международным спросом на каждую из них. Это ставит рубль в крайне невыгодное положение. Интересно рассмотреть, как решает эту проблему свободный рынок.

Нерегулируемые цены, ставки процента и обменные курсы на свободном рынке вызовут, при нынешних условиях в России, безудержную инфляцию. В конце концов это приведет к тому, что рубль стабилизируется при обменном курсе, отражающем инфляцию, — возможно, даже при курсе 1000 рублей и более к одному доллару. Такой курс будет отражать действительный рыночный обменный курс. При таком обменном курсе грабеж ресурсов России станет уже вполне респектабельным занятием, полностью согласующимся с ортодоксальной экономической теорией.

Нестабильность в России и других местах является следствием инстинктов простых людей, которые подсказывают им, что вокруг что-то не так. Поскольку весь мир пострадает в случае катастрофы в любом из его основных регионов, равно как и весь мир выиграет от успешного развития всех его регионов (разница между первым и вторым — это разница между миром и войной), Россия и другие республики должны внимательно переосмыслить свою политику, что позволит им стать движущей силой улучшения благосостояния и жизни людей планеты.

Какую экономическую модель должна выбрать Россия?

Важнейшая проблема при переходе к рыночной экономике — это роль государства. При советской системе государство контролировало экономику. Вполне понятно, почему радикальные реформаторы в России обращались за советом к экспертам, которые известны как сторонники рыночного капитализма в чистом виде, когда государство не играет либо никакой роли, либо — самую минимальную. Это, повторим, вполне понятно, но очень опасно. Рыночная экономика, в которой государство не играет никакой роли, не может быть эффективной и ответственной экономикой, особенно в тех условиях, которые существуют в России.

Роль государства должна быть тщательно продумана, причем, разумеется, идеологические и доктринерские формулы должны быть отвергнуты. Термин «государство» должен означать систему отношений, которая защищает народ от эксплуатации и от других форм злоупотреблений. Этот термин должен также включать в данном случае положения, которые сделают возможным упорядоченный переход к эффективной рыночной экономике. Во всех развитых странах с рыночной экономикой на государство возложена ответственность за то, чтобы экономика учитывала основные цело-

веческие потребности. В разных странах это реализуется в разной степени, но несомненно, что государство выполняет в экономике именно эту функцию. В новой глобальной экономике государство играет и другую роль — вырабатывает экономическую политику и планирует ее так, чтобы достичь желаемого и стабильного экономического роста.

В России проведение реформы было доверено советникам, которые недооценили важность тщательной подготовки перехода в стране, нуждающейся в новом импульсе для развития.

Для того чтобы прекратить экономический хаос и страдания населения, на место слепых экономических формул, которые произвели разрушительное действие, следует поставить тщательное планирование. На повестке дня стоят следующие актуальные вопросы: приватизация, капиталовложения в инфраструктуру и в основные производственные мощности, фискальная и кредитно-финансовая политика, удовлетворение основных потребностей страны, гарантии для малообеспеченных слоев населения, конвертируемый рубль и создание ответственного рынка, который может решать такие проблемы, как здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение — всем этим необходимо заняться немедленно.

Несомненно, настало время, когда Россия должна отказаться от «шоковой терапии». Разум и умеренность должны прийти на смену идеологии. Теперь уже все должны понять, что «шоковая терапия» не только создала новые проблемы для и без того плохо работающей, топчущейся на месте экономики, но и резко обострила те проблемы, которые уже существовали ранее.

Мы подчеркиваем, что человечество давно отказалось от рыночного капитализма в чистом виде, потому что эта система оказалась не в состоянии улучшить благосостояние людей и, напротив, породила нищету и страдания для большинства населения.

Между тем все промышленно развитые страны и новые развивающиеся страны избрали экономическую модель смешанного типа. Их решения основаны на прагматизме и деидеологизации, что позволяет им сочетать рынок с нерыночными методами и строить эффективную экономику, способную удовлетворять экономические потребности населения и улучшать благосостояние и жизнь людей.

Роль государства при этом очень велика. На него возлагаются разработка и реализация социальных программ, проведение политики полной занятости и эффективной промышленной политики, которой требует глобальная экономика, и т. п.

Что же касается бывшего Советского Союза, то большая часть его основных производственных мощностей оказалась сильно устаревшей, и вполне логично утверждать, что, столкнувшись сейчас с проблемами, типичными для развивающихся стран, он имеет с последними гораздо больше общего, чем с развитыми странами. Экономическая модель, которой следуют новые развивающиеся

страны, должна, несомненно, представлять особый интерес для бывшего Советского Союза в качестве общего руководства, но не в качестве определенного плана, с тем чтобы учесть неизбежную специфику разных стран.

Здесь помимо выработки и проведения в жизнь плана экономического развития ставятся другие цели, которые требуют участия и руководства со стороны государства: земельная реформа и приватизация; политика в области экспорта и импорта; управленческие обменными курсами; политика в области сбережений и капиталовложений; политика в отношении иностранных инвестиций и иностранной помощи.

Корея, которая продемонстрировала феноменальные темпы экономического роста начиная с середины 1960-х годов, обязана этим в значительной мере неизменному и твердому курсу на экономическое развитие, которого придерживался президент Пак Чонг Хи. Пак, который занимал этот пост с 1961 по 1979 год, был прагматиком и строил корейскую экономику по японскому образцу, несмотря на резкое отрицание довоенной империалистической политики Японии. Его предшественник, Ли Сын Ман, правивший Кореей с 1948 по 1960 год, отличался ультраконсервативными взглядами и пытался реализовать модель рыночного капитализма в чистом виде, что привело к медленным темпам роста и разгулу коррупции.

Пак, который был генерал-майором, пользовался активной поддержкой США, несмотря на авторитарное руководство своей страной. Его курс на экономическое развитие более чем компенсировал в глазах США его прохладное отношение к демократии.

Аналогичные отношения существовали между США и Тайванем во времена Чан Кайши. Хотя экономическая помощь США Корее и Тайваню сократилась до минимума после 1972 года, с 1945 по 1980 год Корея получила 4,5 млрд. долл., а Тайвань — около 1,5 млрд. долл. Это составляет примерно 25—30 млрд. долл. для Кореи и от 8 до 10 млрд. долл. — для Тайваня в ценах 1992 года. За это время население Кореи увеличилось с 30 до 40 млн. человек, а население Тайваня — с 12 до 20 млн. Сравните это со 150 млн. населения России! Помощь США Корее и Тайваню отчасти объяснялась их желанием показать превосходство капитализма над коммунизмом. Модель, которой следовали эти страны, в действительности была экономикой смешанного типа, а не традиционным капитализмом.

Главная характерная черта данной модели — важная роль, которая отводится государству в экономической сфере, включая планирование и реализацию планов.

Три пятилетних плана в период президентства Пак Чонг Хи оказались чрезвычайно успешными — настолько успешными, что фактический рост ВВП превысил плановые показатели. Решающую роль сыграли внешние сбережения, составившие от 10 до 15 процен-

тов ВВП. Внутренние сбережения возросли от примерно 7 процентов в период первого пятилетнего плана до 17 процентов в период третьего. Вместе с иностранной помощью все это позволило довести долю капиталовложений в ВВП с 17 до 31 процентов в период между 1962 и 1971 годами.

Планы целенаправленного и прагматического курса на экономический рост, осуществленные правительством Кореи, создали условия для проведения программы приватизации и земельной реформы. Идеологизированные методы «шоковой терапии» закончились в России неудачей потому, что «шоковая терапия» не может осуществляться без такого целенаправленного курса и планомерного проведения политики в жизнь, осуществляемого государством, особенно если исходные условия для создания рыночной экономики еще не созрели.

Около 90 процентов всей промышленной собственности в Корее и на Тайване в колониальный период принадлежало японцам. После второй мировой войны эта собственность была передана вновь образованным правительствам. Большая часть земли находилась в частной собственности феодального типа, принадлежала помещикам и обрабатывалась мелкими арендаторами.

Хотя аграрная реформа в Корее была специально спланирована с учетом местных особенностей, некоторые ее аспекты могут быть полезны для выработки планов аграрной реформы в других странах, например в таких, как Россия.

В Корее использовался следующий метод: государство купило землю у помещиков, дав им взамен долю акций в предприятиях, которые были построены японцами. Помещикам разрешалось оставлять себе около восьми акров земли. Государство затем продавало приобретенную землю бывшим арендаторам по фиксированной цене, равной стоимости полутора годовых урожаев. Новые собственники могли выплачивать эту сумму в течение пяти лет.

В дополнение к распределению земли среди тех, кто ее обрабатывает, что было сделано с целью увеличения производства сельскохозяйственной продукции, земельная реформа имела и другую цель. Она перекачивала капитал из сельского хозяйства в промышленность, поощряя дальнейшее развитие промышленности, и перераспределяла власть от помещиков к владельцам промышленных предприятий, тем самым стимулируя развитие индустриальной рыночной экономики.

Хотя обрабатываемые площади бывшего Советского Союза достигают полутора миллионов квадратных миль, политика перекачивания капитала и политической власти в промышленный сектор вполне может быть желаемой целью при переходе к рыночной экономике.

После войны внешняя торговля Кореи и Тайваня резко сократилась. До войны эти страны в основном экспортировали сельскохозяйственную продукцию и сырье в Японию и ввозили промышлен-

ленные товары также в основном из Японии. В результате после войны Корея и Тайвань вывозили очень мало, и их совокупный спрос на импортируемые товары должен был финансироваться за счет иностранной помощи.

Для того чтобы стимулировать свое экономическое развитие во времена Ли Сын Мана, Корея прибегла к политике сокращения импорта. Но темпы собственного экономического роста были низкими, поскольку Ли Сын Ман с его ультраконсервативными взглядами считал пятилетний план социалистической выдумкой. В период его правления в торговой политике Кореи процветали квоты на импорт, тарифы, лицензии на импорт — и все с благословения Соединенных Штатов, которые финансировали принятую Кореей и Тайванем политику замены импорта, предоставляя им иностранную помощь, направленную на стимулирование роста их собственной промышленности.

Эта политика традиционно применялась странами «третьего мира», но она оказалась непригодной для достижения того экономического роста, который имел место в Японии и других странах. На смену этой устаревшей политике пришел экономический план, в котором главная ставка делалась на экономическое развитие с участием государства, бизнесменов и профсоюзов, осуществляемое под руководством сильного президента-прагматика, полностью разделяющего цели этого плана.

Политика регулирования обменных курсов также претерпела существенные изменения. В Корее курс воны был сильно завышен с целью оказания поддержки политике сокращения импорта. Исключением были расчеты с США, с которыми существовали специальные соглашения, предусматривающие, что иностранная помощь будет расходоваться в основном на оплату импорта из США.

После 1965 года достигнутые успехи в проведении политики развития позволили как Корее, так и Тайваню отказаться от системы множественных валютных курсов, которая была необходима на первых этапах экономического развития, и заменить ее единым валютным курсом.

После 1960 года основной упор был сделан не на замену импорта, а на быстрое развитие отраслей, производящих промышленные товары на экспорт. Во многих отношениях Корея и Тайвань в середине 1960-х годов начали превращаться из стран «третьего мира» в современные новые развивающиеся страны.

Экономисты, пропагандирующие рынок в чистом виде, доказывают, что именно снятие торговых ограничений в 1960 году стало причиной быстрого экономического роста в Корее и на Тайване; однако тезис о такой причинно-следственной связи подкрепляется ими только идеологическими соображениями, а не фактическими данными. Страны «третьего мира», которые снимали торговые ограничения, часто в результате оказывались еще беднее, чем были

до этого. Экономический рост этих стран в действительности начался тогда, когда они приняли планы развития, нацеленные на создание отраслей, вызвавших революционные перемены в их экономике, и совершили переход от экспорта сельскохозяйственной продукции и сырья к экспорту готовой продукции, часто создаваемой на основе достижений высокой технологии.

В этом отношении упор на образование и профессиональную подготовку высочайшего уровня стал составной частью планов и реальной политики по их реализации. Весь Азиатско-Тихоокеанский регион пользуется тем, что в этих странах признана важность развития человеческой личности для обеспечения экономического роста.

Хотя цели приватизации были практически полностью достигнуты к тому времени, когда Пак Чонг Хи стал президентом, государство в Корее, на Тайване, как и в Японии, продолжало играть ведущую роль в создании экспортных отраслей. Экспортные отрасли освобождались от тарифов на необходимые им промежуточные и капитальные товары. Они получали самые разнообразные налоговые льготы, им также предоставлялись значительные сокращения налогов на доходы, полученные от экспорта. Они пользовались преимуществом при получении денежных кредитов, необходимых для финансирования экспорта, а также многими другими преимуществами, не имевшими финансового характера.

Импорт был разделен на три категории: 1. Автоматически одобряемые статьи импорта. 2. Статьи, на которые накладывались ограничения. 3. Запрещенные к ввозу статьи.

В конце концов, когда успехи экономического развития превзошли все ожидания, торговые ограничения были в значительной мере отменены. Как в Корее, так и на Тайване ограничения на импорт фигурировали в планах развития промышленности и экспорт поощрялся. Для этого использовалась система увязок импорта и экспорта, которая освобождала импортируемые товары, необходимые для наращивания экспортных отраслей, от обложения при ввозе их в страну.

Как отмечалось выше, большая доля сбережений и капиталовложений сыграла, начиная со времени Пака, основную роль в феноменальных темпах роста ВВП. Несомненно, очень масштабные программы военной и гражданской помощи Корее со стороны США также содействовали этому. Но и режим Пака прилагал все усилия, чтобы мобилизовать внутренние сбережения, особенно после того, как американская помощь резко сократилась в начале 1970-х годов и доля внешних сбережений в ВВП упала. Прямые иностранные инвестиции никогда не играли значительной роли в общем объеме капиталовложений, и фактически их приток начался только тогда, когда Корея и Тайвань уже успешно шли по пути построения современной экономики.

Подводя итоги

Рекомендации, которые даются республикам бывшего Советского Союза, и особенно России, американскими экономистами традиционного толка и российскими экономистами — сторонниками рынка в чистом виде, во многом способствовали тому, что реформы в этой стране были пущены под откос. Это вызывает сожаление, поскольку о недостатках экономики, использующей рынок в чистом виде, уже известно очень много и она была давно забыта на Западе, уступив место экономике смешанного типа.

Модель смешанной экономики, которая была принята новыми развивающимися странами, особенно Южной Кореей, должна служить общим руководством, но не конкретным планом для проведения реформ в России. Экономическая модель, предусматривающая «шоковую терапию» и рынок в чистом виде, уже вызвавшая страдания, которых можно было избежать, должна быть признана негодной; она должна уступить место более реалистическому подходу к экономическому развитию и перестройке экономики.

Территория России гораздо больше, чем территория всех вышеперечисленных стран региона. Россия также имеет свою специфику. Она не может получать иностранную помощь в таких же масштабах, в каких ее получали Корея и Тайвань. Мир переживает серьезный экономический спад, и иностранных капиталовложений, предназначенных для России, будет немного.

С другой стороны, Россия имеет и преимущество перед странами региона, добившимися быстрого экономического роста. Она имеет собственные громадные энергетические и сырьевые ресурсы. Образовательный уровень населения России позволил ей внести важнейший вклад в развитие космической и ядерной технологии.

Хотя в период реформ и должен совершиться переход от авторитарной командной экономики прошлого, твердый и неизменный курс правительства на экономический рост, рассчитанный в соответствии с пятилетними планами, необходим, если Россия хочет, чтобы переход к рыночной экономике был успешным, чтобы он не сопровождался безудержной инфляцией, спекуляцией, рэкетом, как происходило в тех случаях, когда «шоковая терапия» применялась исходя из иллюзий, что она приведет к построению рыночного капитализма в чистом виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 2

¹ Keynes, John Maynard. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Harcourt, Brace, New York, 1947, p. 383.

² Galbraith, John Kenneth. *The Age of Uncertainty*. Houghton Mifflin, Boston, 1977, p. 11.

³ *Ibid.*, p. 11.

⁴ Smith, Adam. *The Wealth of Nations*. The Modern Library, New York, 1937, p. 625.

⁵ Ricardo, David. *The Principles of Political Economy and Taxation*. E. P. Dutton, New York, and J. M. Dant & Sons, London, 1943. Chapters 5, 6.

⁶ Mitchell, Wesley C. *Types of Economic Theory*, edited by Joseph Dorfman, 2 vols. Augustus M. Kelley, New York, 1967. Vol. 1., chapters 3, 4.

⁷ *Ibid.*, vol. 1, p. 423. Original source: *The Edinburgh Review*.

⁸ Durant, Will and Ariel. *The Story of Civilization, Part X, «Rousseau and Revolution»* Simon and Schuster, New York, 1967, p. 937.

⁹ Милтон Фридмэн — один из ведущих специалистов чикагской школы экономики, рассматривающей деятельность правительства в качестве препятствия для функционирования свободного рынка.

ГЛАВА 3

Роберт Оуэн (1771—1858 гг.) — один из наиболее известных британских социальных реформаторов XIX века. См. Owen, Robert. *A New View of Society*. Longmans, London, 1817, pp. 19, 66.

² Mitchell, Wesley C. *Types of Economic Theory*. Vol. 1, p. 423. Original source: *The Edinburgh Review*.

³ Friedman, Milton. *Capitalism and Freedom*. University of Chicago Press, Chicago, 1962, p. 9.

⁴ Marx, Karl and Engels, Friedrich. *The Communist Manifesto*. Russell and Russell, New York, 1963, p. 29.

ГЛАВА 4

«Краткий промежуток» — специальное понятие в традиционной экономике, которое означает относительно короткий период времени, в течение которого имеют

место корректировки рынка. В этот период завышенные прибыли становятся нормальным явлением.

² Kindleberger, Charles. *American Business Abroad*. Yale University Press, New Haven, Conn., 1969, p. 179.

³ «Олигополистическая» отрасль состоит из нескольких крупнейших фирм, которые, как правило, не вовлечены в деструктивную конкуренцию цен. Примером могут служить сталелитейная, медная и никелевая промышленность.

⁴ Более полное рассмотрение данного вопроса см. Galbraith, John K. *The New Industrial State*. Houghton Mifflin, Boston, 1967.

⁵ Макс Вебер (1868—1920 гг.) — немецкий специалист в области социологии и политэкономии. См. его *Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Scribners, New York, 1958.

⁶ Friedman. *Capitalism and Freedom*, p. 9.

Galbraith. *The New Industrial State*, p. 87.

⁸ *Ibid.*, p. 88.

⁹ Цеховой профсоюз — организация рабочих определенной профессии (например, профессиональные плотники) в отличие от производственных профсоюзов, которые объединяют всех рабочих той или иной отрасли, как, например, Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности.

¹⁰ См. сноску 9.

ГЛАВА 5

¹ Специальную ссылку см. главу 3, сноску 3.

² См. заключительную часть главы 3.

³ См. первую часть главы 3.

⁴ См. первую часть главы 4.

⁵ Объяснение причин, почему наращивание военного потенциала США не привело в настоящее время к инфляции, дается в первой части главы 5.

⁶ Зарботная плата, дающая средства к существованию, по определению Рикардо, — это зарплата достаточно высокая, позволяющая рабочему обеспечивать себя и находящихся на его иждивении членов семьи без поддержки со стороны общества.

⁷ Такие общества обеспечивают «страховочную сетку» тем людям, которые живут на уровне бедности или ниже его.

⁸ См. третью часть главы 6. Понятие «производительность труда» используется в качестве обоснования пределов реальной заработной платы, но его нельзя применять при объяснении частичной безработицы или какой-то специфической заработной платы.

⁹ Эти дефициты перекачивают доходы всех налогоплательщиков, в том числе и тех, у кого они скромные, в пользу владельцев облигаций и ценных бумаг, составляющих национальный долг.

¹⁰ В основном монетаристы являются последователями Милтона Фридмана и других так называемых консервативных экономистов.

ГЛАВА 6

Дэвид Рикардо — первый представитель классической политэкономии, анализировавший такие факторы, как производство, земельная собственность, труд и капитал, в контексте экономического развития. См. главу 2, сноску 5.

² Профессор Джон Кеннет Гэлбрайт дает это описание в своем труде *American Capitalism — The Concept of Countervailing Power*. Houghton Mifflin, Boston, 1952. Я чрезвычайно обязан ему за его проницательный анализ корпораций США.

ГЛАВА 7

См. **Locke, John**. *Treatises on Government*. London, 1888; also his *Essay Concerning Human Understanding*. London, 1887. Locke (1632—1704) was a leading English philosopher of his time.

² **Marshall, Alfred**. *Principles of Economics*, 8th ed. Macmillan, London, 1946, pp. 58—59.

³ *Ibid.*, p. 137.

⁴ *Ibid.*, p. 59.

⁵ Есть определенные сдвиги, но его сторонники еще не заняли господствующего места в экономической науке. См., например, работу Джеймса Тобина и Уильяма Норхауса о чистом экономическом благосостоянии «*Is Growth Obsolete?*», *Fiftieth Anniversary Colloquium*, Columbia University Press, New York, 1972.

⁶ См. третью часть (раздел) главы 6.

⁷ В классической экономике экономическая рента также рассматривалась как часть национального дохода. В современной экономике это понятие в значительной степени забыто или скрылось под другими названиями, рассматриваемыми в целом как прибыль. Экономист-классик подразумевал под этим термином часть дохода, превышающего затраты на продолжение экономического процесса. В сельском хозяйстве, например, экономисты-классики считали, что необходимая часть дохода состоит из заработной платы, нужной для существования и справедливой отдачи на вложенный капитал. Земля, позволявшая получать лишь такой доход, — маргинальная земля. Земля тем лучше, чем выше ее экономическая рента.

ГЛАВА 9

¹ **Smith, Adam**. *The Wealth of Nations*. p. 421, 423.

² **Fromm, Erich**. *The Sane Society*. Rinehart, New York, 1955, p. 37.

³ Более подробно эти изменения рассматриваются в работе Д. К. Гэлбрейта. *Новое индустриальное общество*.

ГЛАВА 10

¹ **Fromm, Erich**. *The Sane Society*. Chapter 3.⁷

² *Ibid.*, pp. 95—101.

³ Маркс допускал это, когда указывал, что капитализм должен предшествовать социализму. В странах, где индустриальное развитие началось при социализме, как, например, в Советском Союзе и Китае, капитал также нарождался в результате эксплуатации рабочего. В обоих случаях можно приводить аргументы в пользу того, что плодами экономического развития пользуется большинство, если не все люди. См. **Marx**. *Communist Manifesto*. See also chapter 3, note 4.

⁴ **Nietzsche, Friedrich**. «*Beyond Good and Evil*», in *The Basic Writings of Nietzsche*. Modern Library, New York, 1968.

⁵ **Sartre, Jean Paul**. *The Wall*, 1939; and *Nausea*, 1938.

⁶ **Simon, Herbert A.** *Organization*. Wiley, New York, 1958.

⁷ **Toffler, Alvin**. *Future Shock and The Third Wave*. Bantam, New York, 1970 and 1980, respectively.

ГЛАВА 11

Термин традиционный, относится к большей части современных неоклассических экономистов, куда входят монетаристы.

² **Keynes**. *The General Theory of Employment, Income and Money*, book IV.

ГЛАВА 12

Если они движутся с различной скоростью, то необходимо применять специальные методы, позволяющие свести их всех к состоянию равновесия в одно и то же время. Математически это возможно, но практически маловероятно в реальном мире.

² Если экономика не стоит на месте, то необходимо принять во внимание все ее изменения и эволюцию всех экономических переменных величин (показателей), которые ведут к равновесию. Это может быть сделано математическим путем, но не эмпирическим, особенно в тех случаях, когда, например, технологические изменения происходят часто и имеют масштабный характер.

³ Как указывалось выше, оно (равновесие) возможно с математической точки зрения путем последовательных корректировок с введением внефазовых переменных величин. Реально оно невозможно, когда эти факторы повторяются часто и имеют значительные размеры, как это происходит в современном мире.

ГЛАВА 14

Слово «холистический» означает упор на органическую или функциональную связь между целым и составляющими его частями — в данном случае между биологическими, психологическими и социальными аспектами личности и личностью в целом.

² Эти теории оказали влияние на экономическое развитие ряда стран, таких как Южная Корея и Тайвань.

³ Mill, John Stuart. Principles of Political Economy. P. F. Collier and Son, New York, 1900.

⁴ Myrdal, Gunnar. Objectivity in Social Research. Pantheon Books, New York, 1969.

⁵ Слово «пристойный» здесь употребляется в том же смысле, что и в законах, как, например, американское законодательство о жилище 1960 года.

⁶ Различные промежуточные социальные блага должны тщательно отбираться и проводиться в жизнь, чтобы обеспечить их требуемый рост.

⁷ Безработица вызывает увеличение бюджетного дефицита примерно на 40 млрд. долл. на каждый процент прироста безработицы. Как правило, такие большие дефициты вызывают инфляцию.

ГЛАВА 15

Профессор Джеймс Тобин и другие несколько расширили понятие экономического прогресса благодаря использованию нового критерия — «новая форма благосостояния». См. главу 7, сноска 5.

² Ставки процента и обменный курс могут эффективно использоваться, когда проблемы сводятся к соотношению между спросом и предложением и когда можно ожидать, что рынок сам решит эти проблемы, но не тогда, когда они носят структурный характер.

³ Это сердцевина французского экзистенциализма. См. заключительный раздел главы 10.

⁴ См. заключительный раздел главы 14 для размышлений (предложений).

⁵ Marshall, Alfred. Principles of Economics. Macmillan, London, 1946, p. 43 (originally published in 1890).

⁶ Данное понятие в разных формах развивалось психологами и специалистами в области бихейвиористских тенденций, такими как Зигмунд Фрейд, Эрик Фромм, Джон Бродас Уотсон.

⁷ Слово «рабочий» должно включать любого, кто задействован во внутренних операциях фирмы.